СТАЛЬНАЯ ГВАРДИЯ
Главный маршал бронетанковых войск П.А. Ротмистров

ВМ
Военные мемуары
1941 1945

Главный маршал бронетанковых войск
П.А. Ротмистров

СТАЛЬНАЯ ГВАРДИЯ

Военные мемуары

П.А. РОТМИСТРОВ

СТАЛЬНАЯ ГВАРДИЯ

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)62
Р79

Scan By Vitaliius & Kali

В оформлении обложки использовано фотоизображение МИА «Россия сегодня»

Ротмистров, П.А.

Р79 Стальная гвардия / П.А. Ротмистров. — М. : Вече, 2015. — 384 с., ил. — (Военные мемуары).

ISBN 978-5-4444-3047-7

Знак информационной продукции **12+**

В годы Великой Отечественной войны Павел Алексеевич Ротмистров проявил себя как талантливейший командир танковых соединений. За годы войны он прошел путь от полковника до маршала бронетанковых войск. В воспоминаниях он рассказывает о боевом пути своих частей: 8-й танковой бригады и 5-й гвардейской танковой армии, много внимания уделяет ключевым операциям войны — Сталинградской битве, Курской дуге, Корсунь-Шевченковской операции.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-4444-3047-7

© Ротмистров П.А., наследники, 2015
© ООО «Издательство «Вече», 2015

Глава первая
ПО ЗОВУ ПАРТИИ

1918 год в центральной части Европейской России выдался неурожайным. Крестьяне, и без того разоренные четырехлетней империалистической войной, голодали. Не избежала этого бедствия и наша большая семья, проживавшая в маленькой деревеньке Сковорово Селижаровского уезда Тверской губернии (ныне — Калининская область). Уже осенью хлебные запасы у нас были на исходе.

Надо сказать, что даже в благополучные годы крестьянская беднота в нашей местности из-за малоземелья постоянно испытывала нужду в хлебе. Поэтому все мужчины на зиму, как правило, уезжали в города на так называемый отхожий промысел — трудились по найму плотниками, столярами, сапожниками, шорниками, кузнецами, лесорубами, покупая на заработанные деньги в купеческих лавках необходимые продукты питания, прежде всего зерно и муку.

Но в том году частная торговля хлебом запрещалась. Правительство молодой, еще не окрепшей Советской Республики в связи с острым недостатком зерна для населения промышленных городов вынуждено было ввести государственную хлебную монополию.

В ноябре я, в то время семнадцатилетний парень, по совету родителей отправился на заработки в Москву, где постоянно жил мой старший брат Леонид.

— Поезжай, сынок. Может, Леня пристроит тебя к делу. Хоть сам-то прокормишься, — вздыхала, провожая меня, мать.

— Ничего! — ободряюще басил отец. — Видишь, какой он крепкий. К тому же грамотный. Такой не пропадет!

И вот я с котомкой за плечами уже шагал по шумным, припорошенным снегом московским улицам, направляясь по хорошо знакомому адресу брата, у которого бывал еще в бурные дни революционных событий 1917 года. Он встретил меня с распростертыми объятиями, усадил на единственный скрипучий стул и начал расспрашивать о нашей деревенской жизни, а когда узнал, зачем я приехал, как-то сразу помрачнел и грубовато сказал:

— Теперь больше в деревню подаются, а ты, видишь ли, наоборот. Здесь же хлеба по восьмушке выдают, да и то бывает, что не каждый день и не всякому. Люди мрут с голодухи как мухи. Тифозная вошь заедает...

— Не пугай, братуха! — запальчиво прервал я брата, соскакивая со стула. — Устрой только на работу, как-нибудь проживу!

— Постой, не кипятись! — положил мне на плечо свою тяжелую, заскорузлую руку Леонид. — Ты ведь мне не чужой. Вот говоришь о работе, не зная, что в Москве безработных — хоть пруд пруди. Фабрики и заводы останавливаются. Не хватает сырья, топлива, электричества... — Присев на кровать, накрытую одеялом неопределенного цвета, брат умолк, упершись неподвижным взглядом в металлическую печку-«буржуйку», от которой хоботом тянулась к окну ржавая, изрядно помятая железная труба. — Вот и топить нечем, — кивнул он в сторону холодной печки. — Заборы и сараи попалили. Жгут даже мебель, у кого она есть...

Мой оптимизм, во власти которого я пребывал до встречи с братом, улетучился. Леонид не стращал меня, он говорил сущую правду. Положение трудящихся Москвы, да и многих

других городов страны, действительно было чрезвычайно тяжелым.

Сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции международный империализм в сговоре со свергнутыми в России эксплуататорскими классами предпринял попытки задушить первое в мире пролетарское государство. Империалисты, прежде всего Англии, США, Франции и Японии, не могли примириться с существованием Советской Республики, где к власти пришли рабочие и крестьяне, оказывающие революционное влияние на трудящихся капиталистических стран. К тому же они не хотели терять миллиарды рублей, данные взаймы царскому и буржуазному Временному правительствам, лишаться тех огромных прибылей, которые получали от принадлежавших им российских шахт и рудников, фабрик и заводов, не могли отказаться от грабежа природных богатств, перешедших в руки трудового народа.

Потеряв надежду на разгром советской власти германской армией, правящие круги Англии, США, Франции и Японии десантировали свои войска в портах на севере, востоке и юге Советской Республики, захватив Мурманск, Архангельск, Владивосток, а затем Закавказье и часть Туркестана.

В конце мая 1918 года контрреволюционным офицерством и агентами Антанты был спровоцирован мятеж 40-тысячного чехословацкого корпуса, который с разрешения советского правительства следовал по железной дороге через Сибирь и Дальний Восток во Францию, где еще продолжалась война блока империалистических государств (Антанты) с Германией. Мятежники захватили часть Поволжья, Урала и Сибири, при активной поддержке русской контрреволюционной белогвардейщины разгоняли органы советской власти, восстанавливая диктатуру буржуазии.

Одновременно на борьбу против Республики Советов выступил ставленник германского империализма донской

атаман Краснов, двинув свою белоказачью армию на Царицын (Волгоград) в расчете соединиться с мятежными чехословаками и контрреволюционным оренбургским казачеством. На Украине при помощи немцев пришел к власти бывший царский генерал гетман Скоропадский.

Советская Республика была зажата в кольцо контрреволюционных фронтов, лишилась важнейших продовольственных, топливных и сырьевых источников. Голод терзал трудящихся. В Москве, Петрограде и других промышленных городах хлебный паек был урезан до 50 граммов в день. Истощенное население косили холера, дизентерия и другие инфекционные болезни. Из-за недостатка топлива и нефти не работали электростанции, останавливались предприятия. Не хватало самого необходимого для жизни — пищи, одежды, обуви, керосина, мыла, спичек... Кроме того, повсюду зрели эсеро-меньшевистские заговоры, совершались диверсии, саботажи, убийства. 30 августа 1918 года было совершено злодейское покушение на жизнь вождя большевистской партии, создателя Советского государства Владимира Ильича Ленина.

Международной и внутренней контрреволюции казалось, что социалистическая революция в России стоит на краю гибели. Однако большевистская партия, возглавляемая В.И. Лениным, не дрогнула. Она подняла рабочих и крестьян на защиту молодой Советской Республики, создавая в ходе ожесточенных боев регулярную Рабоче-Крестьянскую Красную армию, мобилизуя все свои силы на борьбу с голодом, холодом, нищетой. Уже осенью 1918 года Красная армия нанесла сокрушительное поражение белочехам, вышибла их из Казани, Самары (Куйбышев), Симбирска (Ульяновск), ряда других городов Поволжья и европейской части Приуралья, остановила донских белоказаков на подступах к Царицыну.

О многом в тот ноябрьский вечер рассказал мне брат, хорошо знавший обстановку в стране. Утром, за завтраком,

состоящим из остатков привезенной мною краюхи хлеба и вареной картошки, он вдруг спросил:

— Вот что, Павлик, если не хочешь возвращаться домой, не махнуть ли тебе в Самару?

О возвращении в деревню я действительно и не помышлял. Меня тянуло в гущу событий, происходивших в стране. Не Москва, так Самара — не все ли равно.

— Чехов там прогнали, — продолжал брат. — Слышно, что и с хлебом полегче. На днях двое моих приятелей уехали туда с продотрядом.

На этом и порешили. Купили железнодорожный билет, и часа через два я уже был в пути все с той же, но только пустой котомкой, поскольку достать что-либо съестное до отхода поезда нам не удалось. Леониду ничего не оставалось, как дать мне немного денег, чтобы я смог в дороге добыть что-либо из еды.

Вагон был переполнен разным людом. Ехали солдаты, чиновники, гимназисты в помятой форменной одежде, бородатые мужики, похожие на купцов, каких я встречал в Твери, когда бывал там с отцом и матерью; по проходу сновали цыгане, обвешанные набитыми невесть чем узлами.

Рядом со мной разместились какие-то бродячие артисты. Они рассказывали анекдоты, громко хохотали и аппетитно уплетали бутерброды с маслом и сыром.

Одна из артисток, розовощекая, полногрудая дама, держала на коленях меховую муфту и крошечную пушистую собачку. Она кормила своего питомца, брезгливо отмахиваясь от протянутой худой, давно не мытой ручонки кудрявого цыганенка, упрямо просившего подаяние.

Вначале я с любопытством смотрел на артистку и ее собачку, но вскоре так захотел есть, что, глотая слюну, отвернулся, а потом ушел в другую половину вагона.

Купить что-либо из еды долго не мог. На станциях ничего не продавали, кое-где лишь обменивали съестное на вещи.

Только в Рязани, где поезд стоял довольно долго, мне, можно сказать, повезло. Перед входом в вокзал, на заплеванном и замусоренном перроне, сидел заросший сивой бородой безногий инвалид. Рядом лежала изрядно потрепанная солдатская папаха с кусками хлеба.

— Дяденька, может, поделитесь хлебцем? — остановился я около инвалида.

Тот опасливо потянул к себе папаху, подозрительно оглядывая меня с ног до головы.

— Да не задарма, а по-честному, — протянул я ему всю свою наличность.

— Ну, это другое дело. А то тут разные шляются. Сцапают — и деру, — ворчал старик, откладывая мне несколько зачерствевших хлебных ломтей.

Вернувшись в вагон, я с жадностью набросился на хлеб и не заметил, как ко мне подошел и присел рядом мужчина средних лет.

— Негоже, браток, всухомятку-то, — сказал он и протянул кружку с кипятком, потом поинтересовался, куда и зачем я еду, кто мои родители и как живут крестьяне в нашей местности. В руке у него была газета «Правда». Заметив, что я смотрю на газету, мой попутчик спросил:

— Грамотный?

— Читаю.

— Тогда возьми почитай и другим расскажи, о чем тут пишут.

...Поезд дошел только до Волги. Оказалось, что железнодорожный мост через реку был взорван. Пассажиры высаживались из вагонов и гурьбой бросались к саням ямщиков, перевозивших людей с их поклажей в Самару по льду Волги.

Денег у меня не было, и я растерянно толкался у саней, упрашивая то одного, то другого ямщика подвезти за какую-нибудь услугу.

Вдруг кто-то притронулся к моему плечу. Я оглянулся. Это был тот самый мужчина, который поделился со мной кипятком в вагоне.

— Идем, я заплачу за тебя, — сказал он и направился к молодому, лихому на вид парню, сдерживавшему тройку сытых вороных лошадей.

Ямщик зычно гикнул, и мы покатили по плотно укатанной дороге.

Не знаю, кто был этот добрый человек и почему он взял меня под свою опеку, но при его помощи я в тот же день устроился на бирже труда в артель грузчиков и нашел себе жилье у сухонькой добродушной старушки, два сына которой служили в Красной армии.

Прощаясь, он пообещал навестить меня в ближайшие дни и поговорить о чем-то серьезном. Но, к сожалению, наша встреча так и не состоялась, о чем я очень жалел.

В артели собрались люди разных возрастов и национальностей, в основном русские, татары и башкиры. Работа была нелегкой, но трудились все дружно, на совесть. Перегружали различные товары, большей частью мешки с зерном и мукой, из вагонов на гужевой транспорт или, наоборот, с подвод в вагоны. На загруженных хлебом вагонах можно было прочитать надписи мелом или краской: «Восточный фронт — Москве!», «Самара — Питеру!»

Ко мне, пожалуй самому молодому в артели, все относились уважительно, и не только потому, что не уступал в работе старшим. В часы отдыха ежедневно я читал вслух своим неграмотным товарищам газеты, в которых публиковались решения советского правительства, статьи по различным вопросам внутренней и международной жизни. Надо сказать, что благодаря газетам я постепенно расширял свой политический кругозор и все более убеждался в том, что мое место в рядах тех, кто с оружием в руках встал на защиту власти Советов, давшей землю крестьянам, фабрики и заводы — рабочим.

Из газет нам стало известно о поражении Германии в войне с Англией, Францией и США, что позволило советскому правительству аннулировать грабительский Брестский договор, навязанный германскими империалистами, и оказать помощь трудящимся Украины, Белоруссии и Прибалтики в изгнании австро-немецких оккупантов. Германия, Австро-Венгрия, Болгария сотрясались революционными восстаниями солдат и пролетарских масс.

* * *

К весне 1919 года улучшившееся было после разгрома Красной армией белоказачьих войск Краснова на Дону, освобождения Донбасса и частично Урала положение Советской Республики вновь резко осложнилось. Сокрушив Германию, империалисты Антанты получили возможность не только для расширения своей военной интервенции в России, но и организации объединенного похода против Страны Советов всех контрреволюционных сил. Они увеличили число своих войск на Севере и Дальнем Востоке, высадили десанты в черноморских портах, оказали помощь в формировании и вооружении белогвардейских армий адмирала Колчака в Сибири и генерала Деникина в районе Северного Кавказа, частей генералов Юденича и Миллера в Прибалтике и в районе Мурманска, Архангельска.

Главная роль в объединенном походе отводилась Колчаку, объявленному «верховным правителем» России. При обильной помощи англо-американских и французских империалистов ему удалось за короткий срок создать и вооружить почти 400-тысячную армию, в тылу которой находилось свыше 150 тысяч солдат и офицеров США, Англии, Франции, Японии, Италии и других капиталистических стран.

В марте колчаковские войска перешли в наступление через Уфу на Самару, стремясь прорваться к Волге и соеди-

ниться с белогвардейцами и интервентами, наступавшими с севера и юга для совместного удара на Москву.

Несмотря на героическое сопротивление частей Красной армии, сильно ослабленных минувшими боями с белочехами и белогвардейцами, фронт их был расколот, а колчаковцы при поддержке оренбургского и уральского зажиточного казачества быстро продвигались вперед.

Обстановка осложнялась наступлением деникинцев, захвативших Луганск и часть Донбасса, анархо-кулацкими мятежами на Украине, выдвижением из района Архангельска в юго-восточном направлении вдоль Северной Двины белогвардейских частей генерала Миллера и отрядов англо-американских интервентов. Из Прибалтики угрожал Петрограду генерал Юденич.

Народ поднялся на защиту своих революционных завоеваний. В.И. Ленин выдвинул задачу создания 3-миллионной Красной армии. Партия в те дни призвала красноармейцев, трудящиеся массы прежде всего на разгром Колчака как главной ударной силы внутренней и внешней контрреволюции.

12 апреля 1919 года в газете «Правда» были опубликованы написанные В.И. Лениным «Тезисы ЦК РКП (б) в связи с положением Восточного фронта», в которых излагалась программа борьбы против колчаковского нашествия. «Надо напрячь все силы, — говорилось в этом документе партии, — развернуть революционную энергию, и Колчак будет быстро разбит. Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отвоеваны»[1].

Эшелонами и походным порядком с запада в Поволжье и Прикамье прибывали мобилизованные партией тысячи коммунистов, членов профсоюзов, комсомольцев-добровольцев. В прифронтовых районах мобилизацией были охвачены поголовно все коммунисты. На фабриках и заводах ушедших на фронт мужчин заменяли женщины, старики

и подростки. Все приволжские города готовились к обороне. Строительством оборонительных сооружений на подступах к Самаре руководил известный впоследствии военный инженер, будущий доктор военных наук, профессор, герой Великой Отечественной войны Д.М. Карбышев. Спешно восстанавливался железнодорожный мост через Волгу — тогда один из самых крупных в России. Все делалось для того, чтобы без задержки пропускать прибывающие эшелоны с пополнениями Восточному фронту. Они шли из Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска, Твери, Калуги, многих других губернских городов с транспарантами на вагонах — «Все на борьбу с Колчаком!», «Смерть Колчаку!».

В один из апрельских дней я узнал, что Самарский губвоенкомат проводит набор добровольцев из рабочих в возрасте от 18 до 40 лет для отправки на фронт. Хотя к тому времени мне еще не было восемнадцати, я с одним из моих ровесников поехал в губвоенкомат. Оба мы были рослые, крепкого телосложения и поэтому не сомневались, что нас возьмут в Красную армию. И не ошиблись. В помещении военкомата за обшарпанным конторским столом сидел широкоплечий человек в потертой кожаной куртке, записывая подходивших к нему добровольцев. Окинув нас изучающим взглядом, он повернулся к двери в соседнюю комнату и зычно распорядился:

— Эй, Галкин! Принимай пополнение!

Подошел коренастый, с суровым скуластым лицом красноармеец, записал наши фамилии в свой блокнот и, потребовав утром явиться на место сбора, объявил, что отныне мы — бойцы Самарского рабочего полка, а он, Иван Галкин, — наш отделенный командир.

На следующий день мы на сборном пункте получили военное обмундирование, и наше отделение, в составе которого была в основном не служившая еще в армии молодежь, приступило к строевым занятиям. Вскоре мы получили

винтовки и направились на стрельбище, где каждому было выдано по три патрона. Поставили мишени. Командир отделения объяснил, как заряжать винтовку, для чего у нее предназначены мушка и прорезь прицела, а затем вывел нас на линию огня.

Стрельбу я провел плохо, хотя и попал в мишень. Подойдя к ней, Галкин покачал головой и спросил:

— Ты когда-нибудь стрелял?

— Не приходилось, — честно признался я.

Неважно стреляли и другие бойцы. Галкину пришлось тут же снова и снова объяснять нам, как правильно прицеливаться и нажимать на спусковой крючок, разбирать и собирать затвор. Но до самой отправки на фронт мы больше не стреляли, — видимо, экономили патроны. Известно было, что боевые части остро нуждались в боеприпасах, производство которых резко упало из-за потери Советской Республикой ряда крупных патронных заводов. Принимались даже меры по сбору свинца, олова, меди, латуни и налаживанию производства патронов кустарным способом.

В начале апреля наступлением от Уфы в направлении Самары и Симбирска войска Колчака создали угрозу прорыва к Волге. Командование Восточного фронта принимало решительные меры по отражению колчаковских войск. На угрожаемое направление были переброшены части 25-й стрелковой дивизии под командованием уже прославившегося на Восточном фронте В.И. Чапаева, Иваново-Вознесенский и Самарский рабочие полки, а также маршевые пополнения. Под руководством командующего войсками Южной группы Восточного фронта М.В. Фрунзе (1, 4, 5-я и Туркестанская армии) был разработан план контрнаступления и разгрома противника ударом с юга на север по левому флангу его наиболее сильной, Западной армии.

Контрнаступление советских войск началось в конце апреля 1919 года. Мне довелось участвовать в боях под Бу-

гульмой. На всю жизнь запомнился первый бой, в котором я по неопытности, откровенно говоря, натерпелся страху.

Из-за небольшой, поросшей мелким кустарником высотки наш батальон вышел на равнину и, рассыпавшись в цепи, двинулся к деревне, широко разбросанной вдоль берега речки. Там окопались белые. Вначале мы шли шагом, а потом, когда противник открыл огонь, с криком «ура» бросились вперед бегом. Свистели пули, с грохотом рвались снаряды, и мне почему-то казалось, что все они летят на меня. Я тоже кричал во все горло и несся что есть мочи, стараясь не отставать от своего командира отделения, но ни разу не выстрелил, так как не видел противника. Потом, после боя, мне сделал соответствующее внушение Иван Галкин, хотя он и похвалил меня за то, что не струсил.

— В общем, — одобряюще улыбаясь, сказал он, — и то уже хорошо, что бежал вперед, а не назад.

Только к вечеру мы вступили в деревню. Белых там уже не было. Они отступили на восток, в район Бугульмы, откуда 13 мая их выбила 27-я стрелковая дивизия 5-й армии, успешно наступавшая вдоль Волго-Бугульминской железной дороги.

В боях на Восточном фронте я постигал солдатскую науку, закалял волю, вырабатывал выдержку, научился умело вести огонь, маскироваться, действовать штыком и прикладом, — в общем, с помощью своего командира Ивана Галкина стал, как он говорил, полноценным бойцом.

Галкин же, будучи беспартийным, рекомендовал меня на собрании в члены Коммунистической партии, когда проводилась партийная неделя. В партию тогда принимались без кандидатского стажа, как говорилось, испытанные в борьбе за власть Советов рабочие и крестьяне. На собрания приглашались и беспартийные красноармейцы. К их мнению прислушивались. Когда обсуждалась моя кандидатура, поднялся мой командир и высказался примерно так:

— Хотя Ротмистрову Павлу всего восемнадцать лет, но он уже показал себя вполне преданным революции, проявил стойкость в боях за нашу рабоче-крестьянскую власть. К тому же он хороший товарищ, газеты бойцам читает, не курит и махорку отдает тем, кто в ней нуждается, не требуя взамен сахара или другого продукта. В общем, сознательный. Из него получится настоящий большевик, а по грамотности, может быть, и красный командир...

Галкина, пользовавшегося среди красноармейцев заслуженным авторитетом, все дружно поддержали, и я в свои 18 лет стал коммунистом.

В конце мая 1919 года меня зачислили курсантом Самарских советских военно-инженерных курсов. Проучился до середины августа. За это время участвовал в подавлении кулацкого мятежа в районе Мелекеса, там заболел малярией и был отправлен в отпуск по болезни домой, так как потребовалась перемена климата.

Во время моего пребывания в Поволжье нашу семью постигло большое несчастье. В боях на Южном фронте, сражаясь в войсках Красной армии, погиб мой брат Василий.

Известие об этом нанесло непоправимый удар моей матери Марии Андреевне, к тому времени уже тяжело больной. Она не выдержала этой утраты и на второй день после получения похоронной умерла. Отец же, как ни тяжела для него была весть о гибели Василия, перенес ее стойко, сознавая, что на войне без жертв не бывает. Сын, говорил он, отдал свою жизнь за правое дело — счастье трудового народа. Но смерть жены основательно надломила его, подорвала его богатырские когда-то силы. Он до неузнаваемости похудел, ссутулился и постарел, стал угрюм и молчалив.

Мать была второй женой отца и заботливо воспитывала целую кучу детей — четверых, оставшихся от рано скончавшейся его первой жены, и пятерых своих. Она безропотно терпела нужду, отдавая все детям, которых без различия неж-

но любила. Мать не только успевала управляться по дому, но и активно участвовала в общественной деревенской жизни. К ней часто приходили за добрым советом соседи и даже совсем незнакомые люди.

— Как теперь жить без нашей голубушки? — тяжко вздыхал отец, утирая рукавом набегавшие слезы.

Я, как умел, утешал и успокаивал его, помогал преодолеть тяжкое горе.

Часто вспоминал отец и о Василии. Он подходил к стене, где на самом почетном месте, пониже иконы, хранились два Георгиевских креста и две медали «За храбрость» моего деда Матвея, погибшего в бою под Плевной на болгарской земле в 1877 году, долго смотрел на эти боевые реликвии, потом спрашивал:

— Вот мой батяня сложил голову за царя и отечество, а Вася какому царю и отечеству поклонялся?

— Его величеству трудовому народу и нашей Советской Республике, — отвечал я, гордясь своей причастностью к защите рожденного революцией социалистического Отечества.

Через месяц мое здоровье пошло на поправку! Молод был, да и лечение народными средствами помогло преодолеть недуг. Пошел в военкомат. Врачебная комиссия признала меня годным к военной службе. Но на Самарские военно-инженерные курсы я уже не вернулся. Шла война с буржуазно-помещичьей Польшей и Врангелем, представлявшими основные силы третьего похода Антанты против Советской Республики. Партия и советское правительство принимали меры по укреплению Западного и Юго-Западного фронтов, пополняя их свежими силами.

Меня направили на Западный фронт, в 42-й этапный батальон 16-й армии. Но принять участие в боях с белополяками не довелось. Советские войска после успешного наступления потерпели неудачу под Варшавой и отходили. Но

и панская Польша не в состоянии была продолжать войну. Во второй половине августа в Минске начались мирные переговоры между представителями советского и польского правительств. Они завершились в октябре подписанием мирного договора. Это позволило Красной армии направить свои усилия на разгром белогвардейских войск Врангеля в Северной Таврии и Южном Приднепровье. После тяжелых и напряженных боев в конце октября — начале ноября 1920 года войска Южного фронта под командованием М.В. Фрунзе нанесли жестокое поражение врангелевцам, затем, переправившись вброд через Сиваш и штурмом овладев Перекопом, ворвались в Крым, завершив ликвидацию белогвардейских войск.

Разгромив войска Врангеля в Крыму, Советская Россия победоносно закончила Гражданскую войну. Трудящиеся страны получили возможность приступить к мирному строительству. Однако начать это строительство в условиях тяжелейшего экономического разорения, причиненного империалистической и Гражданской войнами, оказалось делом чрезвычайно сложным.

Воспользовавшись трудностями перехода Республики от войны к миру, контрреволюционные элементы — кадеты, эсеры, меньшевики, кулаки, анархисты — вновь развернули лихорадочную борьбу против советской власти. В ряде районов Тамбовской губернии, Украины, Дона, Сибири им удалось поднять анархо-кулацкие мятежи.

В начале марта 1921 года вспыхнул контрреволюционный мятеж в морской крепости Кронштадт, на подавление которого были направлены лучшие части Красной армии, большая группа делегатов X съезда РКП (б), курсанты ряда военных курсов и школ красных командиров. 3-я Западная Смоленская пехотная школа красных командиров, в которой я в то время обучался, тоже была почти в полном составе срочно отправлена эшелонами в Петроград, где вошла в сводную курсантскую

бригаду, получившую приказ двигаться на Кронштадт по льду Финского залива со стороны Лисьего Носа. Перед нашей ротой была поставлена задача взять форт № 6.

Весна в тот год пришла рано. Лед у берегов был уже покрыт талой водой. Атака началась ночью. Нас сопровождали петроградские лыжники-комсомольцы, которые хорошо ориентировались в Финском заливе. Мятежники яростно сопротивлялись. Рвались снаряды, вздымая фонтаны воды и куски льда, свистели осколки, роем жужжали пули. Мы несли потери, промокли до нитки, но продолжали атаковать. Когда до форта осталось несколько десятков метров, я бросился к одному из вражеских пулеметов и забросал его гранатами. Пулемет замолк. Наша рота дружно ринулась в атаку, и форт был взят.

Мои действия командование оценило очень высоко. Я был удостоен высшей тогда награды — ордена Красного Знамени.

В бою под Кронштадтом меня ранило в ногу, я сильно простудился и потому получил отпуск и уехал в родную деревню. Как только выздоровел, опять обратился в местный военкомат с просьбой направить меня в Красную армию. Так военная служба стала делом всей моей жизни.

Как коммуниста, получившего неплохую подготовку в Смоленской пехотной школе, меня направили в Рязань на должность политрука роты 149-го стрелкового полка. Затем служил во Владимире политруком дивизионной конной разведки, откуда осенью 1922 года уехал учиться в Военную объединенную школу имени ВЦИК — ныне Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР.

Вступительные экзамены по всем военным дисциплинам сдал уверенно. Чувствовал, что моя общеобразовательная подготовка значительно выше, чем у других курсантов, поэтому обратился к командованию школы с просьбой допустить

меня к сдаче экзаменов за первый курс. Разрешение было дано, и вскоре я успешно выдержал эти экзамены. Больше того, был назначен старшиной второго курса 3-й пулеметной роты и удостоен высокого доверия — избран депутатом Московского Совета.

В школе было два пехотных и один пулеметный батальон, кавалерийский и артиллерийский дивизионы. Курсанты учились и одновременно несли караульную службу в Кремле. Кроме того, они привлекались к охране съездов партии и Советов, конгрессов Коминтерна, различных торжественных собраний и митингов.

Одним из самых ответственных и почетных караульных постов считался пост № 27 у квартиры В.И. Ленина. Мне неоднократно доводилось стоять на этом посту, но, к сожалению, Владимира Ильича, когда я был часовым, мне встретить не довелось. Ленин был болен и находился в Горках.

Учеба в Московской объединенной военной школе оставила в моей памяти неизгладимый след. Москвичи называли нас кремлевскими курсантами, и мы этим очень гордились, были счастливы, что почетным командиром нашей школы являлся сам великий Ленин. Нашими дорогими гостями часто бывали верные и ближайшие соратники В.И. Ленина — Ф.Э. Дзержинский, М.И. Калинин, М.В. Фрунзе, а также многие прославленные герои Гражданской войны. Они выступали перед курсантами, а иногда и присутствовали на занятиях, делились своими знаниями и опытом.

21 января 1924 года скончался гениальный вождь трудящихся Владимир Ильич Ленин. Никогда не забыть, как потрясло, буквально ошеломило это страшное известие моих друзей — курсантов-кремлевцев. Слушали и не верили, не хотели верить.

В числе других курсантов мне было доверено стоять в почетном карауле у гроба любимого Ленина и сопровождать его тело на Красную площадь, до Мавзолея.

Вечером в притихшем расположении роты курсанты в который раз вчитывались, вдумывались в волнующие строки Обращения Центрального Комитета РКП (б) «К партии. Ко всем трудящимся» по случаю кончины В.И. Ленина. «Все, — говорилось в этом документе, — что есть в пролетариате поистине великого и героического — бесстрашный ум, железная, несгибаемая, упорная, все преодолевающая воля, священная ненависть, ненависть до смерти к рабству и угнетению, революционная страсть, которая двигает горами, безграничная вера в творческие силы масс, громадный организованный гений, — все это нашло свое великолепное воплощение в Ленине, имя которого стало символом нового мира от запада до востока, от юга до севера»[2].

В том же году я с отличием окончил Военную объединенную школу имени ВЦИК. Для прохождения службы меня направили в Ленинград, где я стал командиром взвода 31-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии. Попал в роту, укомплектованную в основном красноармейцами приволжских и северных народностей. Командовал ротой бывший офицер старой армии Бурыгин. Это был настоящий военный профессионал. Он предъявлял жесткие требования к боевой подготовке, особенно большое внимание уделял стрелковому делу и штыковому бою, считая, что успех в схватках с врагом прежде всего зависит от того, насколько умело владеет воин доверенным ему оружием — метко ли он стреляет, умеет ли нанести врагу стремительный удар штыком или прикладом.

Однажды командир роты собрал нас, молодых командиров взводов, на стрельбище. Стреляли из винтовки стоя, с колена и лежа. Все выполнили упражнения, но, нужно сказать, не с блестящим результатом.

Бурыгин укоризненно покачал головой и, молча взяв винтовку, вышел на огневой рубеж. Одну за другой он бы-

стро и метко поражал мишени, а закончив стрельбу, встал, отряхнулся и сказал:

— Вот так-то! Раз и навсегда запомните, что уважение красноармейцев, авторитет у них вы можете завоевать только личным примером.

Так мы получили наглядный урок, из которого сделали вывод: чтобы обучать, надо самому все уметь и знать лучше своих подчиненных.

К службе я относился очень серьезно, настойчиво добиваясь выполнения красноармейцами программы боевой и политической подготовки, четкого знания уставов и наставлений. Много уделял внимания ликвидации неграмотности, считая эту работу не только командирской обязанностью, но и долгом коммуниста. Неслучайно мой взвод в первый же год стал лучшим в роте, а меня назначили командиром учебного взвода полковой школы, затем — командиром роты.

В Ленинграде я познакомился со своей будущей женой Еленой Константиновной. Она воспитывалась в интеллигентной семье, получила хорошее общее и музыкальное образование, владела тремя иностранными языками и оказала исключительное влияние на рост моего культурного и общеобразовательного уровня, настойчиво прививала мне тягу к знаниям. Мы часто бывали в театрах, кино, музеях, много читали. При помощи жены я довольно быстро подготовился к поступлению и в 1928 году поступил в Военную академию имени М.В. Фрунзе. Конечно, при большом конкурсе в тот год немаловажное значение имело то, что рота, которой я командовал, по боевой и политической подготовке заняла первое место в Ленинградском военном округе.

* * *

Военную академию имени М.В. Фрунзе недаром называют кузницей командного состава Советской армии. Уже в начале двадцатых годов здесь действительно «ковали» — гото-

вили разносторонне развитых и высокообразованных военных специалистов — выходцев из среды рабочих и крестьян, беззаветно преданных социалистическому Отечеству.

Многие видные военачальники вложили свой труд в становление академии и обучение ее слушателей. Но, пожалуй, наиболее качественный вклад в организацию учебного процесса и развитие научной работы в академии внес выдающийся пролетарский полководец и военный теоретик Михаил Васильевич Фрунзе. Он руководил академией сравнительно недолго — с 19 апреля 1924 года по 27 января 1925 года, одновременно являясь заместителем Председателя Реввоенсовета и начальником Штаба РККА. Однако за этот небольшой срок была проделана колоссальная работа по совершенствованию организационной структуры академии, повышению уровня учебного процесса, развертыванию научных исследований, завершению формирования кафедр и усилению руководства ими.

К руководству кафедрами и работе преподавателями были привлечены видные командиры и военачальники, крупнейшие военные специалисты, военные теоретики и ученые. Так, лекции по стратегии читал бывший начальник Штаба РККА М.Н. Тухачевский. В годы Гражданской войны он в возрасте 25—26 лет последовательно командовал 1, 5 и 8-й армиями на Восточном фронте, сыгравшими ведущую роль в разгроме белогвардейских войск Колчака, затем был командующим войсками Кавказского и Западного фронтов. Курс армейских операций вел тогда начальник Оперативного управления Штаба РККА, талантливый военный ученый В.К. Триандафиллов. Во главе кафедры бронетанковых войск был поставлен командующий бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии К.Б. Калиновский — один из первых советских теоретиков в области применения подвижных частей и соединений на полях сражений. Руководство кафедрой инженерного дела

было возложено на выдающегося военного инженера профессора Д.М. Карбышева, в свое время служившего под командованием М.В. Фрунзе на Восточном и Южном фронтах.

Укрепляя академию, М.В. Фрунзе особое внимание уделял сочетанию опыта старых и творческого энтузиазма молодых военных специалистов. Он решительно выступал против проявлений нездорового отношения некоторых слушателей к преподавателям — бывшим офицерам и генералам старой армии. «К разрешению проблемы переработки старого опыта собственными силами, без помощи старых специалистов военного дела, — писал Михаил Васильевич,—не готовы не только молодые академики, но и мы все в целом, без всякого изъятия. Необходимо идти рука об руку с оставшимся от старой армии составом Генерального штаба, широко используя его знания и стремясь переварить в нашем красном котле все те элементы его, которые честно и искренно, без всяких оглядок и оговорок (а таких немало), работают над укреплением мощи Советского Союза»[3].

Эти указания Фрунзе имели исключительное значение не только для академии, но и для всей Красной армии, где служила довольно большая группа бывших офицеров и генералов царской армии.

Известно, что в первые годы существования академии и особенно во время Гражданской войны командиры — выходцы из рабочих и крестьян — с недоверием относились к преподавателям — бывшим офицерам и генералам. Происходило это, с одной стороны, из-за обостренной войной классовой непримиримости и слабой подготовки красных командиров, с другой — в силу консерватизма некоторых профессоров, их приверженности к старым традициям и отжившим взглядам. Отдельные преподаватели стремились обучать слушателей на принципах так называемой «чистой военной науки», предусматривающей, в частности, что армия была и должна быть вне политики. Иногда в учеб-

никах и лекциях сохранялись еще элементы абстрактного академизма, резкие расхождения теории с боевой практикой, подученной слушателями в боях с белогвардейскими войсками.

Позже генерал армии И.В. Тюленев рассказывал мне, что прибывший вместе с ним в академию в ноябре 1918 года знаменитый начдив В.И. Чапаев настойчиво просил отчислить его на фронт, где, как он считал, принесет больше пользы своим участием в разгроме белогвардейских войск.

— Чему они меня могут научить, — говорил якобы Василий Иванович, — если я бью в хвост и в гриву царских офицеров и генералов вместе с их наукой?

Не знаю, так ли это было, но можно представить себе недоумение рабоче-крестьянских командиров, когда они узнавали, что им будет преподавать, например, бывший генерал, да еще военный министр контрреволюционного буржуазного Временного правительства А.И. Верховский.

М.В. Фрунзе наставил на путь истинный тех и других. Основу успешного обучения он видел в овладении марксистско-ленинской методологией, в единстве теории и революционной практики. Он требовал как от преподавателей, так и от слушателей систематического повышения своего идейно-теоретического уровня. Изучение основ ленинизма, писал Михаил Васильевич, не вызывается одним только желанием расширить общий кругозор, но является естественным обязательным дополнением в изучении чисто военного курса стратегии и курса общей тактики[4].

Михаил Васильевич оказал огромное влияние на развитие советской военной науки, на постановку военно-научной работы в академии. Помнится, как мы, слушатели, часами засиживались в богатой академической библиотеке. А ведь многие научные труды по теории и истории войн, стратегии, тактике и новой отрасли военной науки — оперативному искусству были подготовлены и изданы в бытность Михаила

Васильевича начальником академии. Назову лишь те, которые, на мой взгляд, положили начало дальнейшей разработке важнейших вопросов советской военной науки.

Так, коллектив преподавателей в составе Н.П. Сапожникова, А.Н. Лапчинского, Н.Н. Шварца, Н.Е. Варфоломеева и других издал труд «Ведение операций. Работа командования полевого управления». В нем впервые были научно изложены взгляды на ведение операций с применением тех сил и средств, которыми располагала Красная армия, четко формулировалась цель операции и указывался метод действий — непрерывное наступление, переходящее в длительное преследование противника без пауз и остановок. Наступление, таким образом, представлялось в виде ряда последовательных операций, каждая из которых являлась промежуточным этапом на пути к достижению конечной цели — полному разгрому врага.

Идеи, изложенные в этом труде, легли в основу теории глубокого боя и глубокой операции, выдвинутой М.Н. Тухачевским, И.П. Уборевичем, К.Б. Калиновским и разносторонне исследованной в книге В.К. Триандафиллова «Характер операции современных армий».

Тогда же, в 1924 году, вышел в свет большой двухтомный труд профессора А.М. Зайончковского «Мировая война 1914—1918 гг.» с описанием хода боевых действий на всех театрах этой войны. А.М. Зайончковский стал профессором еще задолго до революции и получил широкую известность в военных кругах по работам в области военной истории и тактики.

Коллективом профессоров и преподавателей проводилась большая работа по исследованию Гражданской войны в СССР. Уже в 1928—1930 годах под общей редакцией А.С. Бубнова, С.С. Каменева и Р.П. Эйдемана был издан трехтомник «Гражданская война 1918—1921 гг.», в котором освещались этапы создания Красной армии и ее военное

искусство на полях сражений с войсками белогвардейцев и иностранных военных интервентов.

Преподаватели и профессора академии в последующем подготовили и опубликовали крупные работы по тактике различных родов войск. Эти труды обогащали военные знания слушателей, расширили их оперативно-тактический кругозор, развивали стремление к самостоятельному творческому мышлению. Изучение этих трудов весомо дополнялось прослушиванием интереснейших лекций профессоров и преподавателей кафедр академии.

Слушатели искренне уважали и любили своих профессоров. С особым почтением относились к профессорам А.Е. Снесареву, К.И. Величко, В.Ф. Новицкому, Д.М. Карбышеву, Г.С. Иссерсону. Мне хотелось бы рассказать читателю о некоторых из них.

Андрей Евгеньевич Снесарев был разносторонне образованным человеком. В молодости он блестяще окончил математический факультет Московского университета и защитил кандидатскую диссертацию, затем учился в Московской консерватории и пел на сцене Большого театра. Поступив на военную службу, Снесарев с отличием завершил учебу в военном училище и Академии Генерального штаба, участвовал в ряде географических экспедиций, владел четырнадцатью языками, написал много военных, педагогических и военно-географических трудов. На фронтах Первой мировой войны он командовал полком, бригадой, дивизией и корпусом, имел воинское звание генерал-лейтенанта. В ряды Красной армии вступил добровольно, являлся военным руководителем Северо-Кавказского военного округа, принимал участие в обороне Царицына, возглавлял войска Западного района обороны. В июле 1919 года по рекомендации Центрального Комитета большевистской партии и советского правительства А.Е. Снесарева назначили начальником Академии Генерального штаба[5]. Маститый ученый, обладавший к тому

же опытом Первой мировой и Гражданской войн, Андрей Евгеньевич внес крупный вклад в организацию учебного процесса и научной работы в академии. В 1928 году постановлением ЦИК СССР за долголетнюю и полезную деятельность по строительству Советских Вооруженных Сил ему первому из военачальников было присвоено почетное звание Герой Труда.

С глубоким уважением относились мы к профессору Д.М. Карбышеву — руководителю кафедры инженерного дела. Его лекции, несмотря на сложность предмета, особенно для общевойсковых командиров, имевших порой недостаточную общеобразовательную подготовку, отличались простотой и доступностью. Дмитрий Михайлович считал себя учеником выдающегося русского военного инженера-фортификатора, автора проекта крепости Порт-Артур, создателя инженерных укреплений Владивостока и на сопках Маньчжурии, организатора инженерного обеспечения знаменитого брусиловского прорыва русских войск в Первой мировой войне, бывшего председателя инженерной коллегии по обороне революционного Петрограда Константина Ивановича Величко. И надо сказать, ученик был достоин своего именитого учителя. Он внес большой вклад в создание теории долговременной фортификации, инженерных заграждений и их преодоления, в развитие тактики инженерных войск.

Запомнился мне заслуженный деятель науки и техники профессор В.Ф. Новицкий. Он пользовался мировой известностью как крупный ученый по истории войн и военного искусства. Его научные труды были переведены на многие иностранные языки, а во французской военной академии приняты к преподаванию.

До революции Василий Федорович успешно окончил Михайловское артиллерийское училище, куда принимали самых талантливых юношей, и Академию Генерального

штаба, участвовал в военно-географических экспедициях в Монголию, Афганистан и Индию. В годы Первой мировой войны он командовал бригадой и пехотной дивизией. После Февральской революции был последовательно помощником военного министра, командиром корпуса, командующим 12-й армией и главкомом Северного фронта. После свержения буржуазного Временного правительства Новицкий добровольно перешел на сторону советской власти, работал заместителем военного руководителя Высшей военной инспекции Красной армии, а потом — профессором Академии Генштаба РККА.

На чтение своих лекций он всегда приходил в идеально отутюженном френче, отличался строгой пунктуальностью и нетерпимостью к опоздавшим.

— Если вы, молодой человек, не уважаете мой предмет, так извольте хотя бы уважать своих коллег, — выговаривал профессор опоздавшему на его лекцию, потом протягивал руку в сторону свободного места и, глубоко вздохнув, уже мягко приглашал: — Прошу садиться.

Другой раз он напоминал, что военачальнику, как никакому другому специалисту, следует ценить время, и тут же приводил пример из прошлого, когда кто-то запоздал подтянуть резервы и проиграл сражение.

В.Ф. Новицкий обладал огромным запасом знаний и феноменальной памятью. Читая лекции по истории Первой мировой войны, он безошибочно называл соотношение сил сторон, десятки населенных пунктов, имена многих немецких, английских и французских генералов, глубоко анализировал и четко объяснял самые сложные процессы боя и войны в целом, делал поучительные выводы и требовал от слушателей в их будущей боевой практике быть вдумчивыми при принятии решений, не забывать о тех, кто своей кровью добывает победы и расплачивается жизнью за ошибки и фантазии военачальников.

Была у этого великолепного ученого и педагога одна странность: работая дома, он облачался в генеральский мундир с погонами и, прохаживаясь по кабинету, вслух обсуждал различные проблемы военного искусства.

В те годы преподаватели нередко давали консультации слушателям у себя на квартире. Я, например, неоднократно бывал у профессоров Д.М. Карбышева, Г.С. Иссерсона и других.

Так вот однажды слушатель, кажется по фамилии Егорычев, прибыл на квартиру к В.Ф. Новицкому. Дверь ему открыла опрятно одетая старушка.

— Пожалуйста, проходите, — вежливо пригласила она. — Василий Федорович у себя.

— Здесь, ваше превосходительство, требуется иное решение, — услышал Егорычев через приоткрытую дверь голос Новицкого и, войдя в кабинет, остолбенел: профессор стоял перед ним в парадном генеральском мундире старой армии.

— Вы ца-царский ге-генерал... Не з-знал, — залепетал, заикаясь, растерявшийся слушатель, подозрительно озираясь, разыскивая глазами того, с кем разговаривал Новицкий.

— Вас озадачил мой мундир? —усмехнулся профессор. — Да-с, молодой человек, как изволите видеть, я генерал, только не царский, а русский, и сей чин получил не за верноподданность его императорскому величеству, а за службу на пользу великой России, своему Отечеству. — Поправив пенсне и приподняв голову, он с гордостью добавил: — Представьте себе, я имел честь быть консультантом Владимира Ильича Ленина по некоторым военным вопросам, приходил к нему вот в этом мундире, и он не изволил меня разжаловать.

— Не может этого бы-быть! Тут что-то не то, — с недоумением смотрел Егорычев на профессора, все еще считая, что он кого-то прячет в своем кабинете.

— В таком случае, молодой человек, нам с вами не о чем разговаривать, — уже раздраженно оборвал Новицкий. —

Приходите на консультацию в другой раз и предварительно наведите обо мне соответствующие справки в ВЧК.

Егорычева словно ветром сдуло. Он выскочил из квартиры и опрометью бросился к комиссару академии Е.А. Щаденко.

— Товарищ комиссар! Понимаете, на профессоре Новицком царский мундир. Сам только что видел.

У комиссара был довольно крутой нрав, и, когда ему казалось, что человек говорит неумные вещи, он начинал сердиться и не выбирал выражений.

— Толком объясни, в чем дело? — грозно нахмурил он лохматые брови.

Егорычев рассказал.

— Ну и что? — сверкнул зеленоватыми глазами Щаденко. — Известно ли тебе, сколько заслуг у таких генералов, как Новицкий, и перед Красной армией, и перед академией?! Ленина надо читать. И профессор стал красным, когда тебя нельзя было еще назвать даже розовым... Идите извинитесь перед профессором за свое поведение.

Вскоре об этой истории стало известно всем слушателям, и некоторые из них долго еще подтрунивали над Егорычевым, а авторитет В.Ф. Новицкого еще больше поднялся, когда мы узнали, что он встречался с Владимиром Ильичем Лениным, который прислушивался к его мнению как крупного военного специалиста.

* * *

Окончив военную академию в мае 1931 года, я получил назначение на должность начальника первой части (оперативного отделения) штаба 36-й Забайкальской стрелковой дивизии. Дивизия дислоцировалась в районе Читы и входила в состав Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, которой командовал прославленный герой Гражданской войны Василий Константинович Блюхер.

Распрощавшись с Москвой, я, воодушевленный оказанным мне доверием, ехал в героическую ОКДВА, служба в которой считалась большой честью.

К новому месту моей службы без ропота отправились жена с трехлетним сынишкой и мать жены. Надо сказать, что Елена Константиновна ехала в суровое Забайкалье не только для того, чтобы заботиться об уюте мужа, но и из желания отдать свои силы и знания благородному делу обучения и воспитания школьников в тех военных гарнизонах, где мне доведется служить. Забегая несколько вперед, хочу отметить, что эту миссию она выполняла добросовестно, без жалоб на трудности. Помимо работы в школе, так же как в свое время меня, готовила многих командиров к поступлению в высшие учебные заведения, учила детей музыке.

...После величавой Москвы Чита производила впечатление захолустного провинциального города с потемневшими от времени, в основном деревянными одноэтажными домами и узкими пыльными улицами. Стоял май, но было еще довольно холодно.

Прибыв в штаб, как и положено, пошел представиться начальнику штаба. Но оказалось, что его вызвали в штаб ОКДВА. Направился к комдиву.

Командовал дивизией Е.В. Баранович — бывший полковник старой русской армии. Ефим Викентьевич встретил меня приветливо, расспросил о прошлой службе и учебе в академии, сказал, что штаб дивизии нуждается в образованных командирах, и пожелал мне успеха.

Опыта штабной службы у меня не было, и пришлось основательно потрудиться, чтобы освоиться с оперативной работой, разработкой планов боевой подготовки частей и других документов.

36-я стрелковая дивизия имела славную боевую биографию и считалась одним из передовых соединений Забайкальской группы войск Особой Краснознаменной Дальневосточ-

ной армии. В этом значительная доля заслуг была ее хорошо сколоченного штаба, укомплектованного грамотными командирами. В дивизию часто приезжали высшие руководители Красной армии, инспекторские группы Штаба РККА, командования Сибирского военного округа и ОКДВА.

В июне 1931 года Читу посетил в сопровождении командующего войсками ОКДВА В.К. Блюхера нарком по военным и морским делам К.Е. Ворошилов. Он присутствовал на занятиях частей нашей дивизии, беседовал с бойцами, осмотрел красноармейские казармы, ленинские комнаты и артиллерийские парки.

В честь приезда наркома состоялся парад войск Читинского гарнизона. Приняв рапорт командующего парадом, К.Е. Ворошилов, как мне запомнилось, выступил с большой речью, в которой отметил высокую строевую и боевую подготовку частей и выразил уверенность в том, что воины-забайкальцы добьются новых успехов в совершенствовании своего воинского мастерства, призвал к постоянной боевой готовности.

Обстановка на Дальнем Востоке в те годы вновь начала обостряться. Создав в Маньчжурии марионеточное государство Маньчжоу-Го во главе с императором Пу И, японские империалисты начали подбираться к Китайско-Восточной железной дороге, находившейся в совместном пользовании СССР и Китая. По их указке учинялись нападения на профсоюзные и кооперативные организации, советских рабочих и служащих, производились массовые аресты, захватывались железнодорожные эшелоны. В течение 1932 года советские представители в правлении КВЖД более 100 раз обращались к японским властям с протестами на незаконные действия и насилие. Но провокаторы не унимались: летели под откос поезда, совершались бандитские налеты на станции и склады с советским имуществом. Японская печать предприняла антисоветскую кампанию, стала организатором

антисоветских демонстраций, было даже совершено разбойное нападение на советское посольство в Токио.

Одновременно японская военщина наращивала силы оккупировавшей Маньчжурию Квантунской армии, засылала на советскую территорию шпионов и диверсантов, создавая конфликтные ситуации на всем протяжении советско-маньчжурской границы. Особенно агрессивно вели себя японцы на границе нашего Приморья с Кореей.

В этих условиях Центральный Комитет Коммунистической партии и советское правительство вынуждены были принимать неотложные меры по укреплению наших дальневосточных рубежей. Для усиления Особой Дальневосточной Краснознаменной армии перебрасывались стрелковые соединения из внутренних военных округов, отдельные танковые, артиллерийские, авиационные части и подразделения. Уже в 1931 году численность наших вооруженных сил на Дальнем Востоке по сравнению с 1929 годом увеличилась втрое. Войска, находившиеся на наиболее опасном, приморском направлении, сводились в Приморскую группу. Командующим группой и заместителем командующего ОКДВА был назначен В.К. Путна, а затем Иван Федорович Федько. РВС СССР направил на Дальний Восток многих талантливых, имевших боевой опыт командиров и политработников Красной армии, в том числе К.А. Мерецкова, В.И. Чуйкова, Н.И. Крылова, М.К. Левандовского, М.П. Ковалева, К.К. Пашковского, Г.Д. Стельмаха, А.И. Мезиса, Л.Н. Арнштама и других.

Большое внимание было уделено укреплению Тихоокеанского флота и Амурской Краснознаменной речной флотилии, которая в оперативном отношении подчинялась командующему ОКДВА.

В широких масштабах развернулись военно-строительные работы. С этой целью на Дальний Восток были переброшены отдельный военно-строительный и железнодорожный корпуса, несколько отдельных военно-строительных бригад и батальо-

нов. Они построили много важных военных объектов, оборонительных укреплений, красноармейских казарм, клубов, школ, артиллерийских парков, складов, подъездных путей.

Успехи индустриализации позволили создать в стране развитую военную промышленность, обеспечить Красную армию первоклассным по тому времени вооружением и боевой техникой. В войска ОКДВА поступили новые ручные и станковые пулеметы, зенитные установки, артиллерийские орудия, в том числе большой мощности, танки и самолеты. В состав армии вошли специальные части и подразделения, которых она раньше не имела, — ПВО, химические, саперные и другие. Армия получила отдельные механизированные бригады, во всех стрелковых дивизиях формировались танковые батальоны по 60 танков в каждом.

По инициативе коммунистов и комсомольцев в дальневосточных войсках широко развернулось социалистическое соревнование за овладение новой боевой техникой в кратчайшие сроки и умелое ее применение во всех видах боя в любое время года и суток, в сложных условиях горно-лесистой и болотистой местности. Большой размах получило родившееся в ОКДВА движение «Технический подход» — борьба за безаварийность в работе боевых машин, экономию горючего и смазочных материалов, сокращение сроков ремонта и норм приведения техники в полную боевую готовность.

Застрельщиками этого похода явились танковые экипажи. Лучший механик-водитель П.А. Андреев обратился через газету «Красная звезда» ко всем механикам-водителям Красной армии с призывом начать общеармейское соревнование. Эту инициативу одобрил Военный совет ОКДВА и поддержал Наркомат обороны СССР. В честь XVII съезда ВКП(б) танкисты 12-й стрелковой дивизии совершили марш на 1010 километров, в ходе которого продемонстрировали отличную боевую выучку, высокое воинское мастерство и такие же высокие боевые качества бронетанковой техники.

* * *

Весной 1933 года мне было поручено провести рекогносцировку советско-маньчжурской границы по реке Аргунь в районе станции Отпор. Задание я, видимо, выполнил хорошо, так как вскоре был вызван в Хабаровск и назначен начальником 1-го сектора — заместителем начальника оперативного отдела штаба ОКДВА.

Руководил отделом П.Г. Ярчевский. Вскоре его направили на учебу в академию, а я по представлению начальника штаба ОКДВА и заместителя командующего армией комкора М.В. Сангурского возглавил этот отдел.

В период службы в штабе ОКДВА мне часто приходилось встречаться с легендарным Блюхером и даже сопровождать его в многочисленных поездках по войскам. В.К. Блюхер пользовался в стране, и особенно на Дальнем Востоке, необычайно широкой популярностью. Его имя звучало как символ высочайшего мужества в борьбе за власть Советов, беззаветной преданности коммунистическим идеалам. Рабочий-революционер, большевик ленинской школы, он прошел сложный и тернистый путь схваток с царским самодержавием, познал мрачные тюремные застенки, солдатом проливал свою кровь в развязанной империализмом Первой мировой войне.

О Блюхере теперь уже много написано. И все же мне хотелось бы напомнить читателю, что он первым в Советской Республике еще в 1918 году был удостоен высшей награды — ордена Красного Знамени. Под его командованием вооруженная частью деревянными макетами винтовок и трещотками, имитирующими стрельбу пулеметов, 10-тысячная армия южноуральских партизан совершила 1500-километровый переход по Уралу, занятому белогвардейскими войсками, и вышла на соединение с Красной армией в районе Кунгура. После разгрома Колчака, командуя 51-й стрелковой дивизией, Блюхер сражается на знаменитом каховском плацдар-

ме, затем участвует в беспримерном штурме перекопских укреплений и Ишуньских позиций врангелевцев в Крыму. Подвиги красного командира под Перекопом и Каховкой были отмечены еще двумя орденами Красного Знамени. В 1921 году Василий Константинович назначается военным министром и главнокомандующим войсками Дальневосточной республики. С присущей ему энергией он укрепляет Дальневосточную армию, которая под его непосредственным руководством наносит сокрушительное поражение белогвардейским войскам в районе Волочаевки, освобождает Хабаровск, положив начало изгнанию контрреволюционных банд и японских интервентов с Дальнего Востока. Блюхер был награжден четвертым орденом Красного Знамени. Пятым знаком этого ордена он был отмечен за плодотворную работу в качестве главы советских военных советников в Китае при национальном правительстве Сунь Ятсена.

Осенью 1929 года Особая Дальневосточная армия во главе с В.К. Блюхером наголову разгромила войска китайских милитаристов в военном конфликте на КВЖД.

ОДВА становится Краснознаменной, а В.К. Блюхер, опять же первым из советских военачальников, награждается орденом Красной Звезды. Одновременно ему в числе первых вручается орден Ленина за выдающиеся заслуги в защите социалистической Родины и беззаветную преданность советскому народу.

Никогда не забыть мне первую встречу с В.К. Блюхером.

Я робко вошел в кабинет командарма. Василий Константинович разговаривал с кем-то по телефону. Жестом он пригласил меня сесть и, закончив разговор, спросил:

— Это правда, что вы при назначении на должность начальника оперативного отдела высказали опасения насчет своих способностей руководить этим отделом?

— Так точно, товарищ командующий. Опыта мало...

— Напрасно, — прервал меня Блюхер. — У вас хорошие знания, а опыт — дело наживное.

Василий Константинович встал и подошел к висящей на стене большой географической карте Советского Союза, расправляя на ходу складки туго перетянутой ремнем гимнастерки. Проникающие через окно солнечные лучи веселыми огоньками плясали на эмали и металле орденов Блюхера. Широкой ладонью он провел по карте, охватывая территорию от Байкала до Камчатки:

— Вот эту землю партия доверила оберегать нашей армии!

Потом он начал рассказывать мне о Дальнем Востоке, его сказочной природе, разнообразном животном мире, огромнейших запасах ценных пород леса, пушнины, рыбы, неисчерпаемых кладовых полезных ископаемых — начиная с графита, слюды, каменного угля и кончая нефтью, различными рудами.

— Так вот, — сказал он, явно взволнованный собственным рассказом, — мы обязаны надежно защищать эту нашенскую благодатную землю от врага. А враг у нас под боком. Японские империалисты не расстаются с планами захвата советского Дальнего Востока от Приморья до Байкала. Они не только планируют нападение, но и ежедневно, ежечасно готовятся к нему. Это коварный, наглый, сильный и опытный противник, о чем мы всегда должны помнить и сделать все, чтобы дать ему сокрушительный отпор. — Блюхер вернулся к своему рабочему столу, опустился в кресло и, пристально глядя на меня, спросил: — Вы коммунист?

— Да, с девятнадцатого года.

— А говорите — не справитесь, — улыбнулся Василий Константинович. — Коммунистам все должно быть по плечу.

— Буду стараться, товарищ командующий!

— Это хорошо. Что не ясно, не стесняйтесь обращаться к моему заместителю Михаилу Владимировичу Сангурско-

му. Он милейший человек и Дальний Восток знает не хуже меня...

Действительно, как я потом убедился, М.В. Сангурский был не только прекрасным человеком, но и опытнейшим командиром. У него я многому научился.

Василий Константинович снова встал, с хрустом расправил широкие плечи и прошелся по кабинету. В его плотно сбитой фигуре, твердой поступи, в смуглом волевом лице с высоким, тронутым морщинками лбом угадывалась незаурядная сила ума и характера.

Я тоже поднялся со стула, считая, что командарм закончил разговор. Но он предложил мне садиться и, остановившись у карты, продолжал:

— Вам следует тщательно изучить Дальневосточный театр военных действий, основные и второстепенные операционные направления со всеми особенностями местности, климатическими условиями и другими факторами, которые необходимо учитывать при развертывании войск и ведении боевых действий. И изучайте не только по бумагам, а на месте. — Блюхер окинул взглядом Приморье и посоветовал: — Побывайте в штабах моряков — амурцев и тихоокеанцев. Японцы явно боятся наших подводных лодок, но у нас еще недостаточно окреп надводный флот, и в случае заварушки не исключена возможность одновременных ударов врага на суше с высадкой морских десантов.

Ушел я от Блюхера окрыленным, готовым не щадить себя в работе и оправдать его доверие.

* * *

Первый год моей службы в штабе ОКДВА совпал с завершением мероприятий по усилению армии. В Приморье и Забайкалье передислоцировались переведенные на штаты кадровых стрелковых соединений 12-я имени Сибревкома, 21-я Пермская дважды Краснознаменная,

а также 40-я и 57-я территориальные стрелковые дивизии. В марте 1934 года были переброшены из Приволжского военного округа части 32-й Саратовской и 34-й Средневолжской стрелковых дивизий. В конце того же месяца в состав ОКДВА вошел 18-й стрелковый корпус под командованием прославленного героя Гражданской войны С.С. Вострецова.

В этот год особенно много проводилось командно-штабных учений, полевых занятий, маневров. Некоторыми из них руководил лично В.К. Блюхер. Накануне учений и после них Василий Константинович очень много работал: досконально изучал документы, анализировал итоги, делал четкие выводы. Его работоспособность была просто поразительной. Он мог, видно, трудиться без сна по двое суток, периодически прерываясь, чтобы выпить чашечку черного кофе или заняться физзарядкой.

Командарм не имел академического военного образования, но, как я убедился, систематически и упорно занимался самообразованием. Свой природный талант он постоянно обогащал теоретическими знаниями, имея в своем распоряжении солидную библиотеку военной, исторической и художественной литературы. Присущ ему был живой интерес к искусству, и особенно к красноармейской художественной самодеятельности. В дни праздников или культурно-массовых мероприятий его можно было видеть в гарнизонных клубах. Вообще это был человек на редкость общительный и жизнерадостный, умевший создавать обстановку непринужденности и доверия в беседах с бойцами, командирами и политработниками, рабочими и крестьянами, комсомольцами и пионерами. Это мне довелось не раз наблюдать в поездках с Блюхером по Дальнему Востоку.

Удивляла меня еще и необыкновенная физическая выносливость Блюхера. Как-то мне довелось сопровождать его на военно-морских учениях. Мы шли по сильно штормившему морю на флагманском эсминце. Корабль то круто кренило

с борта на борт, то высоко поднимало на гребень могучего морского вала и стремительно бросало в пучину. Я чувствовал себя настолько отвратительно, что думал, не перенесу этой ужасной болтанки. А Блюхер.как будто родился и вырос на море. Он спокойно, и даже улыбаясь, стоял на командирском мостике рядом с командующим Тихоокеанским флотом М.В. Викторовым.

Потом мы присутствовали во Владивостоке на разборе морских учений. В.К. Блюхер, которому тогда Тихоокеанский флот подчинялся в оперативном отношении, внимательно слушал доклад М.В. Викторова и время от времени задавал вопросы. Чувствовалось, что он хорошо знает особенности тактики флота и основы его взаимодействия с сухопутными войсками. В своем выступлении Василий Константинович дал глубокий анализ положения дел на флоте и поставил перед моряками-тихоокеанцами конкретные задачи по боевой подготовке.

На обратном пути в Хабаровск мы побывали в штабе командующего Приморской группой войск Ивана Федоровича Федько.

Впервые я увидел этого богатыря с четырьмя орденами Красного Знамени на груди в штабе ОКДВА, когда он прибыл принимать Приморскую группу от В.К. Путны. Я знал, что, еще будучи комсомольцем, Федько стал командующим армией и главкомом советских войск на Северном Кавказе.

В апреле 1919 года И.Ф. Федько принимал в Кремле В.И. Ленин. Позже, вспоминая об этом, Иван Федорович писал: «Слушал меня Владимир Ильич внимательно, прищуривал глаза, как будто очень важное вспоминал. А когда я ответил, он спросил:

— У вас удивительно молодое лицо. Сколько вам лет?

— Двадцать два.

— А какое у вас военное образование?

— Окончил Киевскую школу прапорщиков в семнадцатом году.

Владимир Ильич хорошо так улыбнулся всем лицом:

— Прапорщик-командарм. Бывший прапорщик бьет белых генералов! Очень хорошо! Великолепно, батенька...»[6]

Блюхер искренне любил Федько. В их характерах, в отношении к военной службе, манере общения с бойцами и командирами было много сходного.

Иван Федорович большое внимание уделял физической закалке бойцов, с живым интересом относился к строевой подготовке и спортивно-массовой работе. В 1933 году, будучи командующим войсками Приволжского военного округа, он лично возглавил окружную спортивную команду на Всеармейских соревнованиях в Москве и сам участвовал в одном из состязаний по бегу.

Это пристрастие Федько к спорту, его требовательность к повышению уровня строевой подготовки нравились Василию Константиновичу. Сам он как-то на встрече с младшими командирами говорил: «Нужно крепко запомнить, что выработка высоких качеств строевой подготовки (выправка, подтянутость, умение подойти, отчетливо ответить на вопрос начальника) в значительной степени способствует общему военному развитию и физической выносливости бойца, придает ему бодрый, смелый и уверенный вид, невольно его самого подтягивает, делает требовательным к себе и окружающим»[7].

...В состав Приморской группы входило семь дивизий — шесть стрелковых и одна кавалерийская. Эти войска прикрывали многие сотни километров сухопутных и морских границ, несли службу в трудных условиях неустойчивой погоды и горно-лесистой местности с заболоченными, часто непроходимыми падями, а в южной части — заводненными низинами. С активизацией провокационных действий японцев на приморском направлении командование ОКДВА перебросило из Хабаровска и Благовещенска в Никольск-Уссурийский и бухту Де-Кастри два стрелковых полка 2-й Приамурской

дважды Краснознаменной стрелковой дивизии, а 1-ю Тихоокеанскую стрелковую дивизию полностью сосредоточило в районе Владивостока.

В.К. Блюхер поделился с И.Ф. Федько впечатлениями о маневрах Тихоокеанского флота и рекомендовал ему встретиться с М.В. Викторовым и еще раз обсудить вопросы взаимодействия.

— Михаил Владимирович рассказывал мне, как командовал Балтийским флотом. Но надо иметь в виду, что здесь не Балтика, да и флот еще младенец, не набравший сил, — говорил Василий Константинович.

— Обязательно встречусь с моряками, — обещал Федько. — Меня особенно беспокоит Де-Кастри. Уж слишком нахально японские корабли там шныряют...

— Вот и посоветуйся с Викторовым. Может, туда для острастки подтянуть подводные лодки или торпедные катера, — предложил Блюхер.

Однажды, объезжая приграничные гарнизоны, группа командиров штаба ОКДВА во главе с В.К. Блюхером прибыла на станцию Волочаевка.

Еще при подходе поезда к Волочаевке кто-то запел: «Штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни...»

— Это поэт так написал, — глядя в окно вагона, задумчиво проговорил Василий Константинович. — А сперва-то была Волочаевка, а потом уже — Спасск.

Все, как сговорившись, обратились к Блюхеру с просьбой рассказать о волочаевских боях и показать на месте, где они происходили.

Командующий согласился. Со станции мы выехали в поле, вернее, на равнину, поросшую мелким березняком, и остановились на опушке небольшой рощицы.

Василий Константинович долго всматривался в даль, окидывая взором подступы к Волочаевке и, видимо, вспоминая события тех незабываемых дней, воспетых в песне.

Потом, повернувшись к нам, рассказал предысторию волочаевских событий.

...Вынужденные вывести свои войска из Забайкалья и Приамурья весной 1920 года в связи с образованием Дальневосточной демократической республики, японцы осели в Приморье, не расставаясь с надеждой осуществить колонизацию Дальнего Востока.

На переговорах в Дайрене, в которых участвовал и В.К. Блюхер как военный министр ДВР, японские представители вели себя вызывающе. Они потребовали не устанавливать на Дальнем Востоке «коммунистического режима», объявить Владивосток вольным городом, передать Японии в аренду Северный Сахалин сроком на 80 лет, обеспечить, в том числе для японцев, право частной собственности на землю и ее недра, различные преимущества в горной и лесной промышленности, рыболовстве, торговле и судоходстве по внутренним рекам, ликвидировать оборонительные укрепления на морском побережье и границе с Кореей, не иметь военного флота в Тихом океане.

Когда делегация ДВР с негодованием отвергла эти наглые требования, японцы заявили, что они найдут другое русское правительство, с которым быстро договорятся по всем вопросам. Речь шла о прояпонском «правительстве» купцов братьев Меркуловых, созданном во Владивостоке и опиравшемся на вооруженную японцами так называемую «повстанческую армию», сколоченную из банд атамана Семенова и остатков белогвардейских частей Колчака, бежавших в Маньчжурию и переброшенных в Приморье через Корею.

Пытаясь оказать давление на ДВР, японцы в ноябре 1921 года двинули войска этой армии из Приморья вдоль железной дороги на Хабаровск.

— Положение для нас сложилось чрезвычайно тяжелое, — говорил В.К. Блюхер. — Народно-революционная

армия Дальневосточной республики состояла тогда из партизанских отрядов, которые были еще в стадии переформирования в регулярные части. Против двух хорошо вооруженных белогвардейских корпусов под общим командованием генерала Молчанова мы имели вначале всего лишь два полка, растянутых на огромном пространстве от Бикина до Благовещенска. Переброска подкреплений из Забайкалья затруднялась страшной разрухой на железной дороге: большинство станций было сожжено, водокачки лежали в развалинах, не хватало подвижного состава, паровозов и топлива. Приходилось в пути заготавливать дрова и таскать снег для паровозных котлов.

Мы с интересом слушали Василия Константиновича, хотя в целом и знали историю событий под Волочаевкой.

— И все же, — продолжал он, — нам удалось остановить противника, наступавшего под авантюристическим лозунгом «Вперед, к Кремлю!» Вначале Коммунистический отряд и прибывший из Читы особый Амурский полк, отважно сражаясь, затормозили продвижение белогвардейцев, а затем на станции Ин батальоны 5-го и 6-го стрелковых полков при поддержке 4-го кавалерийского полка решительной контратакой отбросили их в район Волочаевки. Об этом мне доложил командующий Восточным фронтом товарищ Серышев, и я с радостью поздравил героев-народноармейцев.

Будучи главнокомандующим Народно-революционной армией, Василий Константинович в те дни выехал на фронт, чтобы лично разобраться в обстановке и разработать операцию по разгрому белогвардейских войск. Кое-кто предлагал приостановить боевые действия до весны, но Блюхер настоял на безотлагательной подготовке к наступлению, считая, что затягивание активных боевых действий может привести к серьезным осложнениям как внутреннего, так и международного порядка. Дальнейшее продвижение белогвардейцев

создало угрозу возобновления Гражданской войны и оккупации Дальнего Востока японскими интервентами.

— Надо было, — говорил Блюхер, — как можно скорее дать по зубам белогвардейской сволочи и тем самым отбить у японцев охоту на вторжение в пределы Дальневосточной республики. И мы подняли на ноги всех. Чита послала на фронт пятьсот коммунистов; Амурская парторганизация дала для Народно-революционной армии пятьдесят процентов своего состава. Из Забайкалья к Ину шли эшелоны с частями группы товарища Томина. — Василий Константинович подошел к стройным, кудрявым березкам: — Подросли, похорошели, — улыбнулся он. — А тогда здесь был мелкий и редкий березнячок, придавленный к земле сугробами снега. И вообще, товарищи, вам, пожалуй, трудно теперь, да еще летом, представить обстановку, в которой проводилась Волочаевская операция. Свирепствовали лютые морозы, доходившие до сорока пяти градусов. Заброшенные в необитаемые, заснеженные районы Волочаевской равнины, плохо одетые, недоедавшие бойцы терпели невероятные лишения. Но они решительно шли вперед на штурм Волочаевки, которую белые называли дальневосточным Верденом. Это была действительно крепость, защищенная могучим ледяным валом, опутанная несколькими рядами проволочных заграждений, насыщенная пулеметами и артиллерией. — Блюхер посмотрел на Волочаевку: — Видите сопку? Называется Июнь-Коран. Она господствует над всей окружающей местностью. Там белогвардейцы оборудовали тогда пулеметные гнезда, установили артиллерийские орудия, выдвинули бронепоезд, прикрывавший своим огнем подступы к Волочаевке...

Наступление было назначено на 10 февраля. Идея операции, разработанной В.К. Блюхером, сводилась к следующему: фронтальным ударом сводной бригады Я.З. Покуса в полосе железной дороги и глубоким обходом Волочаевского укре-

пленного района группой войск Н.Д. Томина овладеть Волочаевкой, не допуская отхода противника на Хабаровск.

— Три дня и три ночи продолжался невиданный по упорству и самоотверженности наших бойцов штурм Волочаевки. В лютую стужу, на пронизывающем до костей ветру они под вражеским свинцовым ливнем делали проходы в заграждениях лопатами и прикладами, рвали колючую проволоку окоченевшими руками. Легкораненые оставались в цепях атакующих. И все же в первый день ворваться в Волочаевку не удалось. Наутро открыла огонь наша артиллерия. Не успели смолкнуть канонада и грохот взрывов, вздымавших в воздух куски проволоки и мерзлой земли, фонтаны снега и бревна, как народноармейцы с криком «ура» бросились в штыковую атаку. Но снова плотный, убийственный огонь врага положил их в снежные сугробы. Очень мешал продвижению белогвардейский бронепоезд «каппелевец», обстреливавший косоприцельным огнем боевые порядки наших частей. У нас тоже был свой бронепоезд, но он уже израсходовал все снаряды. Решили поставить впереди него платформу с тяжелым грузом и нанести таранный удар по вражескому бронепоезду. Но вдруг грозная бронированная махина белых начала на всех парах отходить к запылавшему позади железнодорожному мосту. Оказалось, что мост поджег отряд народноармейцев, посланный накануне Покусом в обход Волочаевки с бочками керосина и взрывчаткой...

12 февраля обходная колонна Н.Д. Томина ударом по флангу противника отвлекла часть его сил из Волочаевки. Это позволило 4-му и 6-му стрелковым полкам, наступавшим с фронта, вновь броситься в атаку и ворваться в расположение белогвардейцев. Остатки их разбитых частей в панике откатились к Хабаровску и, не задерживаясь в городе, бежали в Приморье.

— Так завершилась волочаевская эпопея, положившая начало полному освобождению Дальнего Востока от бело-

гвардейских банд и японских интервентов, — закончил свой рассказ В.К. Блюхер.

Василий Константинович не раз ставил в пример необычайно высокое мужество волочаевцев, их железную стойкость и поразительную выносливость. Именно эти качества, умение переносить любые трудности он неутомимо воспитывал у бойцов ОКДВА. На учениях и маневрах они выполняли задачи в самых сложных условиях погоды и местности, учились в распутицу и при снежных заносах преодолевать крутые подъемы и таежную глухомань, при 20—30-градусном морозе организовывать ночлеги вне населенных пунктов, вести непрерывный бой до полного уничтожения противника. Неслучайно прибывшие с Дальнего Востока и из Сибири части и соединения в ноябре — декабре 1941 года на заснеженных полях Подмосковья проявили удивительную стойкость, упорство и высокое воинское мастерство.

Исключительное внимание В.К. Блюхер уделял повышению военно-технических знаний командиров и политработников, уровня их личной огневой подготовки, считая, что только командиры и политработники, в совершенстве владеющие оружием, могут успешно обучать бойцов. Сам он отлично стрелял из всех видов оружия, умел даже готовить данные для стрельбы артиллерии с открытых и закрытых позиций. Василий Константинович часто и, как правило, внезапно появлялся на стрельбищах, лично проверяя результаты стрельбы командного и политического состава.

Делал это он по-своему. Узнав, какое упражнение по Курсу стрельб отрабатывается, просил оружие и вместе со всеми выходил на огневой рубеж. После двух-трех пробных выстрелов командарм вел огонь по-снайперски. И горький конфуз испытывал тот, кто рядом с ним стрелял плохо. Блюхер обычно лишь спрашивал фамилию командира и укоризненно говорил: «Как же вы, дорогой товарищ, можете обучать своих подчиненных, если сами так скверно стреляете?» Тот, конеч-

но, сгорал от стыда. Зная, что командующий обладает превосходной памятью и в следующий раз обязательно спросит о нем, оплошавший в стрельбе настойчиво совершенствовал свою огневую подготовку.

В поездках по Дальнему Востоку Василий Константинович посещал села и города, встречался с колхозниками и рабочими предприятий, комсомольцами и пионерами. Дальневосточники знали и искренне уважали его не только как советского полководца, героя Гражданской войны, но и как человека, который внес выдающийся вклад в развитие промышленности и сельского хозяйства Дальневосточного края. Будучи членом бюро Далькрайкома партии, президиума крайисполкома и ВЦИК, а затем ЦИК СССР, В.К. Блюхер принимал активное участие в экономическом развитии Дальнего Востока, в закладке фабрик и заводов, организации строительства предприятий и города Комсомольска-на-Амуре. Многое сделал он и для развития сельскохозяйственного производства в крае.

— Нехорошо получается, — говорил Василий Константинович, — земли у нас много, земля плодородная, а сами себя снабдить хлебом и кормами для скота не можем. Все тащим из центральных районов страны, забиваем железную дорогу невыгодными, излишними перевозками...

Блюхер выдвинул идею продовольственного обеспечения армии силами ее самой. Его поддержали Военный совет ОКДВА и крайком партии, одобрили замысел в Москве. 17 марта 1932 года Политбюро ЦК ВКП(б) постановило сформировать в составе ОКДВА особый колхозный корпус (ОКК), с тем «чтобы укрепить безопасность советских дальневосточных границ, освоить богатейшие целинные и залежные земли, обеспечить население Дальнего Востока и армию продовольствием, значительно сократить ввоз хлеба и мяса из Сибири на Дальний Восток, развить экономику Дальнего Востока»[8].

Постановление СНК СССР определяло структуру ОКК. В его составе предусматривалось иметь управление, три стрелковые и одну кавалерийскую дивизии общей численностью до 60 тысяч человек. Корпус обеспечивался кадрами специалистов, сельскохозяйственной техникой, семенами, необходимыми для воспроизводства животными и птицей.

По рекомендации В.К. Блюхера командиром корпуса был назначен помощник командующего ОКДВА по снабжению, герой Гражданской войны, награжденный двумя орденами Красного Знамени, М.В. Калмыков.

Командующий хорошо знал и высоко ценил Михаила Васильевича, который был сподвижником Блюхера по знаменитому походу Уральской партизанской армии в 1918 году, возглавлял крупный отряд рабочих Богоявленского завода. Вместе с Блюхером он прошел славный боевой путь от Урала до Байкала, затем участвовал в разгроме войск Врангеля и ликвидации махновских банд на Украине. После Гражданской войны М.В. Калмыков окончил военную академию, командовал Туркестанской стрелковой дивизией, затем 1-м и 19-м стрелковыми корпусами.

М.В. Калмыков проявил себя превосходным хозяйственным руководителем. Уже к середине 1933 года колхозный корпус под его руководством превратился в значительную экономическую силу, стал активным участником социалистического преобразования сельского хозяйства Дальнего Востока. В 1935 году все хозяйства корпуса стали рентабельными, полностью обеспечивали армию мясом, фуражом, а себя — семенами, сдали государству десятки тысяч центнеров зерна, картофеля и овощей.

Кроме того, в корпусе развернулось обучение воинов сельскохозяйственным специальностям. За три с половиной года курс подготовки прошли 12 883 человека[9], многие из которых после увольнения в запас остались работать в дальневосточных колхозах и совхозах.

Разумеется, одновременно части и соединения особого колхозного корпуса настойчиво повышали боевую и политическую подготовку.

1935 год для Особой Краснознаменной Дальневосточной армии был знаменательным. За высокие результаты, достигнутые в боевой и политической подготовке, освоении нового вооружения и техники, Родина удостоила большую группу воинов-дальневосточников высоких правительственных наград, а их командарму было присвоено только что учрежденное воинское звание «Маршал Советского Союза».

Мне запомнился этот год и рядом крупных общевойсковых учений. На одном из них в Приморской группе на практике проверялись тактико-технические и боевые свойства бронетанковой техники, ее влияние на тактику и организационную структуру войск. На очень сложной местности испытывались танки БТ, Т-26 и плавающий танк Т-37, который показал замечательные боевые качества.

Накануне учений в штаб ОКДВА прибыл начальник автобронетанкового управления РККА командарм 2-го ранга И.А. Халепский. На меня он произвел большое впечатление, в частности, своим докладом о принципах массированного применения танков на основе теории глубокой операции. Пожалуй, впервые тогда я по-настоящему заинтересовался танками, не зная еще, что недалеко то время, когда сам стану танкистом.

* * *

В июне 1937 года меня назначили командиром 63-го Краснознаменного стрелкового полка имени М.В. Фрунзе 21-й дважды Краснознаменной Приморской стрелковой дивизии имени С.С. Каменева. Полк был очень сильной боевой частью. Я был рад новому назначению, так как давно стремился к самостоятельной командной службе. Полк находился в постоянной боевой готовности, его часто вы-

зывали по тревоге на границу и проверяли всевозможные комиссии. Результаты этих проверок в целом были всегда положительными. Видимо, и поэтому мне вскоре было присвоено воинское звание «полковник».

В октябре 1937 года я неожиданно получил предписание передать полк своему заместителю и срочно убыть в Москву, в распоряжение Главного управления по командному и начальствующему составу Красной армии. Там мне также неожиданно предложили должность преподавателя тактики в недавно созданной Военной академии моторизации и механизации РККА (ныне Военная академия бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского). Мотивировали это назначение тем, что за время службы на Дальнем Востоке, и особенно в штабе ОКДВА, я, мол, достаточно хорошо ознакомился с танковыми частями и подразделениями, видел их в действии в ходе учений и маневров, к тому же хорошо знал общевойсковую тактику.

На следующий день меня уже принимал начальник академии дивизионный инженер И.А. Лебедев.

— Как же я буду преподавать тактику танкистам, если не был танкистом? — спросил я Лебедева.

— Все мы когда-то не были танкистами. Потребовали обучать танкистов — учим и сами учимся, — хмурясь, ответил Иван Андреевич.

— Тогда прошу дать мне некоторое время для изучения техники и подготовки к проведению занятий со слушателями.

— Вот это другой разговор, — улыбнулся Лебедев и крепко пожал мне руку. — Уверен, что вы полюбите свою новую работу и наши молодые, но весьма перспективные бронетанковые войска.

Я основательно занялся изучением материалов по истории бронетанковых войск, теории и практике их боевого применения, законспектировал ряд работ, сделал массу выписок,

вычертил схемы операций, в которых участвовали танки, выучил наизусть тактико-технические данные советских и зарубежных танков, состоявших в то время на вооружении. Многие часы просиживал я за книгами в академической библиотеке, не раз с пользой побывал на кафедре бронетанковых войск, созданной в Военной академии имени М.В. Фрунзе.

* * *

...Преподавательская работа пришлась мне по душе. Я с увлечением готовился к лекциям, накапливая знания для себя и передавая эти знания слушателям академии.

Богатый материал для изучения практики боевого применения танков дали бои по защите республиканской Испании, а также при отражении нападения японских войск в районе озера Хасан, неподалеку от Владивостока, и на берегах реки Халхин-Гол в Монгольской Народной Республике, обратившейся к Советскому Союзу за помощью в изгнании японцев, захвативших часть ее территории.

Доскональное изучение опыта боевых действий танковых частей позволило мне написать и защитить диссертацию на соискание ученой степени кандидата военных наук. Потом я был удостоен и ученого звания доцента.

Казалось, и дальше буду трудиться на педагогическом поприще, но судьба распорядилась по-иному.

В конце ноября 1939 года, когда в Европе уже полыхал пожар Второй мировой войны, развязанной фашистской Германией, Финляндия по воле своих правящих кругов и международной реакции была вовлечена в вооруженный конфликт с Советским Союзом.

Финские реакционные круги на протяжении многих лет проводили антисоветскую политику, с помощью германского, англо-французского и американского капитала укрепляли и вооружали свою армию, строили вблизи советских границ

систему мощных укреплений, получивших название линии Маннергейма.

Особую враждебность к СССР финская реакция начала проявлять, получив обещание западных держав поддержать Финляндию в войне против Советского Союза не только вооружением, но и собственными войсками.

Разумеется, советское правительство не могло оставаться безучастным к тому, что замышлялось вблизи наших северо-западных границ. Крупнейший промышленный и культурный центр страны, насчитывавший тогда столько же населения, сколько имелось во всей Финляндии, колыбель Октябрьской революции — Ленинград находился всего в 32 километрах от границы, в досягаемости обстрела дальнобойной артиллерией. Вход в Финский залив оставался незащищенным, и это создавало угрозу нашему флоту. Под ударом был и единственный на севере незамерзающий порт Советского Союза Мурманск, так как прикрывающие его полуострова Рыбачий и Средний частично принадлежали Финляндии.

В целях обеспечения безопасности Ленинграда и Мурманска советское правительство предложило правительству Финляндии отодвинуть на несколько десятков километров финскую границу на Карельском перешейке в обмен на вдвое большую территорию в Советской Карелии, а также сдать в аренду Советскому Союзу полуостров Ханко у входа в Финский залив, с тем чтобы СССР мог построить там военно-морскую базу для обороны залива.

Однако правительство Финляндии по совету правительств Англии и Франции не только отвергло советские предложения, но и приступило к оперативному развертыванию финской армии на границах с Советским Союзом, а 26 и 29 ноября финская артиллерия предприняла провокационные обстрелы советских войск, дислоцированных под Ленинградом. 30 ноября Финляндия объявила войну СССР.

В этих условиях Главное Командование Красной армии вынуждено было отдать приказ войскам Ленинградского военного округа о переходе в наступление.

На первом этапе боевых действий советские войска, наступавшие на Карельском перешейке при поддержке авиации и флота, в результате ожесточенных боев преодолели мощную зону заграждений глубиной от 25 до 65 километров, вышли к главной оборонительной полосе — линии Маннергейма, но прорвать ее с ходу не смогли. Некоторые соединения оказались не подготовленными к ведению боевых действий зимой в озерно-лесистой местности при необычайно сильных, 45—50-градусных, морозах и глубоком снежном покрове, не имели опыта прорыва долговременных железобетонных и гранитных укреплений, прикрытых обширными лесными завалами, минными полями, фугасами, противотанковыми рвами, каменными надолбами и другими препятствиями. Недостаточно мощным было также артиллерийское и авиационное обеспечение наступления. Не на должном уровне находилось и управление войсками, снабжение их всеми видами довольствия.

В дни боев меня по моей же просьбе командировали на Карельский перешеек для изучения опыта войны и главным образом боевых действий танковых войск. Когда я прибыл в штаб 7-й армии, мне предложили должность в оперативном отделе этого штаба. Поблагодарив за доверие, я попросил, однако, направить меня в какую-либо танковую часть. Мою просьбу удовлетворили и послали в 35-ю легкую танковую бригаду, которой командовал полковник В.Н. Кошуба.

О полковнике Кошубе мне довелось слышать как об одном из опытных и отважных командиров. Еще в годы Гражданской войны он сражался на трофейном танке «Рикардо», за мужество, проявленное в боях с белогвардейцами, был награжден орденом Красного Знамени. В мирное время Владимир Нестерович в числе первых командиров-танкистов

успешно окончил Академию моторизации и механизации Красной армии.

Прибыв в бригаду, я узнал, что полковник Кошуба тяжело ранен. Его временно замещал начальник штаба, который информировал меня, что самым трудным, почти непреодолимым препятствием для танков являются многорядные гранитные надолбы, неподдающиеся разрушению снарядами танковых пушек, полковой и даже дивизионной артиллерии. Саперам тоже подорвать их не удается, так как финны прикрывают зону заграждений сильным перекрестным и многослойным пулеметным огнем.

С разрешения начальника штаба бригады я отправился для изучения боевых действий танкистов в один из батальонов бригады. Случилось так, что к моменту моего прибытия командир этого батальона был убит и мне пришлось взять командование подразделением на себя. Танкисты готовились атаковать совместно с пехотой. Все вопросы взаимодействия были уже отработаны.

С утра началась атака. Танки двигались на малом ходу, чтобы не отрываться от пехоты. При нашем приближении к надолбам противник открыл шквальный артиллерийский и пулеметный огонь. Проходов в надолбах для танков не оказалось, хотя мне говорили вечером, что за ночь они будут проделаны. Лишь кое-где отдельные гранитные глыбы были повалены или частично разрушены, но за ними стояли другие, преграждая путь к бетонированным или прикрытым толстыми броневыми щитами укрытиям противника. Пройдя через пролом в первом ряду препятствий, наш головной танк повис на надолбах второго ряда и тут же был расстрелян противотанковой артиллерией. Некоторые танки попадали в замаскированные ямы-ловушки или наталкивались на глубокие рвы.

Под сильным вражеским огнем пехота залегла, а затем начала отходить. При отходе пехотинцев в мой командирский

танк Т-26 угодил снаряд и, пробив броню, насмерть поразил командира орудия. Механик-водитель и я чудом остались невредимы. Но мне пришлось выйти из боя, временно командовать батальоном я поручил начальнику штаба.

На командном пункте, когда было вынесено из танка тело командира орудия, я обратился к членам запасных танковых экипажей с предложением добровольно занять место погибшего товарища.

— Мы все готовы! — в один голос заявили стоявшие рядом танкисты.

Один из них сказал, что пал его друг и он будет теперь сражаться за двоих. Танкист молча влез в танк, и вскоре мы снова находились в боевых порядках батальона.

И последующие бои все же не принесли успеха не только танкистам, но и всем нашим войскам. Требовался иной метод боевых действий.

7 января 1940 года на базе Ленинградского военного округа был создан Северо-Западный фронт под командованием командарма 1-го ранга С.К. Тимошенко. Из войск 7-й и 13-й армий образовывалась мощная ударная группировка, усиленная большим количеством тяжелой артиллерии, танков и бомбардировочной авиации. Так, например, в состав только 7-й армии вошли 12 стрелковых дивизий, 7 артиллерийских полков резерва Главного Командования, 4 корпусных артиллерийских полка, 2 дивизиона артиллерии большой мощности, 5 танковых бригад, стрелково-пулеметная бригада, 10 авиационных полков и 2 отдельных тяжелых танковых батальона.

Почти месяц продолжалась подготовка к решительным боевым действиям. 11 февраля после сокрушительной артиллерийской и авиационной подготовки советские войска вновь перешли в наступление и прорвали главную полосу финской обороны. Сопротивление армии противника было сломлено.

Перед соединениями фронта открылся путь в центральную часть Финляндии и к ее столице городу Хельсинки. Это вынудило финляндское правительство 12 марта 1940 года подписать мирный договор. Финляндия была обязана отодвинуть границу с СССР на Карельском перешейке северо-западнее Ладожского озера и в районе Куолоярви, передать Советскому Союзу часть полуостровов Рыбачий и Средний, а также сдать в аренду на 30 лет полуостров Ханко с прилегающими островами.

Подписание мирного договора обеспечивало безопасность Ленинграда, Мурманска и Мурманской железной дороги и создавало благоприятные условия для развития добрососедских советско-финляндских отношений.

В боях на Карельском перешейке воины Красной армии проявили высокое мужество, безграничную преданность своей Родине. За успешное выполнение боевых задач только в 7-й армии двенадцать стрелковых дивизий и пять танковых бригад были награждены орденами Ленина и Красного Знамени. Советское правительство удостоило ордена Красного Знамени и 35-ю легкую танковую бригаду. Тысячи воинов были награждены орденами и медалями. Я также был отмечен орденом Красной Звезды.

Советские танки в войне с Финляндией показали высокие боевые качества, особенно при действиях в составе подвижных групп, вводимых в прорыв вражеской обороны. Эти группы, как правило, создавались на базе танковых бригад, усиленных стрелковыми батальонами и саперами. Но опыт войны еще раз подтвердил, что развитие противотанковой артиллерии настоятельно требует усиления броневой защиты наших танков и повышения мощи их артиллерийского вооружения.

Наши танковые конструкторы успешно решали эту проблему. В декабре 1939 года, когда уже шла Советско-финляндская война, был принят на вооружение тяжелый

танк КВ, толщина брони которого достигала 75 мм. На танке весом 47,5 тонны (экипаж из пяти человек) устанавливались четыре пулемета и 76-миллиметровая пушка. Имея мощный дизельный двигатель В-2, тоже созданный советскими конструкторами, он мог развивать скорость около 35 километров в час.

В это же время в конструкторском бюро, возглавляемом М.И. Кошкиным, а затем А.А. Морозовым, завершилось конструирование легендарного среднего танка Т-34 весом 30,9 тонны, который имел усиленную броневую защиту и был вооружен пушкой 76-миллиметрового калибра и двумя пулеметами. Мощность дизеля В-2 позволяла развивать этой машине максимальную скорость до 55 километров в час, а ее широкие гусеницы обеспечивали высокую проходимость по самой разнообразной местности. Превосходные конструктивные данные тридцатьчетверки позволили впоследствии без существенного увеличения первоначального ее веса повысить толщину брони в наиболее уязвимых местах, усилить мощь вооружения и внести ряд усовершенствований в отдельные узлы и механизмы.

После тщательного изучения опыта боев Советско-финляндской войны и массового применения танков в начавшейся Второй мировой войне немецко-фашистской армией стало очевидным, что армия, не располагающая крупными бронетанковыми соединениями на главных направлениях, не может выиграть решающих сражений, особенно в наступательных операциях, где победа достигается стремительным развитием тактического успеха в оперативный прорыв подвижных войск в глубину обороны противника.

В связи с этим решено было приступить к созданию в Красной армии крупных бронетанковых соединений — механизированных корпусов. Механизированный корпус как высшая организационная единица бронетанковых

войск включал 2 танковые и моторизованную дивизии. По штатам танковая дивизия должна была иметь 2 танковых полка, моторизованный и артиллерийский полки, зенитно-артиллерийский дивизион и подразделения обеспечения. В мотострелковой дивизии было 2 мотострелковых полка, по танковому и артиллерийскому полку, примерно те же обеспечивающие специальные части и подразделения, что и в танковой дивизии.

Формирование механизированных корпусов проводилось в два этапа. За 1940 год было образовано 9 мехкорпусов. В феврале — марте 1941 года началось формирование еще 20.

Конечно, радовало то, что так быстро увеличивается количество крупных бронетанковых соединений. Однако танковая промышленность в то время еще не имела возможности в такие сжатые сроки обеспечить новой бронетанковой техникой все вновь создаваемые корпуса. В результате даже соединения, находившиеся в западных приграничных военных округах, не были полностью укомплектованы новыми танками.

В этом я убедился лично, когда в декабре 1940 года был назначен заместителем командира 5-й танковой дивизии 3-го механизированного корпуса Прибалтийского Особого военного округа. Корпусу было положено по штату 1011 танков разных типов, в том числе 126 тяжелых КВ и 420 средних Т-34. Однако на 1 января 1941 года в наличии имелось всего 640, из них 52 КВ и 50 Т-34. Остальные боевые машины представляли собой в основном легкие танки устаревших конструкций БТ и Т-26 с тонкой броней, слабым вооружением и основательно изношенными моторамп. По плану укомплектования корпус в 1941 году должен был получить 103 танка Т-34, а поставка недостающих 74 КВ на этот год вообще не предусматривалась[10]. Полное укомплектование корпуса новыми боевыми машинами планировалось на 1942 год.

Таково было положение в корпусе с материальной частью. Значительным также оставался в дивизиях некомплект командного и технического состава, недостаточно технически оснащенной выглядела ремонтная база, не хватало средств связи.

5-я танковая дивизия дислоцировалась в районе литовского города Алитус. В связи с тем что ее командир находился на курсах усовершенствования командного состава, временно командовать дивизией было приказано мне. Свои главные усилия я направил на всемерное повышение боевой готовности частей, понимая, как и многие другие командиры соединений, что война неизбежна. Фашистская Германия сокрушала одно за другим государства Европы. Уже второй год стонал под немецко-фашистским игом многострадальный народ Польши. Под пятой захватчиков находилась Чехословакия. У ног фашистских завоевателей лежала поверженная Франция. Немецкая военщина хозяйничала в Бельгии, Голландии, Дании и Норвегии. Используя шантаж, подкуп и предательство реакционных элементов в правительствах стран Юго-Восточной Европы, гитлеровская клика подчинила себе Венгрию, Румынию и Болгарию. Жертвой немецко-фашистских захватчиков стала Югославия, патриоты которой мужественно отстаивали свою свободу и независимость. Вместе со своей союзницей — Италией, оккупировавшей Албанию и вторгшейся в Северную Африку, Германия терзала Грецию. Нанеся поражение английским войскам в Северной Франции, немецко-фашистские войска создали угрозу вторжения через Ла-Манш на Британские острова.

Весной 1941 года фашистские разведывательные самолеты начали систематически нарушать воздушное пространство приграничных районов нашей страны. В Прибалтике они в отдельных случаях проникали до Риги, Шяуляя, Каунаса, Вильнюса и Алитуса.

Тучи военной грозы нависали над нашей страной.

Глава вторая
СУРОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

В конце мая 1941 года меня назначили начальником штаба 3-го механизированного корпуса. Корпус дислоцировался на территории Литвы: 2-я танковая дивизия северо-западнее города Каунас в Россиенах (Расейняй), части 84-й мотострелковой дивизии восточнее Каунаса в Кайшадирах (Кайшядорас), а 5-я танковая дивизия — значительно южнее, в городе Алитусе.

Сдав 5-ю танковую дивизию вернувшемуся с командных курсов полковнику Ф.Ф. Федорову, я выехал в Каунас, где размещался штаб корпуса с частями корпусного подчинения.

Командовал корпусом генерал-майор танковых войск А.В. Куркин — человек твердого характера и редкой работоспособности. С первых же дней у нас сложились хорошие взаимоотношения на основе единства взглядов по принципиальным вопросам обучения и воспитания войск, в оценке крайне накаленной к тому времени военно-политической обстановки в Европе, создавшей угрозу безопасности нашей страны.

Оба мы были абсолютно убеждены, что недалеко то время, когда, охмеленная легкими победами на Европейском континенте, гитлеровская армия ринется на Советский Союз. И даже известное Заявление ТАСС от 14 июня 1941 года о беспочвенности слухов, касающихся подготовки немцами войны против СССР, не поколебало нашей убежденности. Зачем тогда, рассуждали мы, гитлеровцы перебрасывают крупные военные силы в Восточную Пруссию, а их самолеты откровенно ведут воздушную разведку советской территории?

В этой тревожной обстановке мы совершенствовали боевую и политическую подготовку личного состава ча-

стей и соединений, проводили полковые и дивизионные учения, направляя все усилия командиров и штабов на поддержание постоянной боевой готовности личного состава корпуса.

21 июня, буквально за несколько часов до вторжения немецко-фашистских войск в Литву, к нам в Каунас прибыл командующий войсками Прибалтийского Особого военного округа генерал-полковник Ф.И. Кузнецов. Торопливо войдя в кабинет генерала Куркина, у которого я в то время был на докладе, он кивнул в ответ на наше приветствие и без всякого предисловия сообщил как ударил:

— Есть данные, что в ближайшие сутки-двое возможно внезапное нападение Германии.

Мы молча переглянулись. И хотя нас в последние дни не оставляло предчувствие этой беды, сообщение Кузнецова ошеломило.

— А как же Заявление ТАСС? — изумленно спросил Куркин. — Ведь в нем говорилось...

— Но ведь это же внешнеполитическая акция, которая к армии не имела прямого отношения, — сказал командующий. Он устало опустился на стул, вытирая носовым платком вспотевшее, сильно осунувшееся лицо. — Не надо сейчас заниматься обсуждением этих проблем. У нас есть свои достаточно важные. Немедленно под видом следования на полевые учения выводите части корпуса из военных городков в близлежащие леса и приводите их в полную боевую готовность.

— Товарищ командующий, — обратился комкор к Кузнецову, — разрешите собрать корпус на каком-то одном указанном вами операционном направлении.

Ф.И. Кузнецов, с минуту подумав, отклонил просьбу А.В. Куркина.

— Поздно заниматься перегруппировками, — сказал он. — Авиация немцев может накрыть ваши части на марше.

Мое предложение о подготовке к эвакуации семей командиров и политработников в глубь страны тоже не получило поддержки командующего.

— Возможно, это и необходимо, — сказал он, — но нельзя не учитывать, что такая мера может вызвать панику.

После отъезда командующего войсками округа мы тотчас же занялись выполнением его распоряжений. Во все дивизии были срочно направлены ответственные работники штаба и политотдела корпуса. Им предстояло оказать помощь командованию в выводе частей и соединений в районы их сосредоточения, в подготовке к обороне этих районов, оборудовании командных и наблюдательных пунктов, организации связи, управления и полевой разведки.

Управление 3-го механизированного корпуса во главе с генералом А.В. Куркиным убыло в Кейданы (Кедайняй), севернее Каунаса. Отсюда мы установили связь со 2-й танковой и 84-й мотострелковой дивизиями, а также со штабом 11-й армии, от которого, кстати, узнали, что наша 5-я танковая дивизия, оставаясь на самостоятельном алитусском направлении, подчинялась непосредственно командующему армией.

Чтобы представить, в каких невыгодных условиях Прибалтийский Особый военный округ, преобразованный в начале войны в Северо-Западный фронт, встретил вторжение гитлеровских полчищ в Прибалтику, следует, очевидно, познакомить читателя с некоторыми данными.

К июню 1941 года округ имел в своем составе 2 общевойсковые армии (8-ю и 11-ю), насчитывавшие 25 дивизий и 1 бригаду, в том числе 4 танковые и 2 мотострелковые дивизии (3-й и 12-й мехкорпуса). Кроме того, у Пскова дислоцировались 2 стрелковые дивизии и бригада окружного подчинения, с началом войны объединенные в 27-ю армию. Из всех соединений 1 стрелковая дивизия прикрывала побережье Балтийского моря у Вентспилса (Виндава) и Лие-

паи (Либава), 7 стрелковых дивизий предназначались для обороны сухопутной границы Литовской ССР с Германией (Восточной Пруссией) на фронте 300 км. Однако большинство соединений находилось в летних лагерях, и каждое имело у государственной границы прикрытие от роты до батальона.

В тот день, когда нас посетил командующий округом, в боевую готовность были приведены механизированные корпуса и только 6 стрелковых дивизий, при этом им (стрелковым соединениям) еще предстояло совершить марш к госгранице из районов лагерей и военных городков.

В 4.00 утра 22 июня 1941 года немецкая авиация нанесла в Прибалтике массированные удары с воздуха по нашим аэродромам, крупным железнодорожным узлам, портам, городам Рига, Виндава (Вентспилс), Либава (Лиепая), Шяуляй, Каунас, Вильнюс, Алитус и другим. Одновременно тяжелая артиллерия противника начала мощный обстрел населенных пунктов и наших войск вдоль всей литовско-германской границы. Даже до Кейданы (Кедайняй) доносился гул артиллерийской канонады и грохот разрывов авиационных бомб.

В 5.30—6.00 вражеская пехота после повторного налета авиации, нарушив границу, перешла в наступление. В 8.30—9.00 немцы бросили в бой крупные силы мотомеханизированных войск по трем направлениям: Таураге, Шяуляй; Кибартай, Каунас и Калвария, Алитус.

Тогда мы еще не знали, каким огромным преимуществом в силах и средствах располагал противник. Лишь позже было установлено, что на наши войска здесь фашистское командование обрушило удар всей германской группы армий «Север», а также 3-й танковой группы и двух левофланговых армейских корпусов 9-й армии, входившей в состав немецких армий «Центр». Они имели в своем составе 40 дивизий, из них 25 (в том числе 6 танковых), наступавших в первом эшелоне.

На направлениях своих главных ударов гитлеровское командование создало подавляющее превосходство. Так, например, наша левофланговая 125-я стрелковая дивизия 8-й армии, развернувшаяся на фронте в 40 километров, была атакована частями трех танковых и двух пехотных дивизий, за которыми следовали во втором эшелоне еще три моторизованные дивизии 4-й танковой группы немцев.

Такими же превосходящими по численности силами были атакованы части 188, 126 и 128-й стрелковых дивизий 11-й армии. Против их пяти развернувшихся для боя полков на фронте до 100 километров наступали, составляя первый эшелон, шесть пехотных и три танковые дивизии, за которыми вторым эшелоном следовали одна пехотная, три моторизованные и одна танковая дивизии 3-й танковой группы противника. Эта вражеская армада средних и тяжелых танков, лавина пехоты на бронетранспортерах и автомашинах поддерживалась большим количеством самолетов, непрерывно бомбивших наши войска, их штабы и тылы, резервы и коммуникации.

Упреждающее оперативное развертывание мощных сил, имеющих почти двухлетний опыт войны, массированное применение авиации и бронетанковых войск сразу же обеспечили гитлеровцам крупный успех. Уже в первый день войны наши слабые части прикрытия, штатный состав большинства которых был укомплектован молодыми бойцами лишь в 1940 году, оказались смятыми. К вечеру 22 июня войска 4-й танковой группы противника вышли на рубеж реки Дубисса (35 километров северо-западнее Каунаса), а вражеские дивизии первого эшелона 3-й танковой группы, используя захваченные в районе Алитуса и Меркиса мосты, переправились через Неман.

Пытаясь задержать продвижение противника на Немане, командование 11-й армии бросило в бой 5-ю танковую дивизию. Командир дивизии полковник Ф.Ф. Федоров успел

выдвинуть к мосту у Алитуса только артиллерию 5-го мотострелкового полка, отдельный зенитно-артиллерийский дивизион и 2-й батальон 9-го танкового полка. Артиллеристы и танкисты, подпустив танки врага на 200—300 метров, открыли огонь прямой наводкой. За 30—40 минут боя они подбили 16 вражеских машин и на время задержали танковую колонну 39-го моторизованного корпуса фашистов.

Однако после захвата второго моста через Неман, южнее Алитуса, противник развил стремительное наступление на север и вскоре зажал на восточном берегу Немана главные силы 5-й танковой дивизии с двух сторон. В неравном, крайне ожесточенном бою наше соединение потерпело поражение, потеряв 90 боевых машин, хотя наши воины уничтожили до 170 танков, бронеавтомобилей и бронетранспортеров противника.

Положение на Северо-Западном фронте сложилось крайне напряженное.

Вражеская авиация и агентура вывели из строя в первые часы войны много наших радиостанций, узлов и линий связи. При стремительном развитии событий и часто менявшейся обстановке это чрезвычайно затрудняло управление войсками. Тыл работал в сложных условиях: не хватало транспорта и горючего, что вело к перебоям в снабжении войск.

В этих условиях, видимо, следовало отводить соединения на подготовленные к обороне рубежи крупных рек, куда спешно подтягивать из глубины резервы для организации отпора врагу. Однако командование фронта, выполняя не отвечающую реальной обстановке директиву Главного военного совета, предприняло подготовку контрударов по противнику. На 23—24 июня перед войсками Северо-Западного фронта была поставлена задача: стрелковыми и мотострелковыми дивизиями прикрыть районы Шяуляя, Каунаса, Вильнюса, а частями трех танковых дивизий нанести по врагу контрудар. Две танковые дивизии 12-го механизированного корпуса должны были атаковать гит-

леровцев из района своего расположения в районе Шяуляя в южном направлении, а наша 2-я танковая дивизия — наступать через Россиены (Расейняй) на запад.

В связи с тем что 84-я мотострелковая дивизия вслед за 5-й танковой дивизией передавалась 11-й армии, штаб 3-го механизированного корпуса убыл из Кедайняя в район расположения 2-й танковой дивизии для руководства ее боевыми действиями в предпринимаемом контрударе.

23 июня вражеская авиация продолжала оказывать сильное воздействие на наши железнодорожные узлы и коммуникации, порты и аэродромы, одновременно бомбила и обстреливала из пулеметов наземные войска, препятствуя подходу резервов.

Из штаба 11-й армии нам сообщили о тяжелых потерях 5-й танковой дивизии в районе Алитуса и отходе ее на Вильнюс. А в это время 2-я танковая дивизия наступала на таурагенском направлении. Во второй половине дня командир дивизии генерал-майор танковых войск Е.Н. Солянкин сообщил, что его части ведут встречный бой под Скаудвиле с моторизованными войсками противника.

В этот день мы впервые наблюдали воздушную схватку звена наших истребителей с вражескими самолетами, два из которых задымили и, повернув на запад, где-то вдали с грохотом врезались в землю.

К вечеру от генерала Солянкина поступило донесение о разгроме его частями 10-го моторизованного полка немцев, при этом было уничтожено до 40 танков и 40 противотанковых орудий врага. Однако и наши части тоже понесли значительные потери. Особенно пострадали полки, имевшие на вооружении легкие танки БТ и Т-26.

В течение 24 июня 2-я танковая дивизия продолжала отражать атаки превосходящих сил противника, но к исходу дня начала пятиться в связи с тем, что кончилось горючее и на исходе были снаряды.

Час от часу становилось не легче. Мы лишились связи со штабом 11-й армии и не знали, что происходит в ее полосе обороны. Только после стало известно, что противник, стремительно развивая наступление на каунасском направлении, овладел Каунасом и частью сил устремился к Вильнюсу, а главными силами 56-го моторизованного корпуса вышел в район Ионавы, отсекая 11-ю армию от 8-й армии и охватывая ее с обоих флангов. Магистральное шоссе на Двинск (Даугавпилс) оказалось не прикрытым нашими войсками, и танковые колонны немцев беспрепятственно двинулись на север, к Западной Двине (Даугава).

Командующий 11-й армией генерал-лейтенант В.И. Морозов попытался было восстановить положение, бросив на Ионаву 84-ю мотострелковую дивизию. Но в ожесточенном бою это соединение, уже значительно обескровленное в боях под Каунасом, вновь понесло тяжелые потери и разрозненными подразделениями откатилось в расположение отступавших частей 16-го стрелкового корпуса. В целом 11-я армия под угрозой окружения начала поспешный отход на северо-восток, за реку Вилия. Войска 8-й армии под напором мощной тильзитской группировки противника отступали на север, к реке Вента и Шяуляю.

Таким образом, наступая на параллельных даугавпилсском и шяуляйском направлениях, противник обошел с флангов и окружил нашу 2-ю танковую дивизию. 26 июня группа фашистских танков с десантом автоматчиков на броне совершила внезапное нападение с тыла на штаб дивизии и управление 3-го механизированного корпуса, располагавшего всего одним мотоциклетным полком. В завязавшемся жестоком бою мы потеряли многих боевых товарищей. Погиб и комдив генерал Е.Н. Солянкин.

Бой продолжался до заката солнца. В наступивших сумерках мы отошли в глубину леса, а затем — в расположение частей 2-й танковой дивизии, имевшей не больше десятка

танков, да и то с пустыми баками. Значительная часть боевых машин была потеряна в бою под Скаудвиле или выведена из строя самими танкистами после того, как они израсходовали горючее и расстреляли все снаряды.

В дивизии я по приказанию генерала Куркина собрал совещание оставшегося в живых комсостава частей и штабов. Нужно заметить, что ни один из командиров и политработников не проявил растерянности, когда командир корпуса объявил, что мы находимся в окружении и принято решение прорываться на восток. Он приказал привести в полную негодность танки, оставшиеся без горючего, предварительно сняв с них пулеметы, распределить по подразделениям стрелковое вооружение, патроны и гранаты, принять меры по перевозке тяжелораненых и больных.

Времени для этого оставалось в обрез, поскольку июньская ночь коротка, а к утру мы должны были во что бы то ни стало пересечь шоссе на Даугавпилс севернее Каунаса и углубиться в леса.

Никогда мне не забыть, как танкисты со слезами на глазах расставались с танками, которые им было приказало собственными руками уничтожить.

При обходе частей, готовившихся к прорыву из окружения, нас с генералом Куркиным привлек шум, доносившийся из кустарника, где стоял танк Т-34. Мы подошли поближе и стали свидетелями драматической сцены.

— Не могу! Рука не поднимается калечить свой танк. Он, может, десять раз спасал меня от смерти, а вы заставляете его уродовать! — всхлипывал молоденький танкист, как оказалось, механик-водитель.

— А ты что, хочешь оставить его фашистским гадам целехоньким? Или на себе потянешь? Тоже мне разнюнился! — горячился рядом с механиком лейтенант.

Куркин положил руку на плечо плачущему танкисту и мягко, по-отечески сказал:

— Успокойся, сынок... Всем нам тяжело, но иного выхода нет. Не оставлять же нам действительно врагу машину в исправном состоянии...

Парень поднял мокрое от слез лицо, с тоской в глазах посмотрел на генерала и, схватив лежавший у ног молоток, нырнул в люк танка.

Мы молча пошли дальше, невольно прислушиваясь к бередившему душу грохоту в танке.

...Тяжелые испытания выпали на нашу долю. Около двух месяцев продвигались мы через леса Белоруссии и Северной Брянщины на восток, обходя ночами города, деревни и села, занятые крупными гарнизонами врага, уничтожая тыловые подразделения гитлеровцев, колонны их автомашин с боеприпасами и различным снаряжением. Несмотря на все тяготы и лишения, наши люди не падали духом, не теряли облика советских воинов. Они вышли к линии фронта в военной форме, имея при себе личное оружие и документы, а коммунисты — партийные билеты.

После выхода из окружения из танкистов группы генерала А.В. Куркина были сформированы и направлены на заводы за получением боевой техники танковые экипажи. Старшему командному составу, в том числе и мне, было приказано следовать в Москву.

* * *

В Москве я был принят начальником Главного бронетанкового управления генерал-лейтенантом танковых войск Я.Н. Федоренко. Еще в конце тридцатых годов у нас с ним установились хорошие, можно сказать, дружеские отношения, несмотря на различие в должностном положении.

— Живой! — стиснул Яков Николаевич мои плечи сильными руками, усаживая на диван будто гостя, а не подчиненного.

— Как видите, только душа болит. Как же так случилось, что мы оказались не подготовленными к этой страшной войне?

— Готовились, Павел Алексеевич, но, к великому сожалению, не успели. Ты ведь сам видел, чем нас бьет фашистская армия. Многочисленной и, прямо скажем, сильной боевой техникой, прежде всего танками, самолетами, поставляемыми уже не один год мощной военной промышленностью всей Западной Европы, да и не без помощи всего капиталистического мира. Зная об этом, советское правительство стремилось дать нашей армии подобную, а кое в чем и лучшую боевую технику, да не хватило времени для производства ее в нужном количестве... — Федоренко подошел к своему рабочему столу, глубоко вздохнув, опустился в кресло и продолжил: — Конечно, у нас были допущены кое-какие промахи при создании в приграничных округах соответствующих группировок войск и приведении их в боевую готовность. Однако, мне думается, это все-таки не главная причина успеха немцев. Против танка с винтовкой не устоишь. Ценою большой крови мы могли бы только на некоторое время остановить их, но не разгромить...

Яков Николаевич коротко ознакомил меня с положением на советско-германском фронте, растянувшемся от Карельского перешейка до Черного моря. Просто не верилось, что немецко-фашистские войска за два с половиной месяца овладели советской Прибалтикой и вышли на подступы к Ленинграду, захватили Белоруссию и часть районов западных областей РСФСР, оккупировали Правобережную Украину, Молдавию, прорвались к Киеву, Одессе и Крыму. Ожесточенные бои шли на смоленско-московском направлении, и фашистская авиация уже совершала налеты на Москву.

— Ну, теперь ближе к делу, — сказал Федоренко и, раскрыв папку с документами, положил один из них перед собой. Это, как оказалось, был мой послужной список. — В связи с большими потерями бронетанковой техники и невозможностью

восполнить их в скором времени Ставкой Верховного Главнокомандования было принято решение о расформировании механизированных корпусов.

— И что же дальше? — невольно вырвалось у меня.

— Собираем все, что осталось, вплоть до ремонтируемых и учебных танков, торопим промышленность с выполнением наших заказов, формируем отдельные танковые батальоны, полки и бригады... Как только предприятия танковой промышленности, эвакуированные на восток, начнут массовый выпуск танков, будут у нас и механизированные и танковые корпуса. А пока надо драться тем, что есть, менять тактику, помогать пехоте в обороне, действовать из засад, всеми способами истреблять живую силу и технику противника. — Генерал, взглянув на лежащий перед ним документ, потом на меня, вдруг неожиданно сообщил: — Есть предложение назначить тебя, Павел Алексеевич, начальником штаба бронетанковых войск Красной армии. — Видимо, не заметив на моем лице удовлетворенности этим предложением, он поспешил добавить: — Ты имеешь опыт работы в крупных штабах, теоретически подготовлен, как-никак преподавал в академии, кандидат наук...

— И оказался к тому же битым, — усмехнулся я.

— Ну, знаешь, за одного битого двух небитых дают... Не твоя в том вина. Воевать ты вроде бы умеешь.

— Это еще надо доказать...

— Вот чудак-человек! — уже раздраженно прервал меня Яков Николаевич. — Ему, полковнику, предлагают должность генерал-лейтенанта, а он, видите ли, артачится! Да надо гордиться, что выбор пал именно на тебя!

— Благодарю за доверие! — вскочил я с дивана. — Только лучше пошлите на фронт, все равно — командиром полка или батальона. Я должен воевать, а не бумаги писать...

В глазах генерала вспыхнули гневные искорки. Опершись на стол тяжелыми, до синевы сжатыми кулаками, он резко поднялся, оттолкнув кресло.

— Ишь, герой нашелся! А я, по-твоему, здесь бумагу мараю? Отлыниваю от фронта?! — бушевал Федоренко, яростно жестикулируя.

Я молчал и, конечно, был уверен, что Я.Н. Федоренко тоже рвется в бой. Ведь его, как и любого советского человека, терзала жгучая ненависть к фашистам. Я знал, что он с радостью бы согласился командовать любым боевым соединением. Но ему, испытанному коммунисту, участнику Гражданской войны, сражавшемуся за власть Советов в рядах революционных моряков, человеку большого опыта и незаурядных организаторских способностей, партия доверила в тяжелую годину высокий пост, определив его место во всенародной войне против захватчиков...

Погасив вспышку гнева, умолк и Яков Николаевич, понимая, что моя просьба не является какой-то бравадой. Ведь в то время не единицы, а сотни командиров, оказавшись по той или иной причине в тылу, подавали рапорт за рапортом с просьбой направить их в действующую армию.

— Идите и еще раз хорошенько подумайте над моим предложением, — перейдя на «вы», холодно сказал генерал и, наклонив изрядно поседевшую голову, углубился в служебные бумаги.

Вышел из кабинета заместителя наркома крайне расстроенным. «Ведь может быть так, — размышлял я, — что подпишут приказ о назначении на предложенную должность и ничего не останется, как подчиниться». И тут пришла мысль — написать письмо на имя И.В. Сталина. Тотчас же кратко изложил суть своей просьбы и принял меры по доставке письма в Кремль.

Через день меня снова вызвали к Я.Н. Федоренко.

— А, явился челобитчик! Кто это тебя надоумил обращаться лично к товарищу Сталину? — грозно пробасил Яков Николаевич, но глаза его искрились веселыми огоньками. Уже из того, что он начал разговор с дружеского «ты», можно было догадаться — моя просьба удовлетворена.

— Сам додумался, товарищ генерал-лейтенант.

— Ну и настырный же ты, Павел Алексеевич, добился-таки своего. Однако не думай, что тебя направляют в войска без моего согласия, — погрозил пальцем Федоренко. — Знай, не найду подходящей кандидатуры — будет по-иному: отзову с фронта.

— Спасибо, товарищ замнаркома, — поблагодарил я Якова Николаевича.

— Да ладно уж, — махнул рукой генерал и продолжал: — В селе Костырево, километрах в ста двадцати юго-восточнее Москвы, формируется восьмая танковая бригада. Времени у тебя в обрез. Поезжай, доформировывай. Приказ о назначении тебя командиром этой бригады будет подписан завтра.

...Прибыв в Костырево, я встретил там многих своих боевых соратников — командиров, политработников, рядовых танкистов, с которыми вместе прошел тяжелые испытания в первые дни войны. Они в основном — и командные кадры, и рядовые танкисты бывшей 2-й танковой дивизии — составили ядро 8-й танковой бригады.

Комиссаром бригады был назначен бывший военком дивизии бригадный комиссар Н.В. Шаталов. Опытный партиец, по характеру выдержанный и доброжелательный, он сразу же завоевал у личного состава высокий авторитет.

На должность начальника штаба бригады еще до моего приезда прибыл майор М.А. Любецкий, грамотный, вдумчивый, немногословный и очень деятельный.

В бригаду вошли 8-й танковый полк, мотострелковый батальон, зенитно-артиллерийский дивизион и три отдельные роты — разведки, управления и боевого обеспечения. Танковым полком, имевшим два танковых батальона, командовал стройный, подтянутый, энергичный кадровый командир-танкист майор А.В. Егоров, еще в тридцатых годах окончивший танковое училище. Будучи командиром танкового разведбатальона, он принимал участие в осво-

бождении Западной Украины. Война застала его в должности начальника штаба 63-го танкового полка 32-й танковой дивизии 4-го механизированного корпуса. В первом же бою с немецко-фашистскими захватчиками погиб командир полка майор М.И. Жеглов, и Егоров возглавил часть. Он сражался с гитлеровцами под Львовом, в районе Бердичева и на подступах к Киеву — словом, имел боевой опыт и не раз уже смотрел смерти в глаза.

Удачно были подобраны командиры батальонов и рот. Они произвели на меня хорошее впечатление серьезной тактической подготовкой и высоким морально-боевым духом.

К тому времени обстановка на советско-германском фронте характеризовалась все нарастающим упорством советских войск в ожесточенных оборонительных сражениях. В самом разгаре было знаменитое Смоленское сражение, в котором войска Западного фронта, поддержанные резервами Ставки, нанесли крупное поражение противнику в районах Духовщины, Ярцево и Ельни, сорвав его планы с ходу прорваться к Москве. Героическое сопротивление советских войск в районе Смоленска вынудило гитлеровцев, хотя и временно, перейти к обороне на центральном направлении.

Это были воодушевляющие успехи. Вести о них скоро распространились по всей стране, поднимая боевой дух личного состава Красной армии, вселяя в советский народ надежду на то, что захватчики будут остановлены и разбиты.

В первый же день своего пребывания в бригаде я выступил перед личным составом 8-го танкового полка, рассказал танкистам о положении на фронтах, об излюбленных тактических приемах фашистских танкистов, посоветовал, как бить гитлеровцев наверняка, и потребовал, не теряя ни одной минуты, настойчиво готовиться к боям. Затем горячую, проникновенную речь произнес Н.В. Шаталов. Он говорил о смертельной опасности, нависшей над нашей Родиной, призывал к беспощадной борьбе с наглым и опытным врагом.

Во всех подразделениях развернулась напряженная боевая и политическая учеба, неоднократно устраивались сборы командного и политического состава в штабе бригады, в поле отрабатывались действия танкового полка и всех подразделений бригады в различных видах боя.

Формирование 8-й танковой бригады было закончено досрочно. Ее основа — 8-й танковый полк имел 61 танк, из них 7 тяжелых КВ, 22 средних Т-34 и 32 легких Т-40. Полностью были укомплектованы вооружением и людьми также мотострелковый батальон, зенитно-артиллерийский дивизион и все три отдельные роты. Об этом я лично доложил генералу Я.Н. Федоренко. Вскоре последовал приказ грузить бригаду в эшелоны и перебрасывать ее на Северо-Западный фронт, в район станции Валдай.

Проследив за погрузкой техники и личного состава, я убыл в штаб фронта для получения боевой задачи.

* * *

Командующий Северо-Западным фронтом генерал-лейтенант П.А. Курочкин был известным и уважаемым военачальником. Еще красногвардейцем в дни Великого Октября он участвовал в штурме Зимнего дворца, потом сражался против белогвардейцев. Перед Великой Отечественной войной Павел Алексеевич уже командовал войсками Забайкальского военного округа. Коренастый, спокойно-неторопливый в разговоре и движениях, он встретил меня очень приветливо и, выслушав доклад о боевой готовности бригады, пригласил к карте.

Из довольно подробной информации командующего я получил отчетливое представление о положении на северо-западном направлении. К тому времени войска немецко-фашистской группы армий «Север», наступая из Прибалтики, ценою огромных потерь вышли на побережье Финского залива в район Урицка, а затем, прорвавшись к южному бе-

регу Ладожского озера у Петрокрепости (Шлиссельбург), блокировали Ленинград с суши.

Командование фронта делало все возможное, чтобы оказать помощь защитникам колыбели пролетарской революции. Когда гитлеровцы рвались к Ленинграду, а финская армия развернула наступление на ленинградском направлении с севера, войска Северо-Западного фронта форсировали реку Ловать и из района Старой Руссы нанесли удар по южному крылу 16-й немецкой армии. Для отражения этого удара фашистскому командованию пришлось срочно перебрасывать сюда значительную часть подвижных войск групп армий «Север» и «Центр», а также всю авиацию 1-го воздушного флота.

— Наш контрудар, — говорил П.А. Курочкин, — ослабил нажим противника на Ленинград и позволил выиграть определенное время, необходимое для организации обороны города.

Бои, как рассказывал Павел Алексеевич, носили исключительно ожесточенный характер. Советские войска понесли значительные потери, однако наступление гитлеровцев под Ленинградом к 20 сентября было остановлено.

— Восьмая танковая бригада, — сказал командующий фронтом, — передается в состав одиннадцатой армии генерала Морозова. Решено силами вашей бригады и вновь прибывшей двадцать шестой стрелковой дивизии нанести упреждающий удар на Лужно. Поезжайте к товарищу Морозову, от которого получите конкретную задачу.

23 сентября я приехал в Валдай из штаба 11-й армии, имея при себе приказ о наступлении, которое назначалось на утро следующего дня. Встретивший меня начальник штаба бригады майор М.А. Любецкий доложил, что благополучно прибыли и разгрузились танковый полк, зенитно-артиллерийский дивизион, а также все три отдельные роты. Эшелон с мотострелковым батальоном ожидался ночью. С ним находился и бригадный комиссар Н.В. Шаталов.

Приказал Любецкому нанести на карту обстановку и тотчас же вызвать командира танкового полка майора А.В. Егорова. Через час Егоров был у меня. Ознакомив его с приказом командующего армией, я потребовал к утру быть в готовности к наступлению. Смотрю — он не торопится с ответом.

— Вам что-то непонятно? — спросил я майора.

— Времени мало, товарищ полковник. Надо провести рекогносцировку, изучить систему обороны противника, организовать взаимодействие с пехотой и артиллерией... К тому же не подвезли дизельное топливо для тяжелых танков. У нас еще нет карт района предстоящих действий.

Командир полка, конечно, по-своему прав. Танкисты должны вступать в бой чуть ли не с железнодорожных платформ. Но командарм требовал торопиться, решительными действиями препятствовать развитию удара противника на Ленинград.

Разъяснил все это Егорову:

— В сложившейся обстановке ваш полк завтра может сделать то, что послезавтра уже не удастся. Получайте карты у начальника штаба бригады, роту КВ оставьте в моем резерве и к семнадцати часам доложите свое решение.

— Все ясно, — козырнул Егоров. — Разрешите выполнять!

Около трех часов где-то недалеко от расположения танкового полка начали рваться мины и снаряды. Через полчаса серия взрывов повторилась. Меня это встревожило. Сажусь в машину и еду в полк. Он сосредоточился в лесу у деревни Сосенцы. Подъезжаю к опушке леса, а танков не вижу. Но они были здесь. Оказалось, что танкисты так искусно замаскировали свои боевые машины.

Оставляю машину и иду к штабу полка. Навстречу уже бежит начальник штаба — совсем еще молодой капитан А.С. Кривошеев. Он доложил, что командир полка с комбатами и командирами рот находится на рекогносцировке.

— Что тут за стрельба? — спрашиваю у Кривошеева.

— Это не у нас, товарищ полковник. Минометчики соседнего стрелкового полка с фрицами «гостинцами» обмениваются.

В лесу было тихо. Ранняя осень разбросала по нему свои пестрые краски. Высоко в небе с севера летела клином, курлыча, стая журавлей. Запрокинув голову, на них печально смотрел поджарый паренек.

В ожидании Егорова я обошел расположение одной из рот 1-го танкового батальона, поговорил с танкистами. Радовало их боевое настроение. Усатый механик-водитель старательно протирал лобовую броню своего танка, тихонько напевая «Трех танкистов». Интересуюсь, откуда он.

— С Челябинского тракторного, товарищ командир бригады. Доброволец. Все не отпускали. Был забронирован.

— Значит, решил бумажную броню сменить на стальную броню?

— Выходит, так, — улыбнулся танкист.

В роте в основном были добровольцы — рабочие тракторных заводов Челябинска и Сталинграда.

Пока я беседовал с ними, вернулся с рекогносцировки майор Егоров. Там, на месте, он принял решение, приказав первому батальону под командованием майора Д.Л. Дорожкова атаковать вдоль Демянского шоссе, тесно взаимодействуя со вторым батальоном капитана И.Д. Баскакова, получившим задачу атаковать правее.

Как оказалось, противник не имел еще достаточно прочной обороны. Но, по мнению Егорова, гитлеровцы успели развернуть противотанковые средства и организовать систему огня. Ему даже удалось выявить отдельные артиллерийские и минометные батареи противника. Поэтому он просил меня договориться с командиром соседней, 26-й Златоустовской Краснознаменной стрелковой дивизии поддержать атаку танков огнем его артиллерии.

Я утвердил решение командира танкового полка и посоветовал, как лучше организовать взаимодействие между средними и легкими танками. Средние должны огнем и броней прокладывать путь, уничтожая артиллерийские позиции и танки противника, а легким следует сосредоточить свои усилия на уничтожении вражеских пулеметных точек, пехоты, бронетранспортеров и автомашин.

Уже начало смеркаться, когда я собрался уезжать на свой командный пункт.

— Товарищ полковник, может, вы вернете мне роту КВ? — попросил Егоров. — Как видите, у меня же ничего не остается в резерве. Все бросаю, чтобы усилить мощь первого удара.

— Вижу, иначе бы не утверждал вашего решения. Посмотрим по обстановке, — ответил я, думая, что и мне нельзя оставаться без резерва, тем более что пока не прибыл мотострелковый батальон.

Наступила тревожная ночь. Я беспокоился, как бы противник сам не перешел в наступление. Потом, как сложится этот первый бой недавно сформированной бригады, как проявят себя некоторые, еще не обстрелянные, танкисты?..

Прилег отдохнуть, но не уснул, а дремал, прислушиваясь к гулу самолетов в ночном небе и редким разрывам снарядов.

Еще было темно, когда загрохотала артиллерийская канонада. Снаряды и мины рвались, судя по всему, там, где находился танковый полк. Возможно, гитлеровцы догадывались, что готовится наше наступление. Потом как-то внезапно все стихло. Связываюсь по радио с А.В. Егоровым. Он докладывает, что немцы произвели сильный артиллерийский налет, однако огонь вели неприцельный: лишь несколько снарядов разорвались в расположении полка. Потерь не было. С началом налета экипажи укрылись в танках, закрыв люки.

Приближался рассвет. С северо-востока, со стороны озера Ильмень, подул холодный ветер. На востоке у горизонта мед-

ленно бледнело небо. И когда оно порозовело, громыхнули орудийные выстрелы. Это начала артиллерийскую подготовку 26-я стрелковая дивизия. Постепенно мощь артиллерийского и минометного огня нарастала.

Егоров доложил, что танковые батальоны выдвигаются на рубеж атаки и занимают боевой порядок за пехотой. Над противником появились наши самолеты. Их бомбовый груз обрушивается на гитлеровцев. По силе взрывов и величине вздымаемых фонтанов земли можно было определить, что сбрасываются тяжелые авиабомбы. В это время 8-й танковый полк перешел в атаку. По рации слышу голос командира полка:

— Я — «Уран». Я — «Уран». Всем, всем! Ускорить ход! Ускорить ход!

С НП в бинокль вижу, как первый танковый батальон майора Дорожкова устремился вдоль Демянского шоссе. Правее, по целине, набирая скорость, атакуют танки второго батальона капитана Баскакова. За танками поднялась пехота. Но едва скрылась наша авиация, как над боевыми порядками повисли немецкие «юнкерсы». Особенно трудно первому танковому батальону. Однако прямых попаданий пока не заметно. Танкисты еще больше ускоряют ход, стремясь сблизиться с противником и поставить фашистских летчиков перед опасностью поражения своих войск.

«Молодцы, — думаю, — правильно идут на сближение».

Гитлеровцы открыли сильный пулеметный и минометный огонь по наступающим за нашими танками стрелковым подразделениям. Пехотинцы залегли. В таких случаях выручить их могут только танки. Стремительный рывок сквозь огневую завесу — и танкисты наваливаются на огневые точки врага, огнем с коротких дистанций бьют по противотанковым пушкам, давят пулеметы и минометы. Стрелки вновь бросаются в атаку.

Наши танковые батальоны, ломая упорное сопротивление противника, устремляются в глубину его обороны. Охваченная паникой, фашистская мотопехота оставляет деревню Красея. Но наши вырвавшиеся на оперативный простор танки вдруг резко снижают темп наступления. Через пелену дыма трудно рассмотреть, что происходит. Связываюсь по рации с Егоровым.

— «Уран»! «Уран»! Почему замедлили продвижение? Доложите обстановку!

Командир танкового полка сообщает, что от рощи правее дороги на Демянск против батальона майора Дорожкова перешли в контратаку 20 немецких танков, поддерживаемых огнем самоходных орудий. Вражеские танки контратакуют и с окраины села Лужно, из них 15 машин наносят удар по батальону Баскакова. Наша пехота отстала. Егоров просил помочь артиллерией и тяжелыми танками.

— Немедленно выбросьте на шоссе подвижный отряд заграждения, — приказываю ему. — На помощь Дорожкову направляю Доценко.

Командир роты тяжелых танков КВ старший лейтенант С.Г. Доценко был уже у меня на НП. Ставлю ему задачу срочно двинуться по Демянскому шоссе на поддержку танкового батальона майора Дорожкова.

Через некоторое время снова связываюсь с Егоровым:

— Как дела?

Егоров подробно докладывает:

— Рота КВ совместно с ротой старшего лейтенанта Фролова перешла в атаку. Вижу пять горящих немецких танков, остальные отходят. Доценко и Фролов начали преследование. На участке капитана Баскакова атакуют танки и до батальона мотопехоты противника. Направил Баскакову батарею противотанковых орудий. Пока он отражает атаку залповым огнем танков. Три вражеских танка подбиты, два из них охвачены пламенем.

— Дорожков пусть не зарывается, а Баскаков не отстает от него, — передаю Егорову. — Не нужно батальонам поодиночке атаковать. Надо бить всеми силами полка при поддержке пехоты...

Взять сильно укрепленное немцами село Лужно до наступления ночи не удалось. Наша пехота приблизиться в нему так и не смогла. Противник отсекал ее от танков плотным минометным и пулеметным огнем, прижимал к земле. Несколько наших боевых машин, вырвавшихся вперед, попали на минное поле и остановились с порванными гусеницами. Комбаты приказали экипажам поврежденных танков занять круговую оборону и не подпускать к себе немцев до эвакуации. Командиру полка я отдал распоряжение закрепиться на достигнутом рубеже, с наступлением темноты подвезти боеприпасы, горючее и горячую пищу, а утром выполнять ранее поставленные задачи.

Ночью прибыл эшелон с мотострелковым батальоном, которым командовал опытный фронтовик капитан Я.М. Шестак. Он задержался в пути, ожидая восстановления железнодорожных мостов, разрушенных фашистской бомбардировочной авиацией.

Прибытие мотострелкового батальона, а с ним и бригадного комиссара Н.В. Шаталова порадовало меня. Теперь вся бригада была в сборе и ее боевые возможности увеличивались. Сразу же после разгрузки этот батальон двинулся в расположение танкового полка с задачей наступать во втором эшелоне бригады.

На войне радость всегда соседствует с горем. Рано утром пришел ко мне страшно расстроенный начальник штаба бригады майор М.А. Любецкий.

— Что случилось, Михаил Антонович?

— Немцы захватили в плен начальника штаба танкового полка капитана Кривошеева и его помощника старшего лейтенанта Сизова.

— Как это произошло?

— До глубокой ночи я не мог связаться с Кривошеевым, — рассказывал Любецкий. — Вынужден был поехать в полк. Встретил командира полка и спросил, почему не прислали итогового донесения за минувший день. А Егоров отвечает, что это, мол, не его забота, а начальника штаба. Интересуюсь, где же он. Егоров не знает, сказал, что с вечера находился в батальонах и не имел связи со своим штабом. Я уже собрался уезжать, когда Егорову доложили, что Кривошеев и Сизов вечером поехали на НП уточнить обстановку и получить новые данные, в пути сбились с дороги и нарвались на засаду немцев. Об атом сообщил водитель автомашины Зубарев, которому удалось бежать...

Неприятно было, что танковый полк в первый же день боевых действий потерял двух командиров, воевавших с начала фашистского нашествия. Егоров обоих хорошо знал и высоко ценил. Ругать и наказывать его было бесполезно: и без того тяжело переживал он эту утрату. Я все же серьезно предупредил, чтобы на будущее поддерживал непрерывную связь со своим штабом.

Зубареву мы не могли предъявить претензий. Парень молодой, местности не знал и вел автомашину по указанию Кривошеева, который сам ориентировался по карте.

М.А. Любецкий доложил, что в соответствии с моим решением потребовал от командира танкового полка выполнять поставленную задачу — взять село Лужно.

За ночь хорошо поработали наши саперы. Они проделали проходы в минных заграждениях противника. После короткого артиллерийского налета танковый полк при поддержке мотострелкового батальона протаранил вражескую оборону.

Уже в десять часов стадо известно, что А.В. Егоров находится в Лужно и приказал батальонам развивать достигнутый успех, наступая вдоль дороги на Демянск.

— Отлично! — похвалил я танкистов. — Неотступно преследуйте противника, постарайтесь силами подвижного отряда отрезать немцам пути отхода.

Предупредив Егорова, что скоро буду у него, я поехал в Лужно. В селе еще дымились разрушенные дома, в которых были оборудованы огневые точки, повсюду — исковерканная техника, брошенное немцами оружие и много трупов.

Командир полка расположил свой НП иа юго-западной окраине села. Он разговаривал по рации с командиром второго танкового батальона капитаном Баскаковым.

— Ну как там у него? — спрашиваю Егорова.

— Неважно, товарищ полковник. Продвижение черепашье. Говорит, что танки ползут почти «на брюхе». Местность заболоченная, не позволяет маневрировать. — Упреждая мой вопрос о положении первого танкового батальона, Егоров продолжал: — У Дорожкова не лучше. Дорога на Демянск заминирована. Три танка подорвались. Остальные вместе с ротой КВ наступают по такой же трясине.

— Едем к Дорожкову, — предложил я Егорову, направляясь к его танку.

Через несколько минут мы были у стоявшего вблизи шоссе какого-то строения, нечто вроде сарая или риги. Здесь располагался НП комбата. Нас встретил начальник штаба капитал В.В. Лаптев, доложил, что майор Дорожков лично ведет батальон.

Танки, развернутые в линию, наступали всего в нескольких сотнях метров. Точнее, не наступали, а барахтались на болотистой, поросшей мелким кустарником ложбине. То один, то другой танк застревал. Их тут же вытаскивали, но они снова вязли, буксовали, надрывая моторы. Противник, видимо уверенный в том, что нашим танкам не пройти, вел лишь заградительный артиллерийский огонь. Изредка снаряды рвались и в боевых порядках танковых рот. «Хорошо

еще, — подумал я, — что погода нелетная, а то бы досталось нам от вражеской авиации».

— Пора, Александр Васильевич, прекращать эту канитель. Надо выбираться из лощины, — сказал я Егорову. — Задача вам остается прежняя, но следует хорошенько разведать местность, точно установить, где танки могут пройти.

...Едва я вернулся на свой КП, как Егоров известил по радио о новой беде.

— Тяжело ранен майор Дорожков. Командование батальоном возложил на капитана Лаптева, — докладывал он дрожащим от волнения голосом. Понятно: переживал. Воевали они вместе с начала войны, были друзьями...

...Еще семь дней 8-я танковая бригада вела ожесточенные бои на демянском направлении. Продвинулась она всего на 10 километров, но и это можно было считать важным достижением. Оценивая этот успех, газета «Правда» 12 января 1942 года писала: «Еще в сентябре прошлого года бригада Ротмистрова прекрасно зарекомендовала себя активными действиями на одном из участков Северо-Западного фронта. Ей удалось привлечь к своему району действий значительные силы врага, оттянув их с Ленинградского фронта. Таким образом было облегчено положение города Ленина и в этот момент это имело первостепенное значение».

* * *

К началу октября немецко-фашистское командование сосредоточило крупные силы 16-й армии юго-восточнее озера Ильмень, в районе станции Лычково, с целью оказать помощь своей ударной группировке, наступавшей на Ленинград. Командующий Северо-Западным фронтом генерал-лейтенант П.А. Курочкин в свою очередь решил сорвать это намерение противника наступлением 84-й стрелковой дивизии и нашей 8-й танковой бригады.

Передав свой участок на демянском направлении 26-й Златоустовской Краснознаменной стрелковой дивизии, 8-я танковая бригада сосредоточилась в лесу северо-восточнее Лычково. Отсюда нам предстояло утром атаковать врага.

Под вечер у меня на КП собрались начальник штаба бригады майор М.А. Любецкий, бригадный комиссар Н.В. Шаталов, начальник политотдела батальонный комиссар И.В. Седякин, командир 8-го танкового полка майор А.В. Егоров и командир мотострелкового батальона капитан Я.М. Шестак. Я пригласил их, чтобы обсудить обстановку и принять решение.

По данным разведки, противник в полосе предстоящих действий бригады имел значительные силы и большое количество огневых средств. Сбить гитлеровцев и отбросить их с занимаемого рубежа — задача весьма сложная, тем более что у нас не было гарантии, выйдем ли мы в район сосредоточения не замеченными противником. Мы могли обнаружить себя шумом танковых моторов, и гитлеровцы наверняка подготовятся к отражению нашей атаки, подтянут противотанковую артиллерию, нацелят авиацию... Наконец я пришел к простому и, казалось, в тех условиях единственно приемлемому решению: ввести противника в заблуждение, заставить ожидать нашего удара не там, где мы его нанесем. Пригласил всех к карте.

— Вот здесь у нас на правом фланге лес близко подходит к расположению немцев. Левее — равнина. Лучше и не найти исходного рубежа для атаки танков, — показал я.

— Немцы-то не дураки. Видят, что это для них танкоопасное направление, и дадут нам прикурить, — сказал Любецкий, пока еще, видимо, не понимая моего замысла.

— Да, тут противник скорее всего ожидает нашего удара, — согласился с начальником штаба комиссар бригады Н.В. Шаталов.

— А если так, то это хорошо, — сообразил, в чем дело, командир танкового полка майор А.В. Егоров.

— Правильно, Александр Васильевич, — повернулся я к нему. — Пойдем на хитрость! Надо будет выделить пять-шесть тракторов и хотя бы один танк, направить их в лес, и пусть они всю ночь «гуляют» ближе к переднему краю. Для большего звукового эффекта снять глушители. Прибытие на этот участок пехоты обозначит одна из ваших рот, — обратился я к командиру мотострелкового батальона капитану Я.М. Шестаку. — Следует тоже пошуметь.

Теперь всем понятно что к чему, и я приказал с наступлением темноты скрытно, без лишнего шума сосредоточить главные силы бригады на левом фланге в готовности утром по условленному сигналу начать атаку.

В целях обеспечения внезапности удара решено было артиллерийской подготовки не проводить, а для выявления вражеских огневых точек направить ночью в расположение противника разведчиков.

Все разъехались по местам. У каждого много забот и тревог. У меня их тоже полно: надо договориться с командиром 84-й стрелковой дивизии о взаимодействии, проследить за выходом танков на рубеж атаки, подготовить все для четкого управления боем.

Больше всего беспокоился я о том, как бы противник не раскрыл нашего замысла и не атаковал первым. Но радуют донесения разведки: немцы спешно подтягивают и ставят на огневые позиции противотанковую артиллерию там, где мы обозначили ложный район сосредоточения бригады. Значит, наша хитрость удалась...

Поддерживаю непрерывную связь с командиром танкового полка А.В. Егоровым. Он находился в блиндаже на НП командира мотострелкового батальона капитана Шестака. Его волнует не очень-то подходящая местность, по которой должны атаковать танки. Впереди перелески и поросшие

кустарником низины — не застряли бы на них боевые машины.

На протяжении всей ночи гитлеровцы вели минометный огонь. Тяжелые мины грохотали особенно часто в лесу, где ревели наши тракторы. Наша артиллерия ответного огня не вела. Спокойно было в районе расположения 84-й стрелковой дивизии.

Наступило утро. И как только улучшилась видимость, я вызвал по радио А.В. Егорова. У него все готово.

— Три зеленые ракеты! — передаю Егорову сигнал начала атаки.

— Ясно! — отвечает командир полка, и я представляю, как он тут же подает команду «Приготовиться!», а сам смотрит в небо, ожидая вспышки этих зеленых ракет.

Ровно в 8.00 одновременно взревели 50 танковых моторов, и бронированные машины, ломая кусты орешника, устремились вперед. Первые десять минут враг молчал как бы в растерянности, но когда наши танки приблизились к его расположению, ударили противотанковые пушки и крупнокалиберные пулеметы.

Егоров на связи: докладывает, что потерь пока нет, но просит поддержать атаку огнем артиллерии.

— Поможем! — обещаю ему. — Используйте КВ для борьбы с вражеской артиллерией. Наращивайте темпы продвижения.

Теперь успех зависит от того, насколько быстро танки бригады сблизятся с противником и подавят его огневые средства. Следует спешить, пока гитлеровцы не передвинут противотанковую артиллерию, которую они стянули на ложное направление нашей атаки, и не вызовут свою авиацию. Прошу командира 84-й стрелковой дивизии П.И. Фоменко о поддержке атакующих танков огнем его артиллерии, а командиру зенитно-артиллерийского дивизиона капитану В.А. Лукьянову приказываю немедленно

развернуть свои батареи за боевыми порядками танкового полка.

Когда артиллерия ударила по огневым средствам противника, снова связываюсь с Егоровым.

— Продвигаюсь, — докладывает он, — по лощине реки Полометь. Это снижает эффективность огня противотанковой артиллерии противника, но, с другой стороны, полузаболоченная низина гасит скорость танков. Опасаюсь, как бы не накрыла нас вражеская авиация...

— Атаку не прекращайте, — требую от Егорова и сообщаю ему, что в его распоряжение направлен зенитно-артиллерийский дивизион.

Напряжение боя нарастало. Сажусь в машину и еду на КП командира танкового полка. В пути вижу, как заходят на бомбометание 12 «юнкерсов». Через минуту в их боевом построении начали рваться снаряды. «Значит, Лукьянов успел», — понял я и в этот же момент заметил падающий фашистский бомбардировщик. Охваченный пламенем, он с пронзительным воем рухнул в лес, сотрясая землю оглушительным взрывом бомбового груза. Отлично вели огонь зенитчики. Еще один вражеский самолет, неуклюже качнувшись, пошел вниз, оставляя за собой черно-бурый хвост дыма. От самолета отделилась темная точка. Это летчик выбросился с парашютом. Выходя из зоны огня зенитной артиллерии, бомбардировщики вынуждены были набирать высоту и неприцельно сбрасывать бомбы.

Переждав бомбежку, я добрался до КП командира танкового полка.

— Есть ли потери от авиации? Как дела в батальоне? — спрашиваю Егорова.

— Потерь нет. Но наступление развивается медленно, Не можем выбраться из этой топкой низины... Сейчас батальон Лаптева с ротой КВ пробивается к дороге на Старую Руссу.

Вместе с Егоровым в течение часа наблюдаю за ходом боя. Наши тяжелые танки вклинились в расположение противника, однако средним и легким машинам с мотострелковым батальоном никак не удавалось расширить прорыв и развить успех. Справа и слева — лес, впереди — все та же лощина. Наконец танкам КВ удалось выйти на возвышенное место. Но они тут же вынуждены были остановиться и вести огневой бой с контратакующими со стороны деревни Ямник танками и мотопехотой противника. Гитлеровцы, потеряв четыре танка и тоже не имея возможности маневрировать, повернули обратно.

Когда я вернулся на свой КП, там находился генерал-лейтенант танковых войск Я.Н. Федоренко. Он прибыл на Северо-Западный фронт по поручению Ставки Верховного Главнокомандования для изучения опыта применения танков в войсках фронта. Мы поговорили с ним по душам. Я откровенно сказал, что 8-я танковая бригада добилась бы более значительного успеха при надлежащей поддержке ее артиллерией и авиацией. К тому же бригаду вводят в бой с ходу, без необходимой подготовки к наступательным действиям. У командира бригады не остается времени для тщательной рекогносцировки местности и изучения противостоящего противника.

Утром следующего дня генерал побывал в танковом полку, поговорил с командиром полка А.В. Егоровым, который накануне попал в очень неприятную ситуацию. Во время контратаки танков и мотопехоты противника со стороны станции Муры он решил на своем танке проскочить в роту КВ и вывести ее для удара по врагу с фланга. Однако его танк наскочил на минное поле и с перебитой гусеницей стал неподвижной мишенью. Немецкие танки открыли по нему огонь. Спас Егорова командир роты тяжелых танков старший лейтенант С.Г. Доценко, который, маневрируя, не подпускал немцев близко к танку командира полка. Лишь ночью

его изрядно помятая машина была эвакуирована с поля боя и поставлена на гусеницы.

— Вы в этом сами виноваты, — отчитывал Егорова Яков Николаевич Федоренко. — Ведете полк в бой без предварительной инженерной разведки. Лезете на рожон! Этак погубите все танки. Не забывайте, положение такое, что возможности пополнять вас техникой у нас более чей скромные, и надо использовать каждую боевую машину с умом...

Вскоре 8-я танковая бригада получила новую задачу и убыла с Северо-Западного фронта. Ее бои на этом фронте не завершились крупным тактическим успехом по той причине, что противник располагал подавляющим превосходством в силах и средствах. Но активные и решительные действия бригады явились существенной помощью нашим войскам при отражении удара немецко-фашистских войск на северных склонах Валдайской возвышенности. Впоследствии гитлеровский генерал Типпельскирх писал, что наступательные бои советских войск юго-восточнее озера Ильмень не позволили немецкому командованию с оставшимися силами продолжать наступление на Ленинград[11].

* * *

30 сентября 1941 года немецко-фашистское командование, завершив сосредоточение в составе группы армий «Центр» огромной массы войск и боевой техники — около половины всех сил и средств, находившихся на советско-германском фронте, — предприняло генеральное наступление на Москву. Как известно, замыслом наступательной операции, получившей кодовое название «Тайфун», предусматривалось мощными ударами из района Духовщины, Рославля и Шостки в восточном и северо-восточном направлениях расчленить нашу оборону, окружить и уничтожить главные силы Западного, Брянского и Резервного фронтов в районах Вязьмы и Брянска, а затем стремительным наступлением

танковых группировок охватить Москву с севера и юга, овладеть столицей Советского государства и на этом закончить войну. Гитлеровское командование считало, что с потерей столицы наш народ прекратит сопротивление и признает себя побежденным.

О новом наступлении гитлеровцев на московском направлении я узнал, когда получал приказ вывести бригаду из боя, подготовить ее к маршу, а самому срочно явиться в штаб фронта.

13 октября меня вызвал к себе командующий фронтом генерал-лейтенант П.А. Курочкин. По его настроению нетрудно было догадаться, что случились какие-то большие неприятности. Он молча пожал мне руку и жестом пригласил к столу, на котором лежала карта, потом минуту-другую стоял задумавшись, будто собираясь с мыслями. Наконец Павел Алексеевич, глубоко вздохнув, заговорил:

— Немцы рвутся к Москве. Пали Брянск и Орел. Тяжелые бои идут под Вязьмой...

В это время скрипнула дверь. В комнату вошли двое: начальник штаба фронта генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин и начальник автобронетанковых войск полковник П.П. Полубояров. Оба они мне были хорошо известны. Николай Федорович, кряжистый, круглолицый крепыш, перед войной работал в Генштабе начальником Оперативного управления, а Павла Павловича я знал как одного из пионеров наших бронетанковых войск: еще в 1920 году он участвовал в боях против Врангеля, командуя танковым взводом.

— Ну что у нас нового? — спросил командующий фронтом Ватутина.

— Новости самые пренеприятные, — склонился Ватутин над картой.

Он сообщил, что под натиском превосходящих сил противника малочисленные, крайне ослабленные войска правого крыла Западного фронта отходят на восток, к рубежу

Осташков, Ржев. В обороне наших войск образовался разрыв шириной до 80 километров, в который, как стало известно, немецкое командование бросило 3-ю танковую группу в составе 41-го и 56-го моторизованных корпусов (1, 6, 7-я танковые, 14-я и 36-я моторизованные дивизии и 900-я моторизованная бригада ОС). Группа усиливалась 27-м армейским корпусом (6-я и 129-я пехотные дивизии).

— Теперь уже совершенно очевидно, — заключил Н.Ф. Ватутин, — что противник стремится прорваться к Калинину, а потом нанести удар в глубокий тыл нашего фронта, видимо на Ярославль, Рыбинск.

— Или, — добавил П.А. Курочкин, — развернуть наступление на Москву по Ленинградскому шоссе, вдоль Октябрьской железной дороги. — Командующий фронтом взглянул на меня и продолжил: — Ставка Верховного Главнокомандования приказала нам срочно выдвинуть в район Калинина часть наших сил. Мы решили создать оперативную группу в составе двух стрелковых, двух кавалерийских дивизий, вашей танковой бригады и сорок шестого мотоциклетного полка. Командовать группой поручено Николаю Федоровичу.

Н.Ф. Ватутин, не отрываясь от карты, поставил мне задачу:

— В ближайшее время пехота и конница сосредоточатся вот здесь, — указал он карандашом на город Вышний Волочек. — Ваша бригада с подчиненным вам мотоциклетным полком составит передовой отряд группы. Вам надлежит не позже утра 15 октября форсированным маршем двинуться из района Валдая на Вышний Волочек и далее к Калинину с задачей не допустить прорыва танков противника на Торжок и Калинин.

— Чем мы можем помочь товарищу Ротмистрову? — обратился Курочкин к Полубоярову.

— В Валдай уже направлены фронтовые ремонтные средства. А танков, к сожалению, у нас нет, — развел руками Павел Павлович.

У меня защемило в груди. Неподвижным взглядом я смотрел на карту, видел Селижарово, родную деревню Сковорово и с горечью думал: «Неужели здесь будут фашисты?..»

— Вы, Павел Алексеевич, кажется, уроженец этих мест? — мягко прикоснулся к моему плечу П.А. Курочкин. — Мы надеемся, что это в какой-то мере облегчит выполнение поставленной вам задачи.

— Только надо торопиться. Промедление может привести к непоправимым последствиям, — добавил Н.Ф. Ватутин.

...В деревню Яжелбицы, где размещался штаб бригады, я вернулся вечером, когда уже сгущались сумерки. Потускневшие от осенних дождей, в большинстве своем покинутые хозяевами приземистые домишки темными глазницами окон смотрели на пустынную улицу и как бы прислушивались к отзвукам взрывов, приглушенно доносившимся со стороны фронта.

Отдав распоряжение о сосредоточении ночью 8-й танковой бригады и 46-го мотоциклетного полка майора В.М. Федорченко в Валдае, мы с М.А. Любецким и Н.В. Шаталовым принялись за разработку приказа на марш. Решили выступать из района сосредоточения с рассветом 14 октября.

Оставалось немного времени для отдыха, и я прилег на свою походную кровать. Однако уснуть так и не смог. Растревожил мою душу П.А. Курочкин напоминанием о моем родном крае. Родной дом не так уж и далеко, да не заедешь...

Вспомнил мать, отца, свои детские и юношеские годы, учебу в церковно-приходской школе и Селижаровском высшем начальном училище. Уже подростком начал трудиться, стал помощником отца — сельского кузнеца. Ковали лемеха к плугам, косы, обручи для колес и бочек, топоры и лопаты, чинили бороны. Работа была тяжелой, но физически закаляла, учила смекалке, трудолюбию. Потом, уже юношей, в весеннюю пору половодья уходил на сплав леса по Волге, требующий недюжинной силы, смелости и ловкости, особен-

но при перегонах древесины через шлюзы, когда бурлившая вода швыряла и рвала плоты.

После Октябрьской революции избрали меня председателем комитета бедноты. Участвовал в разделе между крестьянами помещичьей земли. Неистовствовали кулаки, угрожали расправой, когда урезали их земельные наделы. Все перенесли крестьяне: и нужду, и голод, построили счастливую жизнь, которую теперь мы должны отстоять в кровавой схватке с фашизмом...

* * *

В точно назначенное время 8-я танковая бригада, имея на ходу 49 танков, из них 7 КВ и 10 Т-34, выступила из Валдая тремя эшелонами. Первым на Ленинградское шоссе вышел 46-й мотоциклетный полк майора В.М. Федорченко, усиленный быстроходными легкими танками. Он составил передовой отряд бригады. За ним следовали средние танки, затем — тяжелые. За каждой танковой колонной двигались ремонтные автомашины и цистерны с горючим. Это позволяло на коротких остановках быстро устранять неисправности и дозаправлять танки.

Погода благоприятствовала нам: было прохладно и сухо, но облачно. В полночь на максимальной скорости прошли Вышний Волочек. И здесь я узнал, что танки и мотопехота противника при поддержке авиации отбросили наши сильно ослабленные в боях стрелковые части, оборонявшиеся западнее Калинина, и вышли на ближайшие подступы к городу. Мое предположение о том, что гитлеровцы прорвутся к Торжку, могло оправдаться. Поэтому я приказал командиру танкового полка быть в готовности к встречному бою. Но, к счастью, в Торжке немцев не оказалось.

Утром 15 октября 8-я танковая бригада сосредоточилась главными силами в селе Старое Каликино, пройдя за сутки свыше 200 километров. Это был большой успех, если учесть,

что при соблюдении уставных нормативов на преодоление такого расстояния форсированным маршем нам потребовалось не менее трех суток.

Калинин был рядом. Командир передового отряда бригады майор Федорченко уже доносил, что он достиг Горбатого Моста, у которого столкнулся с разведывательными подразделениями фашистов.

Времени на послемаршевый отдых терять было нельзя.

Посоветовавшись с комиссаром и начальником штаба бригады, решаю ворваться в город.

Удалось связаться с Н.Ф. Ватутиным, прибывшим в Вышний Волочек. Он одобрил мое решение и подчинил мне действовавший северо-западнее Калинина 934-й стрелковый полк.

Однако противник упредил нас. В 11.45 его танки и мотопехота атаковали подразделения этого полка. Завязался ожесточенный бой, исход которого решил наш танковый полк, смело выдвинувшийся в боевые порядки пехоты. Потеряв восемь танков и восемь бронетранспортеров, несколько десятков солдат убитыми и ранеными, гитлеровцы откатились к Калинину[12].

Я приказал командиру полка А.В. Егорову поторопиться с организацией разведки и развитием успеха. Через час он доложил, что немецкие танки замечены в Малице и южнее села Старое Брянцево, но сколько их, установить не удалось.

Одобряю принятое им решение развернуть первый танковый батальон к северу от шоссе у села Старое Каликино, второй — в районе совхоза с задачей нанести удар в направлении деревни Малица и далее на Горбатый Мост, однако предупреждаю, что артиллерийского обеспечения атаки не будет, поскольку артиллерия еще не подошла. В связи с этим Егорову надлежало рассчитывать на собственные огневые средства, выделить несколько танков для стрельбы прямой наводкой по обнаруженным в ходе наступления огневым точкам врага.

— Справа от вас на южную окраину Малицы будет наступать девятьсот тридцать четвертый стрелковый полк, — передал я Егорову, — слева, в направлении Старое Брянцево, — сорок шестой мотоциклетный. Организуйте с ними тесное взаимодействие и ждите сигнала атаки: три пятерки, дублированные тремя красными ракетами.

Время бежит быстро. Все уже было готово к атаке, как вдруг отчетливо послышался рокот моторов фашистских самолетов. Через три-четыре минуты вражеские бомбардировщики пикируют и сбрасывают бомбы. Грохочут мощные взрывы, от которых содрогается земля и протяжное эхо раскатывается по лесу.

Как только авиация противника отбомбилась, Егоров доложил, что к позициям мотострелкового батальона выдвигаются 15 немецких танков.

— Три пятерки! — командую Егорову. — Поддержите мотострелков ротой КВ и всем — вперед! Еду на ваш НП.

— Вас понял, — отвечает Егоров, видимо уже наблюдая, как в небе вспыхивают три красные ракеты.

К моему приезду наши тяжелые танки вели огневой бой, с коротких остановок били по немецким танкам. Две вражеские машины уже пылали. Роты тридцатьчетверок старшего лейтенанта М.В. Ерошина и лейтенанта М.В. Фролова, воспользовавшись заминкой у противника, ударили с фланга. Бронебойные снаряды легко прошивали фашистские танки. Уже около десятка боевых машин немцев горело. Остальные поспешно начали отходить.

Вновь появилась вражеская авиация. Бомбы посыпались в основном на позиции 46-го мотоциклетного полка.

Тут же следует донесение командира первого танкового батальона о том, что в лощину юго-западнее села Старое Каликино спускаются в ромбовидном построении 30 немецких танков и значительные силы мотопехоты.

Я приказал Егорову задержать фашистские танки огнем трех-четырех танков из засады, а главными силами танковых батальонов охватить противника с флангов, зажать и уничтожить его в лощине. С танками в засаду была направлена и батарея противотанковых пушек. Вместе с танкистами артиллеристы заняли огневые позиции и замаскировались в кустарнике.

Гитлеровцы, не подозревая ловушки, приближались к месту засады, и когда они подошли метров на 400, ударили пушки наших танков и противотанковые орудия. С первого же выстрела экипаж старшины В.Н. Астахова поджег вражеский головной танк. Его начали обходить другие фашистские машины, но они тоже попадали под меткий огонь. Боевой порядок противника нарушился. Теперь все зависело от того, успеют ли наши танковые батальоны нанести одновременный удар по врагу с флангов. Дорога была каждая минута, и я потребовал от Егорова максимально ускорить продвижение батальонов.

Наконец второй танковый батальон пересек дорогу Стренево — Медное и развернулся фронтом на северо-запад. Уже слышны выстрелы тридцатьчетверок, устремившихся на южное основание вражеского ромба. Показались танки и второго батальона. Стреляя с коротких остановок, надвигались тяжелые КВ. Танки противника, попав в огневой мешок, метались по лощине, пытаясь оторваться от наседавших на них наших пяти танковых рот. Но не многим это удалось.

Развивая успех, 8-я танковая бригада перешла в преследование врага, овладела Медным, деревнями Поддубни, Черкассы, Новое Брянцево и через Горбатый Мост прорвалась к западной окраине Калинина.

46-й мотоциклетный полк, взаимодействуя с 934-м стрелковым полком, несмотря на то что дважды подвергался бомбардировке фашистской авиацией, упорно продвигался вперед и уцепился за северо-западную окраину Заволжья. Но

крупные силы вражеской мотопехоты с танками перешли здесь в контратаку и вынудили наших мотострелков отходить. После ожесточенного боя полк закрепился на южной окраине Дорошихи[13].

Двое суток продолжались тяжелые бои на окраинах Калинина, но сломить сопротивление гитлеровцев нам так и не удалось. Противник имел большое превосходство в силах и технических средствах, особенно в танках, непрерывно поддерживался многочисленной авиацией, нас же никто с воздуха не прикрывал. Как было установлено по документам убитых и из опроса пленных, фашисты за 15—16 октября подтянули в Калинин 36-ю моторизованную и 6-ю танковую дивизии. Каждая из них имела свыше 11 тысяч человек и около 200 орудий и минометов, а 6-я танковая дивизия, кроме того, насчитывала до 150 танков и штурмовых орудий.

В пятнадцать часов 16 октября танковая дивизия и моторизованная бригада немцев, замененные в городе 36-й моторизованной и 6-й танковой дивизиями, при мощной поддержке авиации, нанесли удар вдоль шоссе на Торжок.

Наша танковая бригада, 934-й стрелковый и 46-й мотоциклетный полки оказали врагу упорнейшее сопротивление. Танкисты, пехотинцы и мотострелки проявили стойкость и мужество, сражались, не щадя своей жизни. К исходу дня фашисты потеряли до 600 солдат и офицеров, 22 танка, 10 бронетранспортеров и 10 орудий.

Но и наши потери были очень чувствительными. Более половины танков получили серьезные повреждения, три машины сгорели. Значительный урон понес 46-й мотоциклетный полк. На Горбатом Мосту фашисты захватили наш подбитый броневик и сожгли его вместе с экипажем в составе младшего лейтенанта И.К. Червоткина, рядовых С.Т. Алехина, В.С. Шоломенцева и Ф.Н. Буняева.

На следующий день противник, подтянув свежие танковые и моторизованные части, начал яростные атаки с разных

направлений. Группе танков и мотопехоте врага удалось прорваться к штабу нашей бригады в Малице. При отражении нападения гитлеровцев пал смертью храбрых начальник штаба майор М.А. Любецкий. Все мы очень переживали эту тяжелую утрату.

Чудом остался жив и командир 8-го танкового полка майор А.В. Егоров. Прямым попаданием термитного снаряда была пробита лобовая броня его командирского танка. Погиб механик-водитель Иван Августинович. Егоров отделался легкой контузией и остался в строю.

Эвакуировали с поля боя тяжелораненого командира второго танкового батальона капитана И.Д. Баскакова. Были ранены командиры танковых рот старшие лейтенанты С.Г. Доценко и П.В. Недошивин. По докладу А.В. Егорова, в танковом полку осталось исправными всего девять танков КВ и Т-34. Потеряна была часть легких боевых машин.

С наступлением сумерек было решено отвести оставшиеся танки, мотострелковый батальон, а также сильно поредевшие подразделения 46-го мотоциклетного полка за реку Тверца и временно перейти к обороне, прочно оседлав шоссе. Чтобы скрыть от противника наш отход, я потребовал ночью некоторые танки и трактора передвинуть вдоль линии фронта, от фланга к флангу, имитируя перегруппировку сил.

Все обошлось. Гитлеровцы не пытались перейти в преследование, значит, еще побаивались нас, хотя по радио передавали, что, мол, советская 8-я танковая бригада разгромлена, а ее командир полковник Ротмистров погиб в последних боях.

На рассвете я собрал на своем КП всех командиров частей и подразделений. Командир танкового полка представил мне и комиссару бригады Н.В. Шаталову вновь назначенных командиров танковых батальонов. Первым батальоном командовал теперь капитан Д.К. Гуменюк, вторым — капитан А.Н. Ушаков. Оба они уже имели боевой опыт, на фронте находились с первых дней войны.

Знакомлю командиров со сложившейся обстановкой, разъясняю нашу задачу. Мы должны сделать все, чтобы не пустить немцев к Торжку.

— Противник располагает подавляющим превосходством в танках, — замечает майор Егоров, как бы сомневаясь, справится ли ослабевшая бригада с этой задачей.

— Вот теперь, как никогда раньше, мы должны воевать не числом, а умением, — ответил я ему и посмотрел на посуровевшие лица своих боевых соратников. Они тоже вопросительно смотрят на меня. Чтобы сказанное мною не осталось пустой фразой, приказываю: — В контратаки против крупных групп вражеских танков на открытой местности не переходить. Бить их огнем танковых и противотанковых пушек из засад. Танки с сильно разбитой ходовой частью и поврежденными моторами окопать по обе стороны шоссе для ведения огня прямой наводкой.

...Однако гитлеровцы почему-то отказались от активных действий и далее Медного не пошли.

Наконец подошла оперативная группа во главе с генералом Н.Ф. Ватутиным. Ее части заняли оборону на участке 8-й танковой бригады. Мы же приступили к восстановлению танков и подготовке бригады для дальнейших боевых действий.

* * *

В связи с тем что калининское направление приобрело важное оперативно-стратегическое значение, Ставка Верховного Главнокомандования 17 октября 1941 года создала из войск правого крыла Западного фронта Калининский фронт в составе 22, 29, 30, 31-й армий и оперативной группы генерала Н.Ф. Ватутина. Командование войсками фронта возлагалось на генерал-полковника И.С. Конева.

К исходу этого дня войска оперативной группы занимали следующее положение: 183-я стрелковая дивизия вышла

в район Погорелово, в 16 километрах северо-западнее Марьино; части 185-й стрелковой дивизии сосредоточились в Иванцево, в 15 километрах севернее Медное; 8-я танковая бригада располагалась в 12 километрах к западу от Марьино; 46-я и 64-я кавалерийские дивизии подходили к Торжку[14].

Командующий войсками Калининского фронта приказал оперативной группе нанести контрудар и уничтожить противника в районах Марьино и Медное[15]. С этой целью он усиливал группу 133-й и 119-й стрелковыми дивизиями, а также отдельной мотострелковой бригадой комбрига А.Н. Рыжкова. При этом 119-я стрелковая дивизия и отдельная мотострелковая бригада оборонялись юго-западнее Калинина.

Используя выгодное оперативное положение войск группы, охватывающих растянувшиеся по дороге 1-ю танковую дивизию и 900-ю моторизованную бригаду противника с трех сторон, генерал Ватутин принял решение окружить и уничтожить их одновременными ударами на разных направлениях.

8-й танковой бригаде было приказано наступать в южном направлении и во взаимодействии со 185-й стрелковой дивизией разгромить противника в районе Медное.

Получив приказ, я выехал в 8-й танковый полк и поставил его командиру задачу в ночь на 18 октября переправиться через реку Тверца и внезапным ударом с северо-востока овладеть районом Медное, уничтожив там танковую группировку врага. Решено было снова пойти на обман противника. Как только наступила ночь, наши тракторы-тягачи затарахтели, обозначая район ложного сосредоточения бригады, там же, у леса, запылали костры. Я видел их, когда возвращался с КП командира 185-й стрелковой дивизии, где согласовывал вопросы взаимодействия в ходе предстоящего наступления.

К утру под покровом темноты и тумана танковый полк и мотострелковый батальон захватили мост через Тверцу

и, переправившись на ее южный берег, перешли в решительную атаку. Гитлеровцы явно не ожидали нашего удара. Они открыли беспорядочный артиллерийско-минометный огонь. Лишь спустя час с юго-запада появились их танки. Навстречу им немедленно двинулась рота КВ при поддержке противотанковых орудий, обеспечивая танковым батальонам и мотострелкам охват села Медное с двух сторон. Стремительно и дерзко действовал танковый батальон капитана Гуменюка. Он первым ворвался в село и, сметая все на своем пути, устремился к деревне Поддубки, перехватив участок шоссе Медное — Калинин. К исходу дня 8-я танковая бригада, тесно взаимодействуя со 185-й стрелковой дивизией, завершила разгром противника в Медном. Интересно, что, когда бой шел уже в самом селе, со стороны Ржева появились фашистские бомбардировщики и начали сбрасывать бомбы на лес, где горели наши костры. Ввели-таки мы фашистов в заблуждение!

Успешно наступали все соединения оперативной группы. За три дня ожесточенных боев 1-я танковая дивизия и 900-я моторизованная бригада СС гитлеровцев потерпели поражение, а их остатки отошли в Калинин.

Одновременно войска 22-й и 29-й армий остановили продвижение 9-й немецкой полевой армии, наступавшей из районов Ржева и Старицы в общем направлении на Торжок, Вышний Волочек. Дальше рубежа рек Большая Коша и Тьма гитлеровцы продвинуться не смогли.

Девять последующих суток продолжались непрерывные ожесточенные бои. Советские войска нанесли значительный урон 3-й танковой группе фашистов и сковали их 9-ю полевую армию. План гитлеровского командования прорваться на тылы Северо-Западного фронта с юго-востока в направлении Ярославля и Рыбинска провалился.

Боевые действия наших войск в районе Калинина были проведены в ходе стратегической обороны с возникнове-

нием калининского операционного направления и при отсутствии предварительного периода на подготовку местности к обороне в инженерном отношении. Оборонительная группировка создавалась путем переброски целых дивизий на расстояние 200 и более километров за счет войск Северо-Западного фронта и резервов армий Западного, а затем и Калининского фронтов. Бои отличались высокой активностью войск, особенно их подвижных частей. В частности, 8-я танковая бригада с 46-м мотоциклетным и 934-м стрелковым полками в течение двух суток сдерживала во много раз превосходящие силы врага, рвавшиеся на Торжок. Это было обеспечено гибкостью и стремительностью маневра, решительностью атак и контратак, боевой доблестью личного состава, стойкостью всех воинов, проявлявших высокое мужество и героизм.

В штабе 8-го танкового полка мне рассказали о геройской гибели одного из наших танковых экипажей.

...Это случилось при отходе 8-й танковой бригады из Медного к Торжку. Поврежденный крупнокалиберным снарядом танк комсомольца сержанта Ивана Костюченко остановился. Гитлеровцы бросились к нему, но под огнем пулемета откатились. Танкисты отбивались до последнего патрона, до последней гранаты. И вот кончились боеприпасы. Поняв это, фашисты окружили нашу боевую машину. Экипаж наглухо закрыл люки. Немцы стучали по броне, предлагая танкистам сдаться. В ответ — молчание. Тогда гитлеровцы отбуксировали танк в село, согнали к нему местных жителей и снова предложили танкистам сдаться, но услышали ответ: «Мы не сдаемся!» Разъяренные фашисты облили машину горючей жидкостью и подожгли. А из танка сквозь трескучее пламя доносились переполненные ненавистью и презрением к врагу слова пролетарского гимна «Интернационал». Герои погибли, продемонстрировав несгибаемую волю в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками...

19 октября все дивизии и части оперативной группы, в том числе 8-я танковая бригада, были включены в состав 31-й армии, командование которой было возложено на генерал-майора В.А. Юшкевича. До конца месяца она вместе с 30-й армией вела активные боевые действия в районе Калинина против немецких войск, перешедших к обороне.

В начале ноября разведкой было установлено, что противник перегруппировывает танковые и моторизованные части, поворачивая главные силы 3-й танковой группы на Москву. Вместо них против Калининского фронта подтягивались пехотные соединения, усиленные артиллерией. В основном колонны немецких войск продвигались по дорогам из Ржева и Старицы. Прибывшие ко мне на КП представители штаба 31-й армии информировали о сложившейся к тому времени обстановке и передали приказ командующего: 8-й танковой бригаде без 46-го мотоциклетного полка во взаимодействии с частями 243-й стрелковой дивизии прорваться к Избрижью, разрушить наведенную там немцами переправу через Волгу, а затем действовать в общем направлении на Старицу, уничтожая из засад колонны вражеских войск.

Задача сложная, особенно при наличии в бригаде сильно изношенных, не раз наскоро отремонтированных танков.

— Товарищ комбриг, ведь попадем в самое пекло! — воскликнул пристально смотревший на карту с нанесенной обстановкой командир танкового полка майор Егоров.

— Ничего, Александр Васильевич... Были мы в разных передрягах. Тебе и твоим орлам смелости да дерзости не занимать...

Конкретизирую ему задачу и отдаю предварительные распоряжения: к ночи вывести все танки из боя, отремонтировать неисправные, подготовить передовой отряд из тридцатьчетверок с автоматчиками на броне. Еще раз уточняем маршрут движения и меры по организации взаимодействия с 243-й стрелковой дивизией.

...Темно. Идет снег с дождем. Продвигаемся на малой скорости. Где-то впереди разведотряд из семи танков Т-34. Его возглавляют командир роты лейтенант Ф.С. Загребин и политрук Ф.Г. Тарасов. На танках — автоматчики мотострелкового батальона капитана Я.М. Шестака. На удалении 3—4 километров от разведотряда идут главные силы бригады с 46-м мотоциклетным полком. Я поддерживаю связь с майором Егоровым. И вот по радио раздается его голос:

— Загребин сбил вражеский заслон у Савино и ворвался в деревню Сухой Ручей.

— Продвигайся на Заборовье! — приказываю Егорову. — К утру надо захватить это село и оседлать шоссейную дорогу.

На рассвете бригада овладела Заборовьем, в котором находились на ночлеге пехотные подразделения противника. Было уничтожено несколько автомашин с боеприпасами, бронемашина, четыре противотанковые пушки и несколько десятков фашистов.

Связываюсь со штабом 243-й стрелковой дивизии. Ее полки могут подойти не раньше чем через четыре часа. Что же делать? Ждать? Но противник непременно подтянет резервы, и тогда пробиться к Избрижью будет труднее... Решаю продолжать движение вперед! Этому способствовал продолжавшийся снегопад. На расстоянии 200—300 метров танки были вне видимости противника.

К середине дня наши танковый и мотострелковый батальоны в районе деревни Талутино внезапно обрушились на большую колонну гитлеровцев и разгромили ее. Вечером, когда я прибыл в штаб танкового полка, начальник штаба доложил, что танкисты совместно с мотострелковым батальоном уничтожили 3 танка, 2 самоходные пушки, 28 противотанковых орудий, артиллерийскую батарею, 10 пулеметов, обоз с боеприпасами, до 300 солдат и офицеров 86-й пехотной дивизии немцев.

Еду на НП майора Егорова. Вместе с ним разбираюсь в сложившейся обстановке, а затем принимаю решение ночной атакой захватить Избрижье и переправу немцев через Волгу.

— Сколько в полку боеспособных машин, подвезены ли боеприпасы и горючее? — спросил я Егорова.

Тот по заданному вопросу, видно, догадывается о моем решении.

— Двадцать шесть исправных танков, товарищ комбриг. Цистерны с горючим и машины с боеприпасами подошли, через час танки будут заправлены и пополнены боеприпасами.

— Вот и хорошо, — приглашаю я его к карте и ставлю задачу.

После отдыха полк до 23.00 должен был ночью выйти к Избрижью, а на рассвете с двух сторон ворваться в село и уничтожить вражескую переправу через Волгу.

Танкисты снова успешно справились с поставленной им задачей. Чуть забрезжил рассвет, когда танковые батальоны, обойдя деревню Шернево с юга, стремительно ворвались в Избрижье, на ходу открыв сильный огонь из пушек и пулеметов. Запылали стянутые к переправе автомашины с солдатами, бензовозы, танки. От мощных взрывов снарядов вдребезги разлетались понтоны и лодки. Через час в Избрижье не осталось ни немцев, ни их переправы.

Решительные действия 8-й танковой бригады и наших стрелковых частей на участке Медное, Стружня, Избрижье переполошили гитлеровцев. У них определенно создалось впечатление, что к западу от Калинина действуют крупные бронетанковые силы Красной армии. Опасаясь окружения под Калинином, противник вводом в бой резервов предпринял настойчивые контратаки против нашей значительно ослабленной и растянутой на широком фронте пехоты. По показаниям пленных, 110-я немецкая

пехотная дивизия, намечаемая к переброске в район Волоколамска, была задержана под Старицей и развернута фронтом на Торжок.

* * *

К вечеру 7 ноября мы узнали, что в Москве состоялось торжественное собрание, посвященное 24-й годовщине Великого Октября, и прошел парад советских войск на священной для нас Красной площади.

Это волнующее известие было немедленно доведено до всего личного состава. Все воины восприняли его с радостью и надеждой, рассуждая примерно так: «Если традиционно отмечается день рождения советской власти, то фашистам Москвы не взять!»

Торжественные мероприятия в столице были огромной морально-политической победой Советского Союза и сильнейшим ударом по престижу фашистской Германии. Ведь Гитлер на весь мир хвастливо заявлял, что в день революционного праздника России германские войска промаршируют через Красную площадь. Теперь мы вправе были сказать: «Не вышло, и никогда этому не бывать!», хотя отчетливо представляли, что посрамленные гитлеровцы с еще более свирепой яростью будут рваться к Москве и, чтобы остановить их, потребуется гигантское напряжение воли и духа советских людей.

Второе «генеральное» наступление на Москву немецко-фашистские войска предприняли в середине ноября 1941 года. Как известно, замысел гитлеровцев заключался в том, чтобы ударами мощных танковых группировок по флангам нашего Западного фронта из районов Волоколамска и южнее Тулы в обход Москвы с севера и юга окружить столицу Советского государства, а затем разрушить ее огнем артиллерии и ударами авиации. Для осуществления этого замысла гитлеровское командование выделяло 51 дивизию, в том числе 13 танковых и 7 моторизованных.

Мы в то время, конечно, не знали в деталях плана противника, но по ряду признаков почувствовали, что надвигается новый натиск фашистов. В частности, заметно повысилась активность вражеской авиации, а жители, бежавшие из временно оккупированных немцами близлежащих районов, рассказывали о больших передвижениях фашистских войск.

12 ноября тяжелое положение сложилось на участке 243-й стрелковой дивизии полковника Я.Г. Царькова. Один из ее стрелковых полков был атакован большой группой немецких танков. На помощь полку мною был направлен второй танковый батальон, усиленный оставшимися танками КВ. Совместными усилиями удалось остановить продвижение противника и даже выбить его из деревни Горица. В ожесточенном бою за эту деревню погиб командир второго танкового батальона капитан А.Н. Ушаков. Александр Николаевич пробыл в бригаде сравнительно недолго, но успел зарекомендовать себя волевым командиром, и поэтому гибель его все очень тяжело переживали.

На следующий день обстановка еще более обострилась. Противник крупными подвижными силами начал обходить 243-ю стрелковую дивизию с флангов. Нарастала угроза ее окружения.

В критический момент я прибыл на НП командира дивизии и посоветовал ему немедленно отводить свои части, обещая прикрыть их отход танками. Но Я.Г. Царьков долго не соглашался, ссылаясь на то, что имеет приказ о наступлении.

— Какое там наступление?! Погубите дивизию! — сказал я комдиву.

— Подождите, не горячитесь! Надо подождать донесений из частей и связаться со штабом армии, — стараясь оставаться внешне спокойным, отвечал мне Яков Гаврилович.

В этот момент послышались пушечные выстрелы, а через несколько минут в дом влетел шофер моего газика Казаринов.

— Товарищ полковник, фашистские танки! Скорее в машину! — прокричал он и опрометью кинулся к выходу.

Мы с Царьковым переглянулись. Он молча передал свою карту адъютанту и, вынув из кобуры пистолет, последовал за мной.

На ходу договорились тотчас же ехать в свои штабы и по прибытии обменяться данными о сложившейся обстановке.

А на улице уже рвались снаряды. На бешеной скорости машина мчалась по проселку. Около 15 немецких танков, стреляя на ходу, вплотную подошли к деревне, когда мы вырвались из зоны их огня. В наступивших сумерках добираемся до моего КП. Временно исполняющий обязанности начальника штаба бригады капитан Краснов докладывает, что, по полученным донесениям, крупные танковые силы противника отбросили на восток части 243-й стрелковой дивизии и, не ввязываясь дальше с ними в бой, двинулись в южном направлении, прикрыв свой левый фланг пехотой.

— Похоже, что завтра утром мы окажемся под их ударом, — предположил я, рассматривая на карте Краснова нанесенную им обстановку.

— Вполне вероятно, — согласился он и вопросительно посмотрел на меня, ожидая, какое я приму решение.

— Постарайтесь связаться со штабом двести сорок третьей дивизии и уточните наличие наших войск южнее, — распорядился я, а сам подумал: «Куда же нам податься?» Ясно было, что от 243-й стрелковой мы отсечены, а выстоять в одиночестве против напора, видимо, выдвигавшихся в исходные районы танковых соединений врага у нас не хватит сил. К тому же горючее и боеприпасы за время боев под Калинином оказались почти полностью израсходованными. Попытки связаться с 243-й дивизией к ночи не увенчались успехом. Зато наша разведка точно установила, что южнее по реке Лама заняла оборону 107-я мотострелковая дивизия 30-й армии.

— Предупредите комдива сто седьмой, что ночью мы отойдем на оборонительный рубеж его дивизии, — приказал я Краснову и тут же по радио вызвал подчиненных мне командиров, чтобы отдать им необходимые распоряжения.

К утру мы были уже на Ламе. Меня радушно встретил на своем КП полковник П.Г. Чанчибадзе. Крепко сложенный южанин произвел приятное впечатление. По тому, как почтительно обращались к нему подчиненные, можно было понять, что комдив пользуется большим авторитетом. Мы с ним как-то сразу сошлись на «ты».

— Хорошо, дорогой, будем драться вместе. Поделюсь горючим и боеприпасами, — сказал Порфирий Григорьевич. — Дивизия у меня боевая, но малочисленная. А танков осталось всего чуть больше десятка, и то легкие. — Он развернул карту, чтобы показать мне, где располагаются его части.

107-я мотострелковая дивизия, действуя на левом фланге 30-й армии Калининского фронта, занимала оборону по южному берегу Ламы от Дорино до Силанучье. Справа ее отделяло от остальных войск армии Московское море. Слева она не имела соприкосновения с правофланговыми частями 16-й армии. Командир дивизии особенно опасался за фланги.

Обсудив обстановку, мы приняли решение 46-м мотоциклетным полком занять оборону на правом фланге, а танковые и мотострелковый батальоны расположить за центром боевого порядка дивизии для ликвидации возможных прорывов танков противника.

15 ноября враг обрушил на войска 30-й армии удар огромной силы. К исходу дня ему удалось потеснить соединения правого фланга и центра к Волге. Для усиления их командующий Калининским фронтом выдвинул из своего резерва на восточный берег Волги 185-ю стрелковую и 46-ю кавалерийскую дивизии.

Однако уже на следующий день стало очевидным, что фашисты ставили здесь задачей обеспечить успех главной

ударной группировки — 3-й танковой группы, наступавшей на клинско-солнечногорском направлении, южнее Московского моря. На этом участке, сбив подразделения прикрытия 107-й мотострелковой дивизии, части 14-й моторизованной, 6-й и 7-й танковых дивизий подошли к Ламе, но форсировать реку и прорвать нашу оборону с ходу не смогли. 107-я мотострелковая дивизия и 8-я танковая бригада огнем артиллерии и танков отбили все атаки гитлеровцев.

П.Г. Чанчибадзе показал себя бесстрашным командиром. Он на своей автомашине носился с одного участка на другой, появлялся там, где складывалось наиболее тяжелое положение, воодушевлял своим мужеством подчиненных.

— Молодцы твои танкисты! — восхищенно говорил мне вечером Порфирий Григорьевич. — Без них, при всей удивительной стойкости моих мотострелков и артиллеристов, нам бы не выдержать такого яростного штурма.

И все же на вторые сутки противник обошел нас с флангов. К вечеру 16 ноября часть сил 6-й танковой и 14-й моторизованной дивизий гитлеровцев захватили Дорино, Гришкино и устремились по шоссе на Новозавидовский. 7-я немецкая танковая дивизия, форсировав Ламу, овладела селом Глухино и передовыми частями выдвинулась в направлении Высоковска, охватывая левый фланг 107-й мотострелковой дивизии.

В итоге боев за 15 и 16 ноября на фронте 30-й армии создалось весьма тяжелое положение. Ее правофланговые части оказались изолированными севернее Московского моря, причем 21-я танковая бригада потеряла все танки и 35 процентов личного состава. Создалась угроза захвата противником железнодорожного и шоссейного мостов через залив Московского моря. В связи с этим командование армии приказало бригаде, а также действовавшим вместе с ней 2-му моторизованному и 20-му запасному стрелковому полкам взорвать мосты и сосредоточиться в районе Новозавидовского, войдя в подчинение полковника П.Г. Чанчибадзе.

На левом фланге армии 107-я мотострелковая дивизия и 8-я танковая бригада с 46-м мотоциклетным полком тоже сильно пострадали, хотя и сами нанесли противнику значительный урон, уничтожив 35 вражеских танков, 28 бронемашин, 56 орудий, из них 38 противотанковых, 80 пулеметов, 5 минометных батарей и до 2500 солдат и офицеров[16]. Всего за два дня ожесточенных боев с войсками 30-й армии гитлеровцы потеряли 65 танков и только убитыми более 3000 солдат и офицеров[17].

Обстановка с каждым днем накалялась. Части 107-й мотострелковой дивизии и 8-я танковая бригада уже дрались отдельными группами в полуокружении. Поддерживавший со мной непрерывную связь П.Г. Чанчибадзе то и дело просил выручить его мотострелков. Танкисты совершали стремительные броски, нападали из засад на прорвавшиеся фашистские танки, облегчая положение героически сражавшихся пехотинцев.

Однако огромный перевес врага в силах и средствах, особенно в танках, позволял ему наращивать силу удара. К исходу 18 ноября 6-я танковая и 14-я моторизованная дивизии немцев при активной поддержке авиации прорвались к населенным пунктам Новозавидовский, Лягущипо, Чистый Мох и овладели ими. Юго-западнее Московского моря крупные силы гитлеровцев (до пехотной дивизии с 80—90 танками) потеснили левофланговые части 107-й мотострелковой дивизии и 8-ю танковую бригаду. Вскоре противник вышел и в район села Дмитрово, южнее которого находился мой КП. Вместе с подошедшим 143-м отдельным танковым полком 8-я танковая бригада временно приостановила продвижение врага, но было ясно, что, несмотря на поразительный героизм бойцов, командиров и политработников, удержать занимаемые рубежи, имея открытые фланги, мы не в состоянии. Под постоянной угрозой вражеского окружения нам пришлось отходить к городу Клин.

Наше и без того тяжелое положение усугублялось еще тем, что в самые критические для нас дни произошла смена командования 30-й армии: вместо генерал-майора В.А. Хоменко командующим армией был назначен генерал-майор Д.Д. Лелюшенко, а начальника штаба армии полковника А.И. Виноградова сменил полковник Г.И. Хетагуров. Новому командованию, разумеется, требовалось определенное время для того, чтобы разобраться в чрезвычайно сложной обстановке, установить связь с войсками, определить их боевые возможности и организовать отпор врагу. А это было очень трудным делом, когда события развивались с головокружительной быстротой, причем части и соединения левого фланга армии, противостоявшие противнику на направлении его главного удара, порой сражались в окружении или прорывались из окружения, не имея связи не только с армейским штабом, но и соседями.

Надо отдать должное Д.Д. Лелюшенко и Г.И. Хетагурову, сумевшим оперативно справиться с решением, казалось, неразрешимых задач. И это не случайно. Оба они уже тогда имели большой командирский и боевой опыт.

Дмитрий Данилович прошел суровую школу Гражданской войны в рядах легендарной буденновской конницы, затем занимал ряд командных должностей в бронетанковых войсках, а за умелое руководство танковой бригадой в советско-финляндской войне и проявленное высокое мужество был удостоен звания Героя Советского Союза.

Георгий Иванович в довоенные годы служил в артиллерии на Дальнем Востоке, последовательно командуя взводом, батареей и полком, отличился в сражении с войсками китайских милитаристов на КВЖД, став кавалером ордена Красного Знамени. В конце 1939 года полковник Хетагуров возглавил артиллерию 1-й Московской Пролетарской мотострелковой дивизии, а через год в командование этой дивизией вступил генерал Д.Д. Лелюшенко.

К началу Великой Отечественной войны Дмитрий Данилович командовал 21-м механизированным корпусом, начальником артиллерии которого являлся Хетагуров. Корпус отважно сражался в Прибалтике, вместе с другими войсками Северо-Западного фронта преграждая немецко-фашистским войскам путь к Ленинграду. Там Г.И. Хетагуров был тяжело ранен. Несколько позже, в боях на можайском рубеже обороны Москвы, командуя 5-й армией, тяжелое ранение получил и Д.Д. Лелюшенко.

По внешности и характерам они резко отличались друг от друга. Командующий войсками армии — приземистый, крепко сбитый, бритоголовый, непоседливый, неукротимо-энергичный, порой крутой и вспыльчивый, являл собой полную противоположность своему начальнику штаба — человеку выше среднего роста, сухощавому, смуглолицему, с густой, тронутой сединой темноволосой шевелюрой, сурово-сдержанному и упрямо-настойчивому.

Но эти различия в натурах не мешали им в четком руководстве армией, а глубокие знания тактики войск, особенно танков и артиллерии, позволяли грамотно, гибко и эффективно применять их как в оборонительных, так и в наступательных боях.

* * *

Упорное сопротивление советских войск к северо-западу от Москвы имело очень важное оперативное значение. Оно не позволило противнику вести наступление с высокими темпами и помогло нашему командованию наиболее четко определить на этом направлении группировку сил и замысел гитлеровцев.

В целях объединения усилий войск, оборонявших северо-западные подступы к Москве, Ставка Верховного Главнокомандования 17 ноября передала 30-ю армию Калининского фронта Западному фронту. Она усиливалась 17-й и 24-й ка-

валерийскими дивизиями, 25-й танковой бригадой и пулеметным батальоном. В ее состав также передавалась из 16-й армии 58-я танковая дивизия. Но в этом соединении после кровопролитных боев с 4-й танковой группой немцев в районе Теряевой Слободы осталось всего 15, преимущественно легких, танков, 5 орудий и 350 танкистов и мотострелков[18].

По приказу командующего Западным фронтом генерала армии Г.К. Жукова оборона Клина возлагалась на оперативную группу в составе 126-й стрелковой и 24-й кавалерийской дивизий, 8-й и 25-й танковых бригад, курсантского полка и сводного отряда Московской зоны обороны. Командовать группой было приказано заместителю командующего войсками 16-й армии генерал-майору Ф.Д. Захарову. Эта группа должна была явиться связующим звеном между 16-й и 30-й армиями на клинско-солнечногорском направлении.

В течение пяти дней продолжались упорнейшие бои за Клин. Захватив Завидово, 6-я танковая и 14-я моторизованная дивизии гитлеровцев рвались к Клину с севера. С запада на город наступали части двух танковых и одной пехотной немецких дивизий.

107-я мотострелковая дивизия с приданными частями, наша танковая бригада и остатки 58-й танковой дивизии напрягали последние силы, отбивая многочисленные танковые атаки врага. Западнее Клина мужественно сражались курсанты Московского пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР и спешенные кавалеристы. Неудача постигла 126-ю стрелковую дивизию. Во встречном бою она была опрокинута противником и под танковым натиском отошла на юго-запад. Танки врага ворвались в Мисирево и обрушились на штаб этой дивизии.

К исходу 22 ноября гитлеровцы полуокружили Клин с севера, запада и юго-запада. Группа вражеских танков даже

прорвалась в город, но была выбита и уничтожена. Создалась угроза выхода фашистов на рогачевско-дмитровское направление, где наших войск, за исключением небольшого отряда Московской зоны обороны в Рогачево, не было. Для прикрытия этого направления командование фронта вывело в свой резерв 8-ю танковую бригаду, сосредоточив ее юго-восточнее Клина, в районе Воронино.

С утра 23 ноября гитлеровцы силами 6, 7 и 2-й танковых дивизий при поддержке 35-й пехотной дивизии предприняли попытки завершить окружение Клина. 107-я мотострелковая дивизия (200 человек и 15 танков), остатки 58-й танковой и 24-й кавалерийской дивизий отражали атаки 6-й танковой и 14-й моторизованной дивизий противника севернее и северо-восточнее города. С запада и юго-запада Клин защищали сильно ослабленные в боях части правого фланга 16-й армии.

Мы с комиссаром бригады Н.В. Шаталовым смотрели в сторону города. Клин горел. Густой черный дым, озаряемый зловещими языками пламени, высоко поднимался в морозном безветрии. Доносился гул артиллерии, снаряды рвались не в самом городе, а на подступах к нему. Едва отбомбились фашистские самолеты, как появилась наша авиация. Она нанесла бомбовые удары по северо-западным и западным подступам к городу: видимо, громила колонны танков и мотопехоты противника в районе Высоковска.

Сильный бой шел юго-западнее Клина. Там противник наносил удар на Солнечногорск. Слышались грохочущие взрывы тяжелых авиабомб. В безоблачном небе с воем кружились наши и вражеские самолеты. Позже было установлено, что в этот день в районах Клина и Солнечногорска против наших малочисленных, но с невиданным упорством сражавшихся частей наступали восемь фашистских дивизий, из них четыре танковые, одна моторизованная и три пехотные. Было удивительно, как, какими нечеловеческими усилиями советские воины удерживают занимаемые рубежи.

На исходе дня танки противника все же ворвались в Клин с северо-востока. До глубокой ночи яростные схватки продолжались уже в самом городе. К утру остатки наших войск вынуждены были прорываться из Клина и отходить в восточном и юго-восточном направлениях.

После овладения Клином немецко-фашистское командование силами четырех танковых (6, 7, 2 и 11-й), двух моторизованных (14-й и 36-й) и одной пехотной (106-й) дивизий продолжало развивать наступление на Рогачево, Дмитров и в направлении Солнечногорска по Ленинградскому шоссе, стремясь своими танковыми дивизиями расколоть фронт 30-й и 16-й армий, завершить их разгром и, форсировав канал Москва — Волга, выйти к Москве с севера и северо-запада.

Учитывая весьма тяжелое положение на правом крыле Западного фронта, Ставка Верховного Главнокомандования принимала все меры к тому, чтобы усилить 16-ю и 30-ю армии. В частности, распоряжением командующего Западным фронтом на рогачевское направление были направлены 681-й стрелковый полк 133-й стрелковой дивизии и артиллерийский полк МВО. Эти части входили в мое подчинение.

К вечеру 24 ноября на рогачевском направлении сложилась следующая обстановка. Левофланговые дивизии 30-й армии (107-я мотострелковая, 58-я танковая, 24-я кавалерийская) и 923-й стрелковый полк, объединенные под общим командованием начальника штаба армии полковника Г.И. Хетагурова, отошли из района Клина на рубеж Воронино, Спас-Коркодино и поспешно перешли к обороне. В Рогачеве готовил круговую оборону батальон охраны штаба МВО и МЗО под командованием майора А.И. Эпельграда с артиллерийским дивизионом, имевшим двенадцать 76-мм пушек.

Противник не заставил долго ждать. С рассветом танки и мотопехота гитлеровцев перешли в наступление на Воронино. Хотя за последние сутки мы сумели отремонтировать

и поставить в строй несколько боевых машин, все же танков у нас было очень мало, немногим более десятка, из них только два КВ и три Т-34. Размышляя накануне о способах борьбы с превосходящими силами врага, я пришел к выводу, что в создавшихся условиях нам следует действовать оставшимися танками из засад, отбивая лобовые вражеские атаки огнем артиллерии и пулеметов, широко применяя противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью.

Так и поступили на этот раз. Подпустив противника на близкое расстояние, наши артиллеристы открыли по фашистским танкам огонь прямой наводкой, используя в том числе и зенитную артиллерию. Сразу же несколько танков было подбито, некоторые из них загорелись, остальные повернули обратно.

Вот тут-то я и приказал командиру танкового полка майору Егорову атаковать отходивших гитлеровцев. Наши танки стремительно вырвались с опушки леса и, преследуя врага, огнем своих пушек подбили пять его машин, уничтожили до роты мотопехоты.

Больше здесь немцы атаковать не решались. Но во второй половине дня они нанесли удар по левофланговым частям 30-й армии и, прорвав их оборону, двинулись на восток, в сторону Рогачево.

Последовал приказ оставшимися танками нашей бригады совместно с противотанковой артиллерией остановить противника и прикрыть нашу пехоту, отходившую частью в Рогачеве и главными силами — на подготовленный к обороне рубеж в 3—3,5 километра от западного берега канала Москва — Волга.

За последнюю неделю резко похолодало, а затем ударили сильные морозы, прошли обильные снегопады. Это сковывало маневр войск, затрудняло их продвижение. И все же наши танки, особенно Т-34 с широкими гусеницами и мощными моторами, продвигались быстрее немецких. Поэтому

мы успели сманеврировать, прикрыть танкоопасное направление и огнем с места остановить фашистские танки, наступавшие на Рогачево.

Этот населенный пункт имел важное значение в оперативно-стратегическом отношении. От него шли пути к мостам через канал в Дмитрове и Яхроме, с овладением которыми немецко-фашистские войска могли выйти на ближайшие подступы к Москве с севера и северо-востока в район Загорска.

Между тем к Дмитрову и Яхроме уже двигались из резерва Ставки войска 1-й ударной армии. Надо было любой ценой выиграть время, необходимое для завершения их сосредоточения. Вот почему командующий Западным фронтом Г.К. Жуков телеграфировал мне: «Прошу вас удержать Рогачево хотя бы еще сутки». Он не приказывал, а просил, понимая, что силы наших войск на этом направлении истощились. И только величайшим мужеством, вплоть до самопожертвования, можно было на какое-то время задержать противника, имевшего по меньшей мере десятикратное превосходство в боевой технике и вооружении.

И мы дрались из последних сил, сознавая всю громадную опасность прорыва немцев к каналу.

Гитлеровцы обрушивали на наши поредевшие войска тонны артиллерийских снарядов и авиабомб, теснили армадой танков, поливали свинцовым ливнем пулеметного огня. Но советские воины стояли насмерть, и не только выстояли, но и нанесли противнику большой урон, уничтожив только в районе Рогачево, Дмитров 70 фашистских тяжелых, средних и легких танков, 60 пулеметов, 25 орудий, 2000 солдат и офицеров[19].

Сообщая об этих боях, и в частности о действиях нашей бригады, газета «Комсомольская правда» 30 ноября писала: «В течение вчерашнего дня на северном крыле фронта наши войска вели упорные бои с противником, сдерживая

его стремление прорваться к городу Дмитрову. Танкисты командира Ротмистрова успешно отразили несколько вражеских атак и прочно удерживают свои позиции...»

К 30 ноября наступление немецко-фашистских войск, наносивших удар по правому крылу нашего Западного фронта, приостановилось. Мы это сразу же почувствовали. Фашисты вели в тот день по нашим позициям редкий артиллерийский огонь и прекратили атаки. Создавалось впечатление, что противник выдохся, исчерпал свои наступательные возможности и, встретив непреодолимое сопротивление советских воинов, остановился.

8-я танковая бригада была выведена во второй эшелон 30-й армии. Нам было приказано сосредоточиться в районе Дмитрова Гора и принимать пополнение. На станцию Вербилки начали поступать маршевые танковые роты и новые танки, в основном Т-34, а также все виды снабжения, в том числе зимнее обмундирование.

В те дни нашу бригаду и другие части 30-й армии посетили делегации трудящихся Москвы и подмосковных городов. Они привозили подарки бойцам: вязаные шерстяные носки и перчатки, кисеты с табаком, теплые подшлемники, письма и продовольственные посылки. Эта трогательная забота воодушевляла наших воинов на новые подвиги.

* * *

К 1 декабря 30-я армия, передав участок Дмитров, Яхрома 1-й ударной армии, заняла оборону по рубежу река Волга, северная часть Московского моря, северо-восточнее Рогачево фронтом на юго-запад. Она находилась в выгодном оперативном положении по отношению к главной группировке противника, действовавшей против 20-й и 16-й армий, так как нависала над ее левым флангом и тылом, угрожая нанести удар на Клин и далее в юго-западном направлении для перехвата тыловых коммуникаций измотанных в преды-

дущих боях 3-й и 4-й танковых групп немцев. Именно это выгодное положение войск 30-й армии и решено было использовать с максимальным эффектом. Ставка Верховного Главнокомандования усилила армию четырьмя свежими стрелковыми (371, 379, 365, 348-й) сибирскими и уральскими дивизиями и 82-й кавалерийской дивизией. Были также значительно пополнены ранее действовавшие в составе армии части и соединения.

По директиве командующего Западным фронтом от 3 декабря 1941 года 30-я армия во взаимодействии с 1-й ударной армией должна была с утра 5 декабря перейти в решительное наступление, нанося главный удар на Клин, охватывая его с севера.

4 декабря я, комиссар и начальник штаба бригады были вызваны в штаб 30-й армии в Конаково. Там находилось и командование большинства других соединений. Командующий армией генерал-майор Д.Д. Лелюшенко кратко информировал нас о сложившейся на Западном фронте обстановке, огласил директиву командующего фронтом и свой приказ на наступление.

Главный удар он решил с утра 5 декабря нанести центром боевого построения армии. В состав центральной ударной группировки включались 379, 365 и 371-я стрелковые дивизии, 8-я и 21-я танковые бригады. При этом танковые бригады, усиленные стрелковыми батальонами, должны были действовать в качестве эшелонов прорыва. Силами 348-й стрелковой, 18-й и 24-й кавалерийских дивизий наносился вспомогательный удар в направлении Рогачево, Спас-Коркодино, Клин. Справа центральную группировку обеспечивали 185-я стрелковая и 82-я кавалерийская дивизии. Севернее переходила в наступление 107-я мотострелковая дивизия с 46-й кавалерийской дивизией.

8-й танковой бригаде предстояло наступать во взаимодействии с 365-й стрелковой дивизией. Получив задачу, я тут же

отметил ее на карте по рубежам. Конечная цель — овладение Клином. Командующий армией предупредил, что наступление начнется за два часа до начала рассвета, то есть в 6.00, без артиллерийской подготовки. Такое решение было принято по ряду соображений. Во-первых, гитлеровцы не имели сплошной обороны, занимали отдельные населенные пункты, а 30-я армия наносила удар на широком фронте и не могла обеспечить достаточно высоких плотностей артиллерийского огня. Во-вторых, резонно было предполагать (да это и подтверждали пленные), что противник не ожидает здесь наступления советских войск, считая их сильно ослабленными в предыдущих тяжелых и кровопролитных оборонительных боях.

В этих условиях атака, под покровом темноты, по белоснежной целине, не предупрежденная артиллерийской подготовкой, обеспечивала внезапность удара.

Возвращались мы к себе в штаб бригады в приподнятом настроении.

— Наконец-то пришел наш час! — взволнованно говорил Н.В. Шаталов. — Темной ночкой навалимся на фашиста и будем бить беспощадно.

— Но ночь таит в себе и определенные трудности, — заметил начальник штаба. — Скорость танков в темноте не та, что днем. Командирам машин и механикам-водителям трудно будет обнаруживать препятствия, выдерживать направление атаки и не сбиваться с него...

— Да, этого нельзя сбрасывать со счетов, — согласился я. — Поэтому нам надо засветло провести тщательную рекогносцировку, наметить ориентиры, чтобы не сбиться с пути, не забраться в лощины, забитые снегом.

— Нет, что ни говорите, а ночка поможет нам, — развивал свою мысль Шаталов. — Гитлеровцам нелегко будет определить, сколько у нас танков. А их ведь не ахти как много.

Он был прав. Противник, как было потом подсчитано, имел более чем четырехкратное превосходство в танках. Од-

нако фронтом они были нацелены на Москву, а это облегчало нам наносить по врагу фланговые удары.

Вернувшись на свой КП, я вызвал к себе командира танкового полка и командиров батальонов, замполитов и начальников штабов. К их приезду у меня на карте уже была нанесена обстановка и указана задача бригады.

— Тридцатая армия переходит в наступление, — сказал я собравшимся и по их лицам заметил, как всех обрадовало это сообщение. — Поздравляю вас, товарищи, с этим большим событием!

— А мы тоже? — нетерпеливо спросил командир первого танкового батальона капитан Д.К. Гуменюк.

— Конечно.

— Вот это здорово! — воскликнул майор Я.М. Шестак. Он, командир мотострелкового батальона, совсем недавно повышен в звании.

Сдержаннее ведет себя командир второго танкового батальона капитан Л.М. Моцарский, недавно назначенный на эту должность вместо погибшего капитана А.Н. Ушакова. Но и у него блестят черные глаза, выдавая душевное волнение.

Когда страсти немного улеглись, я изложил задачу, поставленную бригаде. Она должна во взаимодействии с 365-й стрелковой дивизией основными силами нанести удар в направлении Трехденево, Заболотье, Бирево, прорвать оборону противника и перехватить Ленинградское шоссе в районе Ямуги с последующим ударом на Клин.

Предлагаю командиру танкового полка, теперь уже подполковнику, А.В. Егорову совместно с командирами батальонов и рот провести рекогносцировку и к вечеру доложить свое решение. Зимний день короток, поэтому я старался не задерживать командиров, дать им побольше светлого времени для тщательной подготовки к наступлению.

Все разъехались. Уехали в подразделения бригадный комиссар Н.В. Шаталов и начальник политотдела бригады

И.В. Седякин. Их задача — обеспечить авангардную роль коммунистов и комсомольцев в предстоящем наступлении.

У нас с начальником штаба, как говорится, забот полон рот. Следует многое предусмотреть, чтобы добиться успеха. В приказе подчеркиваю: избегать лобовых атак, узлы сопротивления противника обходить, огневые точки уничтожать огнем прямой наводкой, наступать стремительно, действовать решительно.

Сгущались сумерки. Крепчал мороз, переваливший за 20 градусов. Но для нас это не страшно. Личный состав был одет в теплое зимнее обмундирование — полушубки, валенки, шапки-ушанки.

* * *

В то время как я ожидал возвращения А.В. Егорова с рекогносцировки, из штаба армии прибыл командир связи. Он привез боевое распоряжение, в котором указывалось, что наступление переносится с 5-го на 6 декабря. Оказалось, что вновь прибывающие войска не успевали своевременно сосредоточиваться в исходных районах.

Эти сутки мы использовали для еще более основательной подготовки к боям и организации взаимодействия со стрелковыми частями. Вместе с комиссаром бригады я побывал во всех батальонах, поговорил с бойцами, командирами и политработниками. Настроение у людей было приподнятое, боевое. Но чувствовалась и взволнованность, особенно у тех, кто прибыл с новым пополнением. Ясно: первый бой бывает трудным психологическим испытанием. Хорошо понимая это, командиры умело распределили молодых воинов среди бывалых фронтовиков, создав в каждом подразделении крепкое ядро из коммунистов и комсомольцев.

Засветло съездил на НП командира 365-й стрелковой дивизии полковника М.А. Щукина, уточнили с ним порядок

взаимодействия. Бригада должна наступать с 1213-м стрелковым полком. Потом я заехал на КП командира танкового полка подполковника А.В. Егорова, утвердил его решение. Первым будет атаковать батальон капитана Гуменюка, наиболее опытного офицера, за ним двинутся танки батальона капитана Моцарского. Во втором эшелоне действует мотострелковый батальон майора Шестака.

Ровно в 6.00 последовал сигнал к атаке. Ночь была облачная, темная и морозная. До рассвета оставалось еще не меньше двух часов, а бой уже разгорался: слышались выстрелы танковых пушек, дробный стук пулеметов, взрывы гранат. Потом явно обозначилась какая-то заминка. Когда связался с Егоровым, тот доложил, что танки попали на заминированный участок. Один легкий танк подорвался.

— Топчетесь на месте, — упрекнул я командира полка. — Обходите деревню, пока вас не накрыла противотанковая артиллерия...

С рассветом упорство противника возросло. Гитлеровцы превратили все населенные пункты в узлы сопротивления, насыщенные большим количеством огневых средств. Однако, несмотря на это, наши войска, хотя и медленно, продвигались вперед. Наша бригада с десантом автоматчиков на броне смело атаковала гитлеровцев в районе Захарово. Встретив сильное огневое сопротивление, она обошла село и помогла 365-й стрелковой дивизии в овладении населенными пунктами Трехденево и Борщево, а затем внезапной атакой с севера захватила Заболотье.

При подходе к Заболотью передовой отряд бригады натолкнулся на заминированный участок дороги. Бронемашина разведки, выскочившая на мостик через небольшую речку, подорвалась. Следовавший за отрядом танковый полк остановился.

— Что случилось? Почему не продвигаетесь? — спросил я со своего НП командира полка А.В. Егорова.

— Дорога заминирована, а саперов с миноискателями в полку нет, — ответил он.

Встревоженный этой задержкой, я немедленно выехал на место, приказав Егорову тоже быть там. У мостика мы убедились, что на дороге и по ее обочинам установлены мины. Тогда я отошел назад и с группой автоматчиков свернул по снегу в сторону небольшого леса. Там мин, конечно, не было, и я приказал главные силы бригады направить для наступления на Заболотье не прямолинейно, а в обход, по лесу.

Приказ был немедленно выполнен. Танки, в особенности Т-34, легко преодолели молодой лес и вышли для атаки с направления, неожиданного для немцев.

— Товарищ комбриг, а вы были уверены, что не натолкнетесь на мины? — смущенно спросил меня командир танкового полка.

— Конечно. Был просто трезвый расчет, — ответил я. — Не могли же гитлеровцы устанавливать мины в лесу — наверняка считали, что мы в него не пойдем.

Все обошлось хорошо. Лес позволил скрытно сосредоточить бригаду севернее Заболотья и нанести по противнику внезапный удар. Для управления боем мы с А.В. Егоровым и его заместителем майором П.Ф. Вишняковым выехали на опушку леса. По моей команде бригада пошла в атаку. В первом эшелоне шли два танковых батальона.

С окраины деревни по нашим танкам сразу же открыла огонь четырехорудийная противотанковая батарея противника. Два танка были подбиты, но продолжали стрельбу из пушек. Остальные боевые машины, не снижая скорости, приближались к огневым позициям вражеской батареи. Один из танков вырвался вперед. Гитлеровцы сосредоточили по нему огонь всех четырех орудий. Наблюдая за этим танком, мы видели, как он прошел через огневые позиции противотанковых пушек противника, затем свернул несколько влево и, обогнув восточную окраину Заболотья, скрылся.

«Что же с ним случилось?» — недоумевали мы. Только позже, когда Заболотье уже осталось позади, наша танкотехническая служба обнаружила танк в глубине леса упершимся в толстую березу. Корпус машины был искорежен снарядами. За рычагами управления нашли мертвого механика-водителя.

Произошло, казалось бы, невероятное. Как потом выяснилось, во время атаки в танк лейтенанта М.В. Фролова ударил вражеский снаряд, смертельно ранивший механика-водителя. Видимо, последним, уже конвульсивным движением водитель резко прибавил обороты двигателя. Легкораненые лейтенант Фролов и командир орудия успели выскочить из танка, который, взревев мощным дизелем, понесся вперед, наводя ужас на гитлеровцев. Командир немецкой батареи застрелился, а расчеты вместе с орудиями были раздавлены.

...За 6—7 декабря войска 30-й армии, ломая отчаянное сопротивление врага, освободили 15 населенных пунктов. Отступая, гитлеровцы, если им позволяло время, стремились угонять с собой жителей оставляемых деревень, забирали их имущество, скот, все продовольственные запасы, поджигали все, что могло гореть.

В деревне Трехденево наши танкисты подбили 2 немецких танка и несколько орудий, захватили 3 легковые и 12 грузовых автомашин. Кузова автомашин были доверху набиты награбленным добром, в том числе женскими пальто, кофтами, юбками, платьями, платками, теплой обувью и одеялами.

Ожесточенные бои в эти дни разгорелись во всей полосе наступления 30-й армии, и особенно упорные — под Рогачево. Наиболее успешно наступала наша центральная группировка: за два дня она расширила фронт прорыва до 22 километров и продвинулась в глубину на 17 километров, овладев рубежом Захарово, Мужево и далее по реке Сестра до Тресвятского. Наступательные действия проходили в исключительно неблаго-

приятную погоду, при обильном снегопаде, в сильный мороз и пургу, которые затрудняли продвижение наших стрелковых частей, артиллерии и даже легких танков. Но вместе с тем такая погода значительно ограничила и маневр вражеских танковых частей. В этих условиях большое значение приобрели маневренные действия наших средних и тяжелых танков. Успешно преодолевая глубокий снежный покров, они обходили опорные пункты врага и наносили ему удары по флангам и тылу.

В ночь на 9 декабря командующий 30-й армией, наращивая силу удара, ввел в бой вторые эшелоны стрелковых дивизий. В центре 371-я стрелковая дивизия генерал-майора Ф.В. Чернышева и 21-я танковая бригада подполковника А.Л. Лесового выходом в район Шевелева перерезали шоссе Клин — Рогачево. В результате части 14-й моторизованной дивизии и 900-й бригады противника вынуждены были оставить основательно укрепленный Рогачевский узел сопротивления и под нажимом левофланговой группы 30-й армии (348-я стрелковая, 18-я и 24-я кавалерийские дивизии) с боем отходить на северо-запад.

На следующий день 8-я танковая бригада, энергично действуя частью сил с фронта и главными силами (танками с посаженными на их броню подразделениями 1211-го стрелкового полка 365-й стрелковой дивизии), опять же обходным маневром захватила Бирево. Наши танкисты и пехотинцы уничтожили до 700 солдат и офицеров 36-й моторизованной дивизии немцев, захватили 4 подбитых танка, 6 105-мм орудий и несколько штабных машин, в одной из которых было обнаружено полковое знамя.

Продолжая преследовать противника, первый танковый батальон капитана Гуменюка двинулся к Березине с задачей прорваться к Ленинградскому шоссе. Когда разведка донесла, что в этой сравнительно небольшой деревне скопилось значительное количество вражеских автомашин с мотопехотой, я приказал вслед за танками направить туда мото-

стрелков майора Шестака и приданный бригаде стрелковый батальон. Гитлеровцы, видимо, не ожидали появления наших танков. Спасаясь от холода, они разбрелись по избам или толпились у костров, разведенных во дворах. Стремительно ворвавшись в деревню, танкисты открыли огонь из пушек и пулеметов, крушили порожние автомашины таранными ударами, давили фашистов гусеницами. Подошедшие мотострелки завершили разгром врага в деревне.

Захват Березина открывал нам путь к Ямуге — крупному населенному пункту на шоссе Москва — Ленинград севернее города Клин. Я отчетливо понимал, что с овладением Ямугой мы перережем путь отхода клинской группировки противника на северо-запад и нарушим ее связь с войсками, действующими против правого фланга 30-й армии. Поэтому незамедлительно было запрошено разрешение командарма на продолжение наступления в направлении Ямуги до подхода главных сил стрелковых соединений.

— Действуйте! — коротко приказал генерал Д.Д. Лелюшенко, вероятно, не хуже меня понимавший оперативное значение Ямуги.

Тотчас же последовало боевое распоряжение А.В. Егорову — срочно дозаправить танки, пополнить их боеприпасами и с приданным ему стрелковым батальоном к утру скрытно сосредоточиться северо-восточнее Ямуги в готовности на рассвете атаковать противника, занимавшего село.

Подписав боевой приказ, я выехал на КП командира 365-й стрелковой дивизии полковника М.А. Щукина, чтобы информировать его о задаче, поставленной бригаде, согласовать порядок взаимодействия и, главным образом, просить комдива поддержать атаку танкистов огнем дивизионной артиллерии.

Щукин сидел за дощатым столом, сосредоточенно размышляя и ритмично постукивая тупым концом карандаша по развернутой карте с нанесенной на ней обстановкой. Вокруг

стояли командиры, и поэтому комдив поначалу не заметил моего появления.

— Тихо! Чапай думает! — пошутил я, здороваясь с присутствующими.

— Легок на помине! — расплылась по лицу Щукина приветливая улыбка. — Только что собирался к тебе, а ты сам тут как тут. Состоялся разговор с командармом. Нацеливает на Клин. Вот уточняю задачи своим на завтра.

Выслушав меня, комдив заверил, что поддержка огнем артиллерии 8-й танковой бригаде в наступлении на Ямугу будет обеспечена.

— Задача у нас, Павел Алексеевич, общая — бить фашистов в хвост и в гриву. А тут вроде бы и получается именно так: вы бьете по этому селу с северо-востока, а мы будем обходить его юго-восточнее.

На карте Щукина были уже обозначены направления ударов каждого полка дивизии. Правофланговому полку предстояло наступать на юго-западную окраину Ямуги.

Простившись со Щукиным, поехал обратно на свой КП.

День был на исходе. По небу лениво ползли плотные снеговые облака. Крепчал мороз. Зябкий северо-восточный ветерок играл поземкой, засыпая снежком пробитую в низких сугробах колею дороги.

Не прошло и часа после моего прибытия, как приехал А.В. Егоров, доложил, что он с комбатами провел рекогносцировку и поставил им задачи.

— Ударим одновременно: с севера первым танковым и мотострелковым батальонами, с востока атакует второй танковый батальон при поддержке подразделений стрелкового батальона.

— Все правильно по распределению сил и направлениям атаки, только атаковать будем разновременно: вначале с восточной стороны, а затем уже по шоссе севернее Ямуги, — внес я поправку в решение Егорова.

Дело в том, что при обсуждении вопросов взаимодействия 8-й танковой бригады с 365-й стрелковой дивизией мы со Щукиным остановились на предложенном мною варианте начала наступления. Целесообразность его диктовалась необходимостью приковать внимание противника к отражению атаки наших войск восточнее и юго-восточнее Ямуги для обеспечения внезапности решающего удара танков с севера. Тогда в моем присутствии комдив и приказал начарту дивизии планировать огонь артиллерии по восточным и юго-восточным подступам к селу с переносом огневого налета на южную часть села, препятствуя отходу гитлеровцев в район Клина.

...К ночи пошел снег, усилившиеся порывы ветра, посвистывая, раздували пургу. Но мы не ругали непогоду. Она была нашей союзницей, содействовала скрытному сосредоточению войск в исходных районах, приглушала шум танковых двигателей и скрывала в снежной мгле от глаз врага.

За час до рассвета я направился на НП командира танкового полка бригады, располагавшийся на опушке еловой чащи. Подойдя к лесу, машина круто свернула на просеку и уперлась в командирский танк подполковника Егорова. Александр Васильевич разговаривал по радио.

— Не трогайте! Пусть идут! И патрулей тоже, — слышался его звонкий голос. Увидев меня, он отдал честь и, улыбнувшись, сказал: — Все в порядке! Все на месте. Установил связь, как говорится, по фронту и в глубину.

Интересуюсь, кому это он приказывал кого-то не трогать и как прошла ночь.

— Да в Ямугу двигались несколько грузовых немецких автомашин по патрулируемой фашистскими мотоциклистами шоссейной дороге. Ну, чтобы преждевременно не поднимать шума, я и разрешил пропустить их...

Ночью, как доложил Егоров, доносился грохот сильных взрывов севернее, со стороны Новозавидовского и стан-

ции Решетниково. Нам известно было, что там наступают 107-я мотострелковая и 82-я кавалерийская дивизии нашей армии, имея задачу перехватить железную и шоссейную дороги. Возможно, разведчики или передовые отряды этих дивизий под покровом темноты проникли в тылы немецких частей на этом участке и подорвали машины либо склады с боеприпасами.

Медленно надвигался тусклый зимний рассвет, слабо высвечивая снежные шапки деревьев. Пурга притихла. Умолкла и возня танкистов, готовивших машины к наступлению. Бойцы десантных групп из мотострелкового батальона майора Шестака, согреваясь, разминали ноги и руки, молча толкали друг друга в ожидании команды о посадке на броню танков.

Молча сидим и мы, ожидая начала артиллерийской подготовки в полосе наступления 365-й стрелковой дивизии, правее которой будет наступать и наш второй танковый батальон капитана Моцарского.

Комбат доложил о готовности к атаке. Наконец раздался первый артиллерийский залп, затем второй, и загудело, загрохотало вдали, отзываясь эхом в лесу. Коротко взвыли реактивные снаряды «катюш». После их залпа начинается атака.

Бой восточнее Ямуги разгорался. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись, подтягивая туда основные силы.

— Пришла пора Гуменюка и Шестака, — говорю Егорову. — Заводи моторы, а то как бы не опоздать.

Первый танковый батальон с десантом мотострелков на броне устремился к Ленинградскому шоссе. Машины замедляли ход перед кюветом дороги и, преодолев его, круто поворачивали на юг, резко набирая скорость. Впереди мчались тридцатьчетверки, за ними — несколько КВ. Я приказал в случае плотного противотанкового огня противника выдвинуть вперед тяжелые танки и под прикрытием их мощной брони продолжать атаку.

Но этого не потребовалось. Гитлеровцы, как оказалось, не ожидали нашего удара с севера, обнаружив накануне сосредоточение советских войск лишь восточнее и южнее. Видимо, и то, что машины немцев были беспрепятственно пропущены Егоровым в Ямугу ранним утром, притупило бдительность врага. Неожиданность нашей атаки ошеломила его. Бросая вооружение, убитых и раненых, немцы начали поспешный отход на Клин, даже не успев поджечь дома, как обычно делали.

Уже в первой половине дня Ямуга была в наших руках. Враг потерял 10 танков, до 200 человек убитыми и ранеными, 30 автомашин с различным военным имуществом и боеприпасами.

Овладение нами Ямугой создало угрозу тылу всей клинско-солнечногорской группировки противника и привело к ослаблению ее сопротивления войскам левого фланга 30-й, а также 1-й ударной и 20-й армий. Важно было и то, что, оседлав Ленинградское шоссе, мы лишили гитлеровцев свободы маневра по этой магистрали, соединявшей тылы немецко-фашистских войск, действовавших против Западного и Калининского фронтов.

Теперь перед 30-й армией встала задача во взаимодействии с правофланговыми частями 1-й ударной армии завершить окружение и разгром гитлеровцев в Клину. Немецко-фашистское командование стремилось во что бы то ни стало удержать город, где фактически оборонялись главные силы его клинско-солнечногорской группировки, насчитывавшие 18 тысяч человек, до 150 танков, около 7 дивизионов противотанковой и зенитной артиллерии. По данным разведки, уточненным опросом пленных, в районе Клина находились части 1-й и 7-й танковых, 14-й и 36-й моторизованных дивизий, 900-й моторизованной бригады СС и 138-го инженерного батальона. Подступы к городу и сам город были укреплены инженерными сооружениями — окопами полного

профиля, дзотами, минными полями, проволочными заграждениями в несколько рядов. Все каменные здания немцы приспособили к круговой обороне. С воздуха гарнизон поддерживался значительными силами авиации, которая, используя летную погоду, наносила бомбовые удары по близ расположенным населенным пунктам, уже освобожденным советскими войсками.

Оценив обстановку, командующий 30-й армией генерал Д.Д. Лелюшенко принял решение уничтожить противника уже в полуокруженном Клину. Для того чтобы замкнуть кольцо, необходимо было перерезать шоссе на участке Клин — Высоковск, куда гитлеровское командование перебрасывало подкрепления с других участков фронта.

Теперь наши действия между Клином и Высоковском сводились к тому, чтобы какими угодно усилиями замкнуть кольцо вокруг клинской группировки противника, охватывая Клин с северо-запада и юго-запада, С этой целью по приказу командарма создавалась армейская подвижная группа в составе 8-й и 21-й танковых бригад, 145-го отдельного танкового батальона, 2-го моторизованного и 46-го мотоциклетного полков. Командование группой возлагалось на меня.

Завершив перегруппировку, подчиненные мне части на рассвете 13 декабря перешли в наступление. Вначале все шло хорошо. Но вот неожиданно обострилась обстановка на участке 1211-го стрелкового полка, с которым взаимодействовал второй танковый батальон капитана Моцарского. Фашистская мотопехота при поддержке артиллерии и большой группы танков перешла здесь в контратаку и начала теснить наши стрелковые подразделения. Танкисты поспешили на помощь стрелкам. Завязался ожесточенный бой. Горели и немецкие, и наши танки. В одной из яростных схваток здесь пал смертью храбрых комбат капитан Л.М. Моцарский. В пылающей машине он врезался в боевой порядок вражеских танков и таранил один

из них. Гитлеровцы были остановлены только с подходом первого танкового и мотострелкового батальонов нашей бригады.

В течение дня подвижная группа вела тяжелые бои, прорываясь к шоссейной дороге из Клина на Высоковск. Противник оказывал упорное сопротивление. И все же мы, хотя и медленно, но продвигались вперед. Первым вышел на шоссе и развернулся на юго-восток танковый батальон капитана Гуменюка. Вскоре он перерезал дорогу у Лаврово. Навстречу ему из Клина выступила колонна фашистских танков. Гуменюк немедленно развернул батальон и открыл по врагу меткий огонь. Головные немецкие танки были подбиты, остальные повернули обратно. Преследуя отходившего противника, танкисты продвигались на Клин.

В район действий батальона Гуменюка срочно перебрасывались и остальные подразделения нашей бригады, а также 2-й моторизованный полк под командованием капитана Рязанцева и 145-й отдельный танковый батальон. Фронтом на Высоковск выдвигался 46-й мотоциклетный полк с задачей не допустить прорыва противника к его клинской группировке. Туда же должна была подойти 21-я танковая бригада, которая действовала севернее Клина.

Вечером в штабе бригады мы оживленно обсуждали переданное по радио сообщение Совинформбюро о провале гитлеровского плана взятия Москвы. «6 декабря 1941 года, — говорилось в этом сообщении, — войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери...»

— Ну вот настал и на нашей улице праздник! — обрадованно воскликнул комиссар бригады Н.В. Шаталов и, обращаясь к начальнику политотдела И.В. Седякину, пред-

ложил без промедления информировать об этом событии весь личный состав.

— Правильно, — поддержал я Шаталова. — Тем более что завтра у нас будет особо напряженный день. Противник, зажатый в Клину, несомненно, сделает попытку смять наши части и прорваться к Высоковску. Для обеспечения этого прорыва может последовать и удар из Высоковска на Клин...

И действительно, случилось так, как мы и предполагали. Чтобы расчистить себе путь на запад и северо-запад, фашистские танки с мотопехотой при мощной поддержке многочисленной артиллерии нанесли встречные удары из Клина и Высоковска. Разгорелся исключительный по ожесточению и упорству бой. Удар гитлеровцев, наступавших со стороны города Клин, приняли на себя 2-й моторизованный полк и 8-я танковая бригада, имевшая к тому времени всего несколько исправных танков. Но танкисты сражались героически, умело взаимодействовали с ними мотострелки. Только в бою под Першутино было убито до 600 вражеских солдат и офицеров, уничтожено 30 автомашин, минометная батарея и 4 танка[20].

На редкость жестокий бой вел 46-й мотоциклетный полк, отражая настойчивые атаки противника из района Высоковска. В полку не было танков и достаточного количества противотанковых средств. Но личный состав бился отважно. Пал смертью храбрых командир полка майор Миленький. Был тяжело ранен комиссар Гуцелюк. Они лично водили бойцов в контратаки. 150 воинов этой героической части в тот день сложили свои головы в сражении за Клин.

С утра 15 декабря противник обрушил на основательно поредевшие войска нашей подвижной группы ураганный артиллерийский и минометный огонь, затем бросил в атаку из Клина 16 тяжелых и средних танков, прикрытых с воздуха авиацией. Вслед за танками двигались бронемашины,

десятки грузовиков с пехотой и пулеметами. Гитлеровцы шли напролом, спасаясь от неминуемой гибели или пленения в окруженном Клину. Огромной массой они навалились на преграждавшие им путь наши ослабленные части, несли большие потери, но, охваченные страхом, продолжали отчаянно ломиться вперед, прорываясь к Высоковску, на запад и юго-запад, бросая поврежденную технику, сотни трупов солдат и офицеров.

В середине этого дня войска 30-й армии, еще накануне ворвавшиеся в Клин, во взаимодействии с 1-й ударной армией завершили разгром клинской группировки противника. Это была внушительная и воодушевляющая победа. Лишь за один последний день сражения в районе Клина воины 30-й армии уничтожили до 3 тысяч немецко-фашистских солдат и офицеров, захватили 42 танка, 659 автомашин, 132 мотоцикла, 27 орудий разного калибра, 67 пулеметов и большое количество различного военного имущества[21]. Всего же с 6 по 15 декабря 1941 года в боях с 30-й армией враг потерял около 18 тысяч убитыми и ранеными, лишился 164 танков, 31 броневика, 1774 автомашин, 341 орудия и миномета, 1723 пулеметов и автоматов, 472 мотоциклов, 9 радиостанций, 64 500 снарядов и мин, более 3 миллионов патронов[22].

Так же успешно наступали советские войска, принимавшие участие в Московской битве на всех участках Калининского, Западного, правого крыла Юго-Западного фронтов. Наши воины выдержали суровые испытания и теперь гнали врага, не давая ему передышки.

8-я танковая бригада продолжала громить фашистов уже в составе войск Калининского фронта. Родина высоко оценила стойкость, мужество и героизм ее личного состава. Приказом Народного комиссара обороны СССР № 7 от 11 января 1942 года наша бригада была преобразована в 3-ю гвардейскую танковую бригаду. В 30-й армии почетное гвардейское

звание присваивалось еще и 107-й мотострелковой дивизии, ставшей 2-й гвардейской мотострелковой.

В приказе отмечалось, что «107-я мотострелковая дивизия и 8-я танковая бригада нанесли тяжелые потери фашистским войскам, уничтожив свыше 20 тысяч солдат и офицеров противника и захватив огромные трофеи».

88 бойцов, командиров и политработников за подвиги в боях на подступах к Москве были награждены орденами и медалями. Ордена Ленина, в частности, удостоились бригадный комиссар Н.В. Шаталов, командир зенитно-артиллерийской батареи старший лейтенант А.И. Горб и автор этих строк.

Газеты «Правда», «Красная звезда», «Боевое Знамя», «Вперед на врага!» напечатали обширные материалы о подвигах наших танкистов, артиллеристов и мотострелков. «Правда» отмечала, что бойцам бригады приходилось бывать в самых затруднительных положениях, попадать в окружение, но они всегда сохраняли хладнокровие, не теряли мужества и присутствия духа, неизменно с честью выходили из положения, сберегая живую силу и материальную часть. Было подсчитано, что только с 21 сентября по 23 декабря 1941 года 8-я танковая бригада истребила свыше 10 тысяч вражеских солдат и офицеров, подбила и сожгла 161 танк, захватила 150 различных орудий и минометов, 140 пулеметов, 452 автомашины, 190 мотоциклов, 12 000 снарядов и 8000 мин[23].

Таков был итог боевых действий бригады за три месяца.

Глава третья
НА ПЕРЕЛОМЕ

Боевой опыт применения танков в контрнаступлении под Москвой показал, что для проведения решительных наступательных операций на большую глубину и с высокими

темпами необходимо иметь в общевойсковых армиях и во фронтах крупные танковые соединения.

Убедившись в этом и используя значительно увеличившийся выпуск бронетанковой техники промышленностью, Ставка Верховного Главнокомандования весной 1942 года приступила к формированию более двадцати танковых корпусов и двух танковых армий. Мне выпала честь формировать в районе города Калинин 7-й танковый корпус, готовить его к предстоящим боям и командовать им в сражениях под Воронежем, Сталинградом и Ростовом-на-Дону.

В состав корпуса включались три (3-я гвардейская, 62-я и 87-я) танковые бригады, одна (7-я) мотострелковая бригада, разведывательный батальон, зенитно-артиллерийский дивизион, отдельный дивизион гвардейских минометов («катюш»), подразделения управления и материально-технического обеспечения. Заместителем командира корпуса по политчасти был назначен уже известный читателям способный политический организатор бригадный комиссар Н.В. Шаталов, начальником штаба — подполковник А.К. Серов, заместителем по технической части — инженер-подполковник С.А. Соловой. Все бригады, батальоны и дивизионы, а также службы возглавили в большинстве своем опытные командиры, получившие хорошую закалку в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

К завершению формирования в корпусе насчитывалось 5600 человек, 168 танков, 32 полевых и противотанковых орудия, 20 зенитных пушек, 44 миномета и 8 реактивных установок БМ-13[24].

Как видим, по численности личного состава и боевой технике корпус представлял собой достаточно мощное танковое соединение. Но чтобы он оказался способным оправдать свое предназначение, то есть самостоятельно решать принципиально новые оперативно-тактические задачи, нам —

командованию корпуса — пришлось много и напряженно потрудиться.

Дело в том, что в оборонительный период войны, когда Красная армия не располагала крупными танковыми соединениями, а имела в основном отдельные, нередко малочисленные танковые батальоны, полки и бригады, танки действовали преимущественно как средство непосредственной поддержки пехоты и даже в большинстве случаев подчинялись Командирам стрелковых соединений.

Это, естественно, наложило свой отпечаток на тактику и психологию танкистов. Многие из них, даже некоторые командиры танковых батальонов и бригад, не мыслили действий танков в отрыве от пехотинцев. Не имели и штабы опыта управления танками в иных условиях. Теперь нужно было срочно перестраиваться, осваивать новые, более сложные методы и формы боевых действий, учиться смело входить в прорыв, стремительно маневрировать, дерзко и напористо атаковать и контратаковать врага, навязывая ему свою волю. Командирам и штабам следовало глубоко освоить характер боевого применения танков в наступлении, гибко и оперативно управлять ими в бою и операции, постоянно заботиться о непрерывном и тесном взаимодействии между собой, с пехотой, артиллерией и авиацией.

Большое значение мы придавали сколачиванию и обучению не только танковых частей и штабов, но и экипажей танков, добиваясь, чтобы они были хорошо слаженными, крепко спаянными боевыми организмами, где каждый член экипажа в совершенстве знал бы свою специальность и одновременно мог в любой момент выполнить обязанности товарища так же умело, как и свои собственные.

Особое внимание уделялось подготовке механиков-водителей, от которых зависели успех маневра боевой машины и эффективность огня ее вооружения. При слабом водителе невозможно было полностью использовать машину

в бою. От него требовалось большое умственное и физическое напряжение, чтобы, точно соблюдая боевой курс, не подставляя под вражеский огонь слабо защищенные броней борта, следить за давлением масла, подачей горючего, температурой воды, наблюдать за местностью, мастерски преодолевая естественные препятствия, докладывать командиру о появившихся целях и т.д.

К подбору этой центральной фигуры в танковом экипаже я требовал относиться с особой тщательностью.

В ходе полевых учений серьезные трудности возникли у нас с претворением на практике идеи массированного применения танков, особенно при первоначальном ударе по противнику. Они крылись в неудачной штатной организации танковых батальонов, роты которых отличались друг от друга разнотипностью боевых машин: одни были укомплектованы тяжелыми танками КВ, другие — средними Т-34, третьи — легкими Т-70.

Вероятно, составители штатов руководствовались благими намерениями, предоставляя в распоряжение комбата танки всех типов, чтобы он мог использовать их для решения различных тактических задач. Но на деле это приводило к тому, что при выдвижении танковых рот в исходные районы, особенно по бездорожью, разнотипные танки, продвигаясь с неодинаковой скоростью, выходили на рубеж атаки не одновременно. К тому же разнотипные танки имели и разные радиостанции, что крайне осложняло управление ими и организацию их взаимодействия.

В дальнейшем эти трудности были преодолены, танковые батальоны стали комплектоваться однотипными боевыми машинами, отчего повысилась их мобильность, появились более благоприятные возможности для массированного применения танков в наступательных операциях и при нанесении контрударов танковым группировкам противника.

* * *

Летом 1942 года относительное затишье на советско-германском фронте сменилось ожесточенной борьбой за овладение стратегической инициативой. Особенно напряженно развернулась эта борьба на юго-западном направлении. Воспользовавшись неудачами наших войск в Крыму и особенно под Харьковом, немецко-фашистское командование предприняло широкие наступательные действия.

Ставка Верховного Главнокомандования, испытывая недостаток в резервах, вынуждена была принять решение о переходе к обороне.

Весьма тяжелая обстановка сложилась на Брянском фронте. 28 июня войска армейской группы генерал-полковника Вейхса (2-я полевая, 4-я танковая немецкие и 2-я венгерская армии из группы армий «Б»), поддержанные авиацией 4-го воздушного флота, прорвали оборону на стыке 13-й и 40-й армий этого фронта. Уже к исходу 2 июля ударная группировка противника продвинулась на восток до 80 километров и с выходом в район Острогожска создала угрозу прорыва к Дону и захвата Воронежа.

Для отражения наступления немецко-фашистских войск на воронежском направлении Ставка Верховного Главнокомандования передала Брянскому фронту две общевойсковые армии, которые развертывались по правому берегу Дона на участке Задонск, Павловск. Одновременно в распоряжение фронта передавалась 5-я танковая армия в составе 2, 7 и 11-го танковых корпусов, одной стрелковой дивизии и отдельной танковой бригады.

В связи с осложнением обстановки под Воронежем закончивший формирование 7-й танковый корпус в конце июня 1942 года распоряжением Ставки был поднят по тревоге, спешно погружен в эшелоны и направлен в район города Елец.

Переброска по железной дороге была организована четко и закончилась в короткий срок. Войска корпуса благопо-

лучно выгрузились из эшелонов и сосредоточились в 20—25 километрах юго-западнее Ельца. В тот же день к месту выгрузки прибыл начальник Генерального штаба Красной армии генерал-полковник А.М. Василевский. Ранее с ним мне встречаться не приходилось. Выше среднего роста, с приятным, типично русским лицом, он поздоровался со мной, информировал о сложившейся обстановке и лично поставил корпусу боевую задачу: немедленно двинуться в западном направлении и обеспечить развертывание 5-й танковой армии генерала А.И. Лизюкова, в состав которой передавался. При этом Александр Михайлович предупредил, что впереди наших войск нет и нам следует быть готовыми к встречному бою. Простившись, он уехал в штаб Брянского фронта, располагавшийся километрах в пятнадцати восточнее Ельца.

После отъезда А.М. Василевского я вызвал командиров бригад и приказал им тотчас же готовиться к маршу. Тут же было решено выдвинуть вперед разведывательные группы на мотоциклах и командирскую разведку с рацией на бронемашине. Во главе разведки был поставлен опытный командир-разведчик В.П. Богачев.

Во второй половине дня корпус начал движение двумя параллельными маршрутами. Я с замполитом Н.В. Шаталовым следовал в левой колонне. Когда солнце уже клонилось к закату, от В.П. Богачева поступило донесение, что в небольшом полуразрушенном селе и примыкающих к нему перелесках обнаружена крупная группировка танков и мотопехоты противника. Сообщалось, что дымят походные кухни, около них толпятся солдаты, слышатся бравурные песни, взрывы хохота. Это означало, что гитлеровцы остановились на ночлег. По опыту мы знали, что они обычно ночью отдыхают и активно действуют только с полным рассветом.

Посоветовавшись с начальником штаба и командирами бригад, я принял решение дать корпусу отдых, накормить людей, дозаправить танки и произвести их техническое об-

служивание, а на рассвете нанести противнику внезапный удар всеми силами.

Июльская ночь коротка, и немцы еще спали, когда на них обрушил залп дивизион наших «катюш». Потом на высоких скоростях устремились вперед танки, стреляя с коротких остановок. В стане врага, видимо, просмотревшего подход нашего корпуса, начался невообразимый переполох. В бинокль я видел, как гитлеровцы метались между разрывами снарядов, бросаясь к своим танкам и автомашинам, врассыпную разбегались от уже загоревшихся машин. Панику фашистов трудно описать. Мы уничтожили много их боевой техники, захватили в плен около 200 немецких солдат и офицеров. По тому времени это было не так уж мало. Из показаний пленных было установлено, что под удар наших танковых бригад попали части 11-й танковой дивизии 24-го немецкого танкового корпуса.

Удачное боевое крещение окрылило наших танкистов, а противник, вероятно, почувствовал, что к нам на фронт прибыло сильное танковое соединение. Во всяком случае, гитлеровцы на этом направлении наступательных действий уже не предпринимали.

В ночь на 4 июля 5-я танковая армия под прикрытием 7-го танкового корпуса частью сил начала сосредоточение южнее Ельца. Я был вызван в штаб армии.

Командующий армией генерал-майор танковых войск А.И. Лизюков был в довольно мрачном настроении. Из разговора с ним я узнал, чем он озабочен и расстроен. Оказалось, что вчера к нему приезжал А.М. Василевский с начальником штаба Брянского фронта генерал-майором М.И. Казаковым. После рекогносцировки армии была поставлена задача не позже 5—6 июля ударом всех сил западнее Дона перехватить коммуникации танковой группировки противника, прорвавшегося к Дону, и с достижением линии Землянск, Хохол оказать помощь войскам 40-й армии, выходившим из окружения через Горшечное, Старый Оскол на Воронеж.

— Время, отведенное на подготовку к наступлению, кончается, а железнодорожные эшелоны с войсками второго и одиннадцатого танковых корпусов до сих пор не прибыли, — сетовал Лизюков, нервно одергивая сбившуюся под ремнем гимнастерку.

Командующий армией ознакомил меня с задачами 7-го танкового корпуса и других корпусов в предстоящей операции. Я был немало удивлен: корпусам было приказано наступать не по направлениям их главных ударов, а как общевойсковым соединениям — с указанием полос наступления, разграничительных линий и мест расположения командных пунктов, перемещение которых разрешалось осуществлять только по распоряжению штаба армии.

Это явно вело к нарушению принципа массированного применения танков, растягивало корпуса по фронту, осложняло организацию их взаимодействия.

Мои попытки доказать, что такие задачи не свойственны подвижным соединениям, ни к чему не привели. Командарм сказал, что приказ на наступление разработан с участием представителя штаба фронта и обсуждению или изменению не подлежит.

7-му танковому корпусу с приданной ему 19-й танковой бригадой было приказано к полудню 5 июля выйти в район Каменки и, не ожидая полного сосредоточения главных сил 5-й армии, с утра следующего дня нанести в своей полосе удар на Землянск, разгромить противостоящего противника и овладеть Землянском.

Штаб армии не имел конкретных данных о противнике. Было известно только, что для прикрытия своей группировки, наступавшей на Воронеж, немецко-фашистское командование продолжает выдвигать к северу значительные силы. Поэтому по прибытии на свой КП я приказал выдвинуть в полосе предстоящего наступления корпуса подвижные разведывательные группы, которым надлежало установить, ка-

кие силы врага действуют перед корпусом, а попутно изучить характер местности, чтобы наметить маршруты движения.

К ночи разведка донесла, что в район Красной Поляны на елецком направлении выдвигается до 200 фашистских танков. Местность оказалась труднопроходимой. Тем не менее я принял решение нанести внезапный удар именно по этой танковой группйровке.

На рассвете 6 июля наш корпус, приняв боевой порядок в два эшелона, перешел в наступление. К тому времени противник тоже изготовился к активным боевым действиям. В районе Красной Поляны завязался ожесточенный встречный бой, в котором с обеих сторон одновременно приняли участие по 170 танков[25].

Наши танкисты действовали более уверенно и напористо. 62-я танковая бригада подполковника В.Н. Баскакова с ходу протаранила боевые порядки противника и, уничтожив до 20 танков, устремилась на Ивановку и далее к селу Долгое. Ее успех был незамедлительно использован 87-й танковой бригадой полковника И.В. Шабарова и мотострелками 7-й мотострелковой бригады полковника М.П. Лебедя. Общими усилиями этих бригад враг был опрокинут и, отчаянно отбиваясь, начал отход на юг.

На поддержку своим наземным войскам гитлеровцы подняли в воздух авиацию. Средств ПВО у нас было мало, поэтому командиры бригад старались как можно теснее сблизиться с противником, чтобы создать ему угрозу поражения от ударов собственной авиации.

К исходу дня враг был отброшен за реку Кобылья Снова, по правому берегу которой немцы успели организовать прочную оборону и усилить ее подтянутыми из глубины резервами.

На следующий день подошла 19-я танковая бригада. Ей и введенной в бой из своего резерва 3-й гвардейской танковой бригаде полковника И.А. Вовченко я сразу же поставил за-

дачу форсировать Кобылью Снову и развивать наступление на Землянск. Некоторые подразделения после напряженного боя сумели переправиться на правобережье и даже овладели Перекоповкой. Но вскоре они вынуждены были отойти, так как гитлеровцы подтянули свежие части с большим количеством противотанковых средств, сменив ночью потрепанную нашим корпусом 11-ю танковую дивизию моторизованной дивизией «Великая Германия».

8 июля корпус вновь предпринял наступательные действия и частью сил с боем форсировал реку Сухая Верейка, овладев населенным пунктом Хрущево. Два дня продолжались тяжелые бои, в результате которых нашему соединению при содействии 11-го танкового корпуса, овладевшего Федоровкой, удалось выйти на подступы к Землянску. Однако противник в районе Землянска сосредоточил по реке Сухая Верейка крупные силы и перешел к жесткой обороне, плотно прикрытой противотанковой артиллерией и минновзрывными заграждениями. Прорвать эту мощную оборону ни нашему корпусу, уже ослабленному многодневными напряженными боями, ни другим танковым корпусам и в целом войскам 5-й танковой армии оказалось не под силу. К тому же авиация противника днем непрерывно бомбила наши боевые порядки, в то время как мы почти не имели авиационного прикрытия и поддержки.

Вскоре 5-я танковая армия была расформирована, а входившие в ее состав танковые корпуса переданы в непосредственное подчинение командующему войсками Брянского фронта.

Нам не удалось выполнить поставленной задачи по перехвату коммуникаций противника, наносившего удар на Воронеж, хотя активные действия 7-го танкового корпуса и других соединений 5-й танковой армии вынудили гитлеровское командование повернуть против них полностью 24-й танковый корпус и не менее трех пехотных дивизий.

Это не только ослабило вражеский удар на воронежском направлении, но и не позволило противнику прорвать наш фронт севернее Воронежа.

Я склонен считать, что, если бы наше командование более умело использовало довольно крупную массу танков, организационно сведенных в армию, эффект их боевого применения оказался бы более значительным и принес бы успех.

Но этого не произошло, и прежде всего потому, что танковые корпуса армии вводились в бой по мере их прибытия: 7-й — 6 июля, 11-й — 8 июля и 2-й — 10 июля. Разновременный ввод в сражение корпусов и даже входивших в их состав танковых бригад дал противнику возможность подтянуть резервы и организовать сильную противотанковую оборону.

Вспоминается первая встреча с А.М. Василевским на моем КП под Ельцом. Сообщая о передаче 7-го танкового корпуса в состав 5-й танковой армии, он тепло и душевно отозвался о ее командарме — генерале А.И. Лизюкове, говорил, что это мужественный и талантливый командир, одним из первых удостоенный высокого звания Героя Советского Союза в начальный период войны. В Московской битве Александр Ильич Лизюков командовал оперативной группой, преобразованной затем в 20-ю армию, войска которой героически сражались в районе Ясной Поляны и северо-западнее Москвы.

Но, как показали бои под Ельцом, этот одаренный и храбрый военачальник еще не имел опыта командования крупным танковым объединением. Ему требовалась помощь со стороны фронтового командования, связанная с организацией наступления танков в весьма сложных условиях боевой обстановки. А этой помощи, к сожалению, не последовало.

Касаясь организации контрудара армии по левому флангу немецкой армейской группы «Вейхс», бывший начальник штаба фронта генерал М.И. Казаков в 1964 году писал: «...кто должен был организовать этот удар? Командующий фронтом находился в районе Воронежа, и все его внимание

было привлечено к обороне этого направления. Штаб фронта и только что прибывший к нам генерал-лейтенант Н.Е. Чибисов, временно заменявший на основном КП командующего фронтом, не могли предпринять контрудара без разрешения командующего фронтом. Видя такое положение, инициативу на организацию контрудара 5-й танковой армии взял на себя Генеральный штаб»[26].

Маршал А.М. Василевский в своих воспоминаниях полностью поддерживает это мнение[27].

Сыграло свою роль, кроме того, отсутствие надежной поддержки танков артиллерией и авиацией, а также не отжившее еще у некоторых командиров-танкистов опасение отрыва танков от взаимодействовавшей с ними пехоты других соединений.

* * *

Между тем обстановка на южном крыле советско-германского фронта все более накалялась. Советские войска были вынуждены оставить Донбасс. Во второй половине июля подвижные соединения немецко-фашистских войск вышли к большой излучине Дона, захватили часть Воронежа и Ростов-на-Дону, а затем развили наступление на Кавказ и Сталинград.

Особенно ожесточенные бои развернулись на сталинградском направлении, где наступала одна из сильнейших армий вермахта — 6-я полевая армия под командованием генерал-полковника Паулюса, имевшая в своем составе 13 пехотных и 5 танковых дивизий.

Ставка Верховного Главнокомандования принимала все меры, чтобы остановить и разгромить противника, усиливая войска сталинградского направления и организуя оборону Северного Кавказа.

25 августа и наш корпус из района Землянска был направлен под Сталинград. После выгрузки на станции Серебряко-

во части, совершив 200-километровый марш, 2 сентября сосредоточились в районе балки Родниковая северо-западнее Сталинграда.

В тот же день на мой КП прибыл командующий 1-й гвардейской армией генерал-лейтенант К.С. Москаленко, которому наш корпус передавался в подчинение. Среднего роста, сухощавый, он выглядел совсем еще молодым, хотя было известно, что Кирилл Семенович был активным участником Гражданской войны, сражался в рядах легендарной Первой Конной армии С.М. Буденного, командуя конно-артиллерийской батареей.

В Великую Отечественную войну он вступил уже зрелым военачальником, к началу наступления немецко-фашистских войск на сталинградском направлении командовал 38-й армией, которая героически отстаивала дальние подступы к Сталинграду. Во второй половине июля ему было поручено формирование 1-й танковой армии. Под его командованием эта еще недоформированная армия, почти не имеющая средств связи, с ограниченным количеством танков, участвовала в контрударе, имевшем целью не допустить форсирования противником Дона в районе Калача. Несмотря на преимущество наземных войск и полное господство вражеской авиации в воздухе, войска армии, ломая сопротивление противника, сумели за два дня ожесточенных боев отбросить немцев на 16—18 километров от переправ на Дону. С 6 августа К.С. Москаленко командовал 1-й гвардейской армией.

Командарм поинтересовался составом и состоянием 7-го танкового корпуса, а когда услышал, что соединение будет готово к боям при условии обеспечения его горючим с армейских или фронтовых баз, нахмурился. Оказалось, что в армии вообще не было горючего даже для реактивных установок М-30.

Кирилл Семенович информировал меня о положении в районе Сталинграда. Обстановка была очень напряжен-

ной. Еще 25 августа войска 6-й немецкой армии форсировали Дон и при поддержке многочисленной авиации развили стремительное наступление на Сталинград, подвергая город варварской бомбардировке. Под ударами превосходящих сил врага 62-я армия Юго-Восточного фронта с тяжелыми боями отошла к реке Россошка. Одновременно соединения повернутой на Сталинград с кавказского направления 4-й танковой армии немцев смяли нашу оборону южнее города и подошли к его окраине. Вскоре противник из района Самофаловки, севернее Сталинграда, прорвался к Волге, отрезав 62-ю армию от войск Сталинградского фронта. Все попытки армии ликвидировать прорыв фашистов не имели успеха. Началась ожесточенная борьба непосредственно за Сталинград.

— Ставка Верховного Главнокомандования, — продолжал командарм, склонившись над картой, — приказала перегруппировать часть сил первой гвардейской армии в районе Лозное, включить в ее состав пять стрелковых дивизий, четвертый, шестнадцатый, седьмой танковые корпуса и нанести контрудар в направлении Котлубань, Самофаловка, Гумрак, где соединиться с шестьдесят второй армией генерала В.И. Чуйкова. Наступление назначалось на сегодня, но в связи с тем, что многие части не успели сосредоточиться в исходных районах, а также из-за отсутствия горючего я просил Военный совет фронта перенести атаку на завтра — 3 сентября.

Прощаясь, командующий армией приказал принять меры по обеспечению боевой техники горючим и организовать подвоз боеприпасов.

После отъезда командарма мною были вызваны командиры бригад, подразделений боевого и материально-технического обеспечения. Информировав их об обстановке, сложившейся в районе Сталинграда, я потребовал немедленной и всесторонней подготовки войск к боевым

действиям, подчеркнув, что предстоит исключительно тяжелая борьба.

Вечером был получен приказ, уточняющий задачу корпуса в наступлении, назначенном на утро 3 сентября. Ночь мы не спали. Пока операторы под руководством нового начальника штаба корпуса полковника В.Н. Баскакова готовили боевые документы, я с бригадным комиссаром Н.В. Шаталовым побывал во всех бригадах, танковых и мотострелковых батальонах. Горючее уже подвозили. Танкисты заправляли свои машины, проверяли работу двигателей, готовили к бою вооружение. Боеприпасы у нас были: корпус прибыл в Серебряково, имея в эшелонах не менее полутора боекомплектов снарядов, мин и патронов.

Отрадно было видеть, как везде коммунисты и комсомольцы вели активную работу по мобилизации личного состава подразделений на беспощадную, смелую и решительную борьбу с врагом.

В пять часов 3 сентября, еще затемно, 1-я гвардейская армия после непродолжительной артиллерийской подготовки перешла в наступление. Вначале оно развивалось успешно. Войска продвинулись в направлении Сталинграда на 5—6 километров, но затем были остановлены яростной бомбежкой вражеской авиации, сильными контратаками танков и мотопехоты противника, поддержанных многочисленной артиллерией и минометами.

Танкисты и мотострелки корпуса отважно ринулись на врага, проявляя бесстрашие и героическое упорство. Однако гитлеровцы обрушили на них мощный огонь артиллерии плотного противотанкового заслона. Фашистская авиация силами от 50 до 80 самолетов непрерывно висела над полем боя, оглашая окрестности воем и взрывами бомб разного калибра. Войска же 1-й гвардейской армии совершенно не имели авиационного прикрытия, ни одного полка ПВО и никакого артиллерийского усиления. Мы понесли значитель-

ные потери и к вечеру вынуждены были закрепляться на достигнутых рубежах.

На следующий день 1-я гвардейская армия возобновила наступление и вновь не добилась существенного результата при всей решимости личного состава прорваться на помощь к сталинградцам.

Когда на землю, изрытую тысячами бомб, снарядов и мин, начали спускаться сумерки, командарм вызвал на свой КП командиров корпусов, дивизий и бригад. Кирилл Семенович выглядел усталым и расстроенным, чувствовалось, что очень переживал неудачу. Он ориентировал нас в обстановке и уточнил задачи на 5 сентября.

В этот день намечалось наступление справа и слева от 1-й гвардейской, 24-й и 66-й армий. Оба этих объединения были недоукомплектованы, не имели достаточного количества боеприпасов и еще не закончили сосредоточение, но Ставка требовала ввода их в сражение, учитывая тяжелое положение в районе Сталинграда.

Как позже стало известно, Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин еще 3 сентября направил генералу армии Г.К. Жукову, находившемуся на Сталинградском фронте, следующую телеграмму: «Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду»[28].

После перегруппировки сил и выдвижения на направление главного удара 4-го и 7-го танковых корпусов 1-я гвардейская армия снова перешла в наступление. В ходе тяжелейших и кровопролитных боев войска продвинулись за день всего

на 6—7 километров и то за счет невиданного, граничащего с самопожертвованием, упорства танкистов, наступавших под непрерывными ударами фашистской авиации. Мы несли большие потери, особенно в легких танках Т-60 и Т-70, имевших слабую броневую защиту. Было подсчитано, что только в течение одного дня авиация противника произвела против нас до 2 тысяч самолето-вылетов основной мощью 4-го воздушного флота. Кроме того, хорошо понимая, к чему стремятся советские войска, наносившие удар на Сталинград с севера, немецко-фашистское командование сняло некоторые танковые и моторизованные дивизии со сталинградского направления и бросило их навстречу нам. На большинстве высот фашисты зарыли в землю танки, штурмовые орудия, организовали мощные опорные пункты, до предела насыщенные противотанковой артиллерией.

За последующие семь дней на редкость ожесточенных боев, в основном неподалеку от совхоза Котлубань, части нашего корпуса продвинулись всего на 4 километра, но то были километры, отвоеванные ценою больших жертв. Мы потеряли в этих боях 156 из 191 танка, имевшегося к началу боевых действий под Сталинградом. Много бойцов и командиров погибло или было ранено. Но враг, несмотря на то что располагал подавляющим превосходством в силах и огневых средствах, занимая оборону, скрытую от нашего наблюдения на южных скатах высот, тоже потерпел немалый урон. Только убитыми он оставил на поле боя около тысячи солдат и офицеров, нами было уничтожено 50 танков, 69 орудий и минометов, свыше 100 автомашин и много другой техники[29].

Активные действия 7-го танкового корпуса, как и других соединений 1-й гвардейской армии, 24-й и 66-й армий Сталинградского фронта, все же сыграли положительную роль. Они оттянули на себя значительную часть сил ударной группировки противника, наступавшей на Сталинград, чем оказали существенную помощь 62-й и 64-й армиям, оборо-

нявшим город, позволили советскому командованию подтянуть резервы для укрепления защищавшего Сталинград Юго-Восточного фронта.

11 сентября 7-й танковый корпус решением командующего 1-й гвардейской армией генерала К.С. Москаленко был выведен во второй эшелон. В течение недели мы приводили части корпуса в порядок, главным образом ремонтировали отбуксированные в тыл подбитые танки, пополнялись боеприпасами и горючим.

16 сентября я был вызван на командный пункт 1-й гвардейской армии. Начальник штаба полковник С.П. Иванов сообщил мне, что готовится новая наступательная операция, в которой примут участие и части нашего корпуса. Главный удар намечалось нанести южнее станции Котлубань все с той же целью — пробиться на соединение с правофланговыми частями 62-й армии.

Во второй половине дня командарм в присутствии заместителя Верховного Главнокомандующего генерала армии Г.К. Жукова провел инструктивные занятия и проигрыш операции с командирами стрелковых дивизий, танковых корпусов и частей усиления, используя карты и ящик с песком, изображающий рельеф местности предстоящего наступления. Кирилл Семенович поставил задачи всем соединениям и дал конкретные установки по организации взаимодействия.

Затем поднялся до этого молча слушавший командарма Г.К. Жуков.

Георгия Константиновича я видел на фронте впервые, хотя был в его подчинении в период оборонительных сражений и контрнаступления под Москвой. Среднего роста, плотный, с мужественным, волевым лицом, с Золотой Звездой Героя Советского Союза на широкой груди, он производил внушительное впечатление.

Заместитель Верховного Главнокомандующего сказал, что войска 1-й гвардейской армии сражались героически, но они

могли бы действовать более успешно при условии наилучшей организации боя и взаимодействия между пехотой, танками и артиллерией, а также в звене дивизия—полк—батальон.

— Мы воюем второй год, — продолжал Георгий Константинович, — и пора бы уже научиться воевать грамотно. Еще Суворов говорил, что разведка — глаза и уши армии. А именно разведка у вас работает неудовлетворительно. Поэтому вы наступаете вслепую, не зная противостоящего противника, системы его обороны, пулеметно-артиллерийского, и прежде всего противотанкового, огня. Ссылка на недостаток времени для организации разведки неосновательна. Разведку всех видов вы обязаны вести непрерывно, круглосуточно, на марше и при выходе в районы сосредоточения. — Жуков повысил голос: — Нельзя полагаться только на патриотизм, мужество и отвагу наших бойцов, бросать их в бой на неизвестного вам противника одним призывом «Вперед, на врага!» Немцев на «ура» не возьмешь. Мы не имеем права губить людей понапрасну и вместе с тем должны сделать все возможное, чтобы выполнить приказ Ставки — разгромить вражескую группировку, прорвавшуюся к Волге, и оказать помощь Сталинграду... — Г.К. Жуков тяжело опустился на стул рядом с командармом, что-то тихо сказал ему и, вновь поднявшись, объявил: — Начало операции переносится на сутки, чтобы вы смогли тщательно подготовиться к ней.

Возвращаясь в штаб корпуса, я глубоко задумался над словами Г.К. Жукова о том, что пора нам, прежде всего старшим командирам, научиться воевать грамотно, со знанием дела. Вспомнил бои на Брянском фронте, ошибки, допущенные там командованием фронта, армий и соединений. Если удар немцев на воронежском направлении явился неожиданностью, значит, была плохо организована разведка всех видов. Малоуспешное проведение там же контрудара при наличии большой массы танков свидетельствовало о слабом умении применять крупные танковые соединения.

Машину бросило в сторону. Боец-водитель либо задремал и упустил баранку, либо не заметил глубокой ухабины на полевой дороге. Меня сильно тряхнуло и вернуло из области размышлений к заботам о решении задачи, поставленной корпусу в предстоящем наступлении.

Мы должны будем наступать в составе ударной группировки, в которую включались еще две стрелковые дивизии. Следовательно, нам отводилась роль ведущей пробивной силы в прорыве вражеской обороны. А чем пробивать, если у нас осталось всего 87 танков, из них значительная часть легких. Но надо как-то выходить из положения, следует создать в первом эшелоне мощный танковый таран. Нужно в первый эшелон поставить 62-ю и 87-ю танковые бригады, усилив их оставшимися в 3-й гвардейской танковой бригаде тяжелыми танками. Они пойдут в первой линии, им менее страшен огонь противотанковой артиллерии. Остальные подразделения этой бригады останутся в моем резерве, а 7-я мотострелковая бригада составит второй эшелон.

Это решение я объявил командирам бригад, приказал всесторонне подготовиться к операции. Исходные рубежи для атаки корпуса мне были указаны командармом. В ночь на 17 сентября мы направили в район предстоящих действий усиленную разведку, а утром провели рекогносцировку и согласовали вопросы взаимодействия с командирами стрелковых дивизий.

В 5.30 18 сентября после 30-минутной, но уже более мощной артиллерийской подготовки (сказалась передача армии артиллерийских частей из резерва Ставки ВГК) 7-й танковый корпус совместно с 308-й и 316-й стрелковыми дивизиями пошел в атаку. По хорошо разведанным маршрутам обе наши танковые бригады с ходу прорвали первый рубеж обороны противника и начали выдвигаться к его второму оборонительному рубежу, но уже без пехоты, которая с наступлением полного рассвета подверглась сильному уда-

ру вражеской авиации и была прижата к земле. В течение дня самолеты противника группами до 50 и больше машин кружили над полем боя, забрасывая наши войска бомбами и поливая их пулеметным огнем. Можно себе представить, каково было пехотинцам в открытой степи под непрерывной бомбежкой и свинцовым ливнем.

Продолжительное время 7-й танковый корпус вел бой в одиночку. Пытаясь оказать ему помощь, командарм ввел в сражение на левом фланге 4-й, на правом — 16-й танковые корпуса. Но они не смогли добиться сколько-нибудь заметного успеха, так как больше чем наполовину имели легкие танки, без труда поражаемые артиллерийским огнем.

Танкисты и мотострелки нашего корпуса проявили в этой схватке высокое мужество, бились насмерть. Танковый батальон 87-й танковой бригады, имевший всего лишь 8 боевых машин, достигнув разъезда Конный, был контратакован 20 танками противника. В яростной схватке наши бойцы уничтожили более половины фашистских танков, не отошли ни на шаг и пали смертью героев. Такой же массовый героизм проявил и личный состав соседнего танкового батальона. В течение четырех часов он сдерживал натиск превосходящих сил гитлеровцев. Оставшись без боевых машин, танкисты дали клятву: «Ни шагу назад, биться до последнего вздоха!» И они до конца остались верны этой клятве. Когда подоспела помощь, в живых из батальона было лишь несколько человек, да и то все раненные. Командир 1-й роты 7-й мотострелковой бригады капитан Бондаренко первым с группой бойцов ворвался на передний край вражеской обороны. В короткой рукопашной схватке они истребили расчет противотанкового орудия, затем захваченное орудие повернули в сторону противника и открыли огонь по контратакующим фашистам. В течение часа рота сдерживала натиск гитлеровцев и, даже потеряв в ожесточенном бою своего отважного командира, не оставила захваченных позиций.

Но прав был Г.К. Жуков, что на одном патриотизме, который порождал массовый героизм наших бойцов, готовность сражаться, пока руки могли держать оружие, нельзя было одолеть сильного, упорного, превосходящего нас численностью и вооружением врага, занимавшего к тому же выгодную для обороны местность, командные высоты, с которых хорошо просматривались на открытой равнине все передвижения наших войск, и он, пользуясь абсолютным господством в воздухе, обрушивал на нас массированные удары своей авиации и артиллерии.

Продолжение наступления в этих условиях для соединения с 62-й армией привело бы к большим жертвам и неоправданному расходу резервов Ставки. Наиболее целесообразным в той обстановке было усиление войск в районе Сталинграда путем переброски подкреплений через Волгу с задачей перемолоть как можно больше живой силы и боевой техники противника непосредственно в руинах Сталинграда, выиграть время для подготовки решительного контрнаступления.

Это, конечно, не означало, что войска, действовавшие севернее и северо-западнее Сталинграда, должны были оставаться пассивными. Напротив, им надлежало и впредь вести активные боевые действия с тем, чтобы как можно больше приковать к себе сил и средств гитлеровцев, штурмующих Сталинград.

В решении этой задачи принял участие и наш 7-й танковый корпус, который вел активные бои до конца сентября в районе Ерзовки.

О том, как в те дни сражались наши танкисты, неоднократно рассказывалось на страницах фронтовой газеты «Красная армия».

«Славные богатыри полковника Вовченко, — сообщала газета, — сломив сопротивление врага и углубившись в его оборону, не потеряли ни одного своего танка. Сами же уничтожили 10 немецких машин, более 20 противотанковых

пушек. Успех танкистов — это результат умелого маневра, стремительной, смелой, дерзкой атаки».

В заметке «Сражаться с врагом так, как экипажи Потехина и Плаксина» рассказывалось, что в жарком бою был контужен механик-водитель Осипов из экипажа младшего лейтенанта Потехина. Но он отказался уйти с поля боя, а вышел из машины только после того, как его танк поджег 3 вражеских танка и уничтожил до 100 гитлеровцев. Экипаж танка под командованием младшего лейтенанта Плаксина в тот же день подбил 4 немецких танка, уничтожил противотанковое орудие и автомашину с пехотой. В ходе боя танк попал под сильный артиллерийский огонь, получил 3 пробоины и 17 вмятин, однако продолжал вести бой до наступления сумерек.

Награжденный орденом Красного Знамени гвардии старший лейтенант Селих Мингазович Файзиев в боях севернее Сталинграда огнем и гусеницами своего танка уничтожил 11 фашистских танков, 15 орудий, 10 автомашин с боеприпасами и до двух взводов вражеской пехоты.

Гвардии рядовой Иван Илларионович Фоменко истребил 20 гитлеровцев, 7 солдат и офицеров взял в плен. Он был 10 раз ранен, но остался в своей части и здесь же лечился.

Перечислить героев этих упорнейших боев и тем более рассказать обо всех их подвигах — дело непростое. Ими были сотни танкистов, артиллеристов, мотострелков и даже воинов подразделений технического обслуживания, которые, например, под вражеским огнем отбуксировали поврежденные танки, ночью ремонтировали их и снова вводили в строй. Благодаря их мужеству и самоотверженному труду мы, как правило, довольно быстро восстанавливали потери в танках.

* * *

6 октября 1942 года 7-й танковый корпус был выведен в резерв Ставки и переброшен в Саратов для пополнения новой материальной частью и личным составом.

Пребывание в тылу мы старались также максимально использовать для боевой подготовки. Изучали опыт минувших боев, критически, всесторонне анализировали все наши неудачи, вскрывали их причины и делали для себя необходимые выводы.

Впервые корпус вступил в бой севернее Сталинграда, по существу, с ходу, даже не зная, где передний край обороны неприятеля, не говоря уже о расположении его противотанковых средств. Это привело к излишним потерям. Однако и в последующих боях, даже имея данные о противнике, основные потери мы несли не во время прорыва переднего края вражеской обороны, а при бое в ее глубине, когда нарушалось взаимодействие танков с артиллерией и пехотой и отсутствовала авиационная поддержка. Беда здесь состояла прежде всего в том, что наши артиллеристы из-за неудовлетворительно налаженной разведки или недостатка тяжелых пушек в период короткой огневой подготовки атаки полностью не подавляли противотанковые средства гитлеровцев. Не оказывали в этом им помощи и авиаторы. Прорвав вражескую оборону, танки сразу же наталкивались на мощный огонь артиллерии и танков противника из глубины его обороны, при этом оставались в одиночестве, поскольку гитлеровцы отсекали нашу пехоту пулеметным и минометным огнем, прижимали ее к земле непрерывной бомбежкой.

Но надо признать, что в отсутствии надежной артиллерийской поддержки была доля вины и танкистов. Готовясь к бою, они лишь информировали артиллеристов о своих задачах, а не согласовывали взаимодействие по рубежам, пристрелянным артиллерией, не устанавливали сигналов вызова артиллерийского огня, не поддерживали постоянной связи с командными и наблюдательными пунктами артиллеристов.

Большое внимание на проводимых занятиях нами было уделено вопросам управления войсками в бою, поддержанию

постоянной связи между частями и подразделениями. В боях под Сталинградом радиосвязь командиров 87-й и 62-й танковых бригад с командирами батальонов часто нарушалась. Вследствие этого командный состав не имел возможности должным образом влиять на ход боя.

* * *

В первой половине ноября 1942 года меня вызвали в Генеральный штаб, при этом не предупредили, по какому делу. На всякий случай взяв с собой необходимый материал по действиям корпуса, я вылетел в Москву. На Центральном аэродроме столицы ко мне подошел молодой, бравый майор и пригласил в машину, которая быстро доставила нас к известному массивному зданию.

Через несколько минут я был принят заместителем начальника Генерального штаба генерал-лейтенантом Ф.Е. Боковым.

С Федором Ефимовичем мы познакомились и прониклись чувством взаимного уважения еще до войны. Он тогда возглавлял нашу прославленную Военно-политическую академию имени В.И. Ленина, а мне довелось выступать перед ее слушателями с лекциями о роли бронетанковых войск в современной войне. Он проявлял живой интерес к теории применения танков в бою и операции, поскольку многим выпускникам академии предстояло служить в танковых войсках.

В августе 1941 года Ф.Е. Бокова назначили военным комиссаром, а через год — заместителем начальника Генерального штаба по организационным вопросам. Рослый, подтянутый, с приветливой улыбкой на мужественном лице, Федор Ефимович дружески обнял меня и шутливо приказал:

— Марш в столовую! Перекуси, отдохни с дороги. Вечером едем в Кремль.

— Зачем?

— Там узнаешь, — загадочно улыбнулся Боков.

— Так это что — военная тайна?

— Может быть. Да не волнуйся! — засмеялся Федор Ефимович. — Так и быть, скажу: тебя хочет видеть товарищ Сталин.

Да как же тут не волноваться! За обедом и после обеда меня неотступно терзал неразрешенный вопрос: по какому поводу вызывали к самому Верховному?

Вечерело, когда мы с Ф.Е. Боковым подъехали к Кремлю. Проверив пропуска, охрана пропустила нашу машину, мягко подкатившую к подъезду здания, в котором находился кабинет Верховного Главнокомандующего.

В приемной нас встретил человек среднего роста с усталым, озабоченным лицом. Это был А.Н. Поскребышев. Он официально поздоровался со мной и молча начал собирать в папку разложенные на столе документы, потом, взглянув на Ф.Е. Бокова, сказал:

— Вы можете возвращаться в Генштаб, а мы с товарищем Ротмистровым поедем на моей машине.

Уже стемнело. По опустевшему Арбату машина с включенными фарами мчалась к Бородинскому мосту, а затем, миновав окраину Москвы, повернула к лесному массиву. Вскоре дорога уперлась в ворота, которые тут же раскрылись, и мы подъехали к небольшому двухэтажному особняку. Это была так называемая «ближняя» дача И.В. Сталина.

Я не без трепета вошел в вестибюль.

— Раздевайтесь и проходите в эту комнату, — показал рукой Поскребышев.

Я снял шинель, мельком оглядел себя в стоявшем рядом трюмо и тихонько приоткрыл дверь, полагая, что она ведет в приемную. Однако за дверью почти столкнулся со Сталиным. Не успел еще открыть рта, чтобы представиться, как Верховный протянул руку.

— Здравствуйте, товарищ Ротмистров, — проговорил он приглушенным голосом с заметным кавказским акцентом и жестом пригласил садиться.

Я подошел к указанному стулу у небольшого стола, но сесть не решался. Сталин заметил это и, улыбнувшись в седеющие усы, сказал:

— Садитесь, садитесь, не стесняйтесь... А мне полезно немного поразмяться...

Пришлось сесть.

— Как у вас дела в корпусе? Всем ли вы обеспечены? — спросил Сталин, прохаживаясь по комнате.

Я доложил, что все идет нормально, корпус готов к новым боям. Вот только малочисленность штаба и недостаток средств радиосвязи могут осложнить управление частями в бою.

— А вы кому-нибудь говорили об этом?

— Да, докладывал товарищу Федоренко.

Верховный с минуту помолчал и снова заговорил, чеканя каждую фразу:

— Я читал ваши статьи в «Правде» и «Красной звезде». Это хорошо, что вы делитесь боевым опытом, учите своих танкистов, как надо воевать, анализируете минувшие бои и высказываете свои взгляды о принципах применения крупных танковых соединений[30]. — Верховный подошел, пристально посмотрел на меня и вдруг перешел на другую тему: — Русский солдат всегда славился необычайной выносливостью, храбростью и отвагой. Суворов называл своих солдат чудо-богатырями. Он же говорил: «Русские прусских всегда бивали». Наш красноармеец еще сильнее старого русского солдата, поскольку защищает свою, народную власть, свое, Советское Отечество. И в этом я убедился еще в годы Гражданской войны. — Сталин опустился в кресло и продолжал: — Мне известно, что вам довелось преподавать в академии. Значит, в военном отношении вы грамотный человек.

Скажите мне, товарищ Ротмистров, честно и откровенно, как коммунист коммунисту, почему у нас столько неудач? Почему мы отступаем?

Вопрос был трудным. На него нельзя было дать однозначный ответ, тем более Верховному Главнокомандующему.

Я задумался. Но Сталин не торопил с ответом. Склонившись, он облокотился на колено и, прищурив глаза, попыхивал трубкой.

— Товарищ Сталин, — собрался я наконец с мыслями, — могу доложить вам сугубо личное мнение, основанное на опыте боев с фашистами. Конечно, наш красноармеец по своим морально-боевым качествам выше солдата царской армии и тем более немецкого. Но дело в том, что в этой войне столкнулись две различные по технической оснащенности армии.

Сталин встал и жестом велел продолжать.

— Почти все немецкие дивизии, даже пехотные, моторизованы. Они быстро передвигаются на автомашинах, бронетранспортерах, мотоциклах, имея широкие возможности для маневра. У нас же стрелковая дивизия летом в лучшем случае, и то частично, следует на повозках, зимой — на санях. Используя высокую подвижность, противник легко обходит наши фланги, прорывается к нам в тыл, создает иногда даже видимость окружения, зная, что такая угроза психологически действует на войска. И второе. Немцы располагают превосходством в танках, тяжелой артиллерии и авиации. К примеру, мы не смогли пробиться к Сталинграду с севера прежде всего потому, что гитлеровцы организовали мощную противотанковую оборону и буквально подавляли нас огнем тяжелой артиллерии и ударами с воздуха.

— Да, мы пока уступаем немцам по количеству и даже в некоторых видах по качеству боевой техники и вооружения, — тихо произнес Сталин. — Но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что в сорок третьем году наша промышленность

догонит фашистскую Германию по выпуску самолетов, танков, орудий и минометов, а может быть, и превзойдет ее в этом отношении не только количественно, но и качественно. Партия верит, что это сделает наш рабочий класс.

Беседа наша затянулась. Вдруг в комнату без стука вошел Г.К. Жуков. Георгий Константинович поздоровался с И.В. Сталиным, потом протянул руку мне, окинув меня холодновато-суровым взглядом.

— А мы тут с товарищем Ротмистровым хорошо побеседовали. Думаю, что не будем его больше задерживать, — сказал Сталин и, прощаясь, добавил: — Скоро развернутся большие события, в которых, возможно, примет участие и ваш корпус...

О предстоящих событиях, упомянутых И.В. Сталиным в разговоре со мной, я узнал уже в Саратове.

19 ноября 1942 года в 7.30 войска вновь созданного северо-западнее Сталинграда Юго-Западного фронта под командованием генерал-полковника Н.Ф. Ватутина внезапным ударом прорвали оборону противника одновременно на двух участках: 5-я танковая армия генерал-лейтенанта П.Л. Романенко — с плацдарма юго-западнее Серафимовича и 21-я армия генерал-майора И.М. Чистякова — из района станицы Клетская. Попытки врага остановить продвижение наших войск были сорваны введенными в прорыв 1-м и 26-м танковыми корпусами генералов В.В. Буткова и А.Г. Родина. Эти соединения, а затем и 4-й танковый корпус генерала А.Г. Кравченко стремительно двинулись в направлении города Калач и с ходу форсировали Дон.

Через сутки Сталинградский фронт силами ударных группировок 51, 57 и 64-й армий генералов Н.И. Труфанова, Ф.И. Толбухина и М.С. Шумилова перешел в наступление с юго-востока, из района озер Сарпа, Цаца, Барманцак, на северо-запад и, смяв вражеские оборонительные позиции, двинул вперед механизированные корпуса.

23 ноября 4-й механизированный корпус под командованием генерала В.Т. Вольского, ломая упорное сопротивление противника, соединился с 4-м танковым корпусом Юго-Западного фронта в районе хутора Советский, замкнув кольцо окружения многотысячной группировки немецко-фашистских войск в междуречье Волги и Дона.

Это было грандиозно! Впервые Красная армия блестяще провела столь гигантскую по размаху стратегическую операцию, которая внесла решающий вклад в достижение коренного перелома не только в Великой Отечественной, но и во всей Второй мировой войне.

Никогда не забыть того бурного ликования, как пламя вспыхнувшего на улицах Саратова, когда по радио было передано сообщение Совинформбюро об окружении гитлеровцев под Сталинградом. Саратовцы обнимали, целовали, качали каждого встречного военного, ликующе выражая восторг этой славной победой. К нам в части корпуса прибыли делегации шефов — коллективов рабочих саратовских заводов. Состоялись импровизированные митинги, на которых трудящиеся города заверяли Коммунистическую партию, советское правительство, Красную армию, что отдадут все силы ударному стахановскому движению под девизом «Все для фронта! Все для победы!» Это поднимало ратный дух наших воинов, и они неудержимо рвались в бой.

Ко мне приходили командиры, политработники, рядовые танкисты и мотострелки, радостные и возбужденные, и все, как один, спрашивали: когда же на фронт, и именно в район Сталинграда?

Особенно высокий боевой настрой был у моих соратников, которые сражались против фашистских захватчиков с первых дней войны. А ими были почти все командиры бригад и батальонов, многие командиры рот, да и рядовые танкисты.

— Товарищ генерал, — запальчиво говорил темпераментный командир 3-й гвардейской тяжелой танковой бригады гвардии полковник И.А. Вовченко, — до каких пор мы будем принимать подарочки женщин и пацанов, которые сейчас больше делают для победы над врагом, чем мы вдали от фронта? Это невыносимо — вот так ждать, когда там такие дела!

Можно было одернуть комбрига, но, уважая этого боевого, отлично подготовленного командира и в душе разделяя искренне высказанные им мысли, я спокойно отвечал:

— Слушай, комбриг, ведь тебе же хорошо известно, что наш корпус находится в резерве Ставки. А она, Ставка, знает, когда и куда нас направить.

Вовченко уходил, а вслед за ним появлялись другие командиры бригад. Иногда я не выдерживал, срывался:

— Да вы что, сговорились?! Или не понимаете, что не от меня зависит отправка корпуса на фронт?!

Смущенные, а то и раздраженные, они уходили, затем посылали своих замполитов «терзать» бригадного комиссара Н.В. Шаталова.

Можно было их понять, особенно тех, кто испытал мучительный до боли в сердце наш отход под напором стальной армады гитлеровцев в 1941 году, горечь наших неудач летом 1942-го. Тогда у нас не хватало умения и техники. Теперь мы имели опыт, корпус получил новые боевые машины, больше того, нас даже обеспечили несколькими сверхштатными радиостанциями. Видимо, в этом сказался мой разговор с И.В. Сталиным.

Но следовало ждать приказа и еще упорнее готовиться к предстоящим боям и сражениям, которые конечно же не будут легкими, особенно в районе Сталинграда: окруженных гитлеровцев еще надо разгромить, а они, как и следовало ожидать, будут яростно сопротивляться.

Я так и предполагал, что мы примем участие в ликвидации окруженной сталинградской группировки немцев,

когда получил директиву Ставки погрузить корпус в эшелоны и следовать на станцию Качалинская, северо-западнее Сталинграда. Однако получилось несколько по-иному...

Надо было видеть, как танкисты спешили с погрузкой, как горячо возмущались, когда по каким-то причинам задерживалась подача вагонов или железнодорожных платформ.

Наконец 29 ноября погрузка была полностью закончена.

От Саратова до Качалинской не так уже далеко. Но железная дорога была забита эшелонами, и двигались мы очень медленно. Порой стояли на разъездах часами: то ли потому, что впереди железнодорожное полотно было разрушено вражеской авиацией, то ли где-то не могли разойтись встречные эшелоны.

Я сидел с Н.В. Шаталовым в купе довольно холодного вагона, то и дело протирая платком запотевшие очки. Изредка дышал на изрисованное затейливыми кружевами оконное стекло, очищая его от изморози. На необозримом пространстве простирались заснеженные приволжские степи, подернутые игривой поземкой. Меня интересовала толщина снежного покрова, так как корпусу после выгрузки на станции Качалинская предстоял еще более чем 100-километровый марш для сосредоточения в районе населенных пунктов Ляпичево, Горин, Вербовский, Ново-Петровский юго-западнее Сталинграда.

3 декабря мы благополучно завершили выгрузку и, построившись в бригадные колонны, двинулись на юг. Хотя снег не был глубоким, но все-таки тормозил движение, особенно артиллерии и колесного транспорта. Приходилось тяжелым и средним танкам брать на буксир пушки и автомашины. Погода стояла пасмурная, и это нас спасало от налетов вражеской авиации.

На полпути к району сосредоточения нас догнал адъютант представителя Ставки генерал-полковника А.М. Васи-

левского и доложил, что меня срочно вызывает Александр Михайлович.

Я приказал остановить корпус, дозаправить машины, накормить людей и продолжить движение в район сосредоточения.

А.М. Василевский находился в штабе Донского фронта в поселке Заварыкин. Я застал его явно чем-то расстроенным. Поздоровавшись, но не предложив мне сесть, он сказал:

— Звонил Верховный Главнокомандующий и выразил крайнее недовольство, больше того, возмущение, что мы вот уже в течение двух недель не можем ликвидировать плацдарм немцев в районе хутора Рычковский. Два корпуса — стрелковый и кавалерийский — пытались овладеть им, но безуспешно. Товарищ Сталин поручил возложить решение этой задачи на ваш корпус. Поэтому я и вызвал вас. Сколько вам потребуется времени для подготовки удара по Рычковскому?

— Не меньше двух суток.

— Много. Противник может упредить ваш удар.

— Но, товарищ генерал, корпус еще не завершил марша, и к тому же мне совершенно не известна обстановка в районе Рычковского.

Мой, очевидно, резковатый ответ вывел из равновесия обычно выдержанного и любезного Александра Михайловича.

— Вам приказано немедленно ликвидировать этот чертов плацдарм лично товарищем Сталиным! Понимаете вы это? — повысил он голос и даже встал со стула.

— Прошу доложить товарищу Сталину, что мне нужно два дня, чтобы подготовиться к операции, — стоял я на своем.

Василевский посмотрел на меня так, как будто видел впервые, минуту подумал и уже спокойным тоном проговорил:

— Хорошо... Возвращайтесь в свой корпус и свяжитесь с командующим пятой ударной армией генералом Поповым, которому вы подчинены в оперативном отношении.

...Вечером 9 декабря я прибыл со штабом корпуса на хутор Малая Лучка. Почти одновременно приехал сюда и командующий войсками 5-й ударной армии, он же заместитель командующего Сталинградским фронтом генерал-лейтенант М.М. Попов.

Фамилия Попов — широко распространенная в России. При разговоре с А.М. Василевским я не уточнил, какой из двух известных мне генералов Поповых командует 5-й ударной армией. И какова же была моя радость, когда я увидел своего старого сослуживца и друга Маркиана Михайловича Попова. Еще в двадцатых годах нам довелось командовать ротами в одной дивизии. Я знал его как отличного строевого командира, превосходного спортсмена, остроумного и неизменно жизнерадостного человека. Это был, без преувеличения, один из талантливых военачальников. Неслучайно уже в предвоенные годы он командовал Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией, затем войсками Ленинградского военного округа, а с началом войны — Северным фронтом.

Мы крепко обнялись. Оба были взволнованы этой фронтовой встречей. Но предаваться воспоминаниям о довоенной службе времени не было. Я рассказал о разговоре с А.М. Василевским и поставленной корпусу задаче. Маркиан Михайлович в свою очередь сообщил, что Ставка и командующий войсками фронта возложили на него организацию всех мероприятий по разгрому противника в районе нижнего течения реки Чир, в том числе на рычковском плацдарме. Проведение их в жизнь начиналось для него в очень неблагоприятных условиях. Армия только начала формироваться. Штаб прибывал по частям, не было еще собственных средств связи

и органов снабжения. Вся связь, как и снабжение, осуществлялась через соседние армии.

Но командарм был настроен оптимистически, считая, что уже были возможности взяться за выполнение ближайших боевых задач, особенно с завершением марша 7-го танкового корпуса. В частности, ему удалось ознакомиться с обстановкой в районе хутора Рычковский, правда, по докладам из переданных армии 4-й гвардейской и 258-й стрелковых дивизий, которые неоднократно, но безуспешно пытались выбить противника с плацдарма.

— Атаковали, — рассказывал Маркиан Михайлович, — вроде бы по всем правилам военного искусства, били днем и ночью по флангам, под основание плацдарма. Но немцы неизменно отражали все атаки.

Я доложил ему о состоянии 7-го танкового корпуса, что все его части уже выходят в назначенные районы сосредоточения и приводят себя в порядок. Договорились, что М.М. Попов поедет на свой КП в Ляпичево, а я с командирами бригад проведу рекогносцировку района предстоящих действий корпуса и завтра доложу ему свое предварительное решение.

Укрываясь за складками местности и пользуясь тем, что погода стояла пасмурная, для вражеской авиации нелетная, мы относительно близко подобрались к хутору Рычковский и изучили подходы ко всем его окраинам. В бинокль хорошо просматривалась оборона противника. Гитлеровцы обосновались в своеобразном треугольнике, образуемом реками Чир и Дон и прикрытом с севера небольшой, но, видимо, хорошо укрепленной высоткой. Эта высотка, как мы убедились, побывав затем на наблюдательных пунктах командиров стрелковых дивизий и выслушав их информацию о ходе боевых действий, являлась ключом к устойчивости вражеской обороны. На ней была расположена значительная часть огневых средств противника, которые срывали все обходные маневры нашей пехоты.

— А где ваша артиллерия? — спросил я командира 4-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Г.П. Лиленкова.

Он, конечно, понимает суть вопроса: прежде чем атаковать, надо мощным артиллерийским огнем и бомбовыми ударами авиации подавить огневые средства противника — артиллерию, минометы, пулеметы.

— Артиллерии у нас достаточно, — ответил генерал. — Правда, вся она легкая, не способная разрушить прочные укрепления немцев. Авиационной поддержки мы не имеем. Говорят, что вся наша авиация занята уничтожением противника, окруженного под Сталинградом, и ликвидацией близлежащих вражеских аэродромов. А главное — не хватает боеприпасов, прежде всего снарядов и крупнокалиберных мин. Подвозят их, как говорится, в час по чайной ложке, в основном на санях. Надо бы накопить снаряды и ударить по немцам покрепче. Но начальство сверху ежедневно требует наступать... — Лиленков глубоко вздохнул: — Вот и наступаем. Пугнем фашистов слабеньким артналетом, они отсидятся в глубоких укрытиях, а затем отбивают наши атаки ураганным огнем из всех видов оружия.

Все ясно. Теперь знаем, почему так случилось, что значительные силы нашей пехоты и кавалерии в течение многих дней не могли ликвидировать небольшой плацдарм противника. Многократные атаки стрелковых и кавалерийских частей, проводимые, как говорил М.М. Попов, по всем правилам военного искусства, в конкретно сложившейся обстановке превратились в некий шаблон и не являлись для гитлеровцев неожиданностью.

Уже по пути в штаб корпуса у меня четко определилась основная идея — главный удар нацелить на высоту по кратчайшему направлению, вспомогательный — правым флангом, в обход высоты, чтобы отрезать противнику пути отхода к переправе и парализовать его огонь из глубины. Удар дол-

жен быть внезапным, мощным и без артподготовки. В интересах внезапности атаку следует начать на рассвете, когда уже можно ориентироваться на местности.

О своем замысле я доложил прибывшим на мой командный пункт М.М. Попову и А.М. Василевскому. С ними приехали также член Военного совета Сталинградского фронта генерал-лейтенант Н.С. Хрущев и командир 3-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майор И.А. Плиев.

Александр Михайлович на этот раз был приветлив, сказал, что докладывал И.В. Сталину мою просьбу о предоставлении необходимого времени для подготовки к операции и получил на это разрешение.

Все внимательно выслушали меня. Только когда я доложил, что артиллерийскую подготовку атаки мы проводить не будем, А.М. Василевский спросил:

— Вы что, не признаете артиллерии?

— Признаю, — ответил я. — Но как показали бои за плацдарм, немцы уже привыкли к тому, что после нашей артподготовки обязательно последует атака, и успевали подготовиться к ее отражению.

— С Павлом Алексеевичем, пожалуй, следует согласиться. Действительно, артподготовка, да еще слабая, только предупреждала противника о начале нашей атаки, — поддержал меня М.М. Попов.

— Артиллерия не останется без дела, — продолжал я. — Как только танки перейдут в атаку с исходных позиций, начнут работу и артиллеристы. Сигналом для открытия артиллерийского огня будет залп дивизиона РС нашего корпуса.

Представитель Ставки согласился с нашими доводами, а М.М. Попов пообещал договориться с командармом 5-й танковой об артиллерийской поддержке наших действий.

— Ну что же, пусть будет так, — сказал Александр Михайлович и предложил как можно тщательнее согласовать вопросы взаимодействия между танками, пехотой и артиллерией.

Подводя итоги этого совещания, А.М. Василевский указал на важную значимость нашей небольшой по глубине и размаху операции, потребовал от нас проявить бдительность и быть в постоянной готовности к отражению возможного контрудара противника. В этом случае на войска первого эшелона 5-й ударной армии возлагалась задача упорно оборонять занимаемые рубежи, а 7-му танковому корпусу решительными контратаками из глубины разбить врага и отбросить его за Чир.

У нас закипела работа. Ко мне на КП были вызваны командиры бригад и батальонов. Я ознакомил их с местностью и обстановкой, поставил конкретные задачи, указал боевые курсы и исходные позиции для атаки, на которые танки в ночь на 13 декабря, совершив 30-километровый марш, должны были выйти к утру.

Ночью немцы на плацдарме вели себя спокойнее, чем обычно, даже почти не пускали осветительных ракет. Такое поведение противника настораживало. «Что это? Стремление усыпить нашу бдительность или игнорирование возможности нашего наступления?»

Мои сомнения разрешила разведка. Захваченные «языки» показали, что фашистское командование не знает о сосредоточении нашего корпуса и что какой-либо подготовки к наступлению их войск с плацдарма не проводится.

К середине дня 12 декабря корпус был готов к боевым действиям. Н.В. Шаталов, как всегда, уехал в бригады для организации работы по мобилизации коммунистов и комсомольцев, всего личного состава на успешное выполнение поставленных задач, а я отправился на ВПУ 5-й ударной армии, чтобы доложить командарму о нашей готовности к операции.

Выслушав меня, М.М. Попов выразил беспокойство тем, как бы немцы не упредили нас. Оказалось, что с утра в этот день противник крупными силами танков и мотопехоты перешел в наступление на котельниковском направлении.

После артиллерийского обстрела позиций сильно ослабленных в боях 302-й и 126-й стрелковых дивизий 51-й армии немецкие танки при поддержке авиации, прорвав оборону наших войск, двинулись на север, вдоль железной дороги Котельниково — Сталинград.

— А может, они и с Рычковского ударят? — озабоченно посмотрел на меня Маркиан Михайлович.

— Сегодня уже не ударят, а утром ударим мы, — успокоил я командарма.

Прощаясь, он сказал, что едет к И.А. Плиеву, а вечером будет у нас.

К тому времени, когда приехал М.М. Попов, у меня на КП находились командиры бригад, и командарм мог убедиться, что подготовка к наступлению идет четко и организованно. Все части и подразделения корпуса были готовы к ночному маршу, саперы за минувшую ночь «прощупали» минно-взрывные заграждения немцев, наметили в них проходы для танков и оборудовали НП на кургане, с которого хорошо просматривалось предстоящее поле боя.

Оставалось лишь уточнить время атаки. Рассвет начинался в семь часов. Условились, что 3-я гвардейская тяжелая танковая бригада, наступавшая на главном направлении в первом эшелоне, должна будет к этому времени пойти в атаку. Танки и артиллерия откроют огонь только после того, как противник обнаружит нас.

Еще не было четырех утра, когда я собрался на свой НП. Хотел было ехать со мной и оставшийся у нас ночевать командарм, но я уговорил его несколько повременить, пока на месте не уточню обстановку и не установлю связь с командирами бригад.

— Значит, чтобы не мешал? — пошутил Маркиан Михайлович и потом уже серьезно сказал: — Понимаю, Павел Алексеевич, и вполне доверяю твоему опыту. Однако к началу атаки, ты уж извини, примчусь...

* * *

Мой НП представлял собой окоп, замаскированный снегом. Устанавливаю связь с комбригами и артиллеристами. Все было в порядке. К четырем часам бригады уже находились в исходном положении. Артиллеристы заняли огневые позиции.

В начале седьмого появился командарм.

— Рановато, товарищ командующий! — заметил я, докладывая ему обстановку. — Немцы на плацдарме ведут себя спокойно. За все время тишину нарушили лишь разрывы одиночных снарядов, вероятно выпущенных так, для острастки.

— А ты думал, я нежусь в постели. Нет, брат, тут не до сна. Разговаривал с командующим фронтом. Противник развивает наступление из района Котельниково. Его передовые части уже вышли к реке Аксай-Есауловский, особенно ожесточенные бои идут в районе Верхне-Кумского, — сообщил командарм.

— Да, там, видимо, нашим тяжело. Но здесь мы гитлеровцам всыплем, — уверенно заявил я. — Это точно! Слушайте...

В морозном воздухе уже уловимо доносился приглушенный шум танковых моторов. Через несколько минут мимо моего НП прошла первая линия тяжелых танков 3-й гвардейской танковой бригады. За ней вторая, третья. Следом подходила 62-я танковая бригада с десантами мотострелков на танках, имея боевой порядок тоже в три линии. Боевое построение корпуса было довольно глубоким, обеспечивающим наращивание силы удара. 87-й танковой бригаде с двумя мотострелковыми батальонами было приказано наносить вспомогательный удар в обход с северо-запада.

Заснеженная степь еще куталась во мглу, и лишь то нараставший, то удалявшийся рокот боевых машин да пламя, вырывавшееся из глушителей, указывали, где находятся наши танки.

Но вот начало светать. Мы напряженно всматривались в даль, куда первой ушла танковая бригада полковника И.А. Вовченко. И вдруг всполошенно заметались осветительные ракеты. Противник явно был застигнут врасплох.

— Это уже половина успеха! — с радостью воскликнул я, отдавая приказание дивизиону «катюш» на открытие огня.

Тотчас же, оставляя за собой огненные хвосты, над нашими головами с воем пронеслись реактивные снаряды, охватив пламенем передний край обороны противника. Залп реактивного дивизиона, как было условлено, послужил сигналом для открытия огня артиллерией и атаки танков. Артиллерия успешно содействовала своим огнем атаке танков и мотопехоты.

— Капут немцам в Рычковском! — сказал я Маркиану Михайловичу, наблюдая в бинокль, как стремительно развиваются события на направлении главного удара.

— Не говори гоп, пока не перепрыгнешь! — слышу сквозь грохот артиллерийской стрельбы простуженный голос командарма.

В это время группа танков под командованием гвардии старшего лейтенанта Богатырева на предельной скорости обходила опорный пункт немцев на высоте, обозначенной на карте цифрами 110,7. Обогнув ее с запада, танкисты устремились на Рычковский, кромсая гусеницами противотанковые орудия, многие расчеты которых даже не успели подготовиться к стрельбе. Вражеские пехотинцы, увидев, что на них надвигаются танки с фронта и частью заходят в тыл, охваченные паникой, бросились к Рычковскому. Когда Богатырев со своими танками уже завязал бой на северо-восточной окраине хутора, боевые машины, действовавшие с фронта, подошли к противотанковому рву. Полковник Вовченко, отличавшийся быстротой реакции и смелостью в принятии решений, немедленно приказал командирам танковых батальонов изменить направление и двигаться вслед за Богатыревым.

Прошло каких-нибудь 50 минут, и Вовченко доложил, что бригада ворвалась в Рычковский и продолжает вести бой. По существу, прошло не больше часа с момента начала атаки, и хутор был в наших руках, хотя отдельные группы фашистов, укрывшись в приспособленных к обороне домах и подвалах, еще продолжали сопротивляться. Но к девяти часам они были добиты воинами мотострелковых батальонов.

Постепенно выяснилась обстановка в полосе наступления 258-й и 4-й гвардейской стрелковых дивизий. Они своевременно использовали успех нашего корпуса и продвигались вперед. К полудню части этих соединений пересекли железную дорогу и завязали бой за хутор Верхне-Чирский.

Поступили донесения о больших трофеях, захваченных в Рычковском. Я приказал начальнику штаба корпуса направить туда интендантов, чтобы все взять на учет и организовать охрану.

Можно было не сомневаться, что немецкие войска на плацдарме смяты и вряд ли в состоянии предпринять попытки восстановить утраченное положение.

Убежденный в этом, командующий 5-й ударной армией М.М. Попов уехал на свой КП для доклада о ходе боя командующему войсками фронта. Перед отъездом он приказал оказать помощь нашей пехоте в овладении Верхне-Чирским и одной танковой бригадой содействовать выходу кавкорпуса И.А. Плиева к реке Чир. При этом предупредил, чтобы 7-й танковый корпус ни в коем случае не переправлялся на западный берег Чира, поскольку предполагается перебросить наши танки в полосу 51-й армии.

Вечером на мой КП вновь приехал М.М. Попов. Он сообщил, что командующий фронтом доволен результатами боя, и потребовал после выполнения поставленной задачи по овладению Верхне-Чирским готовить корпус к маневру на котельниковское направление.

А Верхне-Чирский оказался сильным узлом вражеской обороны, насыщенным большим количеством противотанковых средств. Для ликвидации этого узла сопротивления гитлеровцев требовалась тщательная подготовка, чем и занимались войска корпуса, выведенные из боя и расположившиеся вдоль линии железной дороги Новомаксимовский — Рычковский.

В 7.30 14 декабря после артиллерийской подготовки танки и мотопехота корпуса во взаимодействии со стрелковыми частями перешли в атаку. Противник отчаянно оборонялся. Вся тяжесть выполнения задачи легла на 3-ю гвардейскую тяжелую танковую и 7-ю мотострелковую бригады. Бой был очень упорным и длился весь день.

Если при захвате Рычковского мы имели незначительные потери, то здесь лишились нескольких танков, преимущественно подорвавшихся на минах.

Убедившись, что днем сломить сильную противотанковую оборону противника мы не сможем, я принял решение прекратить попытки овладеть хутором и попробовать взять населенный пункт ночью. Назначил атаку на два часа 15 декабря. До этого времени потребовал устранить повреждения танков и с наступлением темноты провести разведку на направлении главного удара. Впереди должна была наступать 7-я мотострелковая бригада с саперами, а за ней танки.

Мы снова рассчитывали на внезапность удара, И расчет этот оправдался. Но ожесточенный бой шел всю ночь. В схватке с врагом был ранен командир 3-й гвардейской тяжелой танковой бригады гвардии полковник И.А. Вовченко. Командование бригадой принял его замполит гвардии подполковник И.В. Седякин, смелый и решительный человек. Верный традициям славных красных комиссаров, он повел за собой танкистов, и те успешно завершили выполнение поставленной задачи.

О яростном сопротивлении гитлеровцев говорил тот факт, что в Верхне-Чирском было уничтожено до 700 вражеских солдат и офицеров. Видимо, им был отдан приказ сражаться до последнего патрона и обещана поддержка главных сил тормосинской группировки немцев. В плен сдались только четыре солдата, и то, как помнится, по национальности румыны. Противник понес большие потери и в технике. Только одна 3-я гвардейская танковая бригада уничтожила 30 пушек, 20 автомашин, 6 зенитных орудий, 3 танка (один из них подбитый) и много пулеметов.

В середине дня на мой КП прибыл представитель Ставки А.М. Василевский. Во время предыдущих встреч с ним Александр Михайлович производил впечатление эмоционально сдержанного, молчаливого генерала. Но на этот раз он был необычно оживлен. Может быть, его радовал успех нашего корпуса или были для этого какие-то другие причины, но он сердечно поздоровался со мной, поздравил танкистов и попросил показать ему Рычковский.

Я передал Василевскому свой бинокль. Он долго смотрел на хутор, потом задумчиво проговорил:

— Эх, знали бы вы, Павел Алексеевич, какие неприятности пришлось пережить из-за этого совсем небольшого хутора.

Несколько позже мне стало известно, почему у Александра Михайловича было хорошее настроение. На котельниковское направление начали прибывать и вступать в сражение передовые части 2-й гвардейской армии, которую Василевскому с трудом удалось заполучить для Сталинградского фронта, так как Ставка намечала передать ее Донскому фронту для разгрома противника, окруженного под Сталинградом. Эта армия, основу которой составляли три полностью укомплектованных гвардейских корпуса (1-й и 13-й стрелковые, 2-й механизированный), являлась мощной ударной силой, способной окончательно остановить

гитлеровцев, наступавших со стороны Котельниково, и нанести им контрудар.

Вторая причина радости А.М. Василевского крылась в том, что с утра 16 декабря войска Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов перешли в решительное наступление на Среднем Дону, и немецкой оперативной группе «Холлидт» в районе Тормосина уже было не до спасения рычковского плацдарма.

Убедившись, что у нас все в порядке, Александр Михайлович попрощался со мной, посоветовав, не теряя времени, готовить корпус к выполнению новой, еще более ответственной боевой задачи.

19 декабря 1942 года распоряжением представителя Ставки А.М. Василевского 7-й танковый корпус был передан в оперативное подчинение 2-й гвардейской армии и сосредоточен в районе селения Пятый Таврический, в 10—15 километрах от переднего края обороны наших войск на котельниковском направлении.

К тому времени корпус имел 92 танка, из них 20 КВ, 41 Т-34. Хотя по штату нам машин не хватало, корпус являлся достаточно боеспособным. Сила его была прежде всего в людях. Личный состав соединения имел большой боевой опыт, хорошо освоил тактику ведения боев, верил в свое оружие и умел навязывать противнику свою волю.

Вечером 23 декабря меня вызвали в Верхне-Царицынский, где размещался командный пункт 2-й гвардейской армии. Погода выдалась скверная. Разыгравшаяся снежная пурга заметала дороги. Ехать на автомашине я не решился, мог увязнуть в сугробах, особенно в лощинах и балках, забитых глубоким снегом. Отправился в путь с двумя танками — своим, командирским, и тяжелым КВ. Это гарантировало надежность передвижения и безопасность. Ведь линия фронта была не так уж далеко: ночью в степи могли рыскать разведгруппы противника. Удобно было и то, что танковые ра-

ции обеспечивали связь со штабом корпуса и командирами бригад.

В Верхне-Царицынский прибыли благополучно. Но встретивший нас офицер, не зная меня в лицо, выхватив пистолет, закричал:

— Куда ты прешься на танках?! Немцы заметят — бомбить начнут. А ну поворачивай обратно!

Пришлось объяснить, кто я такой и почему прибыл с танками. Офицеру, конечно, было понятно, что в наступившей темноте, да еще в такую непогоду, никто нас не заметит и не разбомбит. Просто у него были основания для проявления особой бдительности. В Верхне-Царицынском размещался оборудованный по распоряжению Генерального штаба узел связи, пользуясь которым представитель Ставки держал связь с Москвой, штабами фронтов и армий. Кроме того, в этот день здесь собиралось на совещание много высокого начальства.

На совещании присутствовали А.М. Василевский, командующий войсками Сталинградского фронта А.И. Еременко, заместители наркома обороны СССР — командующий бронетанковыми войсками Я.Н. Федоренко и начальник войск связи Красной армии И.Т. Пересыпкин, командующие армиями Р.Я. Малиновский, Н.И. Труфанов и Ф.И. Толбухин, а также мы — командиры некоторых корпусов.

Нас ознакомили с обстановкой, сложившейся к 23 декабря 1942 года. К тому времени немецко-фашистские войска, наступавшие со стороны Котельниково, в результате героического сопротивления, оказанного 51-й армией и передовыми частями 2-й гвардейской армии, были остановлены на реке Мышкова. С завершением сосредоточения на этом направлении главных сил 2-й гвардейской армии и выдвижением сюда 7-го танкового и 6-го механизированного корпусов советскому командованию удалось изменить соотношение сил в свою пользу и создать условия для перехода в решительное

контрнаступление в целях разгрома котельниковской группировки противника.

Решение этой задачи в основном возлагалось на 2-ю гвардейскую армию, усиленную 7-м танковым и 6-м механизированным корпусами. Ударом с рубежа Шабалинский, Громославка, Капкинский она должна была во взаимодействии с правофланговыми войсками 51-й армии генерала Н.И. Труфанова и левофланговыми соединениями 5-й ударной армии генерала М.М. Попова разгромить котельниковскую группировку противника и овладеть Котельниково.

На направлении главного удара 2-й гвардейской армии надлежало наступать 1-му гвардейскому стрелковому и 7-му танковому корпусам. Наступление стрелковых соединений назначалось на утро 24 декабря. Наш корпус вводился в сражение в двенадцать часов этого дня в полосе наступления 1-го гвардейского стрелкового корпуса в расчете, что к тому времени наша пехота форсирует реку Мышкова и наведет переправы для танков.

2-му гвардейскому и 6-му механизированным корпусам предстояло в этот же день выйти в район Аксай-Перегрузного для нанесения удара на юго-запад по слабо прикрытому румынскими войсками правому флангу 57-го немецкого танкового корпуса с последующим перехватом путей отхода противника из района Котельниково.

В Верхне-Царицынском я встретил старых своих знакомых — командиров 13-го стрелкового и 2-го механизированного гвардейских корпусов — горячего, как огонь, сына солнечной Грузии Порфирия Григорьевича Чанчибадзе и спокойного, осанистого Карпа Васильевича Свиридова. Накоротке вспомнили о боях под Москвой в составе 30-й армии, где мои друзья командовали соответственно мотострелковой и стрелковой дивизиями. Я рассказал, как мы ликвидировали плацдарм немцев у Рычковского и Верхне-Чирского,

выразил уверенность, что обязательно разобьем противника в районе Котельниково.

— Конечно, дорогой, раздолбаем! Но, понимаешь, фашисты опять будут говорить, что нам помог «генерал Мороз», — усмехнулся П.Г. Чанчибадзе.

— Пусть говорят, от этого им не станет легче, — заметил К.В. Свиридов.

Было уже далеко за полночь, когда я вернулся в штаб корпуса. Меня с нетерпением ждали не только Н.В. Шаталов, В.Н. Баскаков, но и командиры бригад со своими замполитами. Они знали, что предстоит наступление, и готовились к нему. Мне оставалось только проинформировать их о задаче, поставленной корпусу, наметить маршруты движения и исходные районы бригадам, а главное — нацелить на решительные действия в высоких темпах, не позволяя отступающему противнику цепляться за промежуточные рубежи.

В восемь часов утра 24 декабря соединения первого эшелона 2-й гвардейской армии после короткого огневого налета артиллерии атаковали противника на рубеже реки Мышкова. Разгорелись ожесточенные бои нашей пехоты с 17-й и 23-й танковыми дивизиями врага. Особенно отважно бились части 1-го гвардейского стрелкового корпуса. Отбросив гитлеровцев, гвардейцы овладели переправами через реку, обеспечив ввод в сражение главных сил нашего и 2-го гвардейского механизированного корпусов.

Форсировав водную преграду, танкисты устремились вперед. На следующий день в тринадцать часов наша 3-я гвардейская тяжелая танковая бригада ворвалась в Нижне-Кумский, где недавно героически сражались 1378-й стрелковый и 55-й отдельный танковый полки, которые при поддержке 20-й истребительно-противотанковой бригады и 565-го истребительно-противотанкового полка насмерть стояли, преграждая фашистским танкам путь к Сталинграду. Из газет нам было известно, что командирам стрелково-

го и танкового полков подполковникам М.С. Диасамидзе и А.А. Асланову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Следы этого жестокого побоища еще сохранились. В самом хуторе и на подступах к нему мы видели подбитые и сожженные вражеские танки, искореженные орудия и автомашины.

Смяв пытавшегося контратаковать противника в районе колхоза имени 8 Марта и «Заготскота», наши танкисты заняли Верхне-Кумский. Здесь навеки прославил свое имя боец взвода противотанковых ружей комсомолец И.М. Каплунов. При отражении атаки вражеских танков ему осколком снаряда оторвало ступню, пуля пронзила руку, но он продолжал вести огонь и, уже будучи тяжело раненным, подбил три вражеских танка, а потом со связкой гранат бросился под гусеницы четвертого. Всего И.М. Каплунов подбил девять вражеских машин и был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

На рассвете 26 декабря части корпуса, овладев хутором Ново-Аксайский, под прикрытием противотанковой артиллерии начали переправу через реку Аксай. Мотопехота противника, минуя хутор Генераловский, отошла в подготовленный к обороне Верхне-Яблочный, откуда вскоре выдвинулись десять немецких танков с десантом автоматчиков. Однако вражеские танкисты, увидев развернутую в боевой порядок 3-ю гвардейскую танковую бригаду, не приняв боя, повернули вспять. Это трусливое бегство только распалило боевой азарт наших воинов. На высоких скоростях, имея в первой линии тяжелые танки, бригада с ходу врезалась во вражескую оборону. Завязался упорный бой, длившийся до наступления сумерек.

В этом бою танкисты и мотострелки, десантированные на танках 62-й танковой бригады, проявили отвагу и высокое боевое мастерство.

Экипаж коммуниста младшего лейтенанта Матвеевского одним из первых ворвался в хутор. В ходе боя его танк раздавил 5 противотанковых орудий и уничтожил до 50 гитлеровцев. Танкисты экипажа, которым командовал кандидат в члены партии лейтенант Ковалевский, заставили замолчать 2 противотанковые пушки и истребили около 60 солдат и офицеров противника. Мотострелковый батальон под командованием коммуниста капитана Цветкова в этом бою разгромил вражеское подразделение силою более 200 человек. Кандидат в члены партии сержант Григорьев, взяв на себя командование взводом после ранения командира, лично из своего автомата уничтожил до 45 фашистов.

Стремительно маневрируя, применяя обходы и охваты населенных пунктов, корпус вклинился в оперативную глубину более чем на 20 километров и далеко оторвался от стрелковых соединений 2-й гвардейской армии. Мы выходили уже на подступы к городу Котельниково с одноименной крупной железнодорожной станцией. Встал вопрос: как действовать дальше — ожидать ли подхода нашей пехоты или наступать на город самостоятельно?

По докладу начальника штаба корпуса полковника В.Н. Баскакова, поддерживавшего радиосвязь со штабом 2-й гвардейской армии, стало известно, что наши стрелковые корпуса ведут ожесточенные бои с главными силами котельниковской группировки противника. Гитлеровцы не только упорно оборонялись справа и слева от железной дороги Сталинград — Котельниково, но и переходили в контратаки. Увяз в этих боях и 6-й механизированный корпус, явно запаздывая с выходом к Котельниково с востока.

Обсудив сложившуюся обстановку, я принял решение утром 28 декабря атаковать город с севера, рассчитывая, что противник, скованный боями со 2-й гвардейской армией, не сможет выделить достаточных сил на оборону Котельниково.

По оценке нашей разведки, позиции немцев в городе были для них чрезвычайно выгодными. Река с обрывистыми берегами севернее города являлась естественной противотанковой преградой, а с высот, занимаемых противником, хорошо просматривалась и простреливалась местность, по которой нам предстояло наступать. Вскоре выяснилось, что гитлеровцы обнаружили наш подход и вечером выдвинули на северные окраины города до 30 танков, 40 орудий, минометы и пулеметы. В общем, враг готовился встретить нас во всеоружии.

И все-таки мы решились наступать. Уже в полночь 3-й батальон 7-й мотострелковой бригады под командованием гвардии майора Е.К. Дьячука форсировал реку Аксай-Курмоярский и захватил плацдарм на его южном берегу. С рассветом 3-я гвардейская и 62-я танковые бригады быстро переправили свои танки по специально окопанным за ночь проходам в крутых берегах и, развернувшись в боевой порядок, перешли в атаку.

Противник ждал нашей атаки и с приближением танков к окраинам города открыл сильный огонь из противотанковых пушек, установленных на высотах, имеющих отметки 84,0 и 101,5.

Со своего НП я следил за продвижением наших танков и видел, как остановился подбитый КВ, затем задымили два Т-34 и вспыхнул Т-70. Можно было понять мое состояние. Я приказал экипажам немедленно выйти из зоны противотанкового огня. Но один из батальонов 3-й гвардейской танковой бригады прорвался к высоте 84,0 и проутюжил огневые позиции стоявших там вражеских противотанковых батарей. Появилось «окно» в обороне противника, в которое устремились 2-й танковый и мотострелковый батальоны этой же бригады. Однако гитлеровцы снова обрушили на них мощный артиллерийский и минометный огонь уже непосредственно с окраин Котелъниково. Появилась даже немецкая авиация, сбросившая на наши боевые порядки серию авиабомб.

Огневой бой продолжался до наступления ночи. И опять у меня на КП решался вопрос: что делать? Во мнениях собравшихся возникли разногласия. Одни говорили, что надо занять жесткую оборону, обеспечив за собой переправы через Аксай-Курмоярский, и ждать подхода пехоты 2-й гвардейской армии. Другие настаивали на усилении натиска с севера вводом в бой второго эшелона корпуса.

Последнее слово было за мной. Взвесив все «за» и «против», я принял решение нанести сосредоточенный огневой удар по северной окраине Котельниково всей артиллерией корпуса и продолжать атаку в лоб теми же 3-й гвардейской и 62-й танковыми бригадами, а 87-ю танковую и 7-ю мотострелковую бригады направить в обход Котельниково с запада и юго-запада. Я считал, что если этим бригадам даже не удастся внезапно ворваться на западную и юго-западную окраины города, то их активные действия неизбежно приведут к ослаблению сопротивления противника, оборонявшего северную окраину Котельниково. Можно было также ожидать и наступления 6-го мехкорпуса с юго-востока. Тогда будет совсем хорошо.

По радио мне удалось связаться с начальником штаба 2-й гвардейской армии генералом С.С. Бирюзовым и доложить командарму о принятом решении — нанести удар частью сил корпуса с запада через населенные пункты Цыган, Похлебин. Ответ был коротким: «Действуйте!»

Нам повезло. С утра повис плотный туман. Небо заволокла низкая облачность, исключившая действия вражеской авиации. После короткого артиллерийского налета все бригады приступили к выполнению поставленных задач. И нужно сказать, действовали они довольно успешно. Поддерживая непрерывную связь по радио с командирами бригад, я следил за ходом боя и отдавал необходимые распоряжения. С севера танкисты и мотострелки под прикрытием тумана упорно вгрызались во вражескую оборону. Рота мотострелкового

батальона старшего лейтенанта Пинского из 62-й танковой бригады уже к девяти часам ворвалась на окраину Котельниково. Отделения сержантов Кочедыкова и Суркова первыми преодолели минные заграждения противника и решительным, дерзким броском овладели двумя крайними зданиями города. Отважными действиями они обеспечили успешное продвижение не только своего батальона, но и главных сил бригады.

Напористо действовали воины 3-й гвардейской тяжелой танковой бригады, имея в первой линии танки КВ. И здесь были свои герои. Экипаж танка, где механиком-водителем был парторг 1-й танковой роты лейтенант Карданец, уничтожил один немецкий танк и две автомашины. Несмотря на то что вышла из строя пушка, отважные танкисты продолжали бой, уничтожая гусеницами технику и живую силу противника. Я восхищался их смелыми действиями.

С нетерпением мы ожидали обнадеживающих донесений от командиров 87-й танковой и 7-й мотострелковой бригад, обходивших Котельниково с запада и юго-запада. И вот радостное для нас сообщение: бригадами перерезаны все дороги (в том числе железная), идущие из города на запад и юго-запад. В километре западнее Котельниково захвачен аэродром с 13 исправными и 2 поврежденными нашими же танкистами самолетами, а также большие запасы авиационного бензина и авиабомб. Для гитлеровцев это было полной неожиданностью. Когда аэродром был уже в наших руках, на полосу приземлился вражеский самолет-разведчик и, конечно, попал в руки танкистов. Взятый в плен фашистский летчик удивленно таращил глаза, так как всего несколько минут назад получил разрешение на посадку.

Вскоре, однако, завязались напряженные бои на западной и юго-западной окраинах города, главным образом с подошедшими резервами противника. Ломая упорное сопротивление врага, личный состав бригад настойчиво продвигался вперед.

Самара в 1910-х гг. Здесь П.А. Ротмистров вступил в самарский рабочий полк

Самарские большевики. 1918 г.

П.А. Ротмистров. 1920-е гг.

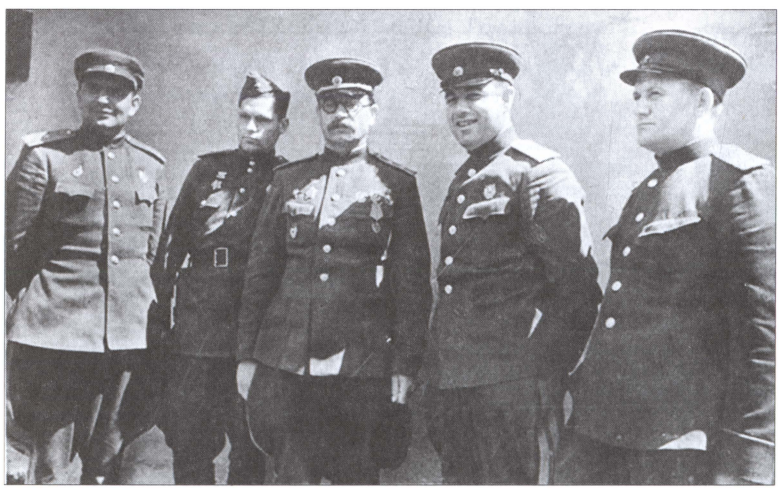
Военная академия им. М.В. Фрунзе,
где с 1928 года учился П.А. Ротмистров

Средний советский танк Т-34

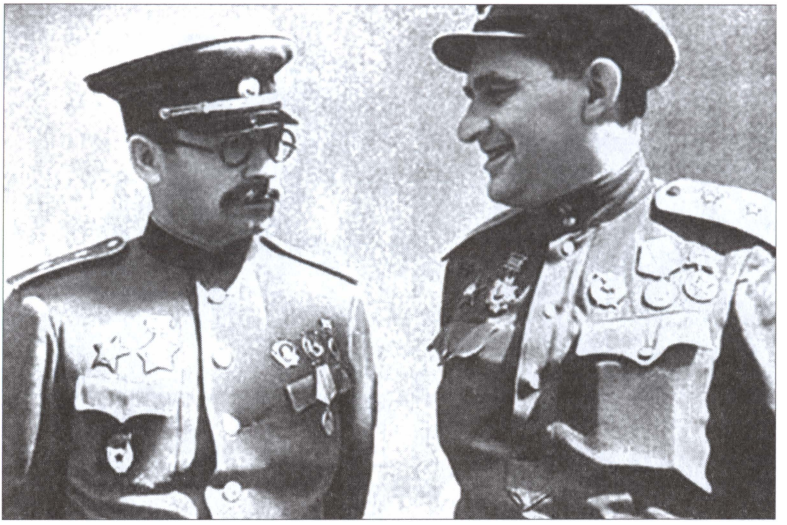
Атака советских танков КВ-1 Сталинградского фронта при поддержке пехоты. 1942 г.

П.А. Ротмистров, главнокомандующий 7-м танковым корпусом, у танка Т-34. 1943 г.

Командующий 5-й гвардейской танковой армией генерал-полковник танковых войск П.А. Ротмистров. 1943 г.



Командующий 5-й гвардейской танковой армией, генерал-лейтенант П.А. Ротмистров (в центре), начальник штаба генерал-майор В.Н. Баскаков (2-й справа). Воронежский фронт, с. Прохоровка. 1943 г.



П.А. Ротмистров и А.С. Жадов в районе Прохоровки. 1943 г.

Прохоровское сражение 12 июля 1943 г.

Генерал-лейтенант
П.А. Ротмистров

На танке

Корсунь-Шевченковская наступательная операция.
Февраль 1944 г.

П.А. Ротмистров дает указания командирам в районе Борисова. 1944 г.

Советские танкисты в освобожденном Минске. 1944 г.

Главный маршал бронетанковых войск П.А. Ротмистров. 1960-е гг.

Танковая рота комсомольца старшего лейтенанта Гончаренко из 87-й танковой бригады первой ворвалась в город. Командирский танк с ходу раздавил 3 противотанковые пушки и уничтожил до 30 гитлеровцев.

В машину, которую вел кандидат в члены партии сержант Гуз, попал вражеский снаряд. Командира убило, а сержанта Гуза тяжело контузило. Пушка вышла из строя. Гитлеровцы бросились к танку, пытаясь поджечь его. Мужественный сержант, собрав последние силы, на полном ходу двинул машину в гущу фашистов.

Танк лейтенанта Поршукова натолкнулся на немецкую засаду из шести танков. Отважный экипаж не дрогнул. В неравном бою он подбил прицельным огнем четыре вражеских танка, а когда у машины были повреждены пушка и ходовая часть, танкисты сняли пулемет и продолжали драться совместно с подоспевшим подкреплением.

Героически сражались танкисты и мотострелки, перехватившие пути отхода противнику из Котельниково. Один лишь пример. Отделение противотанковых ружей младшего сержанта Поркова 2-го мотострелкового батальона 7-й мотострелковой бригады преградило путь вражеской колонне из трех танков и пяти автомашин с пехотой. Казалось бы, устоять против такой силы невозможно. Однако советские воины смело вступили в бой. Два танка и две автомашины врага были подбиты и застопорили движение остальных. Гитлеровцы в панике разбегались, считая, по-видимому, что нарвались на наше крупное подразделение.

К двенадцати часам 29 декабря танкисты и мотострелки корпуса после упорных уличных боев полностью очистили Котельниково от противника, о чем я донес командующему 2-й гвардейской армией генерал-лейтенанту Р.Я. Малиновскому. А на следующий день под рубрикой «В последний час» в газетах было опубликовано сообщение Совинформбюро:

«29 декабря наши войска овладели городом и железнодорожной станцией Котельниково. Захвачены большие трофеи, среди которых много авиационного и танкового имущества, а также 17 исправных самолетов и эшелон с танками. Трофеи подсчитываются...»

Если добавить к этому сообщению, что в наших руках оказалось 800 бочек с горючим, 14 складов, из них 8 с боеприпасами и 6 продовольственных, то трофеи были солидными[31].

В ходе наступления 7-й танковый корпус за четыре дня продвинулся с боями на 80 километров, уничтожил около 2000 вражеских солдат и офицеров, 25 танков, 65 орудий и минометов. Свыше 300 гитлеровцев было взято в плен.

Нас радовало, что наряду с разгромом котельниковской группировки противника, остатки которой, минуя Котельниково, бежали в калмыцкие степи и за Маныч, крупных успехов добились войска Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов, отбросив противника на 150—200 километров. Стремительно наступая на Среднем Дону, они основательно потрепали немецкую оперативную группу «Холлидт», завершили разгром 3-й румынской армии и буквально разнесли в пух и прах 8-ю итальянскую армию, захватив в плен более 15 тысяч ее солдат и офицеров.

Приятно было, что на острие этого сокрушительного удара действовали родные нам танковые и механизированные войска. Упомяну лишь о блестящем успехе 24-го и 17-го танковых корпусов. 24-й танковый корпус под командованием генерал-майора танковых войск В.М. Баданова, громя тылы 8-й итальянской армии, за пять дней наступления продвинулся на 240 километров и 24 декабря захватил станцию Тацинская, уничтожив огромное количество боевой техники противника, в том числе много самолетов. А введенный в прорыв на левом крыле Воронежского фронта 17-й танковый корпус, который возглавлял генерал-майор танковых

войск П.П. Полубояров, после мощного броска по скованной трескучим морозом заснеженной степи овладел городом и станцией Кантемировка, захватив эшелоны с военным имуществом. Оба эти соединения стали гвардейскими и получили почетные наименования: первый — Тацинского, второй — Кантемировского.

30 декабря мы принимали весьма лестные для нас и всего личного состава корпуса поздравления с успехом. Теплые, сердечные приветствия были получены от Военных советов 2-й гвардейской армии и Сталинградского фронта, Котельниковского райкома партии и райисполкома. Не забыл поздравить нас и мой старый сослуживец командующий 5-й ударной армией генерал-лейтенант М.М. Попов.

А в середине дня состоялся массовый митинг жителей Котельниково, бойцов, командиров и политработников корпуса. Когда слово было предоставлено мне, я от имени своих боевых соратников-танкистов заверил Коммунистическую партию и советское правительство, всех присутствующих на митинге, что мы, советские воины, будем и впредь беспощадно громить ненавистного врага, сражаться за освобождение священной советской земли, не жалея своей крови и самой жизни.

Слезы выступали на глазах мужественных, суровых, опаленных пороховым дымом моих боевых собратьев по оружию, когда они слышали душераздирающие рассказы о зверствах фашистов в Котельниково.

После митинга у меня родилась идея отпраздновать нашу победу традиционной встречей наступающего Нового, 1943 года, пригласить на наше торжество командование 2-й гвардейской армии и Сталинградского фронта, А.М. Василевского и других представителей Ставки, командиров бригад и их заместителей, наиболее отличившихся в боях танкистов, партийных и советских руководителей города.

Заместитель командира корпуса по политчасти Н.В. Шаталов возразил:

— Что вы, Павел Алексеевич, война идет, а мы тут праздновать... Начальство наломает нам бока за такое...

— Да брось ты, Николай Васильевич, осторожничать. Что мы, не заслужили? Вот только Вовченко подвел. Опять его ранило.

— Ну раз решено, товарищ генерал, то надо отдать соответствующие распоряжения, — предложил начальник штаба полковник В.Н. Баскаков и, улыбнувшись, добавил: — Расходы, разумеется, за счет противника.

Я посмотрел на Шаталова. Он пожал плечами: делайте, мол, как хотите...

Незадолго до полуночи все было готово. Разделить с нами радость победы прибыли начальник Генерального штаба А.М. Василевский, заместители наркома обороны СССР Я.Н. Федоренко и И.Т. Пересыпкин, из 2-й гвардейской армии — командующий Р.Я. Малиновский, член Военного совета И.И. Ларин и начальник штаба С.С. Бирюзов, партийные и советские руководители города.

Наши гости искренне удивились, когда увидели накрытый всевозможной снедью праздничный стол. Здесь были сыры из Голландии, масло и бекон из Дании, всевозможные рыбные консервы из Норвегии, вина и фрукты из Франции. Рядом стояли со свечами маленькие искусственные елочки.

— Павел Алексеевич, откуда такое богатство?! — воскликнул генерал Бирюзов.

— С немецких продовольственных складов.

— Ох и балуют же вас немцы! — заметил шутя Я.Н. Федоренко.

— Нет, — в тон ответил я, — они, видимо, сами хотели отпраздновать здесь, под Сталинградом, Новый год, да не получилось! Дело в том, что на всех ящиках с этим добром наклеены этикетки: «Только для немцев!» А наши танкисты не умеют читать по-немецки — вот и произошло недоразуме-

ние. Спасибо немцам мы, конечно, не скажем. Вот только свечи, пожалуй, вернем Гитлеру. Пусть зажжет их во время траура по армии Паулюса...

На правах хозяина я пригласил всех к столу и попросил А.М. Василевского как старшего по положению среди присутствующих сказать первое слово.

Александр Михайлович сообщил, что ему звонил И.В. Сталин, поручив передать войскам нашего корпуса благодарность Верховного Главнокомандования за отличную боевую работу и поздравление с одержанной над врагом очень важной победой. Он сказал также, что 7-й танковый корпус преобразовывается в 3-й гвардейский с присвоением ему почетного наименования Котельниковского.

Это сообщение было встречено горячими аплодисментами и троекратным «ура».

Последовали тосты за нашу партию, советский народ и его героическую Красную армию.

Выступивший представитель местной власти заверил, что трудящиеся Котельниково, все жители Котельниковского района навсегда сохранят чувство глубокой благодарности к своим освободителям.

Сейчас одна из улиц города названа улицей Танкистов, другая — именем моего племянника П.Л. Ротмистрова, павшего в боях под Котельниково.

Мне хотелось бы сказать несколько теплых слов об этом офицере, пользовавшемся у нас большим и заслуженным авторитетом. На фронте Петр Леонидович находился с первых дней войны. В битве за Москву занимал скромную должность начальника 5-й ремонтно-восстановительной базы, а в январе 1942 года был назначен помощником командира 3-й гвардейской танковой бригады по технической части. За полтора года войны под его руководством было отремонтировано свыше 750 танков и до 450 автомашин. Это был мастер высокой квалификации. Он, например, добился того,

что после ремонта моторов наших танков они работали по 500 и более часов вместо нормативных 150.

Вместе с тем П.Л. Ротмистров не раз проявлял бесстрашие и мужество, лично эвакуируя подбитые танки с поля боя, нередко под огнем артиллерии и минометов или бомбежкой авиации противника.

Настоящие танкисты любят и почти одухотворяют свою боевую машину. Видел я и их неподдельную радость при возвращении в строй танка, «вылеченного» заботами П.Л. Ротмистрова, труженика и бойца.

* * *

1 января 1943 года директивой Ставки Верховного Главнокомандования Сталинградский фронт был переименован в Южный. Перед ним была поставлена исключительно важная задача — ударами на Новочеркасск, Ростов, Сальск, Тихорецк отрезать немецко-фашистским войскам пути отхода с Северного Кавказа и во взаимодействии с Черноморской группой войск Закавказского фронта окружить и разгромить кавказскую группировку противника.

Судя по глубине ударов, решающую роль должны были сыграть подвижные соединения, а они на нашем фронте к началу наступления имели большой некомплект боевой техники. Уже в первый день после создания Южного фронта его командование обратилось в Ставку с просьбой выделить для имеющихся у него двух механизированных и одного танкового корпусов 300—350 танков. Но был получен ответ, что в ближайшее время эта просьба может быть удовлетворена только наполовину. Тем не менее, даже не получив этой обещанной половины боевых машин, войска фронта начали операцию.

Наш 3-й гвардейский Котельниковский танковый корпус после трехдневного отдыха и ремонта поврежденных танков получил новую боевую задачу — форсированным маршем

выйти в район станиц Семикаракорская, Константиновская, захватить здесь переправу через Дон и обеспечить наступление 2-й гвардейской армии на Новочеркасск, Ростов.

4 января 1943 года войска корпуса в составе 3-й гвардейской тяжелой, 18-й гвардейской (бывшей 62-й), 19-й гвардейской (бывшей 87-й) танковых бригад и 2-й гвардейской (бывшей 7-й) мотострелковой бригады выступили из Котельниково по заранее разработанным маршрутам.

Настроение у гвардейцев было приподнятое, боевое. На митингах, состоявшихся в связи с присвоением корпусу и бригадам гвардейского звания, танкисты и мотострелки перед лицом своих товарищей, перед своим Боевым Знаменем, поклялись Родине, партии, что не посрамят боевой славы Советской гвардии, будут верны своему воинскому долгу и гвардейскому званию до последнего дыхания.

Не омрачала их высокого боевого духа и неблагоприятная погода — лютый холод и снежная пурга. Хорошо еще, что снежный покров был неглубоким. Это позволяло танкам двигаться на предельных скоростях. Громя мелкие группы противника, главным образом отставшие от уходивших за реку Маныч вражеских войск тыловые подразделения, корпус все дальше продвигался на запад, накоротке задерживаясь лишь в полуразрушенных или дотла сожженных хуторах для дозаправки машин и приема личным составом горячей пищи.

Впереди продвигалась 3-я гвардейская танковая бригада. Я рад был, что ее по-прежнему вел И.А. Вовченко — теперь уже не полковник, а гвардии генерал-майор танковых войск. Ранение, полученное им в боях за Котельниково, было серьезным, но крепкий организм переборол недуг.

Кстати, и другие командиры бригад, большинство командиров батальонов и рот тоже были повышены в воинских званиях и удостоены правительственных наград. Мне было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта танковых

войск. Президиум Верховного Совета СССР также наградил меня орденом Суворова II степени за номером 2. Этот орден за номером 1 получил генерал В.М. Баданов, а третий был вручен тоже танкисту — генералу П.П. Полубоярову. Все мы восприняли награждение нас этим высоким полководческим орденом как признание выдающихся заслуг танковых войск в контрнаступлении под Сталинградом и на Среднем Дону.

...К четырнадцати часам 5 января передовой разведывательный отряд 3-й гвардейской танковой бригады вступил в станицу Семикаракорская и в районе Ново-Золотовского захватил небольшой плацдарм на южном берегу Дона. На следующий день главные силы корпуса завязали бой за крупный районный центр станицу Константиновская. Пока он шел, боевая разведка под командованием гвардии капитана Н. Перлика проникла в станицу Богаевская. Комбриг И.А. Вовченко, передав Семикаракорскую подошедшей мотострелковой бригаде, выдвинул свои танки на рубеж Богаевская, хутора Верхне-Соленый и Нижне-Соленый и начал подготовку к захвату переправы через реку Маныч у хутора Веселый.

Главным силам корпуса к этому времени удалось разгромить противника в Константиновской, форсировать Дон и развить наступление на станицу Манычская.

Сопротивление гитлеровцев с каждым днем нарастало, повысилась активность вражеской авиации, нами было установлено прибытие в Батайск крупных танковых сил и выдвижение их к Манычу.

Немецко-фашистское командование, конечно, хорошо сознавало, какую угрозу таит в себе продвижение советских войск в ростовском направлении, и принимало экстренные меры по усилению этого направления, особенно в нижнем течении Дона и Маныча.

Уже в первых числах января сюда началась переброска с Северного Кавказа частей 1-й немецкой танковой армии.

И как только наш корпус форсировал Манычский канал, немедленно последовали яростные контратаки танков и мотопехоты противника, особенно на рубеже станица Манычская, хутор Резников. Для отражения натиска гитлеровцев пришлось ввести в бой основные силы корпуса. Разгорелись упорные и очень тяжелые для нас бои.

Положение усугублялось тем, что наступил острый кризис в снабжении войск боеприпасами и особенно горючим. Армейские базы находились от нас очень далеко, на расстоянии 350—400 километров, а фронтовые — еще дальше. Они остались на тех же местах, где были, когда существовал еще Сталинградский фронт, и могли использовать для подвоза войскам всего необходимого единственную, и то сильно разрушенную противником, железную дорогу Сталинград — Тихорецк, от которой наш корпус тоже был на большом удалении.

Начальник штаба корпуса полковник В.Н. Баскаков по моему указанию то и дело докладывал штабу 2-й гвардейской армии о нашем бедственном положении со снабжением. Но толку от этого не было.

Наконец на мой КП приехали командующий фронтом генерал-полковник А.И. Еременко, член Военного совета фронта Н.С. Хрущев и командующий 2-й гвардейской армией генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский.

Я доложил им, что сопротивление противника возрастает, а корпус находится на голодном пайке по всем видам снабжения.

А.И. Еременко, крайне расстроенный, опираясь на трость (у него разболелись старые раны), взволнованно ходил по комнате и раздраженно говорил:

— У меня нет ничего, а задачу следует выполнять! Надо взять Ростов — там у немцев всего полно.

— Ну и как же мы будем...

— Слушай, — перебил меня А.И. Еременко. — Ты возглавишь механизированную группу. Я передаю в твое подчинение второй и пятый гвардейские механизированные корпуса. Объединяйте свои танки, сливайте горючее из подбитых и вышедших из строя машин. Делайте все, что хотите, но овладейте Батайском и Ростовом. Больше того, я подброшу тебе аэросанные батальоны. Они нагонят немцам страху...

Я впервые услышал об аэросанных батальонах и в недоумении спросил:

— А что это такое?

— Фанерные ящики с пропеллером на лыжах, — иронически усмехнулся Р.Я. Малиновский.

Потом, когда мне довелось увидеть эту диковинку, я не мог не поразиться нелепости затеи ее создателей. В аэросанях был установлен пулемет и сидело несколько автоматчиков. Предполагалось, что применение этих машин при боевых действиях в зимних условиях даст большой эффект, особенно в моральном отношении.

Но на поверку оказалось, что аэросани не годятся не только как боевые машины, но даже и как средство передвижения, особенно на Дону, где мороз зимой нередко чередуется со слякотью и даже дождем. Аэросани часто терпели аварии, а главное — были легкой добычей вражеской авиации.

Командование фронта и армий уехало, а на следующий день поступил приказ о подчинении мне 2-го и 5-го гвардейских механизированных корпусов, которые вместе с 3-м гвардейским танковым корпусом временно объединялись в механизированную группу. Но оказалось, что механизированные корпуса имели на ходу мизерное количество танков и тоже испытывали острую нужду в боеприпасах и горючем.

После обмена мнениями с командирами корпусов генералами К.В. Свиридовым и Б.М. Скворцовым я принял решение создать, насколько это будет возможно, сильный

авангард, вернее, передовой отряд мехгруппы и сосредоточить его за 3-й гвардейской танковой бригадой. Эта бригада в течение 24—25 января отражала атаки противника силою от 40 до 50 танков и двух полков мотопехоты. За два дня ожесточенных боев она уничтожила 20 немецких танков, 17 автомашин с пехотой, 2 бронемашины, 2 шестиствольных миномета, до 850 солдат и офицеров. Наши зенитчики сбили 3 вражеских самолета.

Успех бригады генерала И.А. Вовченко позволил ночью ввести в сражение передовой отряд с задачей стремительным броском перерезать железную дорогу Тихорецк — Ростов и овладеть Батайском.

Вскоре отряду в составе 8 танков Т-34, Т-70, 5 бронемашин, 9 бронетранспортеров и 200 автоматчиков, возглавляемому командиром 19-й гвардейской танковой бригады гвардии полковником А.В. Егоровым, удалось, двигаясь по маршруту Малая Западенка, Красный, Койсуг, перерезать железную дорогу, уничтожить под Батайском 10 самолетов, 2 орудия, тяжелый миномет и атаковать город.

Однако Батайск оказался сильно укрепленным. Противник открыл по отряду мощный противотанковый огонь, подбил 5 наших танков Т-34 и 2 Т-70, а затем крупными силами перешел в контратаку. Отбиваясь от наседавшего противника, Егоров вынужден был занять круговую оборону в районе совхоза имени В.И. Ленина и поселка имени ОГПУ.

Предпринятое в этот же день наступление главных сил 2-го и 5-го гвардейских механизированных корпусов в направления станицы Ольгинская тоже не увенчалось успехом. К вечеру они вели бои с противником на рубеже Манычская, Самодуровка, Красный Лес.

В течение двух дней отряд полковника Егорова вел тяжелые бои в окружении, израсходовав почти все снаряды. В связи с тем что кончалось и горючее, я приказал Егорову

ночью пробиваться на север, организовав навстречу ему удар 3-й гвардейской танковой бригады. Маневр был проведен удачно, и остатки группы Егорова соединились с главными силами корпуса.

26 января мною было направлено командующему 2-й, гвардейской армией донесение, в котором я докладывал, что части механизированной группы 24, 25 и 26 января вели упорные бои с превосходящими силами противника, подошедшими с юга, в составе 120—150 танков, 3—4 полков мотопехоты при очень активной поддержке авиации и артиллерии, что в этих боях мы понесли большие потери как в личном составе, так и в материальной части и артиллерии. Сообщалось, что противник, опасаясь захвата силами механизированной группы Батайска, на участке Манычская, Красный подвел крупные части из основных сил кавказской армии с задачей отбросить войска механизированной группы, подошедшие уже р Ольгинской, за реку Маныч. В заключение делался вывод, что части механизированной группы в результате сложившейся обстановки и тяжелых потерь сейчас самостоятельных действий вести не могут.

* * *

Командующий 2-й гвардейской армией Р.Я. Малиновский, видимо, сумел убедить командующего фронтом, что при таком положении мехгруппа действительно наступать не в состоянии. На следующий день мне было приказано отвести ее на северный берег Маныча и занять жесткую оборону.

Конечно, мы сознавали исключительное стратегическое значение Ростова, являвшегося воротами на Северный Кавказ, и были огорчены, что не смогли прорваться к этому городу, перехватить пути отхода кавказской группировки фашистов. Но вместе с тем, если объективно оценить обстановку,

учесть наличие крупных сил и средств противника в этом районе, истощение своих войск, то у нас не оставалось никаких сомнений, что дальнейшее наступление не только бесплодно, но и чревато тяжелыми последствиями. Следовало пополнить войска личным составом и материальной частью, подтянуть далеко отставшие тылы, подвезти боеприпасы, горючее и продовольствие, а затем уже развивать наступление, начатое под Сталинградом и на Среднем Дону.

В первых числах февраля, когда мы занимались этой работой, восстанавливая боевую мощь корпуса, поступило волнующее сообщение о капитуляции сталинградской группировки противника. Все были вне себя от радости, которую многие бойцы и командиры выражали такой пальбой из автоматов и пистолетов, что мне в целях экономии патронов пришлось срочно отдать строгое распоряжение о прекращении самовольной стрельбы.

Вскоре стали известны и результаты операции войск Донского фронта по разгрому противника в районе Сталинграда. Они уже не раз приводились в нашей военно-исторической и мемуарной литературе.

Разгромив гитлеровские войска между Волгой и Доном, Советские Вооруженные Силы основательно надломили гигантскую фашистскую военную машину, полностью и окончательно взяли в свои руки стратегическую инициативу, перешли в наступление на огромном фронте от Ленинграда до Новороссийска и внесли решающий вклад в достижение коренного перелома не только в Великой Отечественной, но и во всей Второй мировой войне.

«Для Германии, — пишет в своей книге «Поход на Сталинград» бывший гитлеровский генерал Г. Дёрр, — битва под Сталинградом была тягчайшим поражением в ее истории, для России — ее величайшей победой»[32].

Да, это так, что впоследствии признавали даже самые реакционные военные историки Запада.

Глава четвертая
ТАНКИ ПРОТИВ ТАНКОВ

Боевой опыт в контрнаступлении Красной армии под Сталинградом и на Среднем Дону убедительно доказал, что советские танковые войска могут добиваться решающих успехов, когда они при поддержке мощной противотанковой артиллерии и авиации действуют массированно на направлениях главных ударов.

К тому времени наша танковая промышленность уже набрала высокие темпы выпуска бронетанковой техники. Это позволило продолжать формирование новых отдельных танковых и механизированных корпусов, а также объединять их в танковые армии.

В середине февраля 1943 года, когда 3-й гвардейский Котельниковский танковый корпус приводил себя в порядок после тяжелых боев под Батайском и Ростовом, меня вызвали к командующему войсками Южного фронта генерал-полковнику Р.Я. Малиновскому, сменившему на этом посту генерал-полковника А.И. Еременко.

— Вы, Павел Алексеевич, — сказал Родион Яковлевич, — как говорится, танкист до мозга костей, притом убежденный сторонник массированного применения танков. В Ставке Верховного Главнокомандования и на военных советах фронтов обсуждается вопрос о формировании танковых армий. Москва интересуется мнением командиров танковых корпусов, в частности вашими взглядами на то, какой должна быть танковая армия.

— Кстати, мне только что звонил из Генштаба генерал Боков, — вмешался в разговор член Военного совета фронта Н.С. Хрущев. — Он ждет вас и при необходимости организует встречу с товарищем Сталиным.

— Что ж, я готов доложить свое мнение Верховному Главнокомандующему, — заверил я.

— Вот и хорошо, Павел Алексеевич, — улыбнувшись, сказал Р.Я. Малиновский. — Отправляйтесь в Москву.

Командующий фронтом приказал мне возложить временное командование корпусом на генерала А.И. Вовченко и по прибытии в Москву до встречи с Ф.Е. Боковым переговорить с командующим бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии Я.Н. Федоренко.

На следующий день я самолетом прибыл в столицу. Москва встретила шумным оживлением, сигналами большого потока автомашин и перезвоном трамваев. Было заметно, что большинство москвичей в хорошем, бодром настроении. Их, как и весь наш народ, радовали крупные победы советских войск. И улицы выглядели более просветленными: громоздившиеся на них в 1942 году различные оборонительные сооружения были убраны. Правда, в окнах домов виднелись приспущенные черные полотнища — по ночам еще соблюдалась светомаскировка.

После беседы со мной генерал Я.Н. Федоренко сказал, чтобы я ехал в Генштаб, к Ф.Е. Бокову.

Федор Ефимович принял меня душевно, подробно информировал о существе дела, по которому я вызван с фронта.

— Вопрос, о реорганизации созданных еще в прошлом году танковых армий смешанного состава, — говорил он, — уже давно назрел. Опыт показал, что управлять армией, имеющей в своем составе танковые, пехотные и кавалерийские соединения с различной степенью подвижности и маневренности, весьма сложно, особенно в наступлении. Вам, Павел Алексеевич, как теоретику и практику, видимо, это хорошо известно.

— Положим, Федор Ефимович, теоретиком в полном смысле этого слова я себя не считаю. А практика со всей очевидностью установила, что для развития успеха на большую глубину в крупных наступательных операциях войска фронта или фронтов должны иметь высокоподвижные, обла-

дающие большой ударной силой и огневой мощью танковые соединения и объединения. Только они могут решать задачи такого рода, обеспечить массирование танков на важнейших направлениях и в решающий момент.

— Яков Николаевич Федоренко сообщил мне, что вы просите организовать вам встречу с товарищем Сталиным. Это так? — спросил Ф.Е. Боков.

— Вообще-то с такой просьбой к генералу Федоренко я не обращался, а говорил ему лишь о готовности доложить Верховному свое мнение по обсуждаемому в Ставке вопросу...

Тут на столе у Федора Ефимовича зазвонил телефон.

— Слушает Боков, — поднял трубку генерал. — Здравствуйте, товарищ Сталин! Сию минуту... — Он торопливо раскрыл папку, доложил Верховному последнюю сводку с фронтов, затем, ответив на несколько вопросов Сталина, скосил взгляд на меня и сказал: — Прибыл с Южного фронта генерал Ротмистров. Прошу, товарищ Сталин, чтобы вы его приняли.

Лицо Бокова расплылось в широкой улыбке. Видимо, Сталин сказал что-то шутливое.

— Слушаюсь! — погасив улыбку, коротко ответил генерал и положил трубку. Боков встал и, кивнув на телефонный аппарат, весело сказал: — Хорошее настроение у Верховного... Велел вас приглашать. Примет сразу же после моего доклада о положении на фронтах...

Он тут же позвонил секретарю И.В. Сталина А.Н. Поскребышеву и заказал для меня пропуск.

Вечером мы прибыли в Кремль.

В приемной Верховного находился только Поскребышев. Поздоровавшись, он, обращаясь к Бокову, сказал, что И.В. Сталин беседует с группой конструкторов и просит немного подождать.

Вскоре высокая дверь раскрылась, и из кабинета Сталина начали выходить конструкторы, перебрасываясь короткими фразами и угощая друг друга папиросами.

Пригласили Ф.Е. Бокова, а я остался в приемной наедине с Поскребышевым, который, казалось, не замечал меня, сосредоточенно разбирая документы и отвечая на телефонные звонки.

Присев по его приглашению на стул, я обдумывал, как более коротко и четко доложить Верховному свое мнение, зная, что он не любит пространных рассуждений.

И вот наконец Поскребышев предложил мне зайти в кабинет Верховного Главнокомандующего. За длинным столом сидели члены Политбюро ЦК ВКП(б), Ставки и правительства. Почему-то в первое мгновение мой взгляд скользнул по лицу В.М. Молотова, поправлявшего пенсне. Сталин, стоявший в глубине кабинета с неизменной трубкой в слегка согнутой руке, медленно двинулся мне навстречу. Я остановился и по-уставному доложил о прибытии по его приказанию.

— Я вам не приказывал, я вас приглашал, товарищ Ротмистров, — подал мне руку Сталин. — Рассказывайте, как громили Манштейна.

Меня это несколько смутило: ведь Верховному наверняка в подробностях было известно о боях с войсками противника, рвавшимися на выручку группировке Паулюса, окруженной под Сталинградом. Но коли он спрашивает, я начал рассказывать, анализируя эти бои, тактику действий 3-го гвардейского танкового корпуса в наступлении на Рычковский и Котельниково.

Сталин бесшумно прохаживался вдоль стола, изредка задавая мне короткие вопросы. Внимательно слушали меня и все присутствующие. Мне даже подумалось, что Верховный предложил рассказать про бои с Манштейном скорее всего именно для них.

Как-то незаметно Сталин перевел разговор на танковые армии.

— Наши танковые войска, — сказал он, — научились успешно громить противника, наносить ему сокрушительные

и глубокие удары. Однако почему вы считаете нецелесообразным иметь в танковой армии и пехотные соединения?

Верховный остановился и прищуренным взглядом пристально посмотрел мне в глаза. Я понял, что кто-то сообщил ему мое мнение.

— При наступлении стрелковые дивизии отстают от танковых корпусов. При этом нарушается взаимодействие между танковыми и стрелковыми частями, затрудняется управление ушедшими вперед танками и отставшей пехотой.

— И все же, — возразил Сталин, — как показали в общем-то смелые и решительные действия танкового корпуса генерала Баданова в районе Тацинской, танкистам без пехотинцев трудно удерживать объекты, захваченные в оперативной глубине.

— Да, — согласился я. — Пехота нужна, но моторизованная. Именно поэтому я считаю, что в основной состав танковой армии помимо танковых корпусов должны входить не стрелковые, а мотострелковые части.

— Вы предлагаете пехоту заменить механизированными частями, а командующий танковой армией Романенко доволен стрелковыми дивизиями и просит добавить ему еще одну-две такие дивизии. Так кто же из вас прав? — спросил молчавший до этого В.М. Молотов.

— Я доложил свое мнение, — ответил я. — Считаю, что танковая армия должна быть танковой не по названию, а по составу. Наилучшим ее организационным построением было бы такое: два танковых и один механизированный корпус, а также несколько полков противотанковой артиллерии. Кроме того, следует обеспечить подвижность штабов и надежную радиосвязь между ними, частями и соединениями...

И.В. Сталин внимательно слушал меня, одобрительно кивал и, улыбаясь, посматривал на В.М. Молотова, который вновь перебил меня вопросом:

— Выходит, вы не признаете противотанковые ружья, если, по существу, хотите их заменить противотанковой

артиллерией. Но они ведь успешно используются против танков и огневых точек. Разве не так?

— Дело в том, товарищ Молотов, что противотанковые ружья были и остаются эффективным средством борьбы с танками противника в оборонительных операциях, когда огонь ведется из окопов с расстояния не более трехсот метров. А в маневренных условиях они не выдерживают единоборства с пушечным огнем вражеских танков, открываемым на дистанции пятьсот метров и больше. Поэтому и желательно иметь в танковых и механизированных корпусах хотя бы по одной противотанковой бригаде.

Обсуждение вопроса продолжалось около двух часов. И.В. Сталина заинтересовали и высказанные мною взгляды на применение танковых армий в наступательных операциях. Они сводились к тому, что танковые армии следует использовать как средство командующего фронтом или даже Ставки Верховного Главнокомандования для нанесения массированных ударов прежде всего по танковым группировкам противника на главных направлениях без указания им полос наступления, которые лишь сковывают маневр танков.

Чувствовалось, что Сталин хорошо понимает значение массированного применения танковых войск и не одного меня заслушивал по этому вопросу.

— Придет время, — сказал он, как бы вслух размышляя, — когда наша промышленность сможет дать Красной армии значительное количество бронетанковой, авиационной и другой боевой техники. Мы скоро обрушим на врага мощные танковые и авиационные удары, будем беспощадно гнать и громить немецко-фашистских захватчиков. — Сталин заглянул в лежавший на столе блокнот и снова двинулся по кабинету, продолжая рассуждать: — Уже сейчас у нас имеется возможность для формирования новых танковых армий. Вы могли бы возглавить одну из них, товарищ Ротмистров?

— Как прикажете, — быстро поднялся я со стула.

— Вот это солдатский ответ, — сказал Верховный и, снова пристально посмотрев на меня, добавил: — Думаю, потянете. Опыта и знаний у вас хватит.

У присутствовавших, вероятно, были дела, требовавшие срочных решений Сталина, и, считая, что наш разговор затянулся, они начали проявлять заметное нетерпение. Сталин уловил это и попрощался.

Через день я был вызван в Генштаб. Там уже находился командующий бронетанковыми и механизированными войсками генерал-полковник Я.Н. Федоренко. Генерал Боков сообщил, что при его очередном докладе И.В. Сталину Верховный полностью одобрил высказанные мною предложения и подписал директиву о формировании 5-й гвардейской танковой армии, поручив Генштабу совместно с управлением Я.Н. Федоренко тщательно разработать проект структуры новых танковых армий.

Одновременно был подписан приказ о назначении командования 5-й гвардейской танковой армии. Командармом назначался я, моим первым заместителем — генерал-майор И.А. Плиев, вторым — генерал-майор К.Г. Труфанов, членом Военного совета — генерал-майор танковых войск П.Г. Гришин и начальником штаба армии — полковник В.Н. Баскаков.

— А ты опять улизнул от меня, — лукаво посмеиваясь, сказал Я.Н. Федоренко. — Честно говоря, упрашивал я товарища Сталина назначить тебя моим заместителем. Но он ответил как отрезал: «Канцеляристов и так в Москве развелось много!»

Радовало, что моими заместителями были назначены опытные генералы, служившие в коннице — родоначальнице и носительнице маневра, хорошо знавшие тактику подвижных родов войск.

К Иссе Александровичу Плиеву я проникся искренним уважением еще в ходе боев под Сталинградом. Это был ко-

мандир твердого характера, смелый и решительный. К сожалению, наша совместная служба оказалась непродолжительной. Еще до начала боевых действий 5-й гвардейской танковой армии его назначили на должность заместителя командующего Степным округом (в последующем преобразованным в Степной фронт) по кавалерии.

Генералов К.Г. Труфанова и П.Г. Гришина я лично не знал, но их биографические данные, с которыми меня ознакомили, говорили сами за себя.

Кузьма Григорьевич Труфанов — член большевистской партии с 1924 года, активный участник Гражданской войны, за подвиги в боях против белогвардейцев и контрреволюционных банд был награжден двумя орденами Красного Знамени. В действующую армию он прибыл с должности начальника Ташкентского кавалерийского училища.

Петр Григорьевич Гришин вступил в члены ВКП(б) в 1930 году, показал незаурядные способности на политработе, участвуя в боях с первых дней войны, до назначения членом Военного совета 5-й гвардейской танковой армии занимал должность заместителя командира 6-го танкового корпуса по политчасти.

Лучше всех я знал полковника, а с 7 июня генерал-майора танковых войск Владимира Николаевича Баскакова — бывшего начальника штаба 3-го гвардейского танкового корпуса, образованного офицера, хорошо знавшего штабную работу и обладавшего завидным упорством в труде.

Вскоре мы приступили к решению многочисленных организационных вопросов, разработке плана боевой и политической подготовки личного состава соединений и армейских частей, приему эшелонов с пополнением, техникой, боеприпасами и различными военными грузами.

Первоначально в состав армии включались 3-й гвардейский Котельниковский и 29-й танковые корпуса, 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус,

6-я зенитно-артиллерийская дивизия РГК, 1-й отдельный гвардейский мотоциклетный, 678-й гаубичный артиллерийский, 76-й гвардейский минометный, 994-й отдельный авиационный, 108-й и 689-й истребительно-противотанковый артиллерийские полки, 4-й отдельный полк связи и 377-й отдельный инженерный батальон[33]. 3-й гвардейский Котельниковский танковый корпус генерал-майора танковых войск И.А. Вовченко срочно убыл под Харьков, и в основном составе армии остались пока что два корпуса — 29-й танковый и 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный.

Нужно сказать, что они по численности, боевому опыту и боевым возможностям имели свои отличия. 5-й гвардейский механизированный корпус генерал-майора танковых войск Бориса Михайловича Скворцова (начальник штаба генерал-майор танковых войск Иван Васильевич Шабаров) проявил себя в Сталинградской битве, особенно под Зимовниками, Цимлянской, в междуречье Волги и Дона. Но после тяжелых боев в районе Ростова в корпусе недоставало 2000 солдат и офицеров и 204 танка. Надо было в короткие сроки восстановить боевую мощь соединения и обучить новое пополнение на опыте минувших сражений, в совершенно иных условиях боевой деятельности.

29-й танковый корпус формировался из отдельных танковых бригад, ранее действовавших в качестве соединений непосредственной поддержки пехоты. Командиру корпуса генерал-майору танковых войск Федору Георгиевичу Аникушкину и его штабу во главе с полковником Евгением Ивановичем Фоминых надлежало свести бригады в единый боевой организм, способный смело и решительно действовать в оперативной глубине, а самое главное — наносить массированные танковые удары по танковым группировкам противника во встречных сражениях и наступательных операциях. Для решения таких задач необходимо было не только изменить тактические приемы применения танков

в бою, но и психологически подготовить личный состав бригад к новым формам боя.

27 апреля 1943 года в командование 29-м танковым корпусом вступил генерал-майор танковых войск Иван Федорович Кириченко, очень опытный танковый командир, возглавлявший в Московской битве 9-ю танковую бригаду. Под его энергичным руководством началась упорная и напряженная работа по сколачиванию танковых экипажей, взводов, рот и батальонов. Личный состав стремился максимально использовать имевшееся время для изучения накопленного боевого опыта, приказов и наставлений по боевому использованию родов войск, прежде всего танков, в различных видах боя, с учетом условий ведения маневренной войны. Совершенствовали также свое огневое мастерство орудийные и минометные расчеты, стрелки и пулеметчики, готовились к боям связисты, саперы, воины всех специальностей.

Боевая учеба сочеталась с воспитанием у личного состава высоких морально-боевых качеств — мужества, стойкости, смелости, воли и отваги, чувства ответственности за выполнение поставленных задач, горячей любви к Родине и беззаветной преданности Коммунистической партии.

Предметом особой заботы Военного совета армии, командиров и политорганов было всемерное повышение уровня партийно-политической работы, укрепление партийных и комсомольских организаций частей и подразделений. На 1 апреля 1943 года у нас насчитывалось 2158 членов, 1675 кандидатов в члены партии и 5142 комсомольца. Активно работали 130 первичных, 212 ротных партийных организаций и 10 партгрупп, 124 первичные и 322 ротные комсомольские организации. Только в марте 1943 года в партию вступили 196 бойцов и командиров, а в комсомол — 265 молодых воинов[34].

Формированию, укомплектованию 5-й гвардейской танковой армии личным составом и техникой, подготовке к от-

правке ее на фронт большое внимание уделялось Ставкой Верховного Главнокомандования и Генеральным штабом. Меня неоднократно вызывали в Москву с докладами о ходе боевой подготовки и материального обеспечения войск, во всем оказывали помощь.

При посещении столицы мне довелось встречаться с рядом партийных и государственных деятелей, известными писателями и журналистами.

Запомнились теплые, душевные беседы с А.И. Микояном, который, будучи членом Государственного Комитета Обороны, руководил снабжением Красной армии продовольствием, обмундированием, горючим, боеприпасами и другими материальными средствами. Благодаря его вниманию и заботе 5-я гвардейская танковая армия за короткий срок была обеспечена всем необходимым.

Очень взволновала встреча с М.И. Калининым во время вручения правительственных наград. Михаил Иванович сердечно поздравил награжденных, рассказал о героическом труде советского народа во имя победы и призвал к быстрейшему освобождению родной земли от немецко-фашистских захватчиков.

Вручая мне орден Суворова II степени, он просил передать горячий привет и добрые пожелания героям-танкистам, сказал, что вся страна восхищена их подвигами и ждет новых побед над ненавистным врагом.

Однажды к себе в гости меня пригласил А.Н. Толстой. Замечательного советского писателя очень интересовало, как он признался, живое слово фронтовика.

— Я представлял вас несколько иным, — сказал, здороваясь, Алексей Николаевич, — этаким лихим, разудалым командиром. А в вашем облике есть что-то профессорское.

— Очки подводят. Впрочем, если бы не война, может, и стал бы профессором, — пошутил я.

Толстой сказал, что желание побеседовать со мной у него появилось после того, как он прочитал в газете «Красная звезда» статью под названием «Мастер вождения танковых войск», в которой рассказывалось обо мне.

Задушевная беседа у нас продолжалась, вероятно, часа два. Писатель расспрашивал меня о боевых действиях танковых войск, тактических приемах и конкретных примерах героизма танкистов.

— Наши командиры и бойцы научились воевать по-настоящему, — не без гордости говорил я. — Тактика теперь проверена у нас на практике: стремительный натиск крупных масс танков на главном направлении удара. Это как нельзя более соответствует природе танковых войск, сила которых заключается не только в их броне и огне, но и в высокой подвижности. И второе — мы прилагаем все усилия к тому, чтобы сохранить за собой поле боя, если даже у нас много подбитых танков.

— Простите за сугубо штатский, может быть, наивный вопрос: почему? — спросил Алексей Николаевич.

— Потому что поврежденные танки мы исправим в походных мастерских, и они снова встанут в строй. В начальный период войны мы были не в силах, а иногда и просто не умели этого делать. Поэтому наши подбитые танки попадали в руки противника. Теперь картина другая...

Касаясь итогов Сталинградской битвы, Алексей Николаевич говорил:

— Уничтожение шестой армии фон Паулюса под Сталинградом оказалось для немцев большой катастрофой... Немцы начали сомневаться в непогрешимости своих генералов и с нарастающей тревогой страшатся окружения. После Сталинграда только глупец может сомневаться в грядущей полной победе советских войск. — Он на минуту умолк, приподняв свою массивную, лобастую голову, затем, глубоко вздохнув, добавил: — Эх, найдется ли у нас такой гигант в литературе,

как Лев Толстой, способный создать об этой войне такое же эпическое полотно, как «Война и мир»?..

И я тогда подумал, что самому ему под силу создание такого произведения...

* * *

...К середине марта штаб армии, армейские части, главные силы 29-го танкового и 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпусов сосредоточились в Миллерово. Однако гитлеровцы, видимо, обнаружили здесь большое скопление наших танков и подвергли нас сильной бомбардировке. Под удар авиации противника попали и стоявшие на станции эшелоны полевого управления армии. Но потерь мы не понесли. Выручили отлично подготовленные расчеты частей 6-й зенитно-артиллерийской дивизии, которой командовал гвардии полковник Г.П. Межинский. Метким и плотным огнем они отогнали фашистские самолеты, принудив их сбрасывать бомбовый груз где попало.

На фронте в то время немецко-фашистские танковые и моторизованные соединения, вновь захватив Харьков, теснили войска нашего Юго-Западного фронта в Донбассе на восток, к Северскому Донцу. Воронежский фронт войсками левого крыла тоже отошел за Северский Донец, оставив Белгород.

Командование Степного военного округа, в состав которого вошла 5-я гвардейская танковая армия, приняло решение передислоцировать ее ближе к фронту, в район города Острогожска.

Здесь продолжалась плановая боевая учеба частей и соединений армии. Большое внимание уделялось подготовке штабов. На командно-штабных учениях и ежедневных тренировках отрабатывались вопросы управления войсками, организации устойчивой связи, непрерывного взаимодействия между танками, пехотой, артиллерией и авиацией в различ-

ных условиях боевой обстановки, изучались особенности ввода танковой армии в прорыв в целях развития тактического успеха в оперативный, боевые действия в глубине обороны противника, способы окружения и уничтожения крупных группировок врага, нанесения фланговых ударов во взаимодействии с войсками, наступающими с фронта.

Подготовка штабов завершилась в июне большими армейскими командно-штабными учениями, на которых мы с удовлетворением убедились, что штабы стали надежными органами управления войсками.

Подводя итоги боевой учебы, мы доложили Военному совету Степного округа, что по своей подготовленности штабы могут справиться с задачами управления боем в сложной обстановке, а соединения и части сколочены и готовы к выполнению боевых задач.

* * *

Был на исходе июнь 1943 года. Все острее ощущалось приближение грозных событий. По тем данным, которыми мы располагали, можно было предположить, что они развернутся на орловско-курском и белгородско-харьковском направлениях. Здесь советские войска после овладения Курском продвинулись на запад до линии Севск, Рыльск, Сумы. Образовался так называемый Курский выступ. Дугообразная конфигурация фронта при наличии у противника крупных группировок севернее выступа, в районе Орла, и южнее, в районе Белгорода, позволяла ему нанести встречные удары на Курск в целях окружения и уничтожения главных сил наших Центрального и Воронежского фронтов с последующим развитием наступления в восточном направлении.

Осуществление таких ударов, как известно, являлось излюбленной и хорошо освоенной формой оперативного маневра немецко-фашистских войск, и гитлеровское командование, конечно, не могло не воспользоваться сложившейся

ситуацией — попытаться взять реванш за. поражение в зимней кампании, чтобы вновь овладеть стратегической инициативой и повернуть ход войны в свою пользу.

В то время гитлеровская армия представляла еще достаточно мощную силу, способную выдержать длительную и напряженную борьбу. Путем спешно проведенной тотальной мобилизации фашистскому руководству удалось значительно восполнить потери в личном составе войск и довести общую численность вооруженных сил до 10,3 миллиона человек, из которых около 5,3 миллиона находилось в действующей армии[35]. Одновременно было резко увеличено производство вооружения, выпуск которого к концу лета намечалось довести до наивысшего уровня.

Для восстановления военного и политического престижа фашистской Германии, упавшего в глазах ее союзников после сокрушительных зимних поражений, Гитлеру нужна была крупная победа, и он шел на все, чтобы ее добиться.

Как стало известно позже, уже в середине апреля гитлеровское командование завершило разработку плана крупнейшей стратегической наступательной операции на советско-германском фронте, получившей кодовое наименование «Цитадель». Этим планом предусматривалось развернуть мощное наступление именно в районе Курска силами групп армий «Центр» и «Юг» с использованием их нависающего положения над флангами советских войск, занимавших Курский выступ.

К операции привлекалось до 50 полностью укомплектованных, наиболее боеспособных немецких дивизий, в том числе 14 танковых и 2 моторизованные, 2 танковые бригады, 3 отдельных танковых батальона, 8 дивизионов штурмовых орудий, а всего — около 70 процентов танковых и до 30 процентов моторизованных соединений, действовавших против Красной армии[36].

Большие надежды гитлеровцы возлагали также на новейшую боевую технику — средние и тяжелые танки T-V

(«пантера») и Т-VI («тигр»), самоходные орудия «фердинанд», самолеты «Фокке-Вульф-190А» и «Хеншель-129», имевшие сильное пушечное и пулеметное вооружение.

Советские войска тоже активно готовились к наступлению. Бывая в штабе Степного военного округа, я был ориентирован, что немецко-фашистской группировке на Курской дуге противостояли войска двух наших фронтов — Центрального под командованием генерала армии К.К. Рокоссовского и Воронежского, которым командовал генерал армии Н.Ф. Ватутин. Эти талантливые советские военачальники хорошо были знакомы мне.

Непосредственно за Центральным и Воронежским фронтами находился Степной военный округ, вскоре преобразованный в Степной фронт, возглавляемый генерал-полковником И.С. Коневым. «Степному фронту, — писал Г.К. Жуков, — отводилась весьма важная роль. Он не должен был допустить глубокого прорыва наступавшего противника, а при переходе наших войск в контрнаступление его задача заключалась в том, чтобы нарастить мощь удара наших войск из глубины. Расположение войск фронта на значительном удалении от противника обеспечивало ему свободный маневр всеми силами фронта или частью их»[37].

Таким образом, войска Степного фронта готовились и обороняться, и наступать, опираясь на создаваемый им рубеж и на государственный рубеж обороны по левому берегу Дона.

Готовилась к решительным боевым действиям и наша армия. Получив сведения о том, что гитлеровцы в предстоящих боях применят новые танки, и узнав их тактико-технические данные, мы внесли соответствующие поправки в подготовку экипажей и артиллерийских расчетов. С командирами батальонов, полков, бригад и корпусов были проведены специальные занятия, а также детальная рекогносцировка наиболее вероятных маршрутов на обоянском и белгородском направлениях.

Армия могла вступить в сражение непосредственно с марша. Поэтому мы заблаговременно создали передовой сводный отряд в составе 53-го гвардейского танкового, 1-го отдельного гвардейского мотоциклетного и 678-го гаубичного артиллерийского полков. Командование этим отрядом было возложено на заместителя командующего армией генерал-майора К.Г. Труфанова.

Основной упор при подготовке частей отряда делался на изучение способов действий в качестве авангарда армии и в отрыве от ее главных сил на 100—150 километров. В завершение подготовки провели тактическое учение с боевой стрельбой на тему: «Действия передового отряда по захвату и удержанию выгодного рубежа». Присутствовавшие на учениях представители командования Степного фронта дали высокую оценку боеспособности войск 5-й гвардейской танковой армии.

...5 июля 1943 года начальник штаба Степного фронта генерал-лейтенант М.В. Захаров сообщил мне по телефону, что на Центральном и Воронежском фронтах завязались ожесточенные бои.

— В основной состав вашей армии дополнительно включается восемнадцатый танковый корпус генерала Б.С. Бахарова. Свяжитесь с ним. Приведите все войска армии в полную боевую готовность и ждите распоряжений, — потребовал он.

А на следующий день в армию прилетел командующий Степным фронтом генерал-полковник И.С. Конев. Он уже более подробно информировал меня о боевой обстановке.

— Наиболее мощный удар противник наносит на курском направлении из района Белгорода. В связи с этим, — сказал Иван Степанович, — Ставка приняла решение о передаче Воронежскому фронту вашей и пятой гвардейской армий. Вам надлежит в очень сжатые сроки сосредоточиться вот здесь. — Командующий очертил красным карандашом район юго-западнее Старого Оскола.

Примерно через час после того, как улетел И.С. Конев, позвонил по ВЧ И.В. Сталин.

— Вы получили директиву о переброске армии на Воронежский фронт? — спросил он.

— Нет, товарищ Иванов, но об этом я информирован товарищем Степиным[38].

— Как думаете осуществить передислокацию?

— Своим ходом.

— А вот товарищ Федоренко говорит, что при движении на такое большое расстояние танки выйдут из строя, и предлагает перебросить их по железной дороге.

— Этого делать нельзя, товарищ Иванов. Авиация противника может разбомбить эшелоны или железнодорожные мосты, тогда мы не скоро соберем армию. Кроме того, одна пехота, переброшенная автотранспортом в район сосредоточения, в случае встречи с танками врага окажется в тяжелом положении.

— Вы намерены совершать марш только ночами?

— Нет. Продолжительность ночи всего семь часов, и, если двигаться только в темное время суток, мне придется на день заводить танковые колонны в леса, а к вечеру выводить их из лесов, которых, кстати сказать, на пути мало.

— Что вы предлагаете?

— Прошу разрешения двигать армию днем и ночью...

— Но ведь вас в светлое время будут бомбить, — перебил меня Сталин.

— Да, возможно. Поэтому прошу вас дать указание авиации надежно прикрыть армию с воздуха.

— Хорошо, — согласился Верховный. — Ваша просьба о прикрытии марша армии авиацией будет выполнена. Сообщите о начале марша командующим Степным и Воронежским фронтами.

Он пожелал успеха и положил трубку.

Мы тут же наметили маршруты движения армии. Для марша была определена полоса шириной 30—35 километров

с движением корпусов по трем маршрутам. В первом эшелоне двигались два танковых корпуса, во втором — 5-й гвардейский Зимовниковский мехкорпус, другие боевые части и тылы.

6 июля — день моего рождения. Естественно, что мне хотелось отметить его в кругу своих боевых друзей. Заранее были разосланы приглашения на товарищеский ужин командованию корпусов, офицерам и генералам полевого управления армии. С изменением обстановки я решил приглашений не отменять, а воспользоваться сбором командиров для отдачи предварительных распоряжений на марш.

Каково же было удивление собравшихся, когда вместо празднично накрытого стола они увидели меня за оперативной картой. Я информировал их о предстоящей переброске армии и поставил задачи. Но все же после обсуждения всех вопросов, связанных с маршем, было подано трофейное шампанское и боевые друзья поздравили меня с юбилеем и высказали добрые пожелания.

Командиры убыли в свои штабы для выполнения полученных указаний. Начальник штаба армии генерал В.Н. Баскаков с начальниками подчиненных ему отделов, командующим артиллерией генерал-майором артиллерии И.В. Владимировым, начальником инженерных войск полковником Б.Д. Исуповым приступил к обеспечению маршрутов движения корпусов, организации противовоздушной обороны и комендантской службы на марше, составлению графика прохождения войск по рубежам и подготовке необходимых боевых документов.

Большая ответственность возлагалась на начальника управления бронетанкового снабжения и ремонта полковника С.А. Солового. Он и его подчиненные должны были составить план технического обеспечения армии на марше и принять все меры к тому, чтобы ни один танк не вышел из строя.

Закипела работа в войсках и штабах всех степеней. Командиры и бойцы с большим воодушевлением восприняли известие о выступлении на фронт, скрупулезно проверяли готовность танков и другой боевой техники к маршу. В частях и подразделениях прошли открытые партийные и комсомольские собрания с участием всего личного состава. На них можно было услышать высказывания о том, что пришла пора рассчитаться с гитлеровцами за все их злодеяния, беспощадно громить врага и неотступно гнать его со священной советской земли.

Вечером были получены директива Ставки и приказ командующего фронтом на перегруппировку армии. Через час я уже уточнил задачи командирам корпусов и армейских частей. Передовой отряд должен был немедленно выступить в район Проточное, занять там выгодный рубеж и обеспечить выход главных сил армии в назначенный район сосредоточения.

В 1.30 7 июля армия начала форсированный марш двумя эшелонами. В первом эшелоне двинулись 29-й и 18-й танковые корпуса. 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус составлял второй эшелон. Штаб армии следовал с главными силами. Такое построение на марше позволяло управлять армией и быстро развернуть наши танковые корпуса для нанесения мощного танкового удара с ходу.

Коротка июльская ночь. Казалось, и вовсе не было ее. Мало кто сумел вздремнуть. С рассветом связался по радио с командирами корпусов. Все в порядке! Колонны их частей идут размеренно и четко. Над колоннами армий в безоблачном небе барражируют наши истребители. Потом И.С. Конев говорил мне, что он и сам с самолета следил за продвижением наших колонн.

Уже в восемь часов утра становится жарко и пыльно, К полудню густая дорожная пыль поднялась на несколько

метров, покрывая толстым серым слоем придорожные кусты, зреющие хлеба, танки и автомашины. Через серую завесу пыли едва просматривается багровый диск солнца.

На пути в деревнях женщины и дети с тревогой и надеждой смотрели вслед уходившим колоннам. В глазах у них слезы и немой вопрос: «Неужели и эти отступят?»

И каждый наш воин, глядя на людей, исстрадавшихся под игом оккупантов, мысленно отвечал: «Нет, мы не отступим. Не дадим вас в обиду. Прогоним фашистов. Видите, какая у нас могучая сила. Это идет стальная Советская гвардия!»

Нескончаемым потоком шли танки, самоходно-артиллерийские установки, тягачи с орудиями, бронетранспортеры, автомашины. От пыли и выхлопных газов почернели лица бойцов. Нестерпимо душно. Мучает жажда. Мокрые от пота гимнастерки липнут к телу.

Тяжелее всех механикам-водителям. Члены экипажей всячески старались облегчить их положение, периодически подменяли у рычагов, давали отдых на коротких остановках. Трудно им, но надо терпеть. Каждый час дорог.

И выдержали танкисты! Утром 8 июля главные силы армии после напряженного, изнурительного марша вышли в район юго-западнее Старого Оскола. Если считать, что наступивший день был потрачен на подтягивание тылов и окончательный выход частей в указанные им районы, то и с учетом этого времени армия за двое суток фактически преодолела 230—280 километров. Количество боевых машин, отставших по техническим причинам, исчислялось единицами, но и они после устранения неисправностей скоро возвратились в строй.

Это был первый опыт переброски танковой армии своим ходом на такое большое расстояние по пыльным дорогам, в жару. Он явился серьезной проверкой уровня подготовки инженерно-технического состава по обеспечению бронетанковой техники на марше.

День прошел в подготовке к боям. Экипажи и расчеты проверяли и приводили в порядок материальную часть, заправляли машины, чистили личное оружие. Командиры и штабы были заняты сбором сведений о районе предстоящих боевых действий и организовывали противовоздушную оборону. Штаб армии, разместившийся в селе Долгая Поляна, осуществлял контроль за исполнением отданных мною распоряжений.

В первом часу ночи 9 июля был получен боевой приказ — к исходу дня выйти в район Прохоровки в готовности вступить в сражение. Предстоял еще один, на этот раз 100-километровый марш. Новую задачу армия тоже с честью выполнила. Штаб армии подготовил все необходимые расчеты. Соединения и части, поднятые по тревоге, своевременно прошли рубежи регулирования и, несмотря на высокую запыленность воздуха, жару и усталость, точно в установленный срок заняли район на рубеже Веселый, Прохоровка в готовности к дальнейшим действиям.

* * *

10 июля 5-я гвардейская танковая армия вошла в состав Воронежского фронта. Меня срочно вызвали на КП командующего фронтом генерала армии Н.Ф. Ватутина, размещенный в районе Обояни. Здесь же находились представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский, координировавший действия Воронежского и Юго-Западного фронтов, и начальник штаба фронта генерал-лейтенант Семен Павлович Иванов. Они тепло поздоровались со мной, а затем обстоятельно ориентировали меня в сложившейся обстановке на Воронежском фронте.

Уже шестой день войска отражали яростный натиск мощной группировки немецких войск в составе восьми танковых, одной моторизованной и пяти пехотных дивизий группы

армий «Юг», возглавляемой уже известным нам по боям под Сталинградом генерал-фельдмаршалом Манштейном.

Противник перешел в общее наступление в шесть часов 5 июля из района севернее Белгорода, нанося главный удар на Обоянь, Курск силами 4-й танковой армии под командованием тоже нашего старого «знакомого» генерал-полковника Гота.

Оба эти генерала были в фаворе у Гитлера, и он, по-видимому, не сомневался в их успехе, тем более что войска Манштейна и Гота имели лучшие танковые соединения, в том числе цвет немецких бронетанковых сил — дивизии СС «Адольф Гитлер», «Райх», «Мертвая голова» и моторизованную дивизию «Великая Германия».

Наступлению главной ударной группировки противника содействовала ударом в северо-восточном направлении на Корочу оперативная группа «Кемпф», в составе которой действовал 3-й танковый корпус с частями усиления.

В ходе ожесточенных боев противнику ценой значительных потерь удалось продвинуться на обоянском направлении до 35 и корочанском — до 10 километров.

Командующий фронтом пригласил меня поближе к карте и, указывая карандашом на район Прохоровки, сказал:

— Не сумев прорваться к Курску через Обоянь, гитлеровцы, очевидно, решили перенести направление главного удара несколько восточнее, вдоль железной дороги на Прохоровку. Сюда стягиваются войска второго танкового корпуса СС, которые должны будут наступать на прохоровском направлении во взаимодействии с сорок восьмым танковым корпусом и танковыми соединениями группы «Кемпф». — Н.Ф. Ватутин взглянул на А.М. Василевского и потом, обращаясь ко мне, продолжал: — Так вот, Павел Алексеевич, мы решили противопоставить эсэсовским танковым дивизиям нашу танковую гвардию — нанести контрудар противнику пятой гвардейской танковой армией, усиленной еще двумя танковыми корпусами.

— Кстати, танковые дивизии немцев имеют новые тяжелые танки «тигр» и самоходные орудия «фердинанд». От них очень пострадала первая танковая армия Катукова. Знаете ли вы что-либо об этой технике и как думаете вести борьбу с ней? — спросил А.М. Василевский.

— Знаем, товарищ маршал. Их тактико-технические данные мы получили из штаба Степного фронта. Думали и над способами борьбы.

— Интересно! — заметил Н.Ф. Ватутин и кивнул мне: мол, продолжайте.

— Дело в том, что «тигры» и «фердинанды» имеют не только сильную лобовую броню, но мощную восьмидесятивосьмимиллиметровую пушку с большой дальностью прямого выстрела. В этом их преимущество перед нашими танками, вооруженными семидесятишестимиллиметровой пушкой. Успешная борьба с ними возможна лишь в условиях ближнего боя, с использованием более высокой маневренности танков Т-34 и ведения огня по бортовой броне тяжелых машин немцев.

— Образно говоря, идти в рукопашную схватку, брать их на абордаж, — сказал командующий фронтом и снова вернулся к разговору о предстоящем контрударе, в котором должны были принять участие также 1-я танковая, 6, 7 и 5-я гвардейские общевойсковые армии.

5-я гвардейская танковая армия усиливалась 2-м гвардейским Тацинским и 2-м танковыми корпусами, 1529-м самоходно-артиллерийским, 1522-м и 1148-м гаубичными, 148-м и 93-м пушечными артиллерийскими полками, 16-м и 80-м полками гвардейских минометов. В целом в нашей армии с приданными танковыми соединениями насчитывалось около 850 танков и САУ.

Н.Ф. Ватутин выразил опасение, что немецкие танки могут прорваться к Обояни, и был приятно удивлен, когда я по своей инициативе предложил прикрыть его КП частью

сил своего резерва. Тут же я связался с К.Г. Труфановым по рации, установленной в моей машине, и отдал соответствующее приказание. Через два часа передовой отряд частью сил занял оборону по большому ручью впереди КП командующего фронтом и установил связь с 6-й гвардейской армией генерала И.М. Чистякова.

Во второй половине дня я вернулся на свой командный пункт с боевым приказом. Армии надлежало с утра 12 июля перейти в решительное наступление совместно с 1-й танковой, 5-й гвардейской общевойсковой армиями, уничтожить противника юго-западнее Прохоровки и к исходу дня выйти на рубеж Красная Дубрава, Яковлево[39].

Не теряя времени, я провел с командирами корпусов рекогносцировку района действий и поставил корпусам боевые задачи. Район развертывания главных сил армии был избран несколько западнее и юго-западнее Прохоровки, на фронте до 15 километров. Учитывая, что предстояло вступить в сражение с очень сильной танковой группировкой противника, имевшей, по полученным сведениям, на прохоровском направлении около 700 танков и САУ, в том числе более 100 «тигров» и «фердинандов», решено было развернуть в первом эшелоне сразу все четыре танковых корпуса (18-й, 29-й, 2-й гвардейский Тацинский и 2-й). Второй эшелон составил 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус. В резерве оставались части передового отряда и 689-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Командование резервом возлагалось на моего заместителя генерала К.Г. Труфанова.

Около девятнадцати часов 11 июля на мой КП прибыл маршал А.М. Василевский. Я доложил ему о боевом построении армии и задачах, поставленных корпусам и приданной артиллерии. Он одобрил мое решение и сообщил, что у него состоялся разговор с Верховным Главнокомандующим И.В. Сталиным, который поручил ему неотлучно находиться

в 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской общевойсковой армиях, координировать их действия в ходе сражения и оказывать необходимую помощь. Командующему фронтом Н.Ф. Ватутину И.В. Сталин приказал оставаться на своем КП в Обояни. На корочанское направление выехал начальник штаба фронта генерал-лейтенант С.П. Иванов.

Оставалось еще достаточно светлого времени, и маршал предложил осмотреть намеченные мною исходные районы 29-го и 18-го танковых корпусов.

Наш путь проходил через Прохоровку на Беленихино.

Юркий «виллис», подпрыгивая на ухабах, обгонял продвигавшиеся к фронту автомашины с боеприпасами и горючим. Навстречу медленно шли транспорты с ранеными. Кое-где на обочинах дороги стояли поврежденные грузовики и разбитые повозки.

Дорога протянулась через обширные поля пожелтевшей пшеницы. За ними начинался лес, примыкавший к селу Сторожевое.

— Там, на северной опушке леса, исходные позиции двадцать девятого танкового корпуса. Правее будет наступать восемнадцатый танковый корпус, — пояснял я А.М. Василевскому.

Он пристально всматривался в даль и прислушивался к все нарастающему гулу боя. По клубам дыма, разрывам авиабомб и снарядов угадывалась линия фронта наших общевойсковых армий. Справа, километрах в двух, показались хозяйственные постройки совхоза «Комсомолец».

Вдруг Василевский приказал водителю остановиться. Машина свернула на обочину и резко затормозила у запыленных придорожных кустов. Мы открыли дверцы, отошли на несколько шагов в сторону. Явно послышался рокот танковых моторов. Потом показались и сами танки.

— Генерал! В чем дело? — резко повернувшись ко мне, с досадой в голосе спросил Александр Михайлович. — Вас

же предупреждали, что о прибытии ваших танков противник не должен знать. А они гуляют средь бела дня на глазах у немцев...

Я мгновенно вскинул бинокль. Действительно, через поле, подминая созревшие хлеба, в боевом порядке шли десятки танков, на ходу стреляя из короткоствольных пушек.

— Но это, товарищ маршал, не наши танки. Немецкие...

— Так... Где-то противник прорвался. Хочет упредить нас и захватить Прохоровку.

— Этого допустить нельзя, — сказал я А.М. Василевскому и по радио дал указание генералу Кириченко немедленно выдвинуть две танковые бригады навстречу немецким танкам и остановить их продвижение.

Вернувшись на мой КП, мы узнали, что немцы предприняли активные действия почти против всех наших армий.

Так обстановка неожиданно осложнилась. Ранее намеченный нами исходный район для контрудара оказался в руках гитлеровцев. В связи с этим подготовку к наступлению, и в частности выбор огневых позиций артиллерии, рубежей развертывания и атаки, следовало проводить заново. В сжатые сроки требовалось уточнить задачи, организовать взаимодействие между корпусами и частями, пересмотреть график артиллерийской подготовки и сделать все для четкого управления войсками в бою.

Задача по срокам крайне сложная. Но с ней все органы штаба армии, командиры и штабы корпусов, бригад и частей справились буквально в считанные часы. В боевой приказ были внесены необходимые коррективы. 18-му танковому корпусу генерал-майора танковых войск Б.С. Бахарова надлежало наступать на правом фланге. Кроме ранее приданной артиллерии он усиливался еще полком 57-мм противотанковых пушек 10-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады. На корпус возлагалась задача, наступая вдоль реки Псел, атаковать противника, занимавшего пози-

ции на рубеже Андреевка — роща северо-западнее совхоза «Комсомолец». В центре наносил удар 29-й танковый корпус генерал-майора танковых войск И.Ф. Кириченко. Этому соединению с приданным 1529-м самоходно-артиллерийским полком предстояло разгромить вражескую танковую группировку, действовавшую западнее железной дороги на Прохоровку. На левом фланге с рубежа Ясная Поляна, Беленихино должен был наступать 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус, которым командовал гвардии полковник А.С. Бурдейный. Во 2-м танковом корпусе генерал-майора танковых войск А.Ф. Попова осталось мало танков, поэтому ему было приказано вместе с 10-й истребительно-противотанковой бригадой поддерживать своим огнем главные силы армии и прикрывать фланги 29-го и 2-го гвардейского Тацинского танковых корпусов. 5-му гвардейскому Зимовниковскому механизированному корпусу генерал-майора танковых войск Б.М. Скворцова, наступавшему во втором эшелоне, следовало быть в готовности развить успех 29-го танкового корпуса. Моему резерву, возглавляемому генерал-майором К.Г. Труфановым, ставилась задача сосредоточиться в районе Правороть и прочно обеспечить левый фланг армии.

В ночь на 12 июля в частях и подразделениях армии, как и перед маршем, прошли партийные и комсомольские собрания, которые продемонстрировали высокий боевой дух гвардейцев-танкистов, всех наших воинов, их непоколебимую решимость во что бы то ни стало выполнить поставленные задачи. Многие воины просили перед боем принять их в ряды ВКП(б).

В последние часы перед сражением командиры и политорганы стремились довести до каждого боевой приказ, зачитывали в подразделениях обращение Военного совета армии к личному составу. На совещаниях с командным составом вплоть до командиров танков еще раз обсуждались и детализировались приемы и способы ведения боя, напоминались уязвимые места боевой техники противника.

В полевом управлении армии не умолкая звонили телефоны. Приезжали с донесениями офицеры связи и, получив необходимые распоряжения, уезжали в войска. Начальник штаба армии генерал В.Н. Баскаков, с утомленным, осунувшимся лицом и воспаленными от недосыпания глазами, то и дело появлялся передо мной, докладывая последние данные об обстановке. Я тут же анализировал их, делал необходимые поправки на своей оперативной карте и отдавал дополнительные распоряжения.

Уже было подписано и отправлено боевое донесение о том, что армия заняла исходное положение для контрудара и готова к выполнению поставленной задачи. Но в четыре часа утра последовало приказание командующего фронтом генерала армии Н.Ф. Ватутина срочно направить мой резерв в полосу действий 69-й армии. Оказалось, что противник вводом в сражение главных сил 3-го танкового корпуса оперативной группы «Кемпф» отбросил части 81-й и 92-й гвардейских стрелковых дивизий и овладел населенными пунктами Ржавец, Рындинка, Выползовка. В случае дальнейшего продвижения подвижных частей врага на север создавалась не только угроза левому флангу и тылу 5-й гвардейской танковой армии, но и нарушалась устойчивость всех войск левого крыла Воронежского фронта.

Связался по радио с генералом К.Г. Труфановым и приказал немедленно форсированным маршем двинуть подчиненные ему части в район прорыва противника на участке 69-й армии и совместно с ее войсками остановить танки врага, не допуская их продвижения в северном направлении.

* * *

В шесть часов утра 12 июля я с группой офицеров приехал на командный пункт 29-го танкового корпуса. Он был избран моим наблюдательным пунктом, и весьма удачно. С холма юго-западнее Прохоровки хорошо просматрива-

лась впереди лежащая местность, которой суждено было стать полем грандиозного танкового побоища. Из прочно построенного блиндажа в сожженном и вырубленном наполовину яблоневом саду открывался широкий обзор всхолмленной равнины с перелесками и оврагами. За пожелтевшей, позолоченной первыми лучами солнца тучной нивой виднелась темная опушка большого лесного массива. Там укрывался враг.

Генерал И.Ф. Кириченко доложил, что ночь прошла относительно спокойно. Гитлеровцы вели редкий артиллерийский огонь и пускали осветительные ракеты. Но разведчики слышали в ночной темноте рокот многочисленных моторов. Видимо, противник выводил на исходные позиции свои танковые и моторизованные части.

А пока стояла тишина, нарушаемая лишь разноголосым говором телефонистов и радистов, разместившихся в окопах вокруг блиндажа и по соседству, в овраге, где стояли замаскированные мотоциклы и бронемашины связи. Но по всем признакам чувствовалось, что недалек тот час, когда эту тишину с адским грохотом разверзнут сотни орудий, тысячи бомб и под Прохоровкой закипит, забушует огнем и металлом жестокая танковая битва.

В 6.30 в небе появились «мессеры», чтобы очистить воздушное пространство. А это означало, что скоро последует бомбовый удар вражеской авиации.

Примерно в семь часов послышался монотонный гул немецких самолетов. И вот в безоблачном небе обозначились десятки «юнкерсов». Выбрав цели, они перестраивались и, блеснув на солнце стеклами кабин, тяжело кренились на крыло, переходя в пике. Фашистская авиация наносила удары в основном по населенным пунктам и отдельным рощам. Над лесом и деревнями вздымались фонтаны земли, облака дыма, прорезаемые багровыми языками вспышек. В различных местах загорелись хлеба.

Вражеские самолеты еще не успели отбомбиться, как появились звенья советских истребителей. В воздухе завязались жаркие схватки. Один за другим запылали самолеты и, оставляя за собой густые шлейфы черного дыма, охваченные пламенем врезались в землю. Большинство «юнкерсов», преследуемые нашими истребителями, поворачивали назад, где попало сбрасывая свой бомбовый груз или уходя, не отбомбившись.

А вот в воздухе и наши бомбардировщики! Они шли на юго-запад волна за волной, соблюдая четкое равнение. Их сопровождали истребители, всей своей решительностью показывая, что они хозяева неба. Контрудар поддерживала 2-я воздушная армия генерал-лейтенанта авиации С.А. Красовского, которая, кстати говоря, настолько надежно прикрывала 5-ю гвардейскую танковую армию на марше, что немцы так и не узнали о ее появлении под Прохоровкой.

Наконец грянули первые залпы армейской артиллерийской группы. Ударили артиллерийские батареи непосредственной поддержки танков. Артиллерия вела огонь в основном по площадям — предполагаемым районам скоплений танков врага и огневым позициям его артиллерии. У нас не было времени для того, чтобы точно установить, где расположены вражеские батареи и сосредоточены танки, поэтому определить эффективность артиллерийского огня не представлялось возможным.

Еще не умолк огневой шквал нашей артиллерии, как раздались залпы полков гвардейских минометов. Это начало атаки, которое продублировала моя радиостанция. «Сталь», «Сталь», «Сталь», — передавал в эфир начальник радиостанции младший техник-лейтенант В. Константинов. Тут же последовали сигналы командиров танковых корпусов, бригад, батальонов, рот и взводов.

Смотрю в бинокль и вижу, как справа и слева выходят из укрытий и, набирая скорость, устремляются вперед наши

славные тридцатьчетверки. И тут же обнаруживаю массу танков противника. Оказалось, что немцы и мы одновременно перешли в наступление. Я удивился, насколько близко друг от друга скапливались наши и вражеские танки. Навстречу двигались две громадные танковые лавины. Поднявшееся на востоке солнце слепило глаза немецких танкистов и ярко освещало нашим контуры фашистских танков.

Через несколько минут танки первого эшелона наших 29-го и 18-го корпусов, стреляя на ходу, лобовым ударом врезались в боевые порядки немецко-фашистских войск, стремительной сквозной атакой буквально пронзив боевой порядок противника. Гитлеровцы, очевидно, не ожидали встретить такую большую массу наших боевых машин и такую решительную их атаку. Управление в передовых частях и подразделениях врага было явно нарушено. Его «тигры» и «пантеры», лишенные в ближнем бою своего огневого преимущества, которым они в начале наступления пользовались в столкновении с другими нашими танковыми соединениями, теперь успешно поражались советскими танками Т-34 и даже Т-70 с коротких дистанций. Поле сражения клубилось дымом и пылью, земля содрогалась от мощных взрывов. Танки наскакивали друг на друга и, сцепившись, уже не могли разойтись, бились насмерть, пока один из них не вспыхивал факелом или не останавливался с перебитыми гусеницами. Но и подбитые танки, если у них не выходило из строя вооружение, продолжали вести огонь.

Это было первое за время войны крупное встречное танковое сражение: танки дрались с танками. В связи с тем что боевые порядки перемешались, артиллерия обеих сторон огонь прекратила. По той же причине не бомбила поле боя ни наша, ни вражеская авиация, хотя в воздухе продолжались яростные схватки и вой сбитых, объятых пламенем самолетов смешивался с грохотом танковой битвы на земле. От-

дельных выстрелов не было слышно: все слилось в единый грозный гул.

Напряжение сражения нарастало с потрясающей яростью и силой. Из-за огня, дыма и пыли становилось все труднее разобрать, где свои и где чужие. Однако, имея даже ограниченную возможность наблюдать за полем боя и зная решения командиров корпусов, получая их донесения по радио, я представлял, как действуют войска армии. Что там происходит, можно было определить и по улавливаемым моей радиостанцией приказаниям командиров наших и немецких частей и подразделений, отдаваемым открытым текстом: «Вперед!», «Орлов, заходи с фланга!», «Шнеллер!», «Ткаченко, прорывайся в тыл!», «Форвертс!», «Действуй, как я!», «Шнеллер!», «Вперед!», «Форвертс!» Доносились и злые, ядреные выражения, не публикуемые ни в русских, ни в немецких словарях.

Танки кружили, словно подхваченные гигантским водоворотом. Тридцатьчетверки, маневрируя, изворачиваясь, расстреливали «тигров» и «пантер», но и сами, попадая под прямые выстрелы тяжелых вражеских танков и самоходных орудий, замирали, горели, гибли. Ударяясь о броню, рикошетили снаряды, на куски рвались гусеницы, вылетали катки, взрывы боеприпасов внутри машин срывали и отбрасывали в сторону танковые башни.

Наиболее тяжелый, крайне ожесточенный бой вел 29-й танковый корпус генерала И.Ф. Кириченко, наступавший вдоль железной и шоссейной дорог. Враг бросил против него основные силы танковых дивизий СС «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова», упрямо предпринимая одну за другой настойчивые попытки прорваться к Прохоровке. Однако войска корпуса дрались с исключительным упорством и не уступали достигнутых рубежей.

Отлично действовала в центре боевого порядка одна из лучших бригад — 32-я танковая — под командованием пол-

ковника А.А. Линева. Справа от железной дороги сражались батальоны 31-й танковой бригады полковника С.Ф. Моисеева. Кстати, в этом соединении действовали танки колонны «Москва», построенные на средства, собранные трудящимися Краснопресненского района столицы.

Во втором эшелоне наступали подразделения 25-й танковой бригады, возглавляемой полковником Н.К. Володиным. Танкистов успешно поддерживал 1446-й самоходно-артиллерийский полк, которым командовал гвардии капитан М.С. Лунев.

Упорно продвигался вперед 18-й танковый корпус. Командир корпуса генерал Б.С. Бахаров, детально изучив особенности местности, построил боевой порядок в три эшелона. Прижимаясь правым флангом к восточному берегу реки Псел, корпус наращивал силу удара, закрепляясь на выгодных рубежах. В первом эшелоне атаковали 181-я и 170-я танковые бригады, которыми командовали подполковники В.А. Пузырев и А.И. Казаков. Я слышал их голоса, четкие и краткие распоряжения. Вторым эшелоном в боевом порядке действовали подразделения 32-й гвардейской мотострелковой бригады подполковника И.А. Стукова и 36-й отдельный гвардейский танковый полк. Третий эшелон составляла 110-я танковая бригада гвардии полковника И.М. Колесникова.

А положение на левом фланге армии по-прежнему оставалось тревожным. Около 70 вражеских танков, овладев Ржавцом и Рындинкой, теснили 92-ю гвардейскую стрелковую дивизию 69-й армии и развивали удар на север. Генерал Труфанов доложил мне по радио, что его отряд уже сосредоточился в Больших Подъяругах. Но этих сил было недостаточно. По распоряжению А.М. Василевского я приказал командиру 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса генералу Б.М. Скворцову направить 11-ю и 12-ю гвардейские механизированные бригады из района Красное для совместных действий с Труфановым. Одно-

временно командир 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса полковник А.С. Бурдейный получил указание развернуть 26-ю гвардейскую танковую бригаду полковника С.К. Нестерова в районе населенного пункта Плота фронтом на юг и прикрыть левый фланг армии.

Вскоре командующий Воронежским фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин приказал объединить части резерва 5-й гвардейской танковой армии, 11-ю и 12-ю гвардейские мехбригады, 26-ю гвардейскую танковую бригаду в группу под командованием генерала К.Г. Труфанова, которая совместно с 81-й и 92-й гвардейскими стрелковыми дивизиями 69-й армии должна окружить и уничтожить противника в районе Рындинка, Ржавец и к исходу дня выйти на рубеж Шахово, Щелоково.

В исключительно упорном бою эта группа вместе со стрелковыми частями и 96-й танковой бригадой 69-й армии нанесла поражение 6-й немецкой танковой дивизии и отбросила ее в исходное положение. В схватке с врагом особенно отличились артиллеристы 689-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка майора И.С. Гужвы и 53-й отдельный гвардейский танковый полк гвардии майора Н.А. Курносова.

В середине дня четко обозначился успех на главном направлении. Первый эшелон 5-й гвардейской танковой армии настойчиво теснил противника, нанося ему большие потери в живой силе и боевой технике. Мы выиграли территорию не так уж значительную, но сделали главное — во встречном сражении остановили и смяли ударную группировку врага, наступавшую вдоль железной дороги на Прохоровку. Острие танкового клина противника, надломленное в районе Обоянского шоссе, было сломлено. 18-му танковому корпусу удалось выйти на рубеж в двух километрах восточнее деревни Андреевка. 29-й танковый корпус, совместно с подразделениями 53-й мотострелковой бригады подполковника

Н.П. Липичева, сломив сопротивление частей танковых дивизий СС «Мертвая голова» и «Адольф Гитлер», достиг совхоза «Комсомолец». Бригады 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса гвардии полковника А.С. Бурдейного, отбрасывая части дивизии СС «Райх», энергично наступали в направлении Виноградовки и Беленихино. 2-й танковый корпус генерал-майора А.Ф. Попова активными действиями обеспечивал стык между 29-м и 2-м гвардейским Тацинским танковыми корпусами, имея в дальнейшем задачу развить их успех.

Однако в это время тяжелое положение сложилось на правом фланге армии. Не добившись успеха в центре, на прохоровском направлении, противник силами 11-й танковой дивизии 48-го танкового корпуса обошел наш 18-й танковый корпус и нанес удар по 33-му гвардейскому стрелковому корпусу генерала М.И. Козлова 5-й гвардейской армии. К 13 часам вражеским танкам удалось прорвать боевые порядки 95-й и 42-й гвардейских стрелковых дивизий на участке Красный Октябрь, Кочетовка и продвинуться в северо-восточном и восточном направлениях до рубежа Веселый, Полежаев. Следовало немедленно ликвидировать угрозу правому флангу и тылу армии, а также выручать своего соседа — 5-ю гвардейскую армию генерал-лейтенанта А.С. Жадова. Это объединение совершенно не имело своих танков и не располагало достаточными средствами артиллерийского усиления. Кроме того, оно вступило в сражение, по существу, с ходу, развертывая главные силы под воздействием наступавшего противника.

Поскольку мой резерв был уже задействован и ушел на юг, мне пришлось для помощи А.С. Жадову выделять силы из главной группировки. Было приказано направить 24-ю гвардейскую танковую бригаду гвардии полковника В.П. Карпова в район совхоза имени К.Е. Ворошилова, где во взаимодействии с правофланговыми частями 18-го тан-

кового корпуса и пехотой 5-й гвардейской армии разгромить противника у Полежаева. Одновременно 10-я гвардейская механизированная бригада под командованием полковника И.Б. Михайлова спешно выдвигалась к району Остренький (9 километров северо-восточнее Прохоровки) с задачей не допустить продвижения врага в северо-восточном направлении. Стремительный маневр этих бригад в указанные им районы и решительный их встречный удар по прорвавшимся танкам гитлеровцев стабилизировал положение на смежных флангах 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской армий. Противник вынужден был здесь отступать, а затем переходить к обороне.

Хочется подчеркнуть, что на всех участках развернувшегося 12 июля грандиозного сражения воины 5-й гвардейской танковой армии проявили изумительное мужество, непоколебимую стойкость, высокое боевое мастерство и массовый героизм, вплоть до самопожертвования.

На 2-й батальон 181-й бригады 18-го танкового корпуса обрушилась большая группа фашистских «тигров». Командир батальона капитан П.А. Скрипкин смело принял удар врага. Он лично одну за другой подбил две вражеские машины. Поймав в перекрестие прицела третий танк, офицер нажал на спуск... Но в то же мгновение его боевую машину сильно тряхнуло, башня наполнилась дымом, танк загорелся. Механик-водитель старшина А. Николаев и радист А. Зырянов, спасая тяжелораненого комбата, вытащили его из танка и тут увидели, что прямо на них движется «тигр». Зырянов укрыл капитана в воронке от снаряда, а Николаев и заряжающий Чернов вскочили в свой пылающий танк и пошли на таран, с ходу врезавшись в стальную фашистскую громадину. Они погибли, до конца выполнив свой долг.

Отважно сражались танкисты 29-го танкового корпуса. Батальон 25-й бригады, возглавляемый коммунистом майором Г.А. Мясниковым, уничтожил 3 «тигра», 8 средних

танков, 6 самоходных орудий, 15 противотанковых пушек и более 300 фашистских автоматчиков.

Примером для воинов служили решительные действия комбата, командиров рот старших лейтенантов А.Е. Пальчикова и Н.А. Мищенко. В тяжелом бою за село Сторожевое машина, в которой находился А.Е. Пальчиков, была подбита — разрывом снаряда сорвало гусеницу. Члены экипажа выскочили из машины, пытаясь устранить повреждение, но сразу же из кустов их обстреляли вражеские автоматчики. Воины заняли оборону и отбили несколько атак гитлеровцев. В этом неравном бою пал смертью героя Алексей Егорович Пальчиков, получили тяжелые ранения его товарищи. Лишь механик-водитель кандидат в члены ВКП(б) старшина И.Е. Сафронов, хотя тоже был ранен, мог еще вести огонь. Укрываясь под танком, превозмогая боль, он отбивался от наседавших фашистов, пока не подоспела помощь.

Сафронову удалось быстро исправить повреждения, а затем вывести машину с телом командира и ранеными танкистами в укрытие.

По-моему, в этот день не было танкистов, артиллеристов, мотострелков, связистов, которые бы не проявили отваги и боевой доблести в схватках с врагом. Все, кто бился в Прохоровском сражении, были настоящими героями.

Командир 1-й батареи 1000-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка лейтенант И.Ф. Юдин подобрался непосредственно к переднему краю обороны противника и из подбитого немецкого танка корректировал огонь своих орудий. Когда этот мужественный офицер погиб, его место занял командир взвода лейтенант М.К. Бородин. Получив ранение, он сделал себе перевязку и до конца управлял батареей, которая нанесла значительный урон противнику.

Комсомолец-связист старший сержант А.И. Егоров, награжденный медалью «За отвагу», под сильным артилле-

рийским огнем семь раз восстанавливал телефонную связь между огневыми позициями, командным и наблюдательными пунктами 16-го гвардейского минометного полка гвардии подполковника Я.Т. Петраковского.

Раненые не уходили с поля боя, танкисты, потерявшие свои боевые машины, дрались в пешем строю, расчеты противотанковых пушек бились до последнего человека...

На исходе дня 12 июля противник вводом в бой вторых эшелонов и резервов усилил сопротивление, особенно на прохоровском направлении. Одно за другим начали поступать донесения командиров корпусов о мощных контратаках свежих танковых частей врага. В условиях, когда гитлеровцы добились явного превосходства в танках, наступать было нецелесообразно. Оценив обстановку, я с разрешения представителя Ставки А.М. Василевского приказал всем корпусам закрепиться на достигнутых рубежах, подтянуть артиллерийские противотанковые полки и отбивать атаки противника огнем танков и артиллерии. За ночь танковые корпуса должны были дозаправить машины горючим, пополнить боеприпасы, накормить людей и с утра быть в готовности возобновить наступление. Предстояло также оказать помощь раненым, собрать и похоронить убитых, отбуксировать в тыл подбитые танки и приступить к их ремонту.

* * *

Наступила ночь, тревожная и душная. Боевые действия прекратились на всем фронте. Я вышел из блиндажа поразмяться, стряхнуть усталость. Пахло гарью и пороховым дымом. В безбрежном космическом океане мерцали далекие звезды. Луна бросала холодный, тусклый свет на изуродованную сражением землю. На западе и юго-западе трепетало зарево пожаров. Горели нескошенные нивы, леса, деревни.

Противник вел себя как-то странно. В его расположении раздавались взрывы. Потом выяснилось, что немцы подрыва-

ли свои подбитые танки, которые нельзя было эвакуировать. Изредка в районах расположения наших корпусов ухали тяжелые снаряды, вспыхивали и медленно гасли осветительные ракеты.

Вблизи блиндажа прослушивались различные шумы, осторожные приглушенные голоса, позвякивание металла, урчание автомобильных моторов. Это занимались своим делом ночные труженики войны: саперы пробирались к передовой, чтобы заминировать танкоопасные направления, медики эвакуировали раненых, снабженцы подвозили боеприпасы, продовольствие, горючее и смазочные материалы.

В раздумье я прохаживался по испаханной гусеницами танков высотке, мысленно перебирая события минувшего дня и стараясь предугадать, что нас ожидает утром. Ясно было, что гитлеровцы готовятся к новому натиску. Появление в районе Прохоровки мощной советской танковой группировки и ее решительные действия явились для фашистского командования полной неожиданностью. Не предполагали немцы и того, что наши боевые машины способны противостоять их новым танкам и штурмовым орудиям. Из этого, конечно, противник сделает соответствующие выводы, постарается перестроить свои боевые порядки и изменить тактические приемы. Он еще располагает крупными резервами, которые начал вводить в сражение только к вечеру. Ошеломить нас сокрушительным танковым ударом, захватить инициативу, навязать нам свою волю — такими, примерно, представлял я предстоящие действия врага.

Между тем близился рассвет. Надо было немного отдохнуть. Спал не раздеваясь часа два. Разбудили сотрясающие землю разрывы тяжелых авиабомб. Налет немецкой авиации. Значит, минут через 20—30 надо ожидать наступления противника. Связываюсь с командирами корпусов. Все они на местах и докладывают о готовности войск к бою. Рекомендую

всем активнее использовать противотанковую артиллерию, особенно на флангах.

В это время в небе появились наши истребители. Они стремительно ворвались в боевой порядок «юнкерсов» и начали расстреливать их. Вражеские самолеты, не завершив прицельную бомбежку, поворачивали на запад, сбрасывая бомбы уже на территорию, занятую немецкими войсками. Три «юнкерса» с воем ухнули вниз, оставляя за собой полосы серо-черного дыма.

Не успели скрыться вдали «ястребки», как прошла волна наших штурмовиков и бомбардировщиков, обрушивая свой смертоносный груз на скопления вражеских танков и мотопехоты.

Думая о событиях тех дней, с благодарностью вспоминаю о помощи авиаторов нам, танкистам. Летчики 2-й воздушной армии генерала С.А. Красовского не только прикрывали нас от ударов фашистской авиации, но и вели успешную борьбу с танками противника, применяя противотанковые бомбы кумулятивного действия. Штурмовые самолеты, имевшие в бомбоотсеке до 200 таких бомб, создавали большую зону поражения и наносили значительный урон врагу. Вообще надо сказать, что в Курской битве наша авиация заметно господствовала в воздухе.

...В то утро, когда я уже находился на КП 29-го танкового корпуса, после короткого артиллерийского налета гитлеровцы первыми атаковали 18-й танковый корпус. Более 50 танков противника, за которыми следовали цепи мотопехоты, стреляя на ходу или с коротких остановок, двинулись на наши позиции. Но войска корпуса сумели за ночь подготовиться к встрече врага. Подпустив фашистов на дистанцию 500—600 метров, противотанковая артиллерия и наши танки открыли по ним огонь прямой наводкой. Несколько вражеских машин застыли на месте с перебитыми гусеницами или заметались по полю объятые пламенем. Те же, которые еще

продвигались вперед, нарвались на мины. Однако фашистская мотопехота еще шла. Но тут последовал залп 80-го гвардейского минометного полка подполковника А.И. Семченко. Огонь наших «катюш» всегда приводил фашистов в ужас. Понеся большие потери, противник вынужден был откатываться назад, оставляя горящие танки, трупы убитых солдат и офицеров.

Прикрывшись частью сил справа в связи с отходом левого фланга 5-й гвардейской общевойсковой армии, 18-й танковый корпус главными силами развил наступление на Андреевку и после короткого боя ворвался в это село. Его 181-я танковая бригада подполковника В.А. Пузырева внезапно атаковала колонну вражеских танков, продвигавшуюся к Михайловке, и, преследуя отходившего противника, овладела Васильевкой.

Части 29-го танкового корпуса вели упорные бои в районе совхоза «Комсомолец» с танковой дивизией СС «Мертвая голова». После ввода в сражение второго эшелона эта дивизия начала теснить 53-ю мотострелковую бригаду. Только большими усилиями удалось остановить врага в одном километре юго-восточнее совхозного поселка «Сталинское отделение».

2-й гвардейский Тацинский танковый корпус без одной бригады (она была переброшена в полосу 69-й армии) после перегруппировки перешел в наступление и, преодолевая упорное сопротивление противника, к двенадцати часам силами 25-й гвардейской танковой и 4-й гвардейской мотострелковой бригад достиг западного берега реки Лога. Но действовавшая в стыке между 2-м и 2-м гвардейским Тацинским танковыми корпусами танковая дивизия СС «Райх» предприняла мощные фланговые атаки в направлении Сторожевое и к пятнадцати часам захватила это село, а также северную окраину деревни Виноградовка. В результате создалась непосредственная угроза выхода противника на

тылы сразу двух наших танковых корпусов. Ликвидировать нависшую угрозу должны были они сами.

Ожесточенные бои в этом районе продолжались до позднего вечера, причем в одном месте наши танкисты и мотострелки контратаковали врага, в другом — отбивали его контратаки. Только с наступлением темноты обе стороны, измотанные напряженным боем, перешли к обороне.

Успешно вели бои войска 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса. С рассветом они выдвинулись в район Александровка, Большие Подъяруги, где сражался сводный отряд генерала К.Г. Труфанова из частей моего резерва и 69-й армии. 11-я гвардейская механизированная бригада полковника Н.В. Грищенко, достигнув села Покровка, с ходу развернулась и устремилась в атаку на Рындинку. Танкисты 26-й гвардейской танковой бригады 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса атаковали гитлеровцев в Щелоково. В это время полковник Г.Я. Борисенко искусным маневром вывел свою 12-ю гвардейскую механизированную бригаду во фланг и в тыл противника, скованного боем с 11-й гвардейской механизированной и 26-й гвардейской танковой бригадами. Решительными действиями бригада овладела населенными пунктами Краснов Знамя, Рындинка, Выползовка.

Во второй половине дня воины 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса во взаимодействии с 92-й гвардейской стрелковой дивизией 69-й армии и при активной поддержке артиллерии и авиации отбросили врага в южном направлении и закрепились на рубеже Щелоково, Рындинка, балка юго-восточнее Выползовки, прочно обеспечив смежные фланги 7-й гвардейской и 69-й армий. В ходе боев потерпела поражение 19-я танковая дивизия 3-го немецкого танкового корпуса, а ее 73-й и 74-й моторизованные полки были полностью разгромлены.

Вернувшись на свой командный пункт, я неожиданно встретил здесь заместителя Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. С ним находился и член Военного совета Воронежского фронта генерал-лейтенант Н.С. Хрущев. Маршал был почему-то мрачным. Он молча выслушал мой доклад о сложившейся обстановке в полосе действий 5-й гвардейской танковой армии и приказал ехать с ним в 29-й танковый корпус.

— Слушаюсь! — коротко ответил я маршалу и предложил ему садиться в мою машину.

— Почему? — недоуменно спросил он.

— Я только что от генерала Кириченко. На местности много неразорвавшихся снарядов и мин. Мой шофер знает полевую дорогу и поедет по своим следам.

Георгий Константинович направился к моему «виллису», и, как только он сел, машину мигом облепила охрана.

— Так мы не доедем, рессоры лопнут, — усмехнулся я.

Жуков жестом руки удалил охрану, оставив в машине лишь адъютантов, своего и моего — Василия Земскова. За нами тронулась машина Н.С. Хрущева с офицерами охраны.

По дороге маршал несколько раз останавливал машину и пристально осматривал места прошедшего танкового сражения. Взору представилась чудовищная картина. Всюду искореженные или сожженные танки, раздавленные орудия, бронетранспортеры и автомашины, груды снарядных гильз, куски гусениц. На почерневшей земле ни единой зеленой былинки. Кое-где поля, кусты, перелески еще дымились, не успев остыть после обширных пожаров.

Георгий Константинович подолгу задерживал взгляд на изуродованных таранами танках и глубоких воронках.

— Вот что значит сквозная танковая атака, — тихо, как бы сам себе, сказал Жуков, глядя на разбитую «пантеру» и врезавшийся в нее наш танк Т-70. Здесь же, на удалении двух

десятков метров, вздыбились и будто намертво схватились «тигр» и тридцатьчетверка.

Маршал покачал головой, удивленный увиденным, и даже снял фуражку, видно отдавая дань глубокого уважения нашим погибшим героям-танкистам, которые жертвовали своей жизнью ради того, чтобы остановить и уничтожить врага.

До КП генерала И.Ф. Кириченко доехали благополучно. В пути я доложил Г.К. Жукову, что основную тяжесть удара противника в сражении 12 июля выдержал 29-й танковый корпус и частично соединения 18-го танкового корпуса. Поэтому после доклада комкора маршал поблагодарил Ивана Федоровича и в его лице весь личный состав корпуса за проявленное мужество в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, приказал генералу представить наиболее отличившихся к правительственным наградам. Затем он в течение часа с НП комкора наблюдал за боем. К тому времени стороны, исчерпав свои наступательные возможности, вели лишь огневой бой. Изредка рвались снаряды, посвистывали пули, вдали, в расположении противника, наблюдалось передвижение танков, бронетранспортеров и автомашин.

Вернувшись на мой КП, Г.К. Жуков дал ряд указаний и сообщил, что он назначен представителем Ставки Верховного Главнокомандования на Воронежском и Степном фронтах. А.М. Василевскому Ставка поручала координировать боевые действия Юго-Западного и Южного фронтов.

...На исходе был второй день грандиозного танкового сражения, в котором одновременно участвовало до 1200 танков и самоходных орудий. Гитлеровцы превосходили нас по количеству боевых машин, особенно тяжелых. Но бронированная фашистская армада натолкнулась на величайший героизм советских воинов и со скрежетом «забуксовала», обливаясь кровью своих солдат и офицеров, задыхаясь в огне и дыму. Урон врагу был нанесен огромный. Только

за 12 июля в боях с 5-й гвардейской танковой армией противник лишился свыше 350 танков и потерял более 10 тысяч человек убитыми[40]. Но даже ценой таких жертв фашисты не добились поставленной цели: их сила натолкнулась на нашу несокрушимую мощь.

Мы тоже потеряли немало танков, особенно легких, погибли в яростных схватках многие отважные гвардейцы. Однако поставленную перед нами задачу выполнили: решительным контрударом на главном направлении остановили грозного противника и локализовали его действия на флангах с 5-й гвардейской и 69-й армиями.

В донесении А.М. Василевского И.В. Сталину обстоятельно излагалась боевая обстановка в районе Прохоровки, и поэтому я позволю себе привести его содержание: «Согласно Вашим личным указаниям с вечера 9.VII.43 г. беспрерывно нахожусь в войсках Ротмистрова и Жадова на прохоровском и южном направлениях. До сегодняшнего дня включительно противник продолжает на фронте Жадова и Ротмистрова массовые танковые атаки и контратаки против наступающих наших танковых частей. Ликвидация прорыва армии Крюченкина, создавшая 11.VII серьезную угрозу тылам главных сил армии Ротмистрова и корпусу Жадова, потребовала выделения двух мехбригад из 5-го механизированного корпуса и отдельных частей Ротмистрова в район Шахово, Авдеевка, Александровская. Ликвидация же прорыва армии Жадова в районах Веселый, Васильевка, Петровка 12.VI 1.43 г. вынудила бросить туда остальные части 5-го механизированного корпуса. То и другое в значительной мере ослабило силы основного удара Ротмистрова со стороны Прохоровка в юго-западном направлении. По наблюдениям за ходом происходящих боев и по показаниям пленных, делаю вывод, что противник, несмотря на огромные потери как в людских силах, так и особенно в танках и в авиации, все же не отказывается от мысли прорваться на Обоянь

и далее на Курск, добиваясь этого какой угодно ценой. Вчера сам лично наблюдал к юго-западу от Прохоровки танковый бой наших 18-го и 29-го корпусов с более чем двумястами танков противника в контратаке. Одновременно в сражении приняли участие сотни орудий и все имеющиеся у нас РСы. В результате все поле боя в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками.

В течение двух дней боев 29-й танковый корпус Ротмистрова потерял безвозвратными и временно вышедшими из строя 60 % и 18-й корпус — 30 % танков. Потери в 5-м механизированном корпусе незначительны. На завтра угроза прорыва танков противника с юга и район Шахово, Авдеевка, Александровская продолжает оставаться реальной. В течение ночи принимаю все меры к тому, чтобы вывести сюда весь 5-й механизированный корпус, 32-ю мотобригаду и четыре полка ИПТАП. Учитывая крупные танковые силы противника на прохоровском направлении, здесь на 14.VII главным силам Ротмистрова совместно со стрелковым корпусом Жадова поставлена ограниченная задача — разгромить противника в районе Сторожевое, севернее Сторожевое, совхоз "Комсомолец", выйти на линию Грязное — Ясная Поляна и тем более прочно обеспечить прохоровское направление.

Не исключена здесь и завтра возможность встречного танкового сражения. Всего против Воронежского фронта продолжают действовать не менее одиннадцати танковых дивизий, систематически пополняемых танками. Опрошенные сегодня пленные показали, что 19-я танковая дивизия на сегодня имеет в строю около 70 танков, дивизия "Райх" — до 100 танков, хотя последняя после 5.VII.43 уже дважды пополнялась. Донесение задержал в связи с поздним прибытием с фронта.

2 ч. 47 м. 14.VII.43. Из 5-й гвардейской танковой армии»[41].

* * *

14 и 15 июля бои продолжались с наибольшей активностью на флангах армии, где гитлеровцы еще пытались прорваться в наш армейский тыл. На левом фланге соединения 3-го немецкого танкового корпуса во взаимодействии с танковой дивизией СС «Райх» перешли в наступление вдоль Северского Донца, нанося удар по боевым порядкам 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса. Противнику удалось несколько потеснить наши части. Но гвардейцы, пропустив вражеские танки в глубину обороны, смело вступили с ними в бой, отрезая врагу пути отхода. Здесь снова отличились артиллеристы 689-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка майора И.С. Гужвы. С дистанции 150—200 метров они расстреливали «тигры», а лишь немногим из них удалось вырваться из огневого мешка. Совместными усилиями частей 5-й гвардейской танковой и 69-й армий гитлеровцы были остановлены, а затем отброшены на 5—6 километров.

Успешно наступали на правом фланге армии 24-я танковая и 10-я механизированная гвардейские бригады 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса, взаимодействуя с 18-м танковым корпусом и частями 5-й гвардейской армии генерала А.С. Жадова. В ходе боев в районе совхоза имени К.Е. Ворошилова они нанесли поражение 11-й танковой дивизии 48-го немецкого танкового корпуса, а затем выбили танковую дивизию СС «Мертвая голова» из Полежаева.

Героически сражалась танковая рота старшего лейтенанта М.Д. Калинина из второго батальона 24-й гвардейской танковой бригады. В течение дня воины роты трижды водили свои боевые машины в атаку, подбили 19 вражеских танков, в том числе 2 «тигра», разбили и раздавили 20 противотанковых орудий, несколько бронемашин и истребили до 400 солдат и офицеров противника[42]. Храбрейшим из храбрых был эки-

паж гвардии младшего лейтенанта Л.М. Татаринова, уничтоживший 4 вражеских танка и 4 бронемашины с пехотой.

Гитлеровцы возобновили атаки против 18-го и 29-го корпусов, как только они по моему приказу перешли к жесткой обороне. Противник вынужден был изменить тактику. Он уже не шел сразу на пролом нашей обороны крупными силами в плотных боевых порядках, а первоначально выдвигал небольшие разведгруппы из 3—5, обычно тяжелых, танков с мотопехотой. Они стремились вызвать на себя огонь наших противотанковых средств и раскрыть систему обороны. Затем следовала артиллерийская и минометная обработка переднего края, а уж после начинались массированные атаки танковых частей на широком фронте. Но все они были отражены огнем истребительно-противотанковых батарей и танками, окопанными в земле, при активной поддержке штурмовой и бомбардировочной авиации.

К вечеру 15 июля на всем фронте нашей армии наступило затишье. Противник прекратил атаки и даже не вел по нашему расположению беспокоящего артиллерийского огня.

Вот когда мы почувствовали, что перелом наступил. Враг выдохся и, видимо, окончательно осознал бесплодность своих попыток прорваться на Курск. Из распоряжения командующего Воронежским фронтом прекратить наступательные действия, повсеместно перейти к жесткой обороне я понял, что обстановка коренным образом изменилась.

Ночью меня вызвали на КП генерала армии Н.Ф. Ватутина. К моему приезду А.М. Василевский уже улетел в штаб Юго-Западного фронта, а Г.К. Жуков отдыхал.

Командующий фронтом информировал меня о положении на Воронежском, Центральном, Западном и Брянском фронтах.

— По имеющимся у нас данным, — говорил Н.Ф. Ватутин, — успехи советских войск под Орлом поставили немец-

кое командование перед необходимостью принять решение об отводе четвертой танковой армии и оперативной группы «Кемпф» на рубежи, с которых они начинали наступление. — В комнате было душно, и распахнутые настежь окна не приносили прохлады. Ватутин расстегнул воротник гимнастерки и продолжал: — Так вот, нам надо не упустить момент, когда противник начнет отводить свои войска, наседать на него, бить, как говорится, в хвост и в гриву. А это лучше всего могут сделать наши подвижные соединения — танковые и механизированные корпуса.

— Все правильно, — согласился я. — Но у нас, товарищ командующий, еще много разбитых машин, хотя к восстановлению поврежденной боевой техники наши ремонтники приступили уже тридцатого июля.

— Понимаю, Павел Алексеевич, — мягко притронулся к моему плечу Николай Федорович. — Я сам внес предложение вскоре после перехода в контрнаступление вывести вашу армию в резерв для пополнения личным составом и боевой техникой. А пока танкистам следует еще раз надавить на фашистов.

Решено было перегруппировки армии не производить. Ее соединениям надлежало наступать в тех же направлениях, на которых они действовали.

Вернувшись на свой КП, я созвал Военный совет армии и изложил свое решение на наступление. Для разработки задач корпусам и подготовки к наступлению оставалось немногим меньше суток.

Большое значение придавалось политическому обеспечению предстоящего контрнаступления. Во всех частях и подразделениях был зачитан мой приказ, в котором я объявлял благодарность войскам армии за успешные действия в сложной боевой обстановке встречного сражения, ставшие возможными благодаря боевому мастерству, высокому моральному духу всех бойцов и командиров, их беспримерному

мужеству и непреклонной вере в победу над врагом, сколоченности штабов и жизнестойкости служб.

В приказе особо отмечались боевые заслуги войск под командованием генералов И.Ф. Кириченко, Б.М. Скворцова, Б.С. Бахарова, полковников А.А. Линева, Г.Я. Борисенко, Н.К. Володина, С.Ф. Моисеева, подполковников В.Д. Тарасова, В.А. Докудовского, В.А. Пузырева и майора Н.А. Курносова. Отмечена была также четкая и плодотворная работа оперативного и политического отделов армии[43].

...Утром 17 июля после короткой, но мощной артиллерийской подготовки 5-я гвардейская танковая армия перешла в наступление. Однако темпы продвижения были невысокими. Противник сдерживал наши соединения сильными арьергардами, в составе которых действовали гренадерские полки, танки, артиллерия, минометы, саперы. Они минировали подступы к высотам и населенным пунктам, опушки леса, перекрестки дорог и оказывали упорное огневое сопротивление.

Наступавший вдоль железной дороги 29-й танковый корпус только к исходу дня овладел совхозом «Комсомолец», а части 18-го танкового корпуса, действовавшие правее, с трудом захватили несколько высот. 2-й и 2-й гвардейский Тацинский танковые корпуса продвинулись за день всего от 3 до 4 километров.

Анализируя ход боевых действий армии, я пришел к выводу о необходимости перегруппировать ее главные силы к правому флангу и в тесном взаимодействии с 5-й гвардейской общевойсковой армией нанести удар в направлении Малые Маячки, Яковлево, далее на Томаровку. Выбор направления главного удара оказался удачным. Армия прорвала вражескую оборону и за двое суток продвинулась с боями на правом фланге до 25—30, на левом — до 15—20 километров.

Однако на рубеже Яковлево, Быковка разгорелись ожесточенные бои с основными силами 4-й немецкой танковой армии. Особенно жаркие, похожие на прохоровские, схватки завязались в районе высот восточнее Яковлево. В этих боях опять прозвучало уже упомянутое мною имя лейтенанта Л.М. Татаринова. 21 июля он, атакуя противника, занимавшего высоту 243,2, уничтожил два танка и два броневика, вывел с поля боя свою поврежденную машину, а на следующий день расправился еще с двумя вражескими танками, раздавил два орудия и истребил до ста гитлеровцев. Но этот бой стал для него последним. Отважный офицер скончался от смертельных ран.

Позднее Указом Президиума Верховного Совета СССР гвардии лейтенанту Леониду Михайловичу Татаринову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза[44].

С упорными боями пробивались вперед товарищи по оружию Леонида Татаринова. Враг не выдержал и под все нарастающим нажимом войск Воронежского фронта откатывался на рубежи, с которых он в первых числах месяца начинал операцию «Цитадель».

...Уже сгущались сумерки, когда на моем КП неожиданно появился командующий войсками Воронежского фронта генерал армии Н.Ф. Ватутин. Усталый, но, как всегда, приветливый, он крепко пожал мне руку и, улыбаясь, сказал:

— Выполняю обещание. С разрешения Ставки ваша армия выводится в резерв фронта.

Николай Федорович подошел к разложенной на столе карте и очертил карандашом район Яковлево, Большие Маячки, Грязное.

— Передавайте занимаемый участок Алексею Семеновичу Жадову вместе со вторым и вторым гвардейским танковыми корпусами. И как только сосредоточитесь здесь, приводите армию в порядок.

* * *

В ночь на 24 июля 5-я гвардейская танковая армия без 2-го гвардейского Тацинского и 2-го танковых корпусов, переданных 5-й гвардейской армии генерала А.С. Жадова, отошла в район сосредоточения, указанный командующим фронтом. Командиры и штабы немедленно приступили к приведению своих частей и соединений в порядок. Штабу армии и прежде всего мне надлежало знать состояние всего армейского организма, как доктору пациента, заботиться о его «здоровье», восстанавливать силы, обеспечивать всеми видами боевого довольствия.

Минувшие бои значительно ослабили армию. Правда, потери в личном составе у нас были сравнительно небольшие, а вот положение с состоянием бронетанковой техники внушало тревогу. Уже за первые два дня встречного сражения под Прохоровкой, не считая безвозвратных потерь, количество поврежденных танков превышало 400. И это только тех, которые эвакуировались с поля боя армейскими, корпусными и бригадными сборными пунктами аварийных машин. Можно представить, что было бы с армией, не соверши солдаты и офицеры ремонтных подразделений поистине героический подвиг. Работая днем и ночью, в условиях налетов вражеской авиации, они за короткое время отремонтировали и вернули в строй 112 боевых машин. Не хватало запасных частей и агрегатов. Их снимали с совершенно разбитых или требующих капитального ремонта танков. Но недостаток механического и термического оборудования, приспособлений и кранов для подъема тяжелых танковых башен и моторов при всей изобретательности ремонтников все же тормозил восстановление боевой техники. На 19 июля у нас еще насчитывалось до 180 танков, требующих среднего и текущего ремонта. Большинство машин, оставшихся в строю, имели изношенные моторы и нуждались в замене ходовой части.

Перед штабом армии, командованием соединений и частей, партийными и комсомольскими организациями мною была поставлена задача в предельно сжатые сроки завершить ремонт всей боевой техники.

Имея на руках все данные о потребностях армии, я выехал на КП командующего войсками фронта.

Н.Ф. Ватутин с большим вниманием отнесся к нашим нуждам, тут же дал указание о доставке в армию танковых моторов и запасных частей из фронтовых баз бронетанкового снабжения.

— Для вас затребованы новые танки и маршевые пополнения, — обрадовал Николай Федорович, — сделаем все, чтобы армия восстановила свою боевую мощь. Некоторое время у нас для этого имеется.

Командующий фронтом сказал, что Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая усталость и потери войск Воронежского и Степного фронтов в период оборонительного сражения, решила временно прекратить наступление на белгородско-харьковском направлении для того, чтобы привести войска в порядок, пополнить их людьми, подвезти технику и вооружение, боеприпасы, горючее и другие виды материального обеспечения. Требовалось также доразведать оборону противника, уточнить план операции и произвести необходимые перегруппировки.

На этот раз у Н.Ф. Ватутина, видимо, было свободное время и желание поделиться своими мыслями. Он пригласил меня пообедать с ним в тихом, уютном домике, окруженном пышно разросшимся фруктовым садом.

За столом у нас состоялся продолжительный разговор, главным образом о действиях танковых войск в минувших оборонительных боях на Курской дуге. Командующий критически разбирал эти действия, отмечал допущенные ошибки и был самокритичен. По его мнению, большинство промахов произошло вследствие недостаточного опыта в применении

танковых соединений и объединений в оборонительных боях. Некоторые командующие общевойсковыми армиями вместо того, чтобы приданными танковыми бригадами цементировать оборону — использовать на танкоопасных направлениях совместно с противотанковой артиллерией, стали бросать их в контратаки против сильных танковых группировок врага, имевших в своем составе тяжелые танки «тигр» и штурмовые орудия «фердинанд».

Не обошлось без упущений и в использовании танковых армий, в частности 1-й танковой армии генерал-лейтенанта танковых войск М.Е. Катукова.

В первый же день наступления гитлеровцев против Воронежского фронта для его войск создалась очень сложная обстановка. Противник обрушил на 6-ю гвардейскую армию генерала И.М. Чистякова удар огромной силы и, прорвав ее оборону, начал развивать наступление. Для восстановления положения в полосе обороны 6-й гвардейской командование фронта решило уже на второй день ввести в сражение 1-ю танковую армию, поставив ей задачу нанести контрудар по наступавшей танковой группировке фашистов.

— Нам, и прежде всего мне, надо было думать не о контрударе, а об отражении удара превосходящих танковых сил противника. — Николай Федорович глубоко вздохнул и продолжал: — Русская пословица говорит: семь раз отмерь, один раз отрежь. Но беда в том, что долго отмерять у нас не было времени. События развивались с головокружительной быстротой. Враг ставил под угрозу вторую полосу нашей обороны и мог с ходу прорвать ее.

Из дальнейшего рассказа Ватутина я узнал, что положение усугубилось неудачным оперативным построением 1-й танковой армии. Вместо обоих (6-го и 31-го) танковых корпусов командарм поставил в первый эшелон 6-й танковый и 3-й механизированный корпуса.

— Конечно, — признался Ватутин, — здесь мой промах. Ведь я утвердил решение генерала Катукова. Однако Михаилу Ефимовичу как специалисту-танкисту и командарму лучше были известны боевые возможности подчиненных ему корпусов и их предназначение.

Я согласился с командующим фронтом в том, что командарму 1-й танковой не следовало использовать мехкорпус в первом эшелоне. Полностью укомплектованный хорошо подготовленным личным составом и боевой техникой, он все же уступал танковому корпусу по количеству боевых машин, а также в маневренности и силе удара. Вместе с тем, имея пять бригад, в том числе одну танковую, оснащенный мощной противотанковой артиллерией 3-й механизированный корпус, наступая во втором эшелоне, мог бы под прикрытием танковых корпусов развернуться на выгодном рубеже и успешно отражать танковые атаки противника, а с подходом резервных соединений фронта — окончательно остановить врага.

Но, к сожалению, так не получилось. Гитлеровцы нанесли удар в стык между 3-м механизированным и 6-м танковым корпусами. В образовавшийся разрыв между ними противник бросил под прикрытием средних танков группу тяжелых штурмовых орудий типа «фердинанд», которые начали поражать фланговым огнем наши танки с дальних расстояний. Не успевшие занять оборону механизированные бригады 3-го мехкорпуса вынуждены были с боем отходить. 6-й танковый корпус вначале удерживал занимаемые позиции, но в связи с отходом мехкорпуса под угрозой флангового удара противника тоже отошел. Не спас положения ввод в сражение 31-го танкового корпуса и еще трех танковых корпусов из резерва фронта. Левый фланг 1-й танковой армии под напором крупной массы вражеских танков стал постепенно загибаться на северо-запад.

С восхищением говорил Н.Ф. Ватутин о величайшем героизме советских воинов. Танкисты, личный состав противо-

танковой артиллерии, мотострелки, саперы стояли насмерть. Враг нес огромные потери. Только за один день боя гитлеровцы потеряли 11 тысяч солдат и офицеров, 230 танков и самоходных орудий[45].

— Это благодаря беспримерному мужеству и невиданной стойкости солдат, сержантов, офицеров и генералов первой танковой, шестой и седьмой гвардейских армий танковая лавина гитлеровцев не смогла пробиться через Обоянь на Курск еще до подхода в район Прохоровки вашей армии, — сказал командующий фронтом. — Ну а нам, командованию фронта и армий, — посмотрел на меня Николай Федорович, — нужно сделать соответствующие выводы, чтобы впредь не допускать таких ошибок, которые на войне обходятся очень дорого.

Получив предварительные указания о подготовке к наступлению, я вернулся на свой КП, расположенный в хуторе Береговой.

Началась подготовка ко второму этапу Курской битвы — к контрнаступлению на белгородско-харьковском направлении, или операции «Румянцев», названной так в честь выдающегося русского полководца П.А. Румянцева.

Напряженно работал штаб армии под руководством не знавшего устали генерала В.Н. Баскакова. Он занимался решением массы вопросов, связанных с боевой подготовкой личного состава частей и соединений, подвозом боеприпасов, продовольствия, горючего и смазочных материалов, анализом данных о противнике.

Особое внимание уделялось завершению ремонта танков. Каждый день генерал С.А. Соловой докладывал мне, сколько и каких отремонтировано боевых машин, а начальник штаба армии — о прибытии свежих маршевых танковых рот. К 30 июля армия имела уже 503 танка и 40 самоходно-артиллерийских установок.

— Приятно, товарищ командующий, — с явным удовольствием говорил В.Н. Баскаков, — когда видишь по-боевому

настроенных танкистов и еще пахнущие свежей краской прибывающие танки.

Как-то в штаб не вошел, а будто влетел крайне возбужденный командир 29-го танкового корпуса генерал Кириченко.

— Безобразие! Волокита! — бушевал он.

— В чем дело? — как можно спокойнее спрашиваю генерала.

— Да этот непробиваемый, как его, упрснабрембронь задерживает мне ремонт танков. Начштаарм, говорит, установил очередность... — И, круто повернувшись к генералу Баскакову, Кириченко с укором спросил: — Что же это получается, дорогой Владимир Николаевич? Как в бой — так в первую очередь! А тут в последнюю...

— Успокойся же ты, Иван Федорович. Завтра, а может, и сегодня вечером приступят к ремонту и твоих танков, — пообещал Баскаков.

— Ну я заседлаю его и не слезу, пока не закрутят последнюю гайку! — вихрем сорвался с места Кириченко, имея в виду начальника управления бронетанкового снабжения и ремонта генерала С.А. Солового.

Мы рассмеялись, глядя вслед чересчур распалившемуся комкору. Нравился он нам — волевой, лихой, напористый, многоопытный.

Прибыл из 29-го танкового корпуса член Военного совета генерал П.Г. Гришин, рассказал, что танкисты деятельно готовятся к боям. Только за один вчерашний день в корпусе восстановлено 20 танков. Политотдел корпуса развернул активную партийно-политическую работу. Не отстают и комсомольцы. Идет прием в партию и в комсомол, восстанавливаются численно и укрепляются партийные и комсомольские организации.

Петр Григорьевич похвалил коллектив редакции армейской газеты «На штурм» во главе с подполковником

Л.В. Смирновым. Газета держала бойцов и командиров в курсе всех важнейших событий на фронтах, в стране и за рубежом, публиковала волнующие информации о героях боев, пропагандировала опыт мастеров военного дела. Особое внимание уделяла воспитанию гвардейцев на славных боевых традициях Красной армии, в духе беспредельной любви к нашей Родине и ненависти к фашистским захватчикам.

* * *

В конце июля была получена директива командующего Воронежским фронтом на предстоящую наступательную операцию. 5-я гвардейская танковая армия вместе с 1-й танковой армией включалась в состав подвижной группы фронта. Нам предстояло войти в прорыв в полосе 5-й гвардейской армии генерала А.С. Жадова и, действуя в направлении Бессоновка, Уды, Золочев, Олынаны, разгромить противостоящего противника, к исходу первого дня наступления войти в районы Орловка, Щетиновка и Бессоновка. Через три дня операция должна была завершиться выходом на рубеж Ольшаны, Люботин и перехватом дорог, идущих с запада к Харькову. Начало наступления намечалось на 3 августа 1943 года[46].

В.Н. Баскаков вызвал начальника оперативного отдела гвардии подполковника Ф.М. Белозерова и начальника разведки армии майора Ф.Я. Митина. Первым был заслушан Митин. Он доложил данные о противнике, имевшиеся в распоряжении разведывательных органов штаба фронта и армий.

На белгородском направлении оборонялись войска все тех же 4-й немецкой танковой армии и оперативной группы «Кемпф», но уже в ослабленном составе. Гитлеровцы вынуждены были спешно снять ряд дивизий с белгородско-харьковского направления и перебросить их в район Орла, а частично — в Донбасс. Однако переброску этих сил против-

ник пытался компенсировать всемерным укреплением и глубоким эшелонированием своей обороны. Главная ее полоса состояла из двух позиций глубиной 6—8 километров, вторая проходила в 12—15 километрах от переднего края и включала одну позицию, глубина которой составляла 2—3 километра. На каждой позиции были оборудованы с присущей немцам скрупулезностью опорные пункты и узлы сопротивления, соединенные между собой траншеями полного профиля. Кроме того, имелась промежуточная позиция, а все подступы к переднему краю и промежутки между опорными пунктами прикрывались рогатками, эскарпами, ежами, минновзрывными заграждениями.

Проанализировав обстановку, силы и характер обороны противника, я решил вводить армию в прорыв в двухэшелонном построении, имея в первом эшелоне 18-й и 29-й танковые корпуса, во втором — 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус. В резерве оставались части отряда генерала К.Г. Труфанова. Командирам корпусов были отданы предварительные распоряжения о подготовке к операции и разработке своих решений.

...С утра 31 июля в хуторе Береговой царило необычное оживление. К штабу армии подходили автомашины с офицерами из соединений и армейских частей. Заканчивались последние приготовления к совещанию — операторы развешивали карты и схемы, бойцы расставляли наскоро сколоченные скамейки. Ожидали командующего войсками Воронежского фронта генерала армии Н.Ф. Ватутина.

И вот появился «виллис» командующего в сопровождении бронетранспортера с охраной. Вместе с Н.Ф. Ватутиным приехал и Г.К. Жуков. Приняв мой рапорт, они прошли в штаб, где уже все были на местах.

Совещание было коротким. Мне на доклад решения отводилось всего пять минут, командирам корпусов — две-три минуты. Выслушав доклады и одобрив их, маршал

Жуков информировал нас о замысле операции по разгрому белгородско-харьковской группировки противника.

— Ставка Верховного Главнокомандования, — сообщил он, — решила нанести по этой группировке удар войсками смежных флангов Воронежского и Степного фронтов из района юго-западнее Белгорода в общем направлении на Богодухов, Валки с целью рассечь немецко-фашистские войска на две части, а затем разгромить главные силы противника в районе Харькова.

Затем генерал Ватутин коротко изложил задачу Воронежского фронта. Предстояло ударом 5-й и 6-й гвардейских общевойсковых армий прорвать оборону противника и вводом в прорыв фронтовой подвижной группы (1-я и 5-я гвардейская танковые армии) в высоких темпах развить наступление в общем направлении на Золочев, Валки в обход Харькова с запада.

После отъезда Г.К. Жукова и Н.Ф. Ватутина я связался с командующими войсками 5-й гвардейской и 1-й танковой армий генералами А.С. Жадовым и М.Е. Катуковым. Договорились встретиться на командном пункте 5-й гвардейской армии, чтобы вместе с начальниками штабов и оперативных отделов армий согласовать вопросы взаимодействия по этапам операции, а главное — наметить маршруты движения вводимых в прорыв танковых корпусов в полосе наступления 5-й гвардейской армии.

Вечером мы уже собрались у А.С. Жадова. Алексей Семенович подробно информировал нас о принятом им решении на операцию, которое сводилось к следующему: ударом пяти усиленных стрелковых дивизий в направлении Зеленая Дубрава, Орловка прорвать оборону противника на всю ее глубину и овладеть рубежом Пушкарное, Раково, обеспечив ввод в прорыв наших танковых армий.

Он был уверен в успехе, поскольку армия получила большое артиллерийское усиление, позволившее спланировать

мощную артиллерийскую подготовку продолжительностью около трех часов с плотностью до 230 орудий и минометов на один километр участка прорыва.

— Все это хорошо, — заметил я, выслушав А.С. Жадова. — Но не получится ли, что ваши войска при бое в глубине обороны противника останутся без поддержки наших танков?

— Как так? — удивленно поднял густые брови командарм.

— Очень просто. У вас прорыв осуществляется на участке всего каких-нибудь десяти километров. Как только ваши ударные части прорвут первый оборонительный рубеж противника, за ними тотчас же хлынут войска вторых эшелонов и тылы. Все намеченные маршруты движения танков эти войска могут запрудить и отсечь наши танки.

— Да, это действительно сложный вопрос, — согласился А.С. Жадов.

— Давайте думать, как нам его решить, — предложил М.Е. Катуков.

В относительно узкой полосе прорыва предстояло двигаться одновременно четырем танковым корпусам — первым эшелонам двух танковых армий. Для них нормально требовалось не менее восьми маршрутов. Но, поскольку такой возможности не было, решили двигать танковые корпуса по четырем маршрутам. А для того чтобы они не оказались занятыми другими войсками, следовало колонны бригад первых эшелонов танковых корпусов держать от атакующей пехоты на удалении не более 2—3 километров. Условились также обратить особое внимание на организацию четкой совместной службы регулирования движения и систему опознавания при бое в глубине.

Во второй половине дня 2 августа штаб нашей армии и мой КП переместились в район села Яковлево, а с наступлением сумерек начали выдвижение в исходные районы 18-й и 29-й танковые корпуса. В два часа ночи они без каких-

либо затруднений сосредоточились на рубеже Быковка, Крапивенские Дворы, где заняла огневые позиции переброшенная за день до подхода танков армейская артиллерия.

Занималось утро 3 августа 1943 года. Скоро с моего наблюдательного пункта сквозь белесый туман стали просматриваться полуразрушенные деревни и кромка леса, именуемого на карте Журавлиным. Там боевые порядки стрелковых дивизий 5-й гвардейской армии, и я почти зримо представлял, как волнуются гвардейцы перед штурмом вражеской обороны.

К началу артиллерийской подготовки я приехал на КП А.С. Жадова. Здесь был представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. А когда часовая стрелка коснулась цифры «5», гром артиллерийской канонады разорвал утреннюю тишину. Огонь вели тысячи орудий, в том числе часть наших гаубиц, заранее выдвинутых к огневым позициям артиллерии 5-й гвардейской армии. На широком пространстве по фронту пламенели красновато-желтые вспышки, а дальше, к югу, на переднем крае и в глубине обороны противника, вспучивались бурые всплески взрывов, сливавшиеся в сплошную темную гряду земли, поднятую могучей силой в воздух. Дым и пыль разрастались, густым облаком клубились над вражеской обороной, сотрясаемой ураганным огнем артиллерии.

Такую по мощности артиллерийскую подготовку я видел впервые.

Волна за волной прошли наши бомбардировщики. И только они отбомбились, как появились стремительные штурмовики. Последовали залпы гвардейских минометов, и тут же прокатилось могучее, долго не смолкающее «ура». Это перешла в наступление 5-я гвардейская армия генерала Жадова.

По решению командующего фронтом войска 5-й гвардейской танковой армии должны были вводиться в сражение

после прорыва стрелковыми соединениями главной оборонительной полосы противника и лишь в случае крайней необходимости допрорывать оборону врага. Поэтому с началом атаки пехоты я приказал командирам танковых корпусов вести головные бригады непосредственно за стрелковыми частями. Когда темп наступления пехоты начал снижаться, ко мне обратился находившийся на НП А.С. Жадова маршал Г.К. Жуков:

— Товарищ Ротмистров, не пора ли двинуть танки?

— Время, товарищ маршал, — ответил я и тотчас же отправился на свой КП, отдав соответствующие распоряжения командирам корпусов. В частности, приказал выдвинуть в боевые порядки пехоты по одной танковой бригаде от 18-го и 29-го танковых корпусов для обеспечения завершения прорыва тактической обороны противника.

К четырнадцати часам гвардейцы армии генерала Жадова при поддержке нашей и 1-й танковой армий полностью прорвали главную оборонительную полосу немцев, что позволило мне без помех выдвинуть 18-й и 29-й танковые корпуса на рубеж ввода их в прорыв шириною около 4 километров. 29-й танковый корпус генерала И.Ф. Кириченко двинулся вправо, на Степное. Слева развернулись бригады 18-го танкового корпуса, командование которым незадолго до наступления принял от генерала Б.С. Бахарова генерал-майор танковых войск Александр Васильевич Егоров.

Оба корпуса как бы входили в коридор, образованный с одной стороны глубоким логом, с другой — заболоченным яром. Сплошная гряда высот, минные и другие заграждения затрудняли танкам маневр. Но с помощью сапёров танкисты расчищали себе путь и постепенно увеличивали темпы продвижения. В эфире все чаще слышался властный голос командира головной, 32-й танковой бригады полковника А.А. Липева: «Сократить дистанции!», «Увеличить скорость!»

В середине дня первый эшелон 5-й гвардейской танковой армии, преодолев главную полосу обороны противника, начал обгонять боевые порядки пехоты. Выдвижение массы танков пехота встретила восторженно.

Сокрушительными были удары нашей артиллерии и авиации. Подъезжая с оперативной группой к высоте 227,6, на свой очередной наблюдательный пункт, я видел искромсанные, изрытые взрывами снарядов, мин и авиабомб траншеи и ходы сообщения, доты и дзоты, исковерканные, превращенные в груды металла орудия, сожженные танки противника, повсюду в разных позах валялись трупы захватчиков.

Ко мне на НП привели трясущегося от страха всем своим сухопарым телом связиста 328-го мотоциклетного полка 167-й немецкой пехотной дивизии.

— Мы не понимаем, что случилось! — лепетал он. — Еще вчера нам говорили, что наша дивизия будет наступать... А сейчас! — Обхватив голову костлявыми грязными пальцами, гитлеровец что-то бормотал себе под нос и ошалело таращил водянистые глаза.

А его 167-я с 332-й пехотной и 18-й танковой дивизиями откатывалась на юг. У меня на оперативной карте появлялись все новые и новые пометки о положении частей и соединений.

Солнце уже клонилось к закату. Затянутое облаком дыма и пыли, оно казалось изжелта-красным. Напряжение боя спадало. Прибывали один за другим офицеры связи. Настроение у всех было бодрое. Наша 1-я танковая и 5-я гвардейская армии к исходу дня прорвали вторую полосу обороны врага, продвинувшись на 25—30 километров. И что самое важное, главные силы наших корпусов совместно с войсками 1-й танковой армии вышли на рубеж железной дороги Томаровка — Белгород, разъединив томаровский и белгородский узлы сопротивления врага[47].

Это был большой успех. Его обеспечили своим неудержимым наступательным порывом гвардейцы-танкисты, пехотинцы, артиллеристы и минометчики, бойцы всех родов войск и служб. В достижение успеха внесли свой весомый вклад летчики 291-й штурмовой авиационной дивизии генерала А.Н. Витрука и 10-го истребительного авиационного корпуса полковника М.М. Головни.

В пять часов утра 4 августа 5-я гвардейская танковая армия продолжила наступление, стремясь как можно быстрее развить тактический успех в оперативный. Начало было многообещающим. К девяти часам передовые отряды уже подошли к Орловке и Козичеву. Но здесь их остановила 6-я немецкая танковая дивизия, усиленная частями других соединений противника. Гитлеровцы с отчаянным упорством цеплялись за каждый выгодный рубеж, а их здесь было немало. Множество высот, глубоких балок и речек, в том числе труднопроходимая речка Гостенка, сами по себе представляли серьезные препятствия для наших танков. Все подступы к ним противник успел заминировать, а на высотах окопать танки и противотанковую артиллерию с круговым обстрелом.

18-й танковый корпус генерала А.В. Егорова уперся в оборону противника и, не имея условий для маневра, вынужден был временно приостановить наступление. Поступило тревожное донесение и от командира 29-го танкового корпуса генерала И.Ф. Кириченко. Сопротивление врага с каждым часом усиливалось, корпус нес потери, особенно от участившихся налетов фашистской авиации. Кириченко просил оказать помощь огнем артиллерии и авиацией.

Вызываю поддерживающую авиацию. Штурмовики пикируют на противника, бомбят и обстреливают его позиции. Но это не помогает. Гитлеровцы глубоко закопались в землю, отражают наши атаки сильным огнем и даже кое-где переходят в контратаки.

Принимаю решение подтянуть артиллерию и ввести в сражение второй эшелон армии — 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус. Командиру корпуса генералу Б.М. Скворцову было приказано нанести удар на Казачев, Уды в обход левого фланга 6-й танковой дивизии противника и к исходу дня выйти в район Золочева.

Однако не успел еще корпус генерала Скворцова достигнуть рубежа ввода в бой, как последовала радиограмма командующего Воронежским фронтом с приказом повернуть его войска на Белгород. Лишь позже мы узнали, что наступавшая левее 5-й гвардейской танковой армии 53-я армия генерала И.М. Манагарова частями приданного ей 1-го механизированного корпуса, которым командовал генерал-майор танковых войск М.Д. Соломатин, вышла на ближайшие подступы к Белгороду. Для оказания помощи войскам Степного фронта генерал армии Н.Ф. Ватутин и потребовал от меня нанести удар в белгородском направлении силами 5-го гвардейского механизированного корпуса.

Приказ надо было выполнять и одновременно искать выход из кризиса, сложившегося в наступлении 18-го и 29-го танковых корпусов. Первое, что я предпринял, — срочно ввел в бой находившийся в моем резерве отряд частей генерала К.Г. Труфанова, поставив ему ту же задачу, что ставил и 5-му гвардейскому механизированному корпусу. Танковым корпусам было приказано: 18-му — обойти Орловку с северо-запада на Гомзино; 29-му — во взаимодействии с войсками 5-й гвардейской армии уничтожить противника в районе Орловки.

Вечером, в то время, когда мы анализировали причины задержки наступления наших танковых корпусов, поступило сообщение, что 3-й механизированный корпус 1-й танковой армии форсировал реку Гостенка в 10 километрах юго-западнее Орловки и продолжает развивать наступление на юг и юго-запад. Следовало воспользоваться успехом нашего

соседа, и я тут же приказал генералу Труфанову немедленно выдвигаться на правый фланг армии.

О результатах боев за 5 августа генерал В.Н. Баскаков лаконично доносил начальнику штаба Воронежского фронта:

«1. 18-й танковый корпус, обходя Орловку с запада, к 17 часам двумя бригадами (110 тбр и 32 мсбр) вышел на рубеж Гомзино и продолжает наступление на Щетиновку. В дальнейшем эти бригады обеспечивают действия корпуса слева на Золочев.

2. 29-й танковый корпус к 16 часам главными силами овладел Орловкой. Развивает успех на юго-запад.

3. 5-й гвардейский механизированный корпус атакует на Грязное. Вошел в соприкосновение с частями 1-го механизированного корпуса генерала М.Д. Соломатина»[48].

Но главным и радостным событием этого дня явилось освобождение советскими войсками старинного русского города Белгород. Радость эта была всеобщей, всенародной. Впервые за минувшие два года Великой Отечественной войны столица нашей Родины Москва салютовала в честь войск, освободивших Орел и Белгород. В числе их был и наш 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус.

* * *

Для повышения темпов наступления я принял решение продолжать боевые действия и ночью. При этом танковые бригады, наступавшие во втором эшелоне корпусов и, следовательно, имевшие меньший дневной расход боеприпасов и горючего, к ночи выдвигались в первый эшелон. В это время подтягивались тылы, транспорт армии подвозил для выведенных из первого эшелона частей снаряды, патроны, горючее, восстановленные ремонтниками танки. Таким образом, происходило постоянное освежение сил, действовавших на острие удара, до минимума сокращался расход времени на дозаправку танков и пополнение их боеприпасами.

Учтено было и то обстоятельство, что немцы уступали нам в умении вести ночной бой, плохо ориентировались в темноте и вообще старались использовать ночное время для отдыха. Мы к тому же действовали на родной земле. У нас было много добровольных помощников из местных жителей, хорошо знавших проселочные дороги, броды через речки, наиболее удобные подступы к населенным пунктам, а нередко и составы гарнизонов немецких войск, огневые позиции их артиллерии и пулеметов.

Внезапные ночные удары даже отдельных частей приносили порой такой успех, которого не могли бы добиться более крупные силы, наступая в дневное время.

И на этот раз 181-я танковая бригада, действуя в качестве передового отряда 18-го танкового корпуса, в ночь на 8 августа по заросшей проселочной дороге вышла в тыл противника и устремилась к городу Золочев.

Позже лично от командира бригады подполковника В.А. Пузырева я узнал подробности боя и даже кое-что о действиях отдельных экипажей танков.

...Было уже за полночь, когда танкисты с выключенными фарами машин достигли окраин города. Тусклый свет луны бросал таинственные блики на придорожные кусты, заглядывал в балки и овраги. Где-то в тылу громыхали артиллерийские залпы, разрезая горизонт багровыми языками пламени.

К четырем часам утра бригада вышла на окраины города и по команде В.А. Пузырева остановилась, заглушив моторы. Командиры батальонов и рот собрались у танка подполковника, ожидая его решения.

— А я поначалу заколебался, — признался мне Пузырев. — Не знал ведь, товарищ командующий, что за силы в городе. Думаю, как бы не влипнуть. Можно подождать до рассвета и разведать противника. Размышляя, прислушиваюсь. Тихо. Необычно спокойно, даже не слышно лая со-

бак. Враг спит. Наконец решаю ворваться в город, посеять среди фашистов панику и смятение. Главное — внезапность и быстрота действий...

Смелое решение. Недаром говорят, что смелость города берет. И комбриг коротко приказал:

— Заводить машины. Устроим гитлеровцам подъем. Действовать с предельной осторожностью, однако и с неменьшей решительностью. Вперед, на Золочев!

Взревели моторы, и танки ворвались в город. Разбуженные скрежетом гусениц и грохотом пушечной стрельбы, полураздетые гитлеровцы ошалело выскакивали из домов и, подкошенные пулеметным огнем, валились как снопы. Более опытные офицеры бросались на соседние улицы, пытаясь организовать сопротивление. Но наши танковые роты двигались параллельно по всем улицам, расстреливали и давили стоявшие на обочинах грузовые и штабные автомашины, тягачи, орудия, походные кухни.

У церкви фашистские артиллеристы поспешно развертывали противотанковую батарею. Это заметил младший лейтенант Г.Г. Баратынский. Его танк на высокой скорости пересек площадь и через несколько минут раздавил пушки противника.

С рассветом сопротивление гитлеровцев начало возрастать. Об этом комбриг доложил по радио командиру корпуса и получил приказ во что бы то ни стало удержаться в городе.

Враг мог подбросить подкрепление по железной дороге. «Надо захватить вокзал», — решил Пузырев. Танки капитана Я.П. Вергуна и старшего лейтенанта Е.В. Шкурдалова помчались к станции, уничтожая по пути метавшихся гитлеровцев.

До вокзала осталось еще два-три квартала. И вдруг Шкурдалов обнаружил, что в азарте боя он израсходовал весь боезапас. Пушка была заряжена последним снарядом. А тут

из двора выскочила открытая легковая автомашина и промчалась мимо танка. Шкурдалову видно было, как в машине подпрыгивает фуражка немецкого генерала: «Ах, черт! Ведь уйдет же...» — подумал он и выпустил оставшийся снаряд.

— Готов! — обрадованно крикнул механик-водитель старший сержант А.И. Журавлев, когда машина разлетелась на куски.

Только разделались с машиной, из переулка выполз и двинулся наперерез вражеский танк.

— Тарань! — приказал командир механику-водителю.

Едва успел Журавлев выключить сцепление, как тридцатьчетверка ударила в борт немецкого танка. Тот от сильного удара свалился в кювет и вспыхнул. Дорога свободна! И танк Шкурдалова ринулся вперед на помощь капитану Вергуну.

С восходом солнца бой разгорелся с новой силой. Противник успел подтянуть танки и самоходки. К станции подошел вражеский бронепоезд. Все труднее становилось сдерживать напор гитлеровцев. Но вот на высотах севернее Золочева показались тридцатьчетверки. Выбив противника из Щетиновки и Уды, главные силы 18-го танкового корпуса спешили на помощь 181-й бригаде.

Под вечер гитлеровцы были окончательно отброшены на юго-запад.

За мужество и бесстрашие, проявленные в этих и предыдущих боях, капитану Я.П. Вергуну и старшему лейтенанту Е.В. Шкурдалову Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза.

В то время как 18-й танковый корпус очищал от противника Золочев, 29-й развивал наступление в направлении крупного населенного пункта Казачья Лопань, расположенного на шоссе Белгород—Харьков. Враг оказывал ожесточенное сопротивление, бросая в бой все, что у него имелось: саперов, орудийных техников и даже санитаров. К Казачьей Лопани подошла и развернулась там 3-я немецкая танковая

дивизия. Борьба за этот населенный пункт предельно обострилась. Но все же 29-му танковому корпусу удалось ворваться на западную и северо-западную окраину села. Всю ночь продолжался напряженный бой. А к утру я приказал генералу Кириченко передать позиции корпуса 6-й гвардейской воздушно-десантной дивизии армии А.С. Жадова и нанести удар на село Должик. Одновременно с разрешения командующего Воронежским фронтом к развитию успеха армии был привлечен 5-й гвардейский механизированный корпус. Снятый из-под Грязного, он выдвинулся через Гомзино, Щетиновку в обход Золочева с востока на Дергачи. А к утру 9 августа части 29-го танкового корпуса после упорных боев овладели и Должиком. С выходом 5-й гвардейской танковой армии в район Золочев, Должик, Казачья Лопань оборона противника была рассечена на две части.

Значительных успехов добились 1-я танковая и 6-я гвардейская армии, наступавшие правее 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской армий. Они перерезали в районе Богодухова шоссейную и железную дороги Харьков—Сумы, создав непосредственную угрозу тыловым коммуникациям харьковской группировки противника с запада.

Наша армия продолжала оставаться в оперативном подчинении командующего Воронежским фронтом, но меня уже поставили в известность, что она передается в состав Степного фронта. Как позже стало известно, по плану Харьковской операции, представленному Г.К. Жуковым и И.С. Коневым Верховному Главнокомандующему и утвержденному им, 5-я гвардейская танковая армия передавалась Степному фронту. Во взаимодействии с 53-й армией генерала К.М. Манагарова она должна была обходить Харьков с запада и юго-запада. Однако официальной директивы об этом я еще не получил. Войска армии пока действовали на стыке Воронежского и Степного фронтов, выполняя ранее поставленную задачу. Противник же в это время вел сдерживающие бои,

используя систему узлов сопротивления, созданных в Полевом, Ольшанах, Пересечной, пытаясь локализовать наше наступление северо-западнее Харькова.

9 августа на мой НП прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза Г.К. Жуков.

— Ну как, танкист, трудно стало воевать с бронетанковыми войсками немцев? — спросил он, выслушав мой доклад о ходе действий армии.

— Да, не легко, особенно против их тяжелых танков,— откровенно признался я. — Они оснащены сильным артиллерийским вооружением, которое превосходит артиллерийское вооружение наших боевых машин...

— Какой же напрашивается вывод?

— Нам, товарищ маршал, нужно создать свои новые танки с более мощной пушкой, а также тяжелые самоходные артиллерийские установки, может быть вооружив их стодвадцатидвухмиллиметровыми пушками. Только в этом случае наши бронетанковые войска добьются превосходства над бронетанковыми силами немцев.

— Ясно. Об этом мне уже говорил Иван Степанович Конев, — заметил Георгий Константинович.

— На первых порах хотя бы поставить стомиллиметровую пушку на шасси Т-34, то есть сделать самоходную артиллерийскую установку и вооружить эти танки восьмидесятипятимиллиметровой пушкой.

— Хорошо. Ваше мнение будет доложено Верховному, — пообещал Г.К. Жуков.

Маршал подошел к развернутой мною карте.

— К двадцати часам, — подчеркнул он карандашом один из населенных пунктов, — вам надлежит быть здесь. Вас встретят и проводят на мой КП.

После отъезда Г.К. Жукова я вызвал командиров корпусов, приказал им оставить в первой линии минимум танков,

за ночь создать сильные вторые эшелоны и резервы, с наступлением темноты вести по противнику беспокоящий огонь из танков, артиллерии и минометов.

К указанному Г.К. Жуковым времени я подъехал к небольшому поселку. Встретивший меня офицер попросил оставить машину в поселке и следовать за ним. Мы двинулись по проселочной дороге, уходившей в густой сосновый лес. Там стояло несколько служебных вагонов, хорошо закамуфлированных и скрытых до самых крыш в глубокой выемке. Было сумрачно и тихо. Только из одного вагона, на вид такого же, как и все остальные, доносилась игра на баяне. В этот вагон и пригласили меня.

Г.К. Жуков, одетый в белую, вышитую по вороту рубашку, сидел на стуле, медленно растягивая мехи баяна.

— Хорошо играете! — сказал я, приветствуя Георгия Константиновича.

— Какое там, — улыбнулся маршал. — Вот Манагаров большой мастер. Не могу наслушаться, когда бываю в его армии. — Он отложил в сторону баян и глубоко вздохнул: — А я просто так, по настроению, чтобы развеять грустные думы или, наоборот, сосредоточиться... И представьте себе — помогает. — Георгий Константинович встал и предложил мне поужинать. Я поблагодарил и, сославшись на то, что перед дорогой закусил, отказался.

— Тогда к делу, — сказал Жуков и подошел к большой карте, развернутой на длинном столе. Он показал и рассказал мне, как складывается обстановка под Харьковом, затем, будто между прочим, заметил, что есть данные о переброске немцами заново пополненного личным составом и материальной частью 2-го танкового корпуса СС в состав орловской группировки для парирования удара нашего Брянского фронта.

Маршал взглянул на меня. Его лицо посуровело, на переносице обозначилась складка.

— А лично я этому не верю! — положил он руку на карту. — Не может такого быть, когда завязывается борьба за Харьков. Не следует забывать, что гитлеровцы — изощренные мастера дезинформации. Ввели же они нас в заблуждение в марте этого года. Первым попалось на их удочку командование Юго-Западного фронта, которое приняло перегруппировку противника за отвод его войск на западный берег Днепра. А упомянутый эсэсовский корпус при мощной поддержке авиации нанес внезапный танковый удар из района Богодухова, в результате наши войска оставили уже освобожденные нами тогда Харьков и Белгород. — Г.К. Жуков прошелся вдоль стола и, повернувшись ко мне, продолжал: — Так вот, есть опасения, что противник попытается повторить этот маневр или отсечь и расчленить группировку наших войск, охватывающую Харьков с запада. Мы не можем этого допустить... — Маршал на минуту задумался, потом обвел красным карандашом район юго-восточнее Богодухова и снова заговорил: — Вот здесь тридцать второй гвардейский стрелковый корпус генерала Родимцева армии Жадова. Вам ставится задача под прикрытием этого корпуса сосредоточить вашу армию в таком построении, чтобы она, как только закончится артподготовка и пехота начнет наступление, могла нанести мощный танковый удар на узком участке в обход харьковской группировки немцев с юга. Сколько вам потребуется времени на рокировку армии?

— Скрытно передислоцировать ее можно лишь ночами. В целом это займет около трех суток, — немного подумав, ответил я.

— А за двое нельзя?

— Нет, товарищ маршал, не успеем. Сейчас около двух часов ночи. У себя я буду в четыре. К пяти вызову командиров корпусов и выеду с ними на рекогносцировку. Им тоже потребуется время для рекогносцировки с командирами бригад. Ночью передислоцируются восемнадцатый и двадцать

девятый танковые корпуса. В следующую ночь выйдет в свой район пятый механизированный корпус. Еще потребуется ночное время для переброски остальных армейских частей и тылов...

Г.К. Жуков утвердил мой расчет и еще раз предложил мне перекусить. Я выразил ему признательность за внимание и попросил разрешения убыть в армию.

* * *

Армия скрытно и без особых помех сосредоточилась в лесу, рядом с избранными исходными районами для наступления. В соответствии с указаниями Г.К. Жукова я принял решение поставить оба танковых корпуса (18-й и 29-й) за боевыми порядками двух стрелковых дивизий генерала А.И. Родимцева, развернув их на фронте до 8 километров в двухэшелонном построении. 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус, составляя второй эшелон армейского построения, должен был занять выгодный рубеж на случай перехода к обороне.

Все, казалось, шло хорошо. Штаб армии связался со штабами 1-й танковой, 5-й и 6-й гвардейских армий. По их данным, обстановка благоприятствовала наступлению, противник в полосе предстоящих действий как будто не имел крупных сил.

С А.И. Родимцевым, которого я знал как опытного и отважного командира, договорились, что наступление он начнет в шесть часов утра после 45-минутной артиллерийской подготовки и следом за его корпусом двинутся наши танковые соединения. Наблюдательные пункты мы расположили поблизости, чтобы четко осуществлять взаимодействие. Мой же НП в этих условиях оказался впереди главных сил армии.

В четыре часа была отдана команда «По машинам!», и лес наполнился гулом моторов. Цепочки красных сигналов

скрывались в предутренней мгле. Танковые корпуса уходили в исходные районы.

Я тоже выехал на свой НП с запасом времени. Здесь около шести часов получил донесения о сосредоточении соединений и готовности их к наступлению. И вдруг обнаруживаю, что генерала Родимцева нет на его НП, а вместо канонады нашей артиллерии услышал рокот моторов немецких самолетов. Через несколько минут фашистская авиация обрушила бомбовый удар на Богодухов и поселок, в котором размещался штаб 32-го гвардейского стрелкового корпуса. Более того, разведчики доложили мне, что метрах в пятистах против моего НП стоят немецкие танки, которые я тоже увидел, посмотрев в бинокль. Немедленно сажусь в свой «виллис» и мчусь к А.И. Родимцеву. Застаю его у машины весьма расстроенным. Хата, в которой он ночевал, охвачена пламенем. Горели и другие дома поселка, пылали сараи, заборы, все вокруг.

— Александр Ильич! В чем дело? Почему не наступаете? — спрашиваю комкора.

— Не подошла еще артиллерия, — взволнованно ответил Родимцев. — Да и что делается, видите...

Возвращаюсь на основной НП. По дороге в бинокль наблюдаю безрадостную картину: немецкие танки наступают широкой лавой. Фашистская авиация бомбит нещадно. Наша пехота поспешно отходит и даже кое-где бежит. Только противотанковая артиллерия ведет отчаянный, неравный бой. Тут же открытым текстом отдаю по радио приказ командирам 18-го и 29-го корпусов развернуть боевые машины и артиллерию для отражения атаки танков и мотопехоты противника. Получилось удачно: две дивизии А.И. Родимцева укрылись за танки 5-й гвардейской танковой армии.

В общем, враг упредил нас. Вместо того чтобы наступать, нам пришлось обороняться. Г.К. Жуков предугадал действия противника. Через некоторое время узнаю, что удар наносят

танковые дивизии «Райх» и «Мертвая голова» при поддержке других соединений танкового корпуса СС.

Поле боя в тот день напоминало одну из картин сражения под Прохоровкой. Всюду горели вражеские и наши танки, громоздились разбитые противотанковые пушки, бронетранспортеры, автомашины и мотоциклы, полыхали в пламени пожара колхозные постройки и скирды соломы, кругом стлался сизо-черный дым.

Несмотря на большие потери, противник продолжал настойчиво атаковать. Фашистская авиация группами по 30—40 самолетов беспрерывно бомбила боевые порядки нашей армии и части корпуса А.И. Родимцева. Одна группа самолетов, отбомбившись, улетала, тут же появлялась и заходила на бомбометание другая. Нашей авиации почему-то не было видно. Вероятно, все ее усилия сосредоточивались на ударах по ближним подступам к Харькову.

Особенно тяжело приходилось 29-му танковому корпусу: он принял на себя главный удар противника. Ценой значительных потерь гитлеровцам удалось несколько потеснить корпус и захватить Кияны. Частям корпуса трудно было противостоять превосходящим силам врага, так как они не готовились к обороне и развернулись по моему приказу для наступления. Но танкисты сражались упорно, отстаивая свои рубежи до последней возможности. Экипажи подбитых танков дрались в пешем строю.

Когда я прибыл на НП генерала И.Ф. Кириченко, 32-я танковая бригада и 4 танка 25-й танковой бригады отходили на рубеж Гавриш, Крысино. Воспользовавшись этим отходом, 16 фашистских танков (из них 6 «тигров»), свернувшись в колонну, двинулись к железнодорожному переезду. Казалось, что остановить их уже было нечем и гитлеровцы вот-вот перережут магистраль. Однако командир 2-го батальона 32-й бригады капитан А.Е. Вакуленко решил расстрелять вражеские танки огнем из засады. 6 тридцатьчетверок, при-

крываясь железнодорожной насыпью, подошли к переезду и замаскировались. Не подозревая опасности, гитлеровцы плотной колонной пересекли железную дорогу и в этот момент были встречены метким огнем наших танкистов. Наши машины вели огонь с двух сторон под небольшим углом по бортовой и кормовой броне фашистских танков.

Командир взвода лейтенант В.С. Паршин первым же снарядом поджег головную машину противника. Затем запылали еще два танка. Застопорив движение всей вражеской колонны, взвод Паршина вступил в борьбу с «тиграми», открывшими беспорядочную стрельбу, не зная, сколько действует против них советских танков. Удалось подбить еще два «тигра». Остальные, отстреливаясь, поспешно отошли.

За неоднократно совершенные в боях подвиги лейтенанту Виктору Степановичу Паршину Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 года было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В ходе сражения я направил два донесения командующим Воронежским и Степным фронтами, в которых сообщил, как внезапно изменилась обстановка на богодуховском направлении и что произошло в шесть часов утра. Указал и на то, что 5-я гвардейская танковая армия ведет ожесточенный бой с танковым корпусом СС, едва сдерживая его бешеный натиск.

И вдруг к концу дня получаю два противоречивых приказа, совершенно не отвечающих сложившейся обстановке. Н.Ф. Ватутин требовал развернуть армию вправо и оказать помощь 1-й танковой армии М.Е. Катукова в разгроме наседавшего на нее противника. По приказу же И.С. Конева армия должна была уклониться влево и выйти в полосу действий 53-й армии И.М. Манагарова для совместного наступления в целях разгрома харьковской группировки немецко-фашистских войск. Положение у меня было таким, что я подчинялся двум командующим фронтами. Как же по-

ступать? Если снять армию с богодуховского направления, то остановленная, но несломленная танковая группировка противника непременно захватит Богодухов и нанесет удар в тыл наших 1-й танковой, 5-й и 6-й гвардейских армий левого крыла Воронежского фронта, то есть произойдет беда, о которой меня предупреждал Г.К. Жуков.

После мучительных раздумий, которые особенно тяжелы на фронте, когда речь идет о жизни десятков и сотен людей, решаю повременить с выполнением полученных приказов и ставлю задачу командирам корпусов о переходе к жесткой обороне.

К вечеру атаки противника прекратились. Я рад был, что противоборство с корпусом СС (он имел больше, чем мы, танков) завершилось. И главное — у меня еще были солидные силы: в схватке практически участвовали только два танковых корпуса, в то время как второй эшелон армии и резерв в бой не вводились.

И все же настроение у меня было мрачное, когда на мой НП прибыли генералы В.Н. Баскаков, С.А. Соловой и И.В. Владимиров. От Солового я потребовал к утру отправить в танковые корпуса все отремонтированные танки и за ночь оказать помощь ремонтникам соединений в восстановлении незначительно поврежденных танков. Баскакову дал указание подготовить приказ на оборону, командующему артиллерией армии генерал-майору И.В. Владимирову — разработать систему артиллерийского огня, выдвинув как можно больше орудий на стрельбу прямой наводкой.

— А как же с приказами Ватутина и Конева? — недоуменно спросил меня В.Н. Баскаков.

— Выполняйте, Владимир Николаевич, то, что я вам приказал. Армия переходит к обороне до выяснения обстановки.

Начальник штаба уехал явно обескураженный.

На фронте шириною до 15 километров всю ночь готовились к обороне танки и артиллерия, саперы ставили мины,

мотопехота окапывалась вблизи танков, подвозились боеприпасы и горючее. Большинство офицеров армейского штаба и штабов корпусов находились в войсках, проверяя надежность позиций каждого подразделения и танка.

Вечером ко мне прибыли генералы П.Г. Гришин и В.Н. Баскаков. Они доложили, что состоялся разговор по прямому проводу с начальником штаба Степного фронта генерал-лейтенантом М.В. Захаровым. Он информировал их, что решением Ставки Верховного Главнокомандования от 9 августа 5-я гвардейская танковая армия передана Степному фронту. Захаров подтвердил приказ командующего фронтом и категорически потребовал выводить армию в полосу действий 53-й армии, откуда нанести стремительный удар на Новую Водолагу с целью отрезать противнику пути отхода из Харькова в юго-западном направлении.

— Павел Алексеевич, вы должны прийти к какому-то решению, — сказал Гришин.

— Я, Петр Григорьевич, уже принял решение обороняться до выяснения обстановки.

— Но ведь за несвоевременное выполнение приказов нас могут отдать под суд и расстрелять, — взволнованно говорил Гришин.

— Вот когда мы уйдем и немцы овладеют Богодуховом, тогда меня точно будут судить и расстреляют. Вы понимаете, что в этом случае будет поставлен под удар противника тыл войск всего левого крыла Воронежского фронта.

Начальник штаба армии, как бы поддерживая члена Военного совета, заметил, что «сверху» виднее.

— Командующий Степным фронтом, — сказал он, — требует от нас выполнения задачи, аналогичной той, которую поставил перед армией маршал Жуков, то есть нанести удар в обход харьковской группировки противника с юго-запада.

— Верно, Владимир Николаевич, но с весьма существенной разницей: Жуков имел в виду при этом, что противник

будет обороняться, а наша армия после прорыва вражеской обороны пехотой перейдет в наступление. Вышло-то по-иному: мощная танковая группировка немцев наступает, мы же — обороняемся.

Прижатый этими аргументами, я все-таки принимаю следующее решение: пишу шифровку Г.К. Жукову. Докладываю ему обстановку в районе действий армии и сообщаю о получении мною противоречивых приказов двух командующих войсками фронтов. В заключение ставлю в известность, что если от него (Жукова) до утра не последует новых распоряжений, то в 6.00 второй эшелон армии (5-й гвардейский мехкорпус) начнет движение по приказу Ватутина, а в 8.00 в том же направлении двинутся оба танковых корпуса, но при этом я снимаю с себя ответственность за богодуховское направление.

Подписавшись под шифровкой, предложил подписать ее П.Г. Гришину и В.Н. Баскакову. Они переглянулись. Побледневший Петр Григорьевич Гришин официальным тоном произнес:

— Вы, товарищ командующий, не желаете считаться с нашим мнением, поэтому мы подписывать этот документ воздержимся.

— Дело ваше, — как можно спокойнее сказал я и распорядился вызвать шифровальщика, которому приказал немедленно отправить шифровку Г.К. Жукову и взять ее под контроль.

Ночь прошла относительно спокойно. В четыре часа генерал С.А. Соловой доложил, что он направил танковым корпусам 15 отремонтированных танков и оказал им помощь армейскими ремонтными средствами в восстановлении боевых машин, имевших легкие повреждения.

До шести часов ни от командующих фронтами, ни от Г.К. Жукова никаких указаний не поступило. К этому времени у меня на НП уже находился командир 5-го гвардей-

ского Зимовниковского механизированного корпуса генерал Б.М. Скворцов. В соответствии с принятым решением я приказал ему начать движение по двум маршрутам, поддерживая со мной непрерывную связь по радио. При этом комкор был предупрежден, что его корпус, возможно, будет возвращен в исходное положение или ему придется наносить фланговый удар по танковой группировке противника в том случае, если она возобновит наступление на Богодухов.

Отпустив Б.М. Скворцова, я остался наедине со своими тяжелыми думами. Не понятно было: почему молчит Г.К. Жуков? Вызываю по радио командиров танковых корпусов и уточняю обстановку. Но не успел закончить разговор с ними, как ко мне на НП прибыл Г.К. Жуков.

— Где Скворцов, и можете ли вы его остановить? — с ходу спросил маршал.

— Километрах в двадцати пяти — тридцати юго-западнее. Связь с ним имеется.

— Какие ему поставлены задачи?

Я доложил.

— А если немцы вот теперь перейдут в наступление, что вы будете делать?

— Если мы, товарищ маршал, вчера выдержали их натиск, то сегодня нам новый удар не страшен. Танковые корпуса подготовились к жесткой обороне, а корпус Скворцова готов нанести фланговый удар. К тому же у меня имеется сильный резерв.

— Это хорошо, — сказал Жуков и добавил: — А все-таки, раз есть возможность, прикажите Скворцову вернуться в исходное положение.

Распоряжение маршала я немедленно выполнил. После этого он предложил:

— Пишите от моего имени донесение Верховному — все, как вы понимаете обстановку, а я, где нужно, поправлю.

Донесение было написано, подписано и отправлено.

— Вы завтракали? — вдруг спросил маршал.

— Нет.

— Ну тогда давайте позавтракаем, а то я изрядно проголодался, — сказал Георгий Константинович, расстегивая китель.

Во время завтрака мне принесли шифровку от И.С. Конева. В ней говорилось очень лаконично: «За сдачу Богодухова отвечаете головой».

Жуков прочитал и, ничего не сказав, улыбнулся.

Георгий Константинович был явно доволен тем, что предугадал направление удара немецкой танковой группировки и восхищался стойкостью наших танкистов, преградивших путь противнику. 5-я гвардейская танковая армия не только остановила врага и нанесла ему большие потери, но и прочно обеспечила фланг и тыл войск левого крыла Воронежского фронта, тем самым содействуя им в отражении нового контрудара гитлеровцев на Богодухов, последовавшего 18 августа уже с запада, со стороны Ахтырки.

Заместитель Верховного Главнокомандующего поручил передать благодарность личному составу армии и уехал, обещая по возвращении на свой КП связаться с И.С. Коневым и уточнить нашу дальнейшую задачу.

После отъезда Г.К. Жукова П.Г. Гришин и В.Н. Баскаков обратились ко мне за разрешением поставить свои подписи на шифровке, как выразился Петр Григорьевич, «для истории».

— Пожалуйста! — засмеялся я. — Но ведь история сохранит и шифровку все-таки лишь за одной моей подписью...

В то время как 5-я гвардейская танковая армия во взаимодействии с 5-й гвардейской и 1-й танковой армиями отражала контрудары немецких танковых дивизий на богодуховском направлении, войска Степного фронта развернули борьбу непосредственно на подступах к Харькову. Противник предпринимал отчаянные усилия, чтобы удержать этот

крупнейший экономический центр и узел коммуникаций, ликвидировать нависшую угрозу удара во фланг и тыл его донбасской группировки. Как стало известно, высшее немецкое командование требовало от командующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала Манштейна отстаивать Харьков при всех обстоятельствах, рассчитывая стабилизировать оборону на южном крыле советско-германского фронта.

На исходе 17 августа советские войска прорвались к внутреннему обводу обороны гитлеровцев в Харькове. Особенно успешно действовала 53-я армия генерала И.М. Манагарова, которая, овладев населенными пунктами Пересечная и Гавриловка, вышла на рубеж реки Уда, создав благоприятную обстановку для полного окружения противника в районе Харькова. В связи с этим командующий Степным фронтом приказал 5-й гвардейской танковой армии охватить Харьков с юго-запада. Наступая в направлении Коротича, она должна была выйти в район Бабаи (7 километров южнее Харькова).

Вспоминается огромный подъем боевого духа танкистов, вызванный известием о предстоящем штурме Харькова и ответственностью задачи, которая возлагалась на нашу армию. В частях прошли собрания партийно-комсомольского актива, сотни агитаторов провели беседы с бойцами во всех подразделениях.

За день до получения этой директивы у меня на НП побывал командующий войсками Степного фронта генерал армии И.С. Конев.

Нравился мне этот, несомненно один из выдающихся советских военачальников. Я питал к нему глубокое уважение за смелость, глубину и широкий размах принимаемых им решений, умение просто и исчерпывающе объяснить свой замысел и вытекающие из него задачи войск, за упорную настойчивость в осуществлении запланированных мero-

приятий. Невольно хотелось ему подражать при постановке боевых задач подчиненным.

При этой встрече Иван Степанович сказал, что очень доволен передачей 5-й гвардейской армии генерала А.С. Жадова Степному фронту.

— Будем брать вторую столицу Украины — Харьков, — говорил он, стараясь придать этому сообщению какое-то торжественное звучание.

— Благодарю, товарищ командующий, за доверие, — в тон ему сказал я, считая, что 5-ю гвардейскую танковую армию используют в наступлении непосредственно на город.

— Постой, не торопись, — улыбнулся Конев. — Думали подтянуть вас к седьмой гвардейской армии Шумилова. Да она выходит на окраину Харьковского тракторного завода, и танкам негде маневрировать. — Командующий посмотрел на меня и, очевидно заметив на моем лице огорчение, ободряюще добавил: — Не горюй. Решили поставить тебе задачу посложнее. Пусть завод штурмует пехота. А ты со своими танкистами выходи на правый фланг армии Манагарова, откуда нанесешь удар на Коротич, Люботин с целью отрезать пути отхода противнику из Харькова к Полтаве и не позволить немцам подтянуть резервы из района Богодухова. — Лицо Конева расплылось в озорной улыбке: — А ты думаешь, мы слабее Ватутина? Танки против танков: он тебя двинул против немецких танковых частей под Прохоровкой, а я — здесь.

— Но армия-то уже не та. Даже с отремонтированными машинами, пожалуй, и двухсот не наберем.

— Не жалуйся! На один твой танк немцам надо выставлять два-три. — Конев посмотрел на часы и заторопился, отказавшись от предложенного ему обеда. — Пока не возьмем Харьков, есть не буду, — прощаясь, пошутил он.

В ночь на 21 августа 5-я гвардейская танковая армия, сменная стрелковыми соединениями, двинулась в полосу действий 53-й армии. К утру передовой отряд и 18-й танко-

вый корпус сосредоточились в лесу севернее Пересечной, ожидая подхода 29-го танкового и 5-го гвардейского механизированного корпусов. Весь день ушел на приведение частей в порядок и подтягивание тылов.

С рассветом 22 августа, переправившись через реку Уда, 18-й танковый и 5-й гвардейский механизированный корпуса перешли в стремительное наступление и к исходу дня освободили Коротич, а передовые отряды достигли шоссе Харьков — Люботин. У противника, оборонявшегося в Харькове, оставались лишь железная и шоссейная дороги, идущие на Мерефу и Красноград.

А нажим советских войск, сражавшихся за Харьков, нарастал. Гитлеровцы с бешеной злобой начали подрывать и поджигать здания, выводить из строя канализацию и водонапорные сооружения. Чтобы не дать врагу уйти безнаказанно и спасти город от разрушений, командующий Степным фронтом генерал И.С. Конев назначил ночной штурм. При свете зарева пожаров войска фронта штурмовали квартал за кварталом и к утру 23 августа окончательно выбили захватчиков из Харькова.

В тот же день, обеспечивая отвод своих войск из района Харькова, гитлеровцы превосходящими силами обрушились на 5-ю гвардейскую танковую армию, занимавшую Коротич, и овладели его южной окраиной. Завязались тяжелые, кровопролитные бои, которые продолжались до конца августа. В этих боях личный состав всех соединений проявил массовый героизм. Всю армию облетела весть о подвиге командира отделения 10-й гвардейской механизированной бригады комсомольца старшего сержанта А.И. Ощепкова. Автоматчикам во главе с Ощепковым было приказано разведать оборону противника в районе Буды. Они выполнили поставленную задачу, но на обратном пути столкнулись с большой группой вражеских солдат. Гитлеровцы окружили разведчиков, и те вступили в неравный бой. Огнем из автоматов и гранатами

горстка храбрецов уничтожила около 50 фашистов, но, прорываясь из окружения, попала под пулеметный огонь вражеского дзота. Тяжело раненный, старший сержант Ощепков собрал последние силы и, подбежав к дзоту, закрыл своим телом амбразуру, спасая жизнь боевым товарищам.

Оставшиеся в живых автоматчики пробились в свою часть и рассказали, как погиб их отважный командир. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 марта 1944 года Андрею Ивановичу Ощепкову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Бились насмерть танкисты, пехотинцы, артиллеристы, саперы и даже медики, отражая яростные контратаки врага. Только 26 августа один 18-й танковый корпус отбил 11 мощных контратак. В этот день пал смертью храбрых любимец танкистов, герой сражения под Прохоровкой, командир 32-й танковой бригады полковник А.А. Линев.

Гитлеровцы подбрасывали подкрепления, а у нас в армии осталось всего 50 танков. Я приказал собрать их в одном 5-м гвардейском механизированном корпусе, измотанные, поредевшие бригады которого медленно, но упорно продвигались вперед. 29 августа они с боем овладели районом Буды и вышли к реке Мжа. Остальные соединения, уже без танков, по приказу командующего фронтом были сосредоточены в районе Старого Мерчика, где совместно с войсками 53-й армии вели бои с 31 августа по 2 сентября.

* * *

Теперь, когда минули десятилетия, более отчетливо осознаешь роль 5-й гвардейской танковой армии в контрнаступлении советских войск на белгородско-харьковском направлении, завершившемся освобождением Белгорода, Харькова и Харьковского промышленного района.

Введенная в сражение в полосе общевойсковой армии, она вместе с 1-й танковой армией завершила начатый стрел-

ковыми соединениями прорыв тактической зоны обороны врага и, выйдя на оперативный простор, за пять дней с боями преодолела более 100 километров, овладела Золочевом и поставила под угрозу важнейшие западные коммуникации харьковской группировки противника, чем способствовала войскам Степного фронта в овладении Харьковом.

Это был первый и очень поучительный опыт использования танковых армий новой организации в качестве эшелона развития успеха в составе подвижной группы войск фронта. Никакие другие соединения сухопутных войск в то время не обладали способностью так быстро изменять направление своего наступления и внезапно наносить по противнику мощные удары.

Действия 5-й гвардейской танковой армии в оперативной глубине отличались стремительностью и высокой маневренностью, массированным применением танков, обходами и охватами вражеских опорных пунктов и узлов сопротивления, отражением контрударов противника с последующим маневром на другое, более выгодное направление.

Своим успехом армия была обязана прежде всего возросшему воинскому мастерству личного состава соединений, частей и подразделений, высокому уровню организаторской работы штабов, политорганов, партийных и комсомольских организаций, невиданному массовому героизму солдат, сержантов, офицеров и генералов. Успешные боевые действия армии в ходе контрнаступления трижды отмечались благодарностью в приказах Верховного Главнокомандующего, многие отважные воины были удостоены высоких наград Родины. Награжден был и я орденом Кутузова I степени.

За время наступательной операции на белгородско-харьковском направлении армия нанесла противнику большой урон в живой силе и боевой технике, уничтожив 413 танков, 37 самоходных орудий, 70 бронемашин, 245 ору-

дий разного калибра, 200 минометов, 695 автомашин и много другой техники. Противник оставил на поле боя только убитыми 6870 солдат и офицеров[49].

Глава пятая
ЧЕРЕЗ ДНЕПР — НА КИРОВОГРАД

Поражение немецко-фашистских войск в Курской битве и в летних боях на других участках советско-германского фронта явилось убедительным опровержением утверждений геббельсовской пропаганды о «сезонности» успехов советской военной стратегии. Как указывал в своем приказе Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин, была «разоблачена легенда о том, что немцы летом в наступлении всегда одерживают успехи, а советские войска вынуждены будто бы находиться в отступлении»[50].

Своей выдающейся победой под Курском героическая Красная армия блестяще доказала, что она может громить врага в любой сезон года, в любых погодных условиях.

Наши вооруженные силы прочно удерживали наступательную стратегическую инициативу и осенью 1943 года, в то время как гитлеровское командование уже не помышляло о каком-либо большом наступлении, а направляло все усилия лишь к тому, чтобы остановить лавину советских войск, развернувших грандиозное наступление на широчайшем фронте от Великих Лук до Черного моря.

Еще в начале августа, когда стало очевидным крушение операции «Цитадель», фашистское руководство отдало приказ о неотложной подготовке оборонительного рубежа по Керченскому полуострову, рекам Молочная и Днепр в его среднем течении, реке Сож до Гомеля, далее к востоку от Орши, Витебска, Невеля, Пскова и севернее Чудского озера — по реке Нарва.

На этом рубеже фашисты рассчитывали стабилизировать фронт, задержать и упорной обороной обескровить Красную армию, а затем, накопив силы, отбросить советские войска.

Наибольшее значение придавалось укреплению обороны по Днепру — крупнейшей водной преграде, уступающей в Европе по своей длине и ширине только Волге и Дунаю.

Его высокий, обрывистый правый берег способствовал созданию мощных оборонительных сооружений и широко разветвленной системы всех видов огня.

Следует подчеркнуть, что удержанием Восточного вала, особенно на южном крыле советско-германского фронта, гитлеровцы преследовали не только чисто военно-стратегические цели. Днепровский рубеж прикрывал плодородную Правобережную Украину, богатые залежи железной руды Кривого Рога, марганца и цветных металлов Запорожья и Никополя, без которых гитлеровская Германия не в состоянии была продолжать длительную войну. Кроме того, с потерей Правобережной Украины создавалась угроза нефтеносным районам Румынии, Венгрии и Австрии, потеря которых могла привести к полному развалу фашистского блока.

Все это учитывалось нашей Ставкой Верховного Главнокомандования при планировании летне-осенней кампании, предусматривающей неотступное преследование противника в целях нанесения ему нового поражения, освобождения Левобережной Украины и форсирования Днепра с захватом на его правом берегу крупных оперативно-стратегических плацдармов, обеспечивающих условия для организации разгрома врага в западных районах страны.

Ставка и ее рабочий орган — Генеральный штаб смело шли на развитие наступления, успех которого обеспечивался огромным наступательным порывом советских воинов, возросшим мастерством командиров и военачальников всех степеней, овладевших сложным искусством ведения

маневренных наступательных операций, всеми формами боя. Принимались во внимание и увеличение поставок войскам различного оружия, мощной боевой техники и боеприпасов, а также широко развернувшееся на Украине и в Белоруссии партизанское движение, активно действовавшее в ближайшем тылу оккупантов.

В общем, у советского командования имелись все условия для сокрушения разрекламированного гитлеровцами Восточного вала. Большим моральным стимулом в решении этой задачи явилась директива Ставки от 9 сентября 1943 года, требовавшая за успешное форсирование крупных водных рубежей и закрепление на их берегах плацдармов представлять солдат, сержантов, офицеров и генералов к высшим правительственным наградам, а за преодоление таких рубежей, как Днепр ниже Смоленска, или равных Днепру по трудности форсирования — к присвоению звания Героя Советского Союза.

После завершения Белгородско-Харьковской операции 5-я гвардейская танковая армия была выведена в резерв Ставки Верховного Главнокомандования для доукомплектования личным составом и пополнения материальной частью. Войска армии сосредоточились северо-западнее Харькова, в районе Полевого. Сюда прибывало пополнение, завозилось все необходимое для жизни и боев — продовольствие, обмундирование, боеприпасы, боевая техника, горючее.

Главное внимание командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций соединений и частей сосредоточивалось на сколачивании подразделений, проведении боевой подготовки, воспитании у личного состава высокого морально-боевого духа.

В армию прибывали молодые воины. Следовало их за короткий срок обучить умелому применению оружия и боевой техники, тактике ведения боя, передать им боевой опыт героев минувших сражений. С учетом пополнения армии

молодежью в сентябрьские дни у нас широко развернулось движение за достойную встречу 25-й годовщины Ленинского комсомола. «Образцовая боевая учеба сегодня, — говорилось в одном из номеров армейской газеты «На штурм», — и гвардейский удар по захватчикам завтра — лучший подарок 25-летию ВЛКСМ. Комсомольский танковый экипаж, комсомольский расчет, комсомольское отделение должны быть лучшими, такими, чтобы ими гордились и ставили их в пример».

Подготовка к знаменательной дате при умелой расстановке коммунистов и комсомольских активистов, прием лучших из лучших в ряды партии и комсомола в решающей степени способствовали идейной закалке воинов, выработке у них высоких морально-политических и боевых качеств, повышению боеспособности и боеготовности частей и соединений.

Время пребывания в резерве Ставки было непродолжительным, но целеустремленно направленная партийно-политическая работа, которую, как и прежде, хорошо организовал укомплектованный опытными политработниками политический отдел армии, возглавляемый полковником В.М. Шаровым, принесла свои плоды. Армия с получением боевой техники вновь обретала могучую силу и готовность к выполнению любой боевой задачи.

К сожалению, техника, прежде всего танки, поступала не так быстро, как нам хотелось бы в условиях стремительно развивавшихся на фронтах событий и неодолимого стремления личного состава армии принять участие в изгнании немецко-фашистских захватчиков с советской земли.

Как известно, контрнаступление наших войск на Курской дуге тогда переросло в общее стратегическое наступление Красной армии. 25 сентября Калининский и Западный фронты очистили от врага древний русский город Смоленск — свидетель славы и героических подвигов нашего народа. 17 сентября войсками Брянского фронта был освобожден

Брянск, а 26 сентября они уже вступили на территорию Белоруссии и вызволили районный центр Могилевской области Хотимск. В этот же период войска Юго-Западного и Южного фронтов освободили от гитлеровцев Лисичанск, Артемовск, Краматорск, Константиновку, Таганрог, Сталино (Донецк). Армии Центрального фронта, форсировав Десну в полосе своего наступления, к 21—22 сентября подошли к Днепру у устья Припяти на участке от Гомеля до Ясногородки. Воронежский фронт, наносивший удар на Ромны, Прилуки, Киев, тоже к этому времени танковыми соединениями достиг Днепра в районе Переяслав-Хмельницкого.

Замечательного успеха добились и войска Степного фронта, наступавшие на полтавско-кременчугском направлении. 23 сентября после ожесточенных боев с крупной группировкой противника они овладели Полтавой и вышли на Днепр юго-восточнее Кременчуга.

В начале октября я был вызван в Ставку Верховного Главнокомандования. В Москве первоначально встретился с командующим бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии генерал-полковником танковых войск Я.Н. Федоренко, обсудил с ним ряд вопросов по пополнению армии бронетанковой техникой. Потом побывал в Генеральном штабе, где имел встречу с первым заместителем начальника Генштаба генералом А.И. Антоновым.

Алексей Иннокентьевич информировал меня о положении на фронтах и предупредил, что имеется решение в ближайшее время передать 5-ю гвардейскую танковую армию Степному фронту для развития его наступления с днепровских плацдармов.

В этой связи я отметил низкие темпы поставок армии новых танков.

— Да, это так, — согласился А.И. Антонов. — Но надо считаться с тем, что сейчас ведется перевозка боевой техники, вооружения и боеприпасов одновременно для войск мно-

гих фронтов, а пропускная способность железнодорожного транспорта пока не позволяет форсировать переброску большого количества грузов. — Он просмотрел какие-то записи и продолжал: — Кстати, Верховный Главнокомандующий знает об этом. Сегодня в двадцать часов вы будете у него в Кремле. Только в разговоре с ним я бы не советовал на кого-то жаловаться. Все работают с полным напряжением...

В назначенное время И.В. Сталин принял меня в знакомом кремлевском кабинете. Хотя я лично встречался с ним уже третий раз, все же, как и раньше, испытывал заметное волнение, тем более что впервые увидел его в форме с погонами Маршала Советского Союза.

Выслушав мой доклад о прибытии, Верховный поздоровался и тут же в присутствии А.И. Антонова начал расспрашивать о боевых действиях 5-й гвардейской танковой армии в Курской битве.

— Значит, наши танковые армии новой организации оправдали себя? — почти вплотную приблизившись, спросил он и пытливо посмотрел мне в глаза.

Я, также не отводя своего взгляда от лица Сталина, сказал, что, исходя из опыта боев 5-й гвардейской армии, убежден в правильности организационной структуры наших танковых армий, но считаю, что они нуждаются в более значительном усилении противотанковой и самоходной артиллерией, а также в надежном прикрытии с воздуха авиацией.

И вдруг, по-видимому решив ограничиться уже услышанным, Сталин прервал меня вопросом:

— А как вы думаете, почему Красная армия в Курской битве не перешла в наступление первой?

Вопрос несколько озадачил меня.

Мне известно было, что летом 1943 года советские войска на харьковском и орловском направлениях готовились к наступлению и даже имели некоторое численное превосходство над противником в людях, орудиях, минометах, танках

и САУ. Да и 5-я гвардейская танковая армия, заканчивая формирование, тоже готовилась главным образом к наступательным боям. Я считал, что противник просто упредил нас, первым предприняв наступательные действия.

Не успел я об этом сказать, как Верховный сам ответил на поставленный им вопрос, объяснил причины, по которым Центральный и Воронежский фронты в начале Курского сражения предпочли оборону наступлению.

— Потому, — сказал он, — что наша пехота с артиллерией наиболее сильны в обороне и наносят крупные потери врагу именно в оборонительных боях. В той ситуации, когда немцы имели почти такое же количество, как и у нас, танков, к тому же превосходили наши войска по тяжелым танкам, посылать в наступление пехоту было бы неоправданным риском. — Сталин говорил медленно и так же неторопливо прохаживался по кабинету. — Теперь мы видим, — заключил он, — что Ставка и Генеральный штаб были правы, принимая решение на оборону и отклоняя предложения о наступлении. Хорошо проведенной обороной мы создали выгодные условия для успешного наступления.

Сталин с едва уловимой усмешкой посмотрел на меня, видимо, довольный своим объяснением. Затем поинтересовался, как показали себя в бою новые фашистские танки «тигр» и «пантера».

Я доложил, что с этими танками можно успешно бороться, если поставить на наши средние и тяжелые танки равноценную немецкой пушку.

— Что ж, скоро будет у наших танков такая пушка, — тихо, будто по секрету, сказал Верховный.

Раскурив свою трубку, он, как бы ориентируя на предстоящие задачи, с заметным подъемом заговорил о необходимости безостановочно гнать захватчиков с советской земли, не давать им передышки, не позволять закрепляться на оборонительных рубежах.

— Для этого мы имеем все: и храбрых солдат, и опытных командиров, и мощную боевую технику, оснащение которой войск будет непрерывно возрастать. В наших руках, — с воодушевлением сказал Сталин, — наступательная инициатива, и врагу вырвать ее у нас больше не удастся.

Прощаясь, Верховный Главнокомандующий передал привет и благодарность танкистам, всем воинам 5-й гвардейской танковой армии и пожелал новых боевых успехов.

* * *

В первых числах октября 5-я гвардейская танковая армия была передана в состав Степного фронта и главными силами передислоцировалась в район освобожденной Полтавы. Там надлежало закончить доукомплектование армии и подготовиться к ведению наступательных действий.

При передислокации танки, гусеничные машины и грузы перебрасывались по железной дороге, а автотранспорт двигался своим ходом. Военный совет армии принимал все меры, чтобы в самые сжатые сроки подготовить соединения и части к боям в осенних условиях. Основная тяжесть забот в этом отношении легла на управление бронетанкового снабжения и ремонта, которое должно было организовать изучение личным составом особенностей эксплуатации и обслуживания танков, самоходных артиллерийских установок и автомобилей при неизбежных трудностях подвоза горючего, боеприпасов и продовольствия.

Много хлопот легло на плечи начальника тыла армии генерал-майора Александра Федоровича Николаенко. Централизованное обеспечение войск продуктами питания являлось в то время крайне затруднительным, а заготовка их на месте была почти невозможной, так как захватчики, отступая, увозили или уничтожали все съестное.

С получением директивы о передаче 5-й гвардейской танковой армии Степному фронту я поехал на командный

пункт фронта, в село Правые Кишеньки, где представился командующему фронтом генералу армии И.С. Коневу.

— Вот это хорошо! Опять будем воевать вместе, — с доброжелательной улыбкой крепко стиснул мне руку Иван Степанович. — Ты и представить себе не можешь, как теперь нужны нам танки!

— Понимаю, товарищ командующий. Только обязан доложить, что вместо запрошенных для армии шестисот танков на сегодня поступила ровно половина — триста, а техника и вооружение, предназначенные для пятого гвардейского механизированного корпуса, находятся еще где-то в эшелонах.

— Ну, сразу и жаловаться. Это не похоже на тебя, Павел Алексеевич, — без видимого упрека в голосе сказал Конев. — И все потому, что избаловал нас народ техникой. Не забыл небось, как в боях под Москвой у тебя в бригаде оставалось не больше десятка танков, и ничего, воевал, бил немцев не числом, а умением. Не волнуйся: и эшелоны придут, и недостающие танки тоже. Они как раз потребуются в период развития наступления для наращивания ударной мощи твоей армии. — Иван Степанович подошел к раскрытому окну и с минуту задумчиво смотрел на развалины села, сгоревшие и иссеченные осколками снарядов фруктовые деревья. Я видел, как у него сжимались тяжелые кулаки, в гневе багровело лицо. Круто повернувшись ко мне, он, как раз и навсегда твердо усвоенное, убежденно сказал: — Ныне одна из главнейших наших задач состоит в том, чтобы не позволить фашистской нечисти истреблять советских людей на временно оккупированной территории, грабить и уничтожать народное добро, разрушать города и села. А для этого надо громить и гнать гитлеровцев без передышки, не давать им времени на зверства и разбой. Впрочем, такая идея заложена и в решении Ставки — наступать без какой-либо оперативной паузы, с ходу форсировать Днепр и приступить к освобож-

дению Правобережной Украины. — Командующий жестом пригласил меня к оперативной карте. — Слушай и смотри внимательно, — стукнул он карандашом по краю стола. — После овладения Харьковом Ставкой Верховного Главнокомандования нашему Степному фронту было приказано наступать на Красноград, Верхнеднепровск с задачей как можно быстрее выйти подвижными войсками на Днепр и захватить переправы. Но потом были внесены коррективы. Главным силам фронта надлежало наступать на полтавско-кременчугском направлении, овладеть Полтавой и Кременчугом с захватом плацдармов на правом берегу Днепра. Эта задача, как известно, выполнена: Полтава и Кременчуг в наших руках, плацдармы тоже захвачены.

Далее Иван Степанович рассказал о форсировании такой мощной водной преграды, как Днепр, имевшей в полосе наступления ударной группировки фронта ширину 700—900 метров и довольно большую глубину. Ключом к удержанию Днепра противник не без оснований считал кременчугский левобережный плацдарм, укрепленный по всем правилам военно-инженерной науки. На ближайших подступах к Кременчугу, который фашистское командование называло мостом на Правобережную Украину, были созданы противотанковые рвы, прикрытые эскарпами, минными полями, проволочными заграждениями и огнем многочисленных дотов и дзотов. Для обороны плацдарма стягивались наиболее стойкие части, в том числе фашистские дивизии СС «Райх», «Великая Германия» и другие. Однако наступавшие на кременчугском направлении войска 5-й гвардейской и 53-й армий генералов А.С. Жадова и И.М. Манагарова в ожесточенных двухдневных боях на исходе 29 сентября при активном содействии партизанского соединения имени Н.А. Щорса сокрушили фашистскую оборону в Кременчуге и немедля приступили к переправе через Днепр. Но еще раньше, в ночь на 25 сентября, право-

бережными днепровскими плацдармами овладели передовые отряды 7-й гвардейской армии.

— И все потому, что Михаил Степанович — мудрый мужик, — с уважением говорил И.С. Конев о командарме генерале М.С. Шумилове. — Узнав, что фронтовых переправочных средств пока нет, он приказал командирам дивизий при подходе к Днепру собирать лодки, бочки, плетни, бревна, двери от разрушенных домов, — в общем, все, что могло держаться на плаву. На этих подручных средствах передовые части армии и переправились через Днепр, захватив первоначально маленький клочок земли у села Домоткань. — Конев показал, где это село, и продолжал: — Ты думаешь, что легко было удержать этот кусок Правобережья? О, не скажи! Даже Шумилов, которого я знаю как человека железного мужества, насмерть стоявшего со своей армией в Сталинградской и Курской битвах, слезно умолял меня разрешить отвести переправившиеся через Днепр войска на восточный берег реки. Признаюсь, накричал я на него по телефону: «Да ты что, ошалел? Ни шагу назад! Немедленно лечу к тебе, вместе разберемся, что делать...»

Самолет По-2 с командующим фронтом на борту при подходе к переправе обстреляли вражеские зенитки, но опытный летчик вывел машину из зоны огня и благополучно посадил на восточных скатах высотки, прямо у НП командарма 7-й гвардейской.

И.С. Конева встретили М.С. Шумилов, член Военного совета армии З.Т. Сердюк, командиры авиационных корпусов: 1-го гвардейского штурмового — генерал В.Г. Рязанов и 4-го истребительного — генерал И.Д. Подгорный.

Обстановка была действительно грозная. На правом берегу Днепра бушевала огненная буря. На переправившиеся наши войска противник обрушил лавину снарядов, мин и авиабомб, вздымавших сплошную стену огня, дыма и пыли. В воздухе висели немецкие «хейнкели», волнами пикируя

на плацдарм и переправу, танковые атаки следовали одна за другой.

— Днепр кипел и бурлил от мощных разрывов и осколков, — продолжал Конев, — а наших самолетов не видно. Набросился я на авиаторов, хотя они уже принимали срочные меры. Расторопнее оказался генерал Рязанов. С собой у него была радиостанция, и вскоре он, видя поле боя, точно навел на цели свои штурмовики, ударившие по вражеским танкам.

Энергичными распоряжениями командующему фронтом удалось подтянуть артиллерию и несколько дивизионов «катюш». Благодаря их поддержке и активным действиям авиации танковые атаки противника были приостановлены, захваченный плацдарм не только удалось удержать, но и расширить как по фронту, так и в глубину.

Слева от 7-й гвардейской, на участке от устья реки Орели до Верхнеднепровска, начали форсировать Днепр войска 57-й армии генерала Н.А. Гагена. Справа приступила к форсированию Днепра в районе Мишурина Рога 37-я армия генерала М.Н. Шарохина, сменившая 69-ю армию генерала В.Д. Крюченкина. В ходе боев за удержание и расширение плацдармов ударная группировка фронта разгромила четыре пехотные дивизии врага, а четырем танковым и одной пехотной дивизиям нанесла значительный урон.

На улице послышался шум автомашин. Конев посмотрел в окно.

— Никак Георгий Константинович пожаловал, — торопливо проговорил он и поспешил к выходу. Я последовал за ним.

Жуков легко выпрыгнул из машины, сопровождаемой бронетранспортером с охраной, и, размашисто шагая, направился к нам.

— Чем занимаетесь? — поздоровавшись, спросил заместитель Верховного.

— Да вот, приближается время вводить танкистов товарища Ротмистрова в дело, знакомлю его с обстановкой и буду ставить задачу, — доложил командующий фронтом.

— Ну, хорошо. Продолжайте. А я пока приведу себя с дороги в порядок. Чертовски устал, — расправил маршал плечи и пошел за своим адъютантом. Мы же с Иваном Степановичем вернулись к карте.

— Итак, Павел Алексеевич, теперь слушай меня внимательно, — склонился над картой Конев. — На первом этапе фронтовой наступательной операции, утвержденной Ставкой, нам надлежало стремительно выйти к Днепру, с ходу форсировать его и захватить плацдармы для последующего наступления. Эту задачу войска фронта выполнили, хотя с некоторым опозданием из-за упорных боев за удержание и расширение плацдармов.

Далее командующий фронтом ознакомил меня с задачей войск фронта на втором этапе операции. Им предстояло нанести удар в общем направлении на Пятихатки и Кривой Рог, с тем чтобы после овладения Пятихатками развить успех в сторону Апостолово и отрезать пути отхода на запад днепропетровской группировке противника, сдерживающей наступление войск Юго-Западного фронта.

Решение этой задачи намечалось осуществить с оперативного плацдарма в полосе 37-й, 7-й гвардейской и 57-й армий. Главный удар решено было нанести 5-й гвардейской и 37-й армиями. При этом 5-я гвардейская армия снималась с плацдарма в районе Кременчуга и, совершив 100-километровый марш на юго-восток, вновь переправлялась через Днепр у Куцеволовки в район плацдарма 37-й армии.

Перед нашей 5-й гвардейской танковой армией ставилась следующая задача: вступить в сражение в стыке 5-й гвардейской и 37-й армий и, развивая успех прорыва в юго-западном направлении на Пятихатки, обходным маневром с юго-запада и юго-востока овладеть Кривым Рогом. Одновременно ча-

стью сил армии следовало развивать наступление на Александрию и Кировоград, отрезая пути отхода днепропетровской группировке врага.

Вошел Г.К. Жуков. Он присел на стул рядом с И.С. Коневым и молча слушал. Затем, когда Конев закончил детализацию отдельных моментов переброски 5-й гвардейской танковой армии к Днепру, Георгий Константинович, обращаясь ко мне, спросил:

— Вам все ясно?

— Так точно, товарищ маршал. Только успеем ли мы по времени перебросить армию на Днепр из-под Харькова и Полтавы? Трудно...

— На войне без трудностей не бывает, — резко прервал меня представитель Ставки. — Важно совершить переброску скрытно от противника. В этом половина успеха ваших дальнейших действий.

— Будем двигать корпуса ночами, не растягивая их и не разбрасывая по многим маршрутам, — вмешался И.С. Конев. — Обеспечим и скрытную переправу.

— Добро. Думаю, опыта у вас достаточно, — сказал, поднимаясь со стула, Жуков и тут же спросил, о чем со мной говорил в Кремле И.В. Сталин.

Я доложил содержание беседы с Верховным, в частности, рассказал о его разъяснении, почему Красная армия не перешла первой в наступление на Курской дуге.

— Все правильно, — многозначительно взглянув на Конева, усмехнулся Жуков. — Впрочем, кое у кого были сомнения и колебания, выдержит ли наша оборона удар немцев, особенно когда стало известно, что противник готовится применить новые сверхмощные танки и самоходные орудия.

— А все-таки выдержала! — воскликнул И.С. Конев.

Как теперь известно, именно Г.К. Жуков, всесторонне проанализировав данные о противнике и своих войсках на советско-германском фронте весной 1943 года, после со-

вещания с командующими Воронежским и Центральным фронтами и начальником Генштаба А.М. Василевским еще в начале апреля докладывал Верховному Главнокомандующему, что, исходя из наличия наиболее сильных вражеских группировок в районах Орла и Белгорода, а также занимаемого ими выгодного оперативного положения по отношению к войскам Центрального и Воронежского фронтов, можно ожидать встречных фланговых ударов гитлеровцев в обход Курска с северо-востока и юго-востока. В связи с тем что противник имел на этих участках значительное превосходство в танках, Георгий Константинович предлагал первоначально встретить и остановить врага мощной обороной. «Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника, — писал он И.В. Сталину, — считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника»[51].

Однако Верховный Главнокомандующий на первых порах не решался окончательно принять предлагаемый Г.К. Жуковым план действий наших войск, тем более что командование Центрального фронта все же считало необходимым до перехода немцев в наступление разбить их орловскую группировку объединенными усилиями войск Западного, Брянского и Центрального фронтов. Командующий Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутин, не отрицая оборонительных мероприятий, предлагал Верховному нанести противнику упреждающий удар по его белгородско-харьковской группировке[52].

«И.В. Сталин, — писал Г.К. Жуков, — опасался, что наша оборона может не выдержать удара немецких войск, как не раз это бывало в 1941 и 1942 годах. В то же время он не был уверен в том, что наши войска в состоянии разгромить противника своими наступательными действиями»[53].

В этих условиях советские войска совершенствовали свою оборону и одновременно готовились к наступлению. И только в начале июня Ставкой Верховного Главнокомандования было принято окончательное решение о переходе наших войск к преднамеренной обороне в районах сосредоточения резервов, необходимых для контрнаступления.

Убежденность Г.К. Жукова и нашего Генерального штаба в способности советских воинов выдержать натиск фашистских полчищ на Курской дуге, перемолотить их боевую технику, а затем разгромить врага мощным контрнаступлением привела к единственно верному решению и блестящей победе, положившей начало окончательному изгнанию врага со священной советской земли.

* * *

Через штаб Степного фронта мне удалось довольно быстро связаться с начальником штаба 5-й гвардейской танковой армии генералом В.Н. Баскаковым и отдать ему распоряжение о немедленной подготовке всех корпусов и армейских частей к маршу. Баскаков порадовал меня, сообщив, что за последние сутки прибыли эшелоны со значительной частью техники и вооружения для 5-го гвардейского механизированного корпуса, а также несколько вагонов с боеприпасами. Вместе с тем он выразил беспокойство медленным продвижением тылов из-под Харькова в связи с крайне тяжелыми дорогами, расквашенными обильными дождями.

В Полтаву я возвращался по шоссейной дороге из Кременчуга. Большие участки дороги были разбиты, искорежены снарядами и авиабомбами. Машина с трудом ползла, зарываясь в вязкую грязь. Меня тревожили эти тяжелые дорожные условия, в которых армии предстояло совершать марш: если танки еще пройдут, то каково будет колесному транспорту!

Прибыв в штаб армии и заслушав доклад начальника штаба генерала В.Н. Баскакова о ходе подготовки войск и ты-

лов к маршу, я созвал совещание старшего командного и политического состава, информировал об обстановке на фронте и нашей ближайшей задаче. Прежде всего мы должны быстро и скрытно совершить марш к Днепру, в район юго-восточнее Кременчуга. Основным колонным путем избиралось шоссе Полтава — Кременчуг. В связи с тем что и эта дорога находилась в неудовлетворительном состоянии и требовались хотя бы примитивные ремонтные работы, вперед выдвигались подразделения саперов и частично личный состав танковых и мотострелковых частей. Им надлежало до подхода танковых и моторизованных колонн с использованием местных материалов исправлять наиболее поврежденные участки дороги. Туда же направлялись имевшиеся в наличии тракторы-тягачи и авторемонтные мастерские. Члену Военного совета генералу П.Г. Гришину и начальнику политотдела армии полковнику В.М. Шарову было поручено провести в частях и подразделениях партийные и комсомольские собрания, а накануне марша — короткие митинги, мобилизовать весь личный состав на успешное выполнение всех задач.

Благодаря целеустремленной организаторской и политической работе главные силы (18-й и 29-й танковые корпуса) армии и части армейского подчинения всего за двое суток перегруппировались из Полтавы к переправам через Днепр, где были тщательно замаскированы. Пользуясь тем, что шли дожди и фашистская авиация не действовала, войска совершали марш днем и ночью. В Полтаве еще оставались армейские тылы и части 5-го гвардейского механизированного корпуса, выведенного в резерв фронта до завершения укомплектования боевой техникой. Вместо него в ходе сражения в состав армии был введен 7-й механизированный корпус под командованием генерал-майора танковых войск И.В. Дубового.

Прибыв на КП И.С. Конева, я доложил о сосредоточении танковых корпусов в указанных им районах. Командующий

фронтом выразил свое удовлетворение этим. Он возлагал большие надежды на 5-ю гвардейскую танковую армию и делал все, чтобы она переправилась через Днепр скрытно. С этой целью категорически запрещалось появляться днем на реке каким-либо переправочным средствам в той полосе, где ночами должна переправляться наша армия. В то же время командующему 7-й гвардейской армией генералу М.С. Шумилову было приказано круглосуточно держать на Днепре наплавные мосты и переправлять все, что требуется, для усиления его войск на плацдарме.

Гитлеровцы были введены в заблуждение. Считая, что советское командование накапливает в этом районе силы для нанесения главного удара, противник начал интенсивно бомбить переправы и подтягивать к плацдарму, занятому войсками Шумилова, свои резервы.

Это позволило 5-й гвардейской танковой армии в ночь на 15 октября в относительно спокойной обстановке начать переброску через реку боевой техники. Для переправы танков и самоходно-артиллерийских орудий в районе Мишурина Рога и северо-западнее инженерные части подготовили четыре 40-тонных парома. Колесный транспорт двигался по двум понтонным мостам. Все шло четко и быстро. В точно указанное время танки по одному подходили к урезу воды и искусно грузились на паромы опытными механиками-водителями. К четырем часам утра нам удалось доставить на правый берег 130 танков 18-го и 29-го танковых корпусов, армейский гаубичный артиллерийский полк, значительную часть других артиллерийских частей и автоцистерн с горючим. А через четыре часа началась мощная артиллерийская подготовка наступления войск Степного фронта. В артподготовке принял участие также успевший переправиться наш гаубичный артиллерийский полк.

На Правобережье Днепра закипели ожесточенные бои. Гитлеровцы оказывали яростное сопротивление, их пехо-

та при активной поддержке танков и авиации переходила в контратаки. Наносившие главный удар 5-я гвардейская и 37-я армии продвигались очень медленно.

В это время я находился на наблюдательном пункте командующего 5-й гвардейской армией А.С. Жадова. Ему то и дело звонил командующий фронтом, требовал нажимать на командиров корпусов и дивизий, чтобы они наступали энергичнее.

Командарм отдавал распоряжения, торопил своих подчиненных, те в который раз поднимали части в атаку, но успеха не было. Противник мощным огнем прижимал к земле нашу пехоту, а там, где она успевала продвинуться хотя бы на несколько сот метров, гитлеровцы отбрасывали ее обратно контратакой своих танков.

И снова раздавался настойчивый звонок И.С. Конева или слышался его недовольный голос по радио. Ему докладывали, что ничего не получается, так как огневые средства врага недостаточно подавлены, и надо заново готовить наступление.

Командующий фронтом нервничал, упрекал А.С. Жадова в отсутствии у него организаторских способностей, хотя раньше сам говорил о нем, как об одном из лучших командармов. Расстроенный Алексей Семенович в ответ только разводил руками и, не оправдываясь, отвечал:

— Слушаюсь, товарищ командующий! Попробуем еще... Поддержите авиацией...

Зная крутой характер И.С. Конева и искренне сочувствуя А.С. Жадову, я в один из его разговоров с командующим попросил телефонную трубку.

— Жадов топчется на месте, а вы там сидите и наблюдаете! — сказал резко, как ударил, Иван Степанович.

— Да, наблюдаю и вижу, что без танков наша пехота не сможет прорвать оборону немцев, — спокойно ответил я.

— Ах, вы, оказывается, не только занимаетесь наблюдением, а еще и расхолаживаете там Жадова! Значит, по-вашему,

тоже следует переносить прорыв на завтра? — сердито загремел командующий фронтом.

— Нет, всего лишь на несколько часов. Сейчас на фронте полная тишина. Противник определенно считает, что наши атаки отбиты и сегодня мы наступать уже не будем.

— Ну и что же вы предлагаете? — нетерпеливо перебил меня Конев.

— Время приближается к ужину. А немцы в распорядке аккуратны. Думаю, что они скоро оставят у себя на переднем крае обороны только дежурные подразделения, а остальных отведут в тыл, к кухням. Вот в этот момент и надо нанести удар восемнадцатым танковым корпусом, готовым к боевым действиям. Только для обеспечения его наступления необходимо организовать мощный пятнадцатиминутный огневой налет артиллерии на участке не более трех-четырех километров.

— Хорошо, — согласился Конев. — Дайте трубку Жадову.

Получив указания командующего фронтом, А.С. Жадов попросил меня проехать с ним на командный пункт 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Г.В. Бакланова. Туда же был вызван и командир 18-го танкового корпуса генерал К.Г. Труфанов. Его корпус уже был полностью и компактно сосредоточен поблизости, причем так удачно замаскирован, что, как позже выяснилось, о его переправе на правый берег Днепра противник не знал.

Короткий октябрьский день подходил к концу. Но мы еще до наступления сумерек успели съездить не только в 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию, но и побывать на НП командира соседней, 95-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Н.С. Никитченко. На стыке этих дивизий и решено было направить острие нашего танкового удара.

Все оказалось так, как мы предполагали. Действительно, на исходе серого, пасмурного дня гитлеровцы начали по ходам сообщения отводить в глубину своей обороны пехоту

и даже частично расчеты противотанковых пушек, оставляя в окопах лишь дежурных солдат и офицеров.

— А ведь у них по расписанию скоро прием пищи! Самое то времечко тряхнуть фрицев, — глядя на часы, кивнул в сторону противника генерал Труфанов, не зная, что об этом уже состоялся разговор с И.С. Коневым.

На КП генерала Г.В. Бакланова мы согласовали время начала артиллерийского налета и атаки танков, вопросы взаимодействия, доложили об этом И.С. Коневу и разъехались на свои наблюдательные пункты.

И вот в 17.00, когда противник явно считал, что наступление советских войск отражено, загрохотала наша артиллерия. Артиллерийский гул все более нарастал. После залпов реактивных дивизионов к охваченным огнем вражеским позициям устремились танки 18-го танкового корпуса. Первой, набирая скорость, двинулась 181-я танковая бригада подполковника В.А. Пузырева, почти полностью укомплектованная танками Т-34. Она быстро прошла через боевые порядки нашей пехоты и с ходу ворвалась на передний край обороны противника. Тут же подошли и другие бригады корпуса. Завязался ожесточенный бой. Спохватившись, гитлеровцы сильным огнем пытались остановить наши танки, но это им не удалось. Внезапность и решительность удара крупной массы боевых машин, боевой опыт и взаимная выручка наших воинов сделали свое дело. Вражеский фронт был прорван, и 18-й корпус, развивая успех, продвинулся за ночь до 25 километров. Но в ходе наступления с генералом К.Г. Труфановым произошла беда. Двигаясь за боевыми порядками корпуса в открытом «виллисе», он попал под обстрел фашистских автоматчиков и был тяжело ранен. В командование корпусом по собственной инициативе вступил заместитель К.Г. Труфанова полковник А.Н. Фирсович. Однако в ночных условиях он потерял управление частями, и мне при-

шлось приостановить их наступление, с тем чтобы дать время собраться и привести себя в порядок.

Зато введенный в сражение с согласия командующего фронтом второй эшелон армии — 29-й танковый корпус генерал-майора танковых войск И.Ф. Кириченко, двигавшийся ночью в колоннах за 18-м танковым корпусом, добился в этот день блестящих результатов. Наступая на пятихаткинском направлении, он к ночи ворвался в Пятихатки, овладев этим крупным городом и железнодорожным узлом. Противник так поспешно бежал, что даже не успел увести со станции железнодорожный эшелон, загруженный новыми немецкими танками типа «Пантера».

Немецко-фашистское командование, нужно полагать, очень было встревожено смелыми действиями 5-й гвардейской танковой армии, за которой двинулась вперед и 5-я гвардейская армия генерала А.С. Жадова. Как стало после известно, по приказу Гитлера на пятихаткинское направление началась срочная переброска из резерва немецкой ставки танкового корпуса СС с задачей восстановить положение. Вскоре танковые дивизии этого корпуса начали угрожать правому крылу Степного фронта, развернутому на юго-запад. Командующий фронтом, узнав о сосредоточении здесь свежих сил противника, решил повернуть на западное направление 5-й гвардейский механизированный корпус генерала Б.М. Скворцова, не поставив меня об этом в известность, тем более что он знал о моем намерении использовать части корпуса для развития наступления на Кривой Рог.

Успешные боевые действия 5-й гвардейской танковой армии получили высокую оценку командования фронта. Многие танкисты были награждены орденами и медалями, а наиболее отличившиеся удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Мне было присвоено воинское звание генерал-полковника танковых войск.

* * *

Освободив город и железнодорожный узел Пятихатки, наша армия устремилась на Кривой Рог. К сожалению, 18-й и 29-й танковые корпуса наступали в замедленном темпе. Противник всячески препятствовал продвижению наших танковых частей плотным минированием танкодоступных направлений, устройством засад танков и противотанковой артиллерии. Серьезным препятствием оказались многочисленные балки, овраги, речки, пруды с поднявшимся уровнем воды от обильных осенних дождей.

Хотя от Пятихаток до Кривого Рога было немногим более 30 километров, на преодоление этого расстояния потребовалось около трех суток.

К исходу 23 октября, сломив упорное сопротивление противника, засевшего в селах Петрово и Анновка, передовые части 18-го и 29-го танковых корпусов вышли на подступы к Кривому Рогу. Противник переходил в отчаянные контратаки, прикрывая действия своей пехоты и танков значительными силами авиации. И все же части 18-го танкового корпуса с десантами мотострелков на танках ворвались на окраину города, однако, яростно контратакованные врагом, после непродолжительного боя вынуждены были отойти.

В эти дни выдвинутый на правое крыло фронта 5-й гвардейский механизированный корпус подвергся мощному удару пополненного новыми частями танкового корпуса СС и понес значительные потери. Хуже того, развивая свой успех, крупная танковая группировка противника вышла на тылы 29-го танкового корпуса, атакующего гитлеровцев в Кривом Роге, обстреляв ночью трассирующими снарядами наши тыловые части.

Узнав об этом, я с резервной танковой ротой немедленно направился в расположение корпуса и, разобравшись в обстановке, принял решение отвести его на реку Ингулец, в район Недай-Вода, где приказал перейти к обороне.

Правда, за то, что я отвел корпус без приказа сверху, мне довольно крепко досталось от Г.К. Жукова и И.С. Конева, но, как выяснилось, принятые мной меры были своевременными и правильными — иначе наши части оказались бы в ловушке.

Обстановка на криворожском направлении резко осложнилась. Противник сосредоточил в районе Кривого Рога мощную группировку войск, которая непрерывно усиливалась за счет частей, отходивших из-под Днепропетровска и Днепродзержинска под ударами 46-й и 8-й гвардейской армий 3-го Украинского фронта. Для гитлеровского командования стало очевидным, что с овладением Кривым Рогом советские войска выйдут в тыл немецких войск, действовавших в днепропетровско-запорожской излучине Днепра. Поэтому оно прилагало отчаянные усилия к тому, чтобы отбросить наши части, вышедшие к Кривому Рогу. Наряду с лихорадочным укреплением обороны города, гитлеровцы предпринимали контратаки крупными силами танков и мотопехоты, в том числе против 5-й гвардейской танковой армии. К тому времени армия после тяжелых и продолжительных боев была уже значительно ослаблена. Например, в 18-м танковом корпусе было только 49 исправных танков, а в 29-м — всего лишь 26 боевых машин[54].

Положение осложнялось еще тем, что наши танковые корпуса действовали в узкой вершине треугольника, образуемого реками Ингулец и Саксагань. Это сковывало их маневр и позволяло противнику обходить армию с флангов. Так, части 24-й танковой дивизии врага форсировали Ингулец севернее Петрово и создали угрозу выхода в тыл 18-му танковому корпусу. Никакого резерва для ликвидации этой опасности у меня уже не было. А командующий фронтом, несмотря ни на что, требовал не приостанавливать наступления на Кривой Рог, обещая поддержку пехотой и артиллерией общевойсковых армий.

В шесть часов 24 октября после непродолжительной артиллерийской подготовки 18-й и 29-й танковые корпуса при поддержке авиации вновь бросились на штурм Кривого Рога. Однако 29-й корпус сразу же натолкнулся на хорошо организованную противотанковую оборону противника в районе северной окраины города и вынужден был вести огневой бой.

Наиболее успешно действовали части 18-го корпуса. К восьми часам им удалось с ходу форсировать реку Саксагань у кирпичного завода и ворваться в город. Танкисты штурмом брали квартал за кварталом, проявляя массовый героизм и самоотверженность.

Танковая рота старшего лейтенанта Г.А. Романенко из 110-й бригады в уличном бою уничтожила несколько вражеских боевых машин и противотанковых орудий, 4 бронемашины, 150 грузовиков и до 200 солдат и офицеров. Сам командир роты сжег танк, раздавил 2 бронетранспортера, 3 пулеметные точки и истребил около 70 гитлеровцев.

Высокое мужество, смелость и находчивость проявил командир танка младший лейтенант Н.М. Козлов. За восемь часов боя его экипаж уничтожил 5 дзотов, противотанковую пушку, 4 бронемашины, 30 автомашин и 5 бронетранспортеров. Отрезанный на исходе дня от роты, он сумел вырваться из окружения и присоединиться к своим боевым друзьям.

Оба отважных офицера были удостоены звания Героя Советского Союза.

Этого высокого звания удостоился и командир танка второго батальона 181-й танковой бригады младший лейтенант В.А. Белороссов. Вырвавшись вперед, он огнем и гусеницами своей боевой машины подбил 2 «тигра», сжег танк Т-IV, уничтожил 4 броневика, 3 пулеметных гнезда и несколько минометов.

К вечеру противник предпринял яростные контратаки крупными силами пехоты, поддержанной танками типа

«тигр» и штурмовыми орудиями. Израсходовав горючее и боеприпасы, части 18-го танкового корпуса вынуждены были отойти из города на исходный рубеж.

Утром следующего дня вражеская авиация совершила массированный налет на наши войска и штабы. От налета фашистских бомбардировщиков и штурмовиков сильно пострадал также штаб армии. В частности, погибли хорошо известные мне заместители начальников политического и разведывательного отделов подполковники Н.А. Сафронов и И.Н. Третьяков, были тяжело ранены штабные офицеры майоры А.П. Родин и Ф.Р. Веселов.

Анализируя сложившуюся обстановку, мы пришли к выводу, что овладеть Кривым Рогом силами фактически двух, крайне ослабленных непрерывными боями танковых корпусов не удастся, особенно в то время, когда наступавшую на город с фронта 37-ю армию противник не только остановил, но и потеснил. Доложив об этом командующему фронтом, я с его согласия отвел 18-й и 29-й танковые корпуса на реку Ингулец, приказав им занять оборону по рубежу Петрово, Недай-Вода, Лозаватка — впереди стрелковых соединений 37-й армии.

Здесь еще несколько дней наша 5-я гвардейская танковая во взаимодействии с 37-й армией вела ожесточенные оборонительные бои с крупными силами противника, стремившимися отбросить наши войска к Днепру. Гитлеровцы, обладая численным превосходством в танках, иногда прорывались в глубь нашей обороны, но везде встречали решительный отпор.

В исключительных по ожесточению оборонительных боях на Ингульце мы наносили большой урон противнику, особенно в боевой технике. Но и наши силы таяли, боевые возможности корпусов день ото дня снижались. Поэтому 5 ноября командующий войсками 2-го Украинского фронта[55] принял решение сменить 5-ю гвардейскую танковую армию

стрелковыми соединениями и отвести ее в район Пятихатки для доукомплектования и подготовки к новым боям.

Время, отведенное на восстановление боевой мощи армии, было ограничено несколькими сутками, и мы принимали все меры к тому, чтобы не только использовать каждый час для пополнения частей техникой, вооружением, боеприпасами, но и на изучение личным составом боевого опыта в сражении на Правобережье Днепра. А этот опыт заслуживал самого пристального внимания. С 15 октября по 4 ноября 1943 года 5-я гвардейская танковая прошла с боями в тяжелейших условиях осенней распутицы и бездорожья более 100 километров. В составе ударной группировки фронта она завершила прорыв обороны противника и, наступая в оперативной глубине, проявила гибкость маневра, умение переходить от одного вида боевых действий к другому. Непоколебимая воля к победе личного состава, творческая инициатива командования и штабов в выборе направлений главных ударов, надежное обеспечение флангов, стремление решать задачи в тесном взаимодействии с общевойсковыми соединениями и авиацией стали характерными чертами боевых действий бригад, корпусов и армии в целом.

Политорганы, партийные и комсомольские организации армии в эти дни широко развернули работу по подготовке к встрече 26-й годовщины Великого Октября, и главным в этой работе была пропаганда массового героизма советских воинов на всех фронтах, популяризация подвигов солдат и офицеров, отличившихся в минувших боях.

В те дни войска 2-го Украинского фронта готовились к предстоящим боям. Силами 37, 53, 5-й гвардейской и 57-й армий они должны были нанести удары в западном и юго-западном направлениях в обход Кривого Рога с запада, во взаимодействии с 3-м Украинским фронтом разгромить криворожскую группировку противника и развить успех на Кировоград.

5-я гвардейская танковая армия вводилась в прорыв из района Петрово в полосе наступления 57-й армии.

Наступление назначалось на 11 ноября, но затем в связи с запозданием подвоза войскам горючего, боеприпасов и продовольствия было перенесено на два дня.

К началу наступательных действий в нашу армию попрежнему входили 18-й и 29-й танковые, 5-й гвардейский и 7-й механизированные корпуса. В их составе имелось 358 танков и САУ, в том числе 253 танка Т-34, 70 танков Т-70 и 35 самоходно-артиллерийских установок[56].

Так как оба танковых корпуса были наиболее укомплектованными и имели на вооружении в основном танки Т-34, их решено было поставить в первый эшелон боевого построения. 5-му гвардейскому механизированному корпусу предстояло наступать во втором эшелоне, а 7-й мехкорпус, еще не закончивший к тому времени доукомплектование, предназначался для развития успеха главных сил в глубине обороны противника.

Ранним утром 14 ноября после непродолжительной, но довольно мощной артиллерийской подготовки войска 57-й армии начали атаку переднего края вражеской обороны. А менее чем через час в бой были брошены наши 18-й и 29-й танковые корпуса.

Противник сразу же оказал нашей пехоте яростное сопротивление. Очень медленным было и продвижение танков. За два-три дня до начала наступления прошли проливные дожди. Грунтовые дороги и поля для колесного транспорта стали непроходимыми, и танки с трудом ползли по ним лишь на первой скорости. Лишенные маневра, наши войска втянулись в тяжелые позиционные бои и за неделю наступления продвинулись всего лишь на 8—10 километров.

В эти дни наибольший успех обозначился в полосе наступления 53-й и 5-й гвардейской армий. Командующий 2-м Украинским фронтом незамедлительно принял решение

переместить в полосу их действий 5-ю гвардейскую танковую армию.

К вечеру 5 декабря части 18-го и 29-го танковых корпусов, тесно взаимодействуя с войсками 5-й гвардейской армии, ворвались на северную и восточную окраины Знаменки, а 9 декабря этот важнейший узел коммуникаций на Правобережной Украине был очищен от вражеских войск. Приказом Верховного Главнокомандующего от 10 декабря 1943 года 18-му и 29-му танковым корпусам, 32, 110, 181-й танковым и 53-й мотострелковой бригадам было присвоено почетное наименование Знаменских.

* * *

После боев эа Знаменку 5-я гвардейская танковая была выведена в резерв и готовилась к новым боям. В первых числах января 1944 года ей предстояло принять участие в Кировоградской наступательной операции войск 2-го Украинского фронта. Главную роль в предстоящем наступлении должны были сыграть 53, 5 и 7-я гвардейские, 5-я гвардейская танковая армии. По замыслу командующего фронтом генерала армии И.С. Конева этим армиям надлежало нанести удар по сходящимся направлениям с целью окружения кировоградской группировки противника путем охвата Кировограда с севера и юга.

5-я гвардейская танковая получила задачу наступать во взаимодействии с 7-й гвардейской армией в направлении на Покровское, форсировать реку Ингул в районе Клинцы и к исходу первого дня наступления выйти в район Безводная, Федоровка, Юрьевка. В дальнейшем охватом Кировограда с юга и юго-запада она должна была во взаимодействии с 7-м механизированным корпусом, составлявшим подвижную группу 5-й гвардейской армии, окружить противника в городе и разгромить подходящие вражеские резервы.

Противник, придавая большое значение удержанию Кировограда, сосредоточил здесь крупные силы: три пехотные, моторизованную, авиаполевую и три танковые дивизии. Кроме того, в резерве гитлеровцы имели две дивизии: танковую и пехотную. Враг приложил немало усилий, чтобы создать восточнее Кировограда устойчивую оборону.

По решению, которое мы обсудили на заседании Военного совета и представили на утверждение командующего фронтом, главные силы нашей армии сосредоточивались на левом фланге. В первом эшелоне должны были наступать 18-й и 29-й танковые корпуса, за ними, составляя второй эшелон, — переданный 5-й армии 8-й механизированный под командованием генерала А.М. Хасина.

В этой операции главные силы армии вступали в сражение в несколько ослабленном составе. В связи с тем, что 7-я гвардейская армия не имела своих танков и самоходно-артиллерийских установок, для непосредственной поддержки пехоты пришлось выделить ей две танковые бригады — 32-ю подполковника В.А. Бзырина и 181-ю подполковника А.М. Индейкина.

Перед наступлением штабы стрелковых, танковых соединений и артиллерийских частей обменялись переговорными и радиосигнальными таблицами, подготовили общие схемы огня, наметили единые ориентиры и порядок целеуказания. В танковые корпуса были направлены офицеры оперативного отдела штаба 7-й гвардейской армии, а также представители артиллерийских групп. В боевых порядках танковых рот находились офицеры-корректировщики.

Итак, все было готово к решительному наступлению. Ранним утром 3 января 1944 года войска начали выдвижение в район исходных позиций.

Наступал холодный рассвет 5 января. Густой туман плотной пеленой стлался над землей. С моего наблюдательного

пункта едва просматривались ближние траншеи и ходы сообщения, контуры танков, покрашенных белилами.

Туман и радовал нас, и огорчал. Радовал потому, что противник не мог вести прицельный огонь с дальних дистанций. Огорчал и вызывал озабоченность тем, что наша авиация в этих условиях не сможет выполнить свои задачи, и мы лишались авиационной поддержки.

В 8.10, когда утро еще только начинало побеждать предрассветные сумерки, тонны смертоносного металла обрушились на фашистские позиции.

С наблюдательного пункта по-прежнему ничего не было видно из-за тумана, и мне оставалось только прислушиваться к грохоту боя да ждать донесений. До меня явственно доносился особенно мощный гул из района населенного пункта Плавни.

Еще накануне боя, анализируя обстановку, Военный совет армии пришел к выводу, что, возможно, придется принимать участие в допрорыве обороны противника. Поэтому корпусам первого эшелона было приказано вести свои главные силы непосредственно за 181-й и 32-й танковыми бригадами, которым надлежало наступать непосредственно в боевых порядках пехоты.

Так и получилось. С началом атаки переднего края обороны противника стрелковые соединения 7-й гвардейской армии встретили упорное сопротивление гитлеровцев и за два часа боя продвинулись всего лишь до двух километров. Из поступавших донесений следовало, что враг располагает большим количеством танков, 88-мм орудий, минометов и других огневых средств, не подавленных во время артиллерийской подготовки. Кроме того, на пути наших наступающих войск были обнаружены плотные минные поля и многорядные проволочные заграждения.

Уяснив сложившуюся обстановку и переговорив с командармом 7-й гвардейской М.С. Шумиловым, я решил в две-

надцать часов ввести в сражение главные силы своей армии для завершения прорыва вражеской обороны. И.С. Конев дал согласие, и два наших танковых корпуса ринулись в бой.

По-иному складывались события в 5-й гвардейской армии генерала А.С. Жадова. Там уже через два с половиной часа в полосе наступления 32-го гвардейского стрелкового корпуса генерала А.И. Родимцева оборона противника была сломлена. Командарм немедленно ввел в прорыв 7-й механизированный корпус генерала Ф.Г. Каткова, который устремился вперед, увлекая за собой стрелковые части. Во второй половине дня подвижные части армии прорвались к реке Ингул, создав угрозу обхода Кировограда с северо-запада. Однако дальше темп наступления начал падать.

Для развития успеха, достигнутого 5-й гвардейской армией, командующий фронтом решил передать в ее подчинение действующий в составе нашей армии 8-й механизированный корпус генерала А.М. Хасина и к 8.00 6 января сосредоточить его в районе Казарна.

Об этом доложил мне по радио генерал В.Н. Баскаков, когда я находился в боевых порядках 18-го и 29-го танковых корпусов. Одновременно он сообщил, что на мой наблюдательный пункт прибыл представитель Ставки Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, который хочет меня видеть.

Отдав необходимые распоряжения генералам И.Ф. Кириченко и В.И. Полозкову, вступившему в командование 18-м танковым корпусом 23 декабря, я тотчас же на своем танке выехал на НП.

— Как идут дела? — встретил меня Г.К. Жуков обычным вопросом.

— Теперь, можно сказать, хорошо.

Маршал внимательно слушал мой доклад, рассматривая положение войск, отмеченное на оперативной карте. Я доложил ему, что с первых же минут боя противник оказал 7-й гвардейской армии яростное сопротивление и поэтому

пришлось усилить пехоту двумя танковыми бригадами, а затем вводить в сражение и оба танковых корпуса.

Г.К. Жуков оторвал взгляд от карты:

— А вам известно, что Конев передает восьмой мехкорпус Хасина в армию Жадова?

— Да, мне доложил об этом начальник штаба. Только не понимаю, для чего отбирать у меня второй эшелон, предназначенный для развития успеха и главным образом для отражения контратак противника при обходе Кировограда.

Жуков лукаво улыбнулся:

— Вот и докажите, что ваша армия справится с задачей и без восьмого мехкорпуса. Кстати, решительное наступление армии Жадова будет содействовать вашему успеху, поскольку противник так или иначе должен оттянуть часть своих сил с южного и юго-западного участков на северо-запад. — Маршал доброжелательно посмотрел на меня. Суровые черты его лица смягчились и снова озарились улыбкой. — Плохой тот командир или солдат, который не стремится добиться победы первым. Мне нравится это здоровое честолюбие.

Проводив маршала, мы с начальником штаба армии В.Н. Баскаковым и членом Военного совета П.Г. Гришиным проанализировали последние донесения. Наступление развивалось успешно. День был на исходе. Главные силы танковых корпусов вышли на рубеж северо-западнее и западнее Плавней. За ними продвигался 25-й гвардейский стрелковый корпус 7-й гвардейской армии. Особенно нас порадовал разгром очень сильного противотанкового узла противника между Червоным Яром и Плавнями, где фашисты имели до семи дивизионов противотанковой и зенитной артиллерии.

Решили продолжать наступление ночью.

Группа офицеров-операторов выехала в 8-й механизированный корпус, чтобы повернуть его части на новое направление в полосе 5-й гвардейской армии.

— С перегруппировкой этого корпуса, — заметил я, — у нас открывается левый фланг армии, и не исключена контратака противника со стороны Ингуло-Каменки.

— Думали об этом, товарищ командующий, — ответил генерал Баскаков. — У командующего артиллерией есть в резерве истребительно-противотанковый полк.

— Хорошо. Ориентируйте его к левому флангу.

К тому времени уже было получено расшифрованное распоряжение командующего 2-м Украинским фронтом командующему 5-й гвардейской армией, которому ставилась задача с утра 6 января «развить энергичное наступление 7-м и 8-м механизированными корпусами в обход Кировограда с северо-запада в общем направлении на Грузкое, разъезд Лелековка с целью перерезать пути, ведущие из Кировограда на запад и северо-запад, и во взаимодействии с войсками 5-й гвардейской танковой армии овладеть Кировоградом».

Наступившая ночь на 6 января снова наполнилась гулом моторов и грохотом выстрелов: в двадцать три часа 18-й и 29-й танковые корпуса напористо начали бой. Разгромив остатки противотанкового узла немцев в Плавнях, части корпусов продвинулись на 10 километров и к утру 6 января вышли на рубеж Покровское, Рыбчино.

При подходе к Покровскому наступавшая на правом фланге 29-го корпуса 31-я танковая бригада встретила сильное сопротивление. Пробиваясь вперед, командир бригады полковник А.М. Попов направил танковый батальон майора Н.И. Самойлова в обход вражеских позиций. Под покровом тумана подразделение незаметно подошло к северной окраине села и с ходу атаковало противника. Стремительно атакуя, танк младшего лейтенанта Е.Н. Кобяка, ворвавшись в Покровское одним из первых, сразу же наткнулся на противотанковое орудие, которое немцы торопились развернуть в его сторону. Но не успели. Резкий рывок — и танк подмял под себя пушку и его прислугу. Тут же Кобяк заметил, что

из-за дома выползает Т-IV. Стрелять было поздно, он успел только скомандовать: «Тарань...» Удар в борт — и вражеская машина свалилась в кювет.

Развивая наступление, к полудню 6 января 31-я танковая бригада полковника А.М. Попова завязала бой на восточной окраине Клинцов. Вскоре сюда подошли и остальные соединения 29-го танкового корпуса. Южнее наступал 18-й танковый корпус. 170-я бригада полковника Н.П. Чунихина, сбив заслоны врага, овладела деревней Ольговка, а батальоны 110-й танковой бригады полковника И.Ф. Решетникова освободили Козыревку и к тринадцати часам, переправившись через реку, начали стремительно продвигаться на северо-запад.

Гитлеровцы лихорадочно принимали меры, чтобы задержать продвижение наших войск. Они повсюду минировали дороги, выдвигали на танкоопасные направления противотанковую, зенитную и даже гаубичную артиллерию, поставленную на стрельбу прямой наводкой. Но ничто не могло остановить советские войска.

С ходу преодолев второй оборонительный рубеж фашистов, созданный по реке Аджамка, части 29-го танкового корпуса в ночь на 7 января прорвались к юго-восточной окраине Кировограда. 18-й танковый корпус овладел Федоровкой и, прикрыв свой южный фланг, главными силами двинулся на Ново-Павловку, обходя Кировоград с юго-запада. К утру корпусу удалось выйти в район этого села и перерезать шоссейную дорогу Кировоград — Ровное.

В это время передовые части 7-го и 8-го механизированных корпусов, развивая наступление на Грузкое, перехватили железную и шоссейную дороги Кировоград—Ново-Украинка в районе разъезда Лелековка, завершив оперативное окружение противника в Кировограде.

Вечер и всю ночь танкисты 29-го танкового корпуса вели ожесточенный бой на подступах к городу, а на рассве-

те, переправившись через реку Сугоклея, при поддержке 1543-го самоходно-артиллерийского и 678-го гаубичного артиллерийского полков ворвались в Кировоград. Вслед за ними завязали уличные бои части 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, а затем всего 33-го гвардейского стрелкового корпуса 5-й гвардейской армии.

Город горел и сотрясался от взрывов. Гитлеровцы, по обыкновению, стремились варварски разрушить и сжечь все, что могли, — жилые дома, школы, больницы, предприятия.

В десять часов 8 января после упорных двухдневных боев войск 5-й гвардейской танковой, 5-й и 7-й гвардейских общевойсковых армий крупнейший промышленный и культурный центр Южной Украины город Кировоград был освобожден от немецко-фашистских захватчиков.

Столица нашей Родины — Москва громом артиллерийского салюта возвестила о новой замечательной победе доблестных советских войск. В ознаменование одержанной победы частям и соединениям 2-го Украинского фронта, отличившимся в боях за Кировоград, приказом Верховного Главнокомандующего от 8 января 1944 года было присвоено почетное наименование Кировоградских. В 5-й гвардейской танковой армии его получили 25, 31 и 170-я танковые бригады, 1000-й истребительно-противотанковый артиллерийский, 678-й гаубичный артиллерийский, 1543-й, 1694-й самоходно-артиллерийские, 292-й минометный полки, 29-й и 18-й танковые корпуса были награждены орденом Красного Знамени.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 274.

[2] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд., доп. и испр. М., 1970. Т. 2. С. 534.

[3] *Фрунзе М.В.* Собр. соч. М.—Л., 1926. Т. 2. С. 17—18.

[4] См.: *Фрунзе М.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 164.

[5] Эта академия была основана в 1918 году по инициативе В.И. Ленина и в 1921 году переименована в Военную академию РККА. В 1925 году ей было присвоено имя М.В. Фрунзе.

[6] Созвездие полководцев. Благовещенск, 1972. С. 269.

[7] ЦАМО. Ф. 33879. Оп. 16. Д. 47. Л. 167.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5266.

[9] ЦАМО. Ф. 33879. Оп. 2. Д. 58. Л. 113.

[10] ЦАМО. Ф. 140. Оп. 1302. Д. 16. Л. 19.

[11] См.: *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. М., 1956. С. 197.

[12] ЦАМО. Ф. 3067. Оп. 1. Д. 5. Л. 13, 19.

[13] ЦАМО. Ф. 3067. Оп. 1. Д. 5. Л. 21—23.

[14] ЦАМО. Ф. 3067. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

[15] Там же. Д. 5. Л. 46.

[16] См.: Разгром немецких войск под Москвой. М., 1943. Ч. 1. С. 41.

[17] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 50659. Д. 1. Л. 37.

[18] См.: Разгром немецких войск под Москвой. Ч. 1. С. 50.

[19] Там же..

[20] ЦАМО. Ф. 354. Оп. 5806. Д. 20. Л. 60.

[21] ЦАМО. Ф. 354. Оп. 5806. Д. 20. Л. 67.

[22] Там же. Л. 66.

[23] См.: Правда, 1942, 12 янв.

[24] ЦАМО. Ф. 83. Оп. 80050. Д. 4. Л. 14, 15.

[25] ЦАМО. Ф. 38. Оп. 80038. Д. 58. Л. 66.

[26] Военно-исторический журнал. 1964. № 10. С. 39.

[27] См.: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1975. С. 222.

[28] Цит. по: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1979. Т. 2. С. 72.

[29] См.: Сталинградская эпопея. М., 1968. С. 608—609.

[30] Речь шла о моей статье «Минувшие и грядущие танковые бои», опубликованной в «Правде» 24 июня 1942 года к годовщине начала Великой Отечественной войны. — *П.Р.*

[31] ЦАМО. Ф. 6501. Оп. 382875. Д. 1. Л. 18.

[32] *Дёрр Г.* Поход на Сталинград. М., 1957. С. 15.

[33] ЦАМО. Ф. 332. Оп. 4980. Д. 4. Л. 1.

[34] ЦАМО. Ф. 332. Оп. 4982. Д. 4. Л. 13.

[35] См.: История Второй мировой войны 1939—1945. М., 1976. Т. 7. С. 114.

[36] *Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г.* Курская битва, М., 1970. С. 47.

[37] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 143.

[38] Иванов — псевдоним И.В. Сталина, Степин — И.С. Конева.

[39] ЦАМО. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 51. Л. 4.

[40] ЦАМО. Ф. 203. Оп. 51354. Д. 18. Л. 8.

[41] Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 321—322.

[42] ЦАМО. Ф. 322. Оп. 4988. Д. 1. Л. 15.

[43] ЦАМО. Ф. 332. Оп. 4980. Д. 4. Л. 298.

[44] Именем Леонида Татаринова названа улица в его родном городе Клинцы Брянской области, а на здании школы, где он учился, установлена мемориальная доска. Имя героя с гордостью носит пионерская дружина. Л.М. Татаринов навечно зачислен в списки части.

[45] ЦАМО. Ф. 203. Оп. 51354. Д. 18. Л. 8.

[46] ЦАМО. Ф. 302. Оп. 51354. Д. 13. Л. 1—6.

[47] ЦАМО. Ф. 203. Оп. 51360. Д. 1. Л. 83.

[48] ЦАМО. Ф. 203. Оп. 51360. Д. 61. Л. 65.

[49] ЦАМО. Ф. 223. Оп. 50664. Д. 38. Л. 124.

[50] Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975. С. 15.

[51] Цит. по: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 124.

[52] Там же. С. 137.

[53] Там же.

[54] ЦАМО. Ф. 332. Оп. 8854. Д. 14. Л. 82.

[55] Степной фронт был переименован во 2-й Украинский.

[56] ЦАМО. Ф. 332. Оп. 4. Д. 36. Л. 19—50.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Отрывок из книги П.А. Ротмистрова «Время и танки» о заключительном периоде Великой Отечественной войны

Корсунь-Шевченковская операция.

Корсунь-Шевченковская наступательная операция, проведенная советскими войсками в начале 1944 года с целью окружения и уничтожения вражеской группировки, еще раз показала превосходство советского военного искусства и полководческого таланта советских военачальников.

Обстановка накануне Корсунь-Шевченковской операции была весьма сложной. В конце декабря 1943 года войска 1-го Украинского фронта, наступая с киевского плацдарма, разгромили житомирскую группировку противника и к концу января 1944 года продвинулись в направлении Ровно, Луцк до 300 км. Войска 2-го Украинского фронта, наступая с кременчугского плацдарма, в первых числах января 1944 года провели блестящую наступательную операцию на кировоградском направлении и 8 января 1944 года освободили Кировоград.

Таким образом, в результате активных наступательных действий 1-го и 2-го Украинских фронтов и глубокого продвижения советских войск на запад конфигурация линии

фронта приняла угрожающий для противника характер. Казалось бы, каждому должно было быть ясно, что гитлеровская группировка, которая продолжала держаться за Днепр своим основанием на небольшом участке, зажатая с флангов крупными силами советских войск, обречена на гибель.

Немецко-фашистское командование, пренебрегая угрозой фланговых ударов советских войск, рассчитывало использовать корсунь-шевченковский выступ для удара во фланг и тыл войскам 1-го Украинского фронта, действовавшим западнее Киева, и вновь овладеть Правобережной Украиной. Конечно, для проведения такой операции у противника не было ни сил, ни возможностей, хотя этот удар мог затруднить взаимодействие 1-го и 2-го Украинских фронтов в ходе дальнейшего наступления.

В Корсунь-Шевченковской наступательной операции, классической по методам и способам окружения врага и необычайно динамичной, советское командование широко практиковало перегруппировки войск. Войска снимались с неатакованных участков и перебрасывались в зависимости от обстановки то на внешний, то на внутренний фронт окружения и везде добивались победы. Особенно динамично использовались танковые войска.

Говоря об этой классической наступательной операции на окружение, которую выиграло советское военное искусство, нельзя не назвать прежде всего командующего 2-м Украинским фронтом И.С. Конева — умного, расчетливого, умеющего анализировать обстановку, его замечательного начальника штаба фронта М.В. Захарова и высокообразованного командующего артиллерией генерала Н.С. Фомина.

Советское командование решило до начала широкого наступления советских войск с целью освобождения Правобережной Украины разгромить корсунь-шевченковскую группировку. Для выполнения этой задачи намечалось нанести

два мощных удара под основание корсунь-шевченковского выступа, в последующем стремительным наступлением по сходящимся направлениям на Звенигородку окружить и уничтожить вражескую группировку.

Для осуществления операции привлекались 1-й и 2-й Украинские фронты.

Один удар из района южнее Белой Церкви наносили войска левого крыла 1-го Украинского фронта в составе 40-й и 27-й армий и 6-й танковой армии; другой — из района севернее Кировограда — войска правого крыла 2-го Украинского фронта в составе 4-й гвардейской, 53-й армий и 5-й гвардейской танковой армии.

Кроме того, из района Смелы и Кировограда намечалось нанести два вспомогательных удара, чтобы не позволить противнику перебросить войска на направление действий ударной группировки 2-го Украинского фронта.

Успех во многом зависел от высоких темпов наступления как при прорыве обороны противника, так и в ходе развития наступления. Только при этом условии можно было окружить противника до того, как успеют подойти его резервы с винницкого и кировоградского направлений. Решающая роль в осуществлении этого замысла отводилась 5-й гвардейской танковой армии 2-го Украинского фронта и 6-й танковой армии, входившей в состав 1-го Украинского фронта. Эти танковые армии должны были не только обеспечить развитие прорыва тактической зоны обороны противника, но, что самое главное, как можно глубже охватить с двух сторон фланги вражеской группировки и создать условия для ее уничтожения.

В Корсунь-Шевченковской операции впервые две танковые армии (6-я и 5-я гвардейская) должны были без паузы решить две задачи — охватить фланги противостоящей группировки противника, а затем окружить во взаимодействии с другими войсками и уничтожить ее.

По решению командующего 1-м Украинским фронтом генерала Н.Ф. Ватутина 6-й танковой армии предстояло действовать в первом эшелоне войск фронта. При этом ее 5-му механизированному корпусу во взаимодействии с 40-й армией была поставлена задача прорвать оборону, а 5-му гвардейскому танковому корпусу использовать прорыв и стремительно развивать наступление на Звенигородку.

5-й гвардейской танковой армии командующий 2-м Украинским фронтом генерал И.С. Конев ставил решительную задачу как по глубине удара, так и замыслу действий. Однако, как и 6-я танковая армия генерала А.Г. Кравченко, 5-я гвардейская танковая армия частью своих сил должна была содействовать войскам 53-й армии генерала И.В. Галанина в быстрейшем прорыве тактической обороны противника.

Привлечение части сил танковых армий для решения задач в тактической зоне обороны несколько ослабляло их ударную силу, предназначенную главным образом для нанесения ударов в оперативной глубине. Но в сложившейся обстановке такая мера являлась необходимой, поскольку не было других средств, которые могли бы обеспечить прорыв обороны противника в высоком темпе.

Подготовка к этой операции на окружение и уничтожение противника проводилась в трудных условиях. Войска обоих фронтов вели непрерывные бои. Особенно неблагоприятно сложилась обстановка для танковых соединений. 6-я танковая армия имела в своем составе только два корпуса и резервную бригаду. 5-я гвардейская танковая армия хотя и имела в своем составе три корпуса, но после тяжелых боев под Кировоградом не сумела полностью восстановить материальную часть. К тому же обстановка потребовала в короткий срок осуществить переброску 5-й гвардейской танковой армии из района Кировограда в полосу наступления 53-й армии.

Перегруппировка танковой армии весьма поучительна с точки зрения оперативной маскировки. Так, на месте прежнего расположения армии были оставлены макеты танков и орудий, а также несколько армейских радиостанций, работавших в прежнем режиме. Кроме того, имитировалось прибытие новых танковых частей и соединений в район Кировограда. И хотя маршруты танковой армии пролегали в 20—25 км от линии фронта (метеорологические условия не позволяли использовать авиацию), немецко-фашистское командование было дезориентировано относительно района нанесения главного удара 2-го Украинского фронта и, самое главное, не заметило перегруппировки 5-й гвардейской танковой армии. Неслучайно гитлеровцы до 27 января держали свои танковые дивизии на кировоградском направлении.

Операция готовилась весьма тщательно. Четко и оперативно работали командиры и штабы всех степеней, политорганы, партийные и комсомольские организации. Большую работу во 2-м Украинском фронте провел член Военного совета фронта генерал И.З. Сусайков, в 5-й гвардейской танковой армии — член Военного совета генерал П.Г. Гришин и начальник политотдела генерал В.М. Шаров.

Важное место в партийно-политической работе занимала популяризация боевых традиций подразделений и частей, показ героизма и мастерства, обмен опытом отличившихся в прошедших боях солдат, сержантов и офицеров. У воинов развивали наступательный порыв, смелость, решительность и отвагу, упорство в обороне. Только так можно было решить трудные задачи, стоявшие перед войсками. В подразделениях и частях широко пропагандировались материалы, посвященные памяти основателя Коммунистической партии и Советского государства В.И. Ленина. В них особенно подчеркивались ленинские идеи о защите социалистического Отечества.

2-й Украинский фронт перешел в наступление 25 января, нанося главный удар из района севернее Кировограда в направлении Шпола, Звенигородка. Войска 1-го Украинского фронта начали наступление 26 января. Главный удар наносился из района Жашкова в общем направлении Звенигородка, Шпола навстречу войскам 2-го Украинского фронта.

Наступление советских войск началось, как и планировалось, с прорыва обороны противника у основания корсунь-шевченковского выступа. Уже к исходу 26 января совместными усилиями общевойсковых и танковых армий при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации эта задача была успешно решена. С утра 27 января танковые армии обоих фронтов приступили к осуществлению двустороннего охватывающего маневра с целью окружения вражеской группировки.

К исходу первого дня наступления, т.е. 25 января, 5-я гвардейская танковая армия продвинулась на 18—20 км. Ее соединения, оторвавшись от стрелковых частей, преодолели вторую полосу обороны и вели бои в Тишковке и на подступах к Капитановке. На этих рубежах армия закрепилась, развернув левофланговые соединения фронтом на юг с целью расширения прорыва в сторону фланга.

С утра 27 января 5-я гвардейская танковая армия продолжала наступать в направлении Шполы.

Противник, определив истинное направление главного удара советских войск и почувствовав серьезную угрозу для всей своей корсунь-шевченковской группировки, поспешно начал собирать силы для срыва нашего наступления и, в частности, перебросил танковые дивизии с кировоградского направления. На флангах прорыва гитлеровцы создали сильные ударные группировки: на левом — в составе трех танковых дивизий (3, 11, 14-й) и 106-й пехотной дивизии, на правом — в составе 389-й пехотной, одного полка 57-й пехотной дивизии и танковой дивизии СС «Викинг».

Однако маневр противника был разгадан. Опыт предыдущих операций показывал, что немецко-фашистское командование обязательно попытается отрезать наступающие войска у основания прорыва.

Действительно, 27 января обе вражеские группировки начали наступление, нанося одновременный удар по флангам наших войск. Противник, видимо, рассчитывал ликвидировать прорыв и прежде всего отрезать от основных сил фронта танковые части 5-й гвардейской танковой армии, достигшие к этому времени района Шполы.

На всем участке прорыва развернулись ожесточенные бои. Советские войска мужественно и стойко отражали контратаки врага, следовавшие одна за другой. В этот период наиболее активные боевые действия пришлось вести нашим артиллеристам и танкистам.

В ходе тяжелых боев при отражении контратак врага положение 5-й гвардейской танковой армии порой бывало весьма сложным. Противник группами танков и пехоты различного состава выходил на коммуникации 20-го и 29-го танковых корпусов и внезапными ударами иногда прерывал снабжение войск горючим, продовольствием и боеприпасами. Некоторые населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки. В этих условиях танкисты проявили стойкость и самообладание, героически отбивая яростные атаки врага.

При выходе корпусов первого эшелона 5-й гвардейской танковой армии в оперативную глубину противник нанес мощный контрудар с юга и севера по горловине прорыва. Ему удалось закрыть брешь. В результате 20-й корпус генерала И.Г. Лазарева и 29-й корпус генерала И.Ф. Кириченко оказались отрезанными не только от главных сил ударной группировки фронта, но и от второго эшелона и тыла армии. В это же время гитлеровцы начали выдвигать новые резервы с кировоградского направления к району прорыва.

Командующий 5-й гвардейской танковой армией в этой обстановке принял решение разгромить части противника, закрывшие брешь, вводом в сражение второго эшелона — 18-го танкового корпуса под командованием генерала В.И. Полозкова.

Одновременно 29-му танковому корпусу было приказано запять оборону на рубеже Водяное, Липяпка фронтом на юг. Надо было преградить путь резервам врага, подходившим к корсунь-шевченковской группировке, и обеспечить свой открытый левый фланг.

20-й танковый корпус продолжал наступление. Его воины проявляли высокое мастерство, мужество и отвагу. Так, 155-я танковая бригада под командованием подполковника И.И. Прошипа дерзко прошла по тылам противника и в ночь на 27 января вместе с 8-й гвардейской танковой бригадой полковника В.Ф. Орлова вышла на подступы к Шполе. Разведав огневую систему обороны врага, танкисты открыли сильный огонь, а затем ворвались в город. Противник, застигнутый врасплох, не смог оказать организованного сопротивления и в панике бежал. 155-я бригада, стремительно преследуя фашистов, 28 января ворвалась в Звенигородку. Вслед за бригадой подошли и главные силы 20-го корпуса. Успех был закреплен.

К этому времени передовой отряд 6-й танковой армии, которым командовал генерал М.И. Савельев, отразил контратаки гитлеровцев и также прорвался в Звенигородку. Это означало, что на четвертый день боевых действий танковые армии двух фронтов перерезали все пути, связывавшие корсунь-шевченковскую группировку противника с соседями и резервами. Она оказалась в окружении.

Танковое кольцо советских войск в районе Звенигородки сомкнулось, и было положено начало разгрому всей корсунь-шевченковской группировки врага. Однако созданный фронт окружения имел большие промежутки и участки, прикрывавшиеся незначительными силами.

Обстановка оставалась очень напряженной. Внутренний фронт окружения был недостаточно прочным, внешний лишь обозначился, а к нему уже подходили крупные резервы врага — до восьми танковых и шести пехотных дивизий.

Срочно принимались меры, чтобы укрепить положение наших войск. Силами общевойсковых армий, а также 18-м танковым корпусом и резервной 25-й танковой бригадой к 30 января коридор был очищен от противника и восстановлена непосредственная связь с танковыми корпусами первого эшелона. И все же разрыв между корпусами первого и второго эшелонов танковой армии достигал свыше 50 км. На всем его протяжении коридор между линиями внутреннего и внешнего фронтов окружения составлял на отдельных участках всего около 2 км. В этих условиях командующий фронтом принимал самые энергичные меры, чтобы части 5-й гвардейской танковой армии были свободны от выполнения второстепенных задач. Он непрерывно перебрасывал в полосу действий 5-й гвардейской танковой армии противотанковую артиллерию и стрелковые дивизии. Всего в ходе операции 5-я гвардейская танковая армия получила на усиление несколько противотанковых бригад, пять стрелковых дивизий и управление стрелкового корпуса. Это позволило командарму высвободить танки с пассивных участков и использовать их для нанесения ударов по танковым группировкам противника.

Вслед за 5-й гвардейской танковой армией наступали войска 4-й гвардейской армии генерала А.И. Рыжова и 5-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерала А.Г. Селиванова. Совместно с общевойсковыми армиями 1-го Украинского фронта они создали к 3 февраля надежный внутренний фронт окружения. По мере подхода общевойсковых соединений к району Звенигородки 6-я и 5-я гвардейская танковые армии перенацеливались

с внутреннего фронта окружения на внешний. Здесь они быстро организовывали мощную противотанковую оборону.

Последовательное решение танковыми армиями таких задач, как охват флангов группировки противника и завершение ее окружения, последующая перегруппировка на внешний фронт окружения и организация в короткие сроки обороны, было новым по тому времени явлением в боевой практике. Оно свидетельствовало о возросших организаторских и полководческих способностях советских командных кадров.

Представляет большой интерес организация обороны танковых армий. В этой операции они располагались в центре оперативного построения войск, а к их флангам примыкали с одной стороны соединения 40-й армии 1-го Украинского фронта, а с другой — 53-й армии 2-го Украинского фронта. Обе танковые армии усиливались артиллерией и инженерными частями. Каждой из них было оперативно подчинено по стрелковому корпусу, а 6-й танковой армии, кроме того, 16-й танковый корпус 2-й танковой армии, которой командовал генерал С.И. Богданов.

Наличие в танковых армиях стрелковых корпусов позволяло прикрывать менее активные участки фронта стрелковыми войсками и противотанковой артиллерией, а на основных направлениях создавать сильные танковые группировки, с тем чтобы мощными контрударами срывать намерения врага. Так, 5-я гвардейская танковая армия заняла оборону, имея двухэшелонное построение. В первом эшелоне на правом фланге оборонялся 20-й танковый корпус, а на левом — 49-й стрелковый и 29-й танковый корпуса. При этом основные силы 29-го корпуса располагались в глубине и предназначались для контратак. Во втором эшелоне армии находился 18-й танковый корпус.

Основу обороны составляла хорошо организованная система огня танков, самоходно-артиллерийских установок,

противотанковых орудий и минометов. Предусматривался широкий маневр, контратаки и контрудары частей и соединений, находившихся во вторых эшелонах и резервах. Переход к обороне и ее организация осуществлялись одновременно с отражением непрерывных атак противника, под воздействием огня его артиллерии и ударов авиации.

На внешнем фронте окруженной группировки личный состав 5-й гвардейской танковой армии, как и других армий, проявил настоящее воинское мастерство, стойкость, массовый героизм. И этим объясняется успех, достигнутый нашими войсками. В оборонительном бою особенно отличилась 181-я танковая бригада под командованием подполковника А.М. Индейкина. Умело организуя засады и сочетая их с короткими стремительными ударами, бригада отразила десятки атак врага, рвавшегося к окруженным войскам. Самоотверженно сражался в этом бою личный состав 3-го танкового батальона под командованием капитана В.А. Янушкевича. Батальон смело вступил в бой с численно превосходящим противником. В одном из боев танкисты подожгли 15 вражеских танков, из них 5 уничтожил капитан Янушкевич.

Действия солдат и офицеров отличались необыкновенной смелостью. Когда наши танки и пехота подошли к южной окраине Новой Буды, противник открыл сильный огонь из засады. Уничтожить ее вызвался комсомолец младший лейтенант Балакин. Командир бригады подполковник И.П. Мищенко разрешил офицеру осуществить свой дерзкий замысел.

Танк Балакина обошел село по лощине, под грохот пушечной стрельбы выскочил на его окраину и далее продвигался по огородам. Экипаж внимательно наблюдал за местностью. В одном из переулков буквально в 200 метрах стоял вражеский танк и вел огонь. Первым же снарядом он был уничтожен. Продвинувшись дальше, машина Балакина остановилась у углового дома. Впереди небольшая возвы-

шенность. Из-за нее тоже вел стрельбу танк противника. Не ушел и он от огня советского танкиста. В центре села застучали пулеметы. Это открыли огонь вражеские бронетранспортеры. Танк Балакина ринулся туда. Вскоре на площади села догорали два уничтоженных бронетранспортера.

Противнику иногда удавалось вклиниться в нашу оборону, и тогда обстановка особенно осложнялась. Так было, например, 4 февраля, когда танковая группировка врага прорвалась через боевые порядки соединений 40-й армии на север. Расстояние между внутренним и внешним фронтами окружения сузилось до 10 км. Сил оборонявшихся там войск 40-й и соседней 6-й танковой армий оказалось недостаточно, чтобы восстановить положение. Поэтому сюда перебрасывались части и соединения с других участков фронта. В частности, подошли 3-й танковый корпус генерала А.А. Шамшина из 2-й танковой армии и ее армейские части.

Танковые войска обоих фронтов непрерывно маневрировали с целью создания на решающих направлениях превосходства в силах и средствах над противником. Много забот доставляло обеспечение войск горючим и боеприпасами. Транспортные машины с трудом продвигались по раскисшим дорогам. В связи с этим на всех танках и самоходно-артиллерийских установках имелись ящики с боеприпасами и дополнительные бочки с горючим.

Противник принимал все меры, чтобы не допустить уничтожения окруженной группировки. Но наши войска блестяще выполнили поставленную задачу. Войска 5-й гвардейской и 6-й танковых армий прошли с боями навстречу друг другу около 120 км со средней скоростью около 12 км/час. В последующем соединения 5-й гвардейской, 2-й и 6-й танковых армий мощным ударом отбросили к югу вражеские войска, вклинившиеся в нашу оборону.

Успешно были отражены все попытки танковой группировки противника прорваться к своим окруженным войскам

и на звенигородском направлении. Лишь ценой колоссальных усилий и жертв фашистам удалось вклиниться в нашу оборону на глубину 4—5 км на узком участке фронта.

Одновременно с отражением ударов противника на внешнем фронте шли бои по ликвидации окруженных войск. Общевойсковые соединения при хорошей поддержке артиллерии и авиации наносили по врагу мощные удары, дробя окруженную группировку и постепенно сжимая ее.

Большую роль при окружении и ликвидации группировки противника сыграли, несомненно, инженерные войска фронта под руководством генерала А.Д. Цирлина. Инженеры в сложных условиях распутицы и безлесной местности строили дороги, мосты, прокладывали колонные пути, помогали войскам преодолевать препятствия. Это требовало от командиров частей и соединений инженерных войск изобретательности, инициативы, высокой оперативности. И они с этой задачей справились успешно.

В условиях, когда противник наносил мощные удары по нашим войскам на внешнем и внутреннем фронтах окружения, успешные действия противотанковой артиллерии и инженерных войск обеспечивали отражение этих ударов и способствовали тому, что основная масса наших танков эффективно использовалась на решающих участках фронта.

Характерной особенностью действий инженерных войск в данной операции был широкий маневр частями и соединениями в соответствии с быстро меняющейся оперативной обстановкой.

В этой операции получило дальнейшее развитие применение подвижных отрядов заграждений. Особенностью их тактики был широкий маневр средствами заграждения, в частности многократное использование мин.

Наконец враг был зажат на небольшой площади, простреливаемой со всех сторон артиллерийским огнем. Дальнейшее его сопротивление было бессмысленным. Советское

командование, руководствуясь гуманными целями, 8 февраля предложило командованию окруженных войск капитулировать. В ответ на это враг возобновил попытки прорвать кольцо окружения.

11 февраля с новой силой разгорелись бои одновременно на внешнем и внутреннем фронтах. Противник нанес мощный удар на Лысянку пятью танковыми дивизиями. Навстречу этой группировке наступали окруженные войска в составе двух танковых и пехотной дивизий. Чтобы сорвать намерения врага, в этот район в течение ночи был перегруппирован 3-й танковый корпус 2-й танковой армии, а затем и 20-й танковый корпус 5-й гвардейской танковой армии. Саперы установили в районе Лысянки более 20 тыс. противотанковых мин, на которых подорвалось 30 вражеских танков и штурмовых орудий.

Бои в районе Лысянки приняли ожесточенный характер, однако гитлеровские части были обескровлены и отброшены в исходное положение.

До 12 февраля бои с противником вели 1-й и 2-й Украинские фронты. Затем эта задача была возложена на 2-й Украинский фронт. Особая ответственность ложилась на 5-ю гвардейскую танковую армию. Обстановка была очень сложной, к тому же предстояла большая перегруппировка войск.

Маневр 5-й гвардейской танковой армии на новое направление представлял большие трудности. Непролазная грязь сковывала движение танков. Однако маневр нужно было осуществить во что бы то ни стало. Выход танковой армии в указанный район предопределял активный разгром окруженных дивизий, исключал всякую возможность прорыва группировки генерала Штеммермана к войскам генерала Хубе, действовавшим с внешнего фронта. Последующие события подтвердили это.

Последнюю попытку вырваться из кольца противник предпринял в ночь на 17 февраля. Ему удалось несколько

потеснить наши войска и в отдельных местах приблизиться к внешнему фронту на 3—4 км. Но в этом районе уже был скрытно сосредоточен 29-й танковый корпус, и на пути врага встали танкисты. Во взаимодействии с общевойсковыми соединениями и 5-м гвардейским кавалерийским корпусом при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации вражеские войска были отброшены. В этой сложной обстановке танкисты проявили инициативу и высокое воинское мастерство. 16 февраля у Комаровки колонна противника пыталась пробиться в направлении Шендеровки. Танк младшего лейтенанта А. Краюшкина оказался рядом с командиром корпуса генералом И.Ф. Кириченко.

— Товарищ генерал! Разрешите перехватить колонну, — обратился к нему комсомолец Краюшкин.

— Успеете? — спросил генерал.

— Успеем, — твердо ответил механик-водитель сержант Черяпкин.

— Действуйте!

И вот уже танк Краюшкина мчится по дороге в направлении Шендеровки. С волнением наблюдали за действиями экипажа командующий 2-м Украинским фронтом генерал И.С. Конев и командир корпуса генерал И.Ф. Кириченко. Когда вражеская колонна была на полпути между Комаровкой и Шендеровкой, танк свернул с дороги и пошел целиной ей наперерез. Гитлеровцы заметили машину и стали разворачивать орудия. Однако наши танки, находившиеся в Комаровке, сорвали замысел врага. Они открыли по колонне сильный огонь. В этот момент танк Краюшкина и врезался в колонну. Враг в панике метался по полю, бросая оружие и технику.

Командующий фронтом отметил находчивость и храбрость экипажа и наградил боевых друзей орденами.

17 февраля враг сложил оружие. 55 тыс. гитлеровских солдат и офицеров были убиты и ранены, более 18 тыс. по-

пали в плен. На поле сражения осталось множество техники и вооружения.

Успешное завершение операции создало благоприятные условия для перехода советских войск в новое большое наступление с целью полного разгрома захватчиков на Правобережной Украине. Операция сковала более 25 пехотных и танковых дивизий врага, которые были необходимы немецко-фашистскому командованию в районе Апостолово, Никополь и на ровенско-луцком направлении.

Корсунь-шевченковская наступательная операция вошла в историю Великой Отечественной войны как образец окружения и одновременного уничтожения крупной вражеской группировки, где танковые войска сыграли решающую роль. В этих боях проявились высокий уровень советского военного искусства, талант советских полководцев и морально-боевое превосходство советских воинов.

Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин оценил эту операцию очень высоко, сказав, что советские войска устроили немцам новый Сталинград.

В Корсунь-шевченковской операции советское военное искусство снова одержало верх над военным искусством гитлеровского генералитета. Красная армия показала свое моральное и материальное превосходство над армией противника, еще раз подтвердила, что отважным советским воинам любые задачи по плечу.

Своеобразие Корсунь-шевченковской операции заключается в том, что она развивалась необычайно маневренно. Широко практиковалась перегруппировка войск. Ударные группировки непрерывно усиливались за счет частей и соединений, действовавших на менее активных участках фронта.

Корсунь-шевченковская операция очень сложна и в то же время интересна как в тактическом, так и в оперативном отношении. Во многом сходная с битвой под Сталингра-

дом, в частности, по формам маневра и решительности целей, она вместе с тем отличается от нее рядом особенностей.

Операция проходила без паузы. Еще в ходе боев на окружение на ряде участков наши войска наносили рассекающие удары, чтобы впоследствии уничтожить вражескую группировку по частям. Когда кольцо вокруг противника еще только сжималось, уже велись активные наступательные действия с целью уничтожения отдельных опорных пунктов и очагов сопротивления врага. В динамике сражения противник не только оборонялся, находясь в окружении, а непрерывно маневрировал, атаковал и неоднократно пытался вырваться из кольца и соединиться с войсками, наступавшими извне.

Соотношение сил в этой операции на всех ее этапах — и в момент окружения, и во время борьбы с окруженной группировкой, стремившейся выйти из кольца, и с группировкой, наступавшей с внешнего фронта, — было почти одинаковым, а по танкам неприятель даже превосходил советские войска, особенно на внешнем фронте окружения.

Однако нам удавалось создавать перевес в силах за счет ударных группировок, действовавших на определенных направлениях для рассечения окруженного врага и отражения атак на внешнем фронте кольца.

Ликвидация корсунь-шевченковского выступа и оборонявшей его группировки устранила угрозу удара противника во фланг и тыл войскам 1-го и 2-го Украинских фронтов и обеспечила тем самым возможность маневра советских войск вдоль фронта.

Корсунь-шевченковская наступательная операция свидетельствовала о том, что Красная армия овладела высшей формой оперативного маневра — окружением. В истории Великой Отечественной войны это была третья большая операция на окружение. В последующем советское командо-

вание еще не раз с большим успехом применяло эту форму оперативного маневра.

За мужество, храбрость и высокое воинское мастерство, проявленные в операции, многие воины были награждены орденами и медалями. Командующий 2-м Украинским фронтом генерал армии И.С. Конев получил высшее воинское звание Маршала Советского Союза.

Окрыленные победами на фронтах и воодушевленные поддержкой всего советского народа, наши воины сражались самоотверженно и умело. Каждый бой рождал подвиги и новых героев.

Слава воинам, которые блестяще выполнили задачи, поставленные перед ними в этой операции!

Освобождение Правобережной Украины.

Противник, потерпев крупное поражение, в особенности под Корсунь-шевченковским, уже не помышлял о восстановлении обороны по Днепру и лишь пытался удержать оставшиеся в его руках районы Правобережной Украины.

Красная армия, изгнав врага со значительной территории Правобережной Украины и отбросив его от Днепра, занимала выгодное положение для развития дальнейшего наступления.

Советское Верховное Главнокомандование решило развернуть в начале марта широкое наступление силами 1, 2 и 3-го Украинских фронтов с целью завершить освобождение Правобережной Украины. Начался второй этап грандиозного сражения.

1-й и 2-й Украинские фронты, решавшие на этом важном оперативно-стратегическом направлении основные задачи, по указанию Ставки получили кроме других сил и средств по три танковые армии. В 1-й Украинский фронт вошли 1-я танковая армия генерала М.Е. Катукова, 3-я гвардейская танковая армия генерала П.С. Рыбалко и 4-я танковая

армия генерала Д.Д. Лелюшенко. 2-й Украинский фронт был усилен 2-й танковой армией генерала С.И. Богданова, 5-й гвардейской танковой армией маршала бронетанковых войск П.А. Ротмистрова и 6-й танковой армией генерала А.Г. Кравченко.

Таким образом, все шесть танковых армий, которые имелись в то время в Красной армии, были сосредоточены на одном оперативно-стратегическом направлении. Это говорит прежде всего о признании необходимости массирования танковых войск и в оперативном масштабе.

Так, командующий 1-м Украинским фронтом, широко используя маневр и ударную силу танковых армий, нанес мощный удар на Каменец-Подольский, Черновицы. Войска 1-го Украинского фронта окружили и уничтожили гарнизон врага в Тернополе и зажали к северу от Каменец-Подольского всю 1-ю немецкую танковую армию в составе двадцати одной дивизии. И хотя врагу удалось вырваться из окружения, это досталось ему дорогой ценой. Многие дивизии противника, попавшие в окружение, потеряли половину личного состава, почти все тяжелое вооружение и боевую технику.

2-й Украинский фронт, пользуясь благоприятной обстановкой, нанес из района Звенигородки главный удар силами 27, 52 и 4-й гвардейской армий. В первом эшелоне вместе со стрелковыми соединениями двигались и передовые части 2-й и 5-й гвардейской танковых армий.

Наступление войск 2-го Украинского фронта, начавшееся в период распутицы, было неожиданным для противника. Сокрушительная сила огня и внезапность удара обеспечили быстрый взлом вражеской обороны. Для развития наступления стрелковых войск командование фронта в первый же день ввело в сражение главные силы 2-й танковой и 5-й гвардейской танковой армий. Затем началось выдвижение и 6-й танковой армии.

В результате войска 2-го Украинского фронта сокрушительным ударом на Умань, Яссы рассекли оборону врага, стремительно вышли к Днестру, а затем и к реке Прут, т.е. на государственную границу СССР с Румынией.

Успехи 1-го Украинского фронта в Проскуровско-Черновицкой наступательной операции и 2-го Украинского фронта в Уманско-Ботошаиской наступательной операции были достигнуты главным образом благодаря мощным ударам танковых войск, которые уверенно сражались с врагом в маневренных условиях.

В ходе мартовско-апрельского наступления Красная армия очистила от немецко-фашистских захватчиков огромную территорию Правобережной Украины. Грандиозное наступление советских войск, начавшееся в конце декабря 1943 года, закончилось к середине апреля 1944 года выходом 1, 2 и 3-го Украинских фронтов на рубеж восточнее Ковеля, Торчин, Коломыя, Рэдэуци, Дубоссары и к Днестровскому лиману. В этих наступательных операциях Украинские фронты с честью выполнили поставленные задачи. Спасибо советским воинам за их ратный подвиг.

Белорусская наступательная операция.

Белорусская операция по смелости замысла, размаху и военно-политическим итогам была наиболее выдающейся стратегической наступательной операцией 1944 года. Ее результаты оказали огромное влияние на ход кампаний второй половины 1944 года. Стремительное продвижение советских войск в Белоруссии в значительной мере облегчило проведение Нормандской десантной операции американо-английских войск.

На полях Белоруссии Красная армия показала высокое боевое мастерство. В результате разгрома витебской и бобруйской группировок во вражеской обороне образовались бреши, достигавшие 110—160 км. Используя их, наши войска

устремились в оперативную глубину обороны противника. Гитлеровское командование, почувствовав угрозу окружения своей 4-й армии, находившейся на минском направлении, стало с лихорадочной поспешностью отводить войска на запад.

Но было уже поздно. Соединения 3-го и 1-го Белорусских фронтов после танковых ударов на Минск перешли к параллельному преследованию. Глубоко обходя фланги отступающей группировки врага и упреждая его в занятии промежуточных рубежей, советские соединения и части стремительно продвигались к Минску.

Одновременно войска 2-го Белорусского фронта, осуществляя фронтальное преследование 4-й немецкой армии, вклинились в ее боевые порядки, дробя их и не допуская организованного отхода.

На направлении главного удара 3-го Белорусского фронта на минском направлении действовали 5-я гвардейская танковая армия, 2-й гвардейский танковый корпус генерала А.С. Бурдейного, 3-й гвардейский механизированный корпус генерала В.Т. Обухова и 1-й танковый корпус под командованием генерала В.В. Буткова, входивший в состав 1-го Прибалтийского фронта и прикрывавший правое крыло 3-го Белорусского фронта.

Кроме того, 1-й Белорусский фронт наносил удар на Минск и западнее, используя в этих целях 1-й гвардейский танковый корпус, которым командовал генерал М.Ф. Панов, 9-й танковый корпус под командованием генерала Б.С. Бахарова и 11-й танковый корпус генерала Ф.Н. Рудкина. Этот сильнейший танковый удар, нанесенный во взаимодействии с авиацией и общевойсковыми соединениями, гитлеровцы не выдержали и вынуждены были поспешно отступать на запад. При самом активном участии танковых соединений и объединений войска 3-го и 1-го Белорусских фронтов окру-

жили под Минском группировку врага численностью свыше 100 тыс. человек.

Всего в составе войск фронтов, участвовавших в Белорусской операции, действовали две танковые армии, пять отдельных танковых корпусов, механизированный корпус, а также значительное количество отдельных танковых бригад, выполнявших боевые задачи в тесном взаимодействии со стрелковыми дивизиями.

Важные задачи выполняли танковые войска фронтов и армий, и особенно те соединения и объединения, которые использовались для развития успеха. При прорыве обороны противника большую роль сыграли отдельные танковые бригады, приданные стрелковым дивизиям, наступавшим на главных направлениях. Однако плотность 12—20 танков непосредственной поддержки пехоты на 1 км фронта не везде обеспечивала прорыв главной полосы обороны противника на всю глубину в первый день наступления. В ряде случаев для завершения прорыва главной полосы приходилось привлекать отдельные танковые корпуса, предназначавшиеся для развития тактического прорыва в оперативный. Например, в 3-й армии 1-го Белорусского фронта в этих целях был использован 9-й танковый корпус, а в 8-й гвардейской армии — 11-й танковый корпус.

В середине июля перешли в наступление войска левого крыла 1-го Белорусского фронта. В состав ударной группировки, наносившей главный удар на Люблин, входила и 2-я танковая армия генерала С.И. Богданова. После ранения командарма 23 июля армию возглавил генерал А.И. Радзиевский.

Решительные действия этой армии не только обеспечили захват 22 июля Люблина, но, самое главное, ее выход в глубокий тыл врага заставил всю белостокско-брестскую группировку противника начать немедленный отход.

Характерной чертой Белорусской наступательной операции, в результате которой были окружены и уничтожены несколько группировок противника, было то, что войска, действовавшие на внешнем фронте, решали задачи стремительным наступлением в глубину. Это не только лишало противника возможности отражать удары, но и препятствовало взаимодействию окруженных группировок с войсками, находившимися вне окружения.

Такой метод боевых действий, бесспорно, способствовал не только быстрому окружению крупных сил врага, но и приводил к ликвидации их в самые короткие сроки. Так, ликвидация окруженной группировки под Витебском была завершена в течение двух суток, под Бобруйском — трех, а под Минском — семи суток.

В Белорусской операции был успешно осуществлен стремительный маневр 2-й танковой армии из района Демблина вдоль правого берега Вислы на Прагу (пригород Варшавы), а также 3-го гвардейского кавалерийского корпуса из района Молодечно на Гродно.

При развитии успеха, т. е. после преодоления тактической зоны обороны противника, средний темп наступления войск достигал 25—40 км, а в отдельные дни и 50—70 км в сутки.

На лесисто-болотистой местности танковым соединениям было очень трудно маневрировать, и они действовали главным образом вдоль дорог. Однако и в этих условиях танкистам удавалось внезапно появляться в тылу врага. Так действовали, например, 1-й гвардейский танковый корпус при наступлении на Бобруйск, соединения 5-й гвардейской танковой армии и 2-го гвардейского танкового корпуса при наступлении на Минск, а также ряд других танковых корпусов и бригад.

Ввод в прорыв подвижных (танковых) войск 3-го и 1-го Белорусских фронтов (кроме 9-го танкового корпуса) осуществлялся на второй-третий день операции. Как показал

опыт, накануне операции не всегда удавалось в необходимой мере оценить обстановку и принять наиболее целесообразное решение на использование подвижных войск.

Вот один из примеров. Ввод в прорыв 5-й гвардейской танковой армии планировался в полосе 11-й гвардейской армии генерала К.Н. Галицкого. Командующий фронтом принял решение придвинуть 5-ю гвардейскую танковую армию в ночь перед наступлением вплотную к первому эшелону 11-й гвардейской армии, рассчитывая на ее успех. Танковая армия была расположена в узле дорог и могла действовать из глубины на двух направлениях. Однако приказ есть приказ, и он был выполнен.

11-я гвардейская армия в первый день операции успеха не имела. Фронт противника был прорван севернее силами 5-й армии генерала Н.И. Крылова, и поэтому 5-я гвардейская танковая армия была направлена в полосу 5-й армии.

Совершать маневр вдоль фронта не представлялось возможным из-за отсутствия дорог и большого количества болот. Поэтому 5-ю гвардейскую танковую армию пришлось возвращать назад в исходное положение, а затем перегруппировывать в полосу действий 5-й армии. В итоге 5-я гвардейская танковая армия потеряла более суток и вошла в прорыв только на третий день, израсходовав напрасно много горючего.

Противник за это время успел подтянуть из резерва танковую дивизию, которая стала занимать проходы через лесисто-болотистую местность, чем весьма осложнила боевые действия 5-й гвардейской танковой армии. В конечном счете сопротивление врага было сломлено, но, потеряв время, мы поплатились темпами продвижения. Кстати сказать, 11-я гвардейская армия только тогда достигла успеха, когда на тылы противника в районе Толочина вышли войска 5-й гвардейской танковой армии и перерезали Минское шоссе, а в районе Крупок была разгромлена 5-я танковая

дивизия противника. На месте этих боев был лично А.М. Василевский и высоко оценил решительные действия советских танкистов.

В Белорусской операции советские войска сокрушили оборону гитлеровцев на важнейшем, центральном участке советско-германского фронта и разгромили одну из наиболее сильных вражеских группировок — группу армий «Центр». 17 дивизий и 3 бригады были полностью уничтожены, а 50 дивизий потеряли более половины своего состава.

17 июля 1944 года, когда Белорусская операция еще продолжалась и войска фронтов выполняли большие оперативно-стратегические задачи, 60 тыс. пленных солдат и офицеров, и среди них 19 генералов, были проведены по улицам Москвы. Фашисты наконец увидели столицу Советского Союза, но увидели ее побежденными.

В результате разгрома гитлеровских войск в Белоруссии кризис фашистского блока еще более углубился. Сателлиты Германии уже не скрывали сомнений в ее способности выдержать новые удары Красной армии.

Благодаря крупной победе в Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков была освобождена значительная часть Польши — советские войска в тесном взаимодействии с соединениями Войска Польского вышли к Висле.

Львовско-Сандомирская операция.

Львовско-Сандомирская наступательная операция осуществлялась в благоприятной военно-политической обстановке. Она началась в середине июля, т. е. в период разгрома группы армий «Центр» в Белоруссии, и завершилась после уничтожения крупной стратегической группировки противника в районе Ясс и Кишинева.

Итогом Львовско-Сандомирской операции явился разгром группы армий «Северная Украина», почти полное

освобождение Советской Украины и юго-восточных районов Полыни.

В этой операции наряду с другими войсками участвовали три танковые армии и три отдельных танковых корпуса.

Фронт наносил два удара. На главном, львовском направлении действовали две общевойсковые и две танковые армии и конно-механизированная группа генерала С.В. Соколова, которые должны были разгромить противостоящую группировку противника и в дальнейшем выйти на рубеж Немиров, Яворов, Роздол.

Второй удар наносился из района юго-западнее Луцка силами двух общевойсковых и одной танковой армий и конно-механизированной группы генерала В.К. Баранова. На левом крыле фронта, на Станиславском направлении, должны были наступать две общевойсковые армии. Второй эшелон фронта составляла общевойсковая армия, резерв — стрелковый и танковый корпуса.

Эта весьма интересная и поучительная наступательная операция была хорошо задумана и спланирована. 13—14 июля началось наступление. 15 июля в полосе действий 60-й армии вступили в бой передовые части 3-й гвардейской танковой армии. К исходу 15 июля вторая полоса обороны противника на отдельных участках была прорвана. В этих условиях командующий фронтом Маршал Советского Союза И.С. Конев принимает решение с утра 16 июля ввести в сражение в полосе 13-й армии конно-механизированную группу генерала Баранова, а в полосе 60-й армии главные силы 3-й гвардейской танковой армии генерала П.С. Рыбалко.

В этот же день командующий фронтом в целях лучшего обеспечения активных действий 3-й гвардейской танковой армии, прикрытия ее флангов и расширения участка прорыва ввел в сражение 4-й гвардейский и 31-й танковые корпуса.

Благодаря массированию танков на одном направлении сопротивление гитлеровцев было сломлено.

Утром 17 июля на раварусском направлении была введена в сражение 1-я гвардейская танковая армия под командованием генерала М.Е. Катукова.

Вводом в сражение новых сил командующий фронтом наращивал удар по врагу. В этот же день вслед за 3-й гвардейской танковой армией началось выдвижение и 4-й танковой армии, которой командовал генерал Д.Д. Лелюшенко.

Итог известен: противник был разгромлен и цель операции достигнута. Роль танковых войск в этой операции ясна, однако автор хотел бы остановиться на некоторых моментах.

Медленный темп прорыва тактической зоны обороны противника на львовском направлении и неудачные действия войск 38-й армии 15 июля вынудили командующего фронтом привлечь на этом направлении часть сил 3-й гвардейской танковой армии. Но это обстоятельство привело к значительному изменению всего плана использования танковых соединений и объединений. Например, пришлось отказаться от ввода в сражение 4-й танковой армии в полосе 38-й армии. Обе танковые армии вводились в сражение поочередно в узкой 4—6-километровой полосе, в так называемом «колтовском коридоре», который образовался в результате вклинения в оборону противника войск 60-й армии генерала П.А. Курочкина.

Все это привело к тому, что 3-я гвардейская и 4-я танковые армии не столько вводились в прорыв, сколько проталкивались через узкую брешь. Затратив четверо суток для преодоления этого коридора, армии к тому же оказались без необходимых тыловых частей и материальных средств. Войска 3-й гвардейской танковой армии, выйдя на подступы ко Львову, вынуждены были весь день 19 июля и в ночь на 20 июля ожидать подвоза боеприпасов, горючего, подхода артиллерии и средств связи, чтобы начать штурм города.

И все же ввод в сражение двух танковых армий в такой узкой полосе при одновременном отражении сильных контр-

атак врага на флангах является, пожалуй, единственным примером в истории Великой Отечественной войны и еще раз подтверждает высокое мужество советских воинов, искусство советских офицеров и генералов, их умение добиваться поставленной цели в любой обстановке.

Львовско-Сандомирская наступательная операция — образец окружения и уничтожения крупных вражеских группировок благодаря быстрому выходу танковых войск в тыл противника, а также энергичным действиям при его уничтожении. Конечно, успеху танковых войск во многом способствовали мощные удары общевойсковых армий, их стойкость при отражении контратак и контрударов сильных группировок врага, пытавшегося освободить свои окруженные войска.

Широко применялся в этой операции маневр танковыми войсками. Так, выход всех танковых армий и конно-механизированной группы в район Каменки-Струмиловской позволил войскам фронта занять выгодное оперативное положение, создать необходимое превосходство над противником в силах и средствах и успешно выполнить поставленную задачу.

На втором этапе операции танковые войска также сыграли важную роль. Особенно отличились 1-я и 3-я гвардейские танковые армии и отдельные танковые корпуса, находившиеся в составе общевойсковых армий. И сейчас представляют интерес действия 3-й гвардейской танковой армии при обходе Львова с северо-запада, а также стремительный маневр 4-й танковой армии из района Самбора на Сандомир с целью помешать противнику ликвидировать сандомирский плацдарм.

Заслуживает внимания и опыт оперативного преследования противника. Например, на томашувском и станиславском направлениях, где враг отводил свои войска, прикрываясь сильными арьергардами, темп преследования не пре-

вышал 7—8 км в сутки. На этих направлениях действовали главным образом общевойсковые армии.

Иное положение сложилось в полосе 13-й армии. Здесь в брешь, которую противник не успел закрыть, устремилась 1-я гвардейская танковая армия. Ее соединения, преследуя остатки разгромленного врага, за четыре дня (19—23 июля) продвинулись на глубину до 120 км. Стремительное преследование и выход 1-й гвардейской танковой и 13-й армий к реке Сан в районе Ярослава и Перемышля вынудили противника ускорить отвод 4-й танковой и 1-я венгерской армий на запад.

Особенно ожесточенной была борьба за расширение плацдарма, захваченного в районе Сандомира. И здесь большую роль сыграли танки. Стремительный выход танковых армий и отдельных танковых и механизированных корпусов на плацдарм позволил быстро расширить его в районе Баранува и отразить контрудары противника.

Образование обширного плацдарма в районе Сандомира создало благоприятные предпосылки для последующего наступления советских войск на силезском направлении. Группа армий «Северная Украина» потерпела крупное поражение — 8 ее дивизий были уничтожены, 32 потеряли от половины до двух третей личного состава.

Потери, понесенные на этом направлении, вынудили немецко-фашистское командование спешно перебрасывать в Западную Украину и восточные районы Польши крупные силы и средства из Германии, Венгрии, Чехословакии, а также с других участков советско-германского фронта, в частности из районов Ясс и Кишинева. Однако, как известно, и это не помогло. В то же время ослабление сил противника в полосе действий 2-го и 3-го Украинских фронтов явилось одной из причин быстрого поражения гитлеровцев в Молдавии и Румынии.

Ясско-Кишиневская операция.

В Ясско-Кишиневской операции участвовали войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, Черноморский флот и Дунайская флотилия. Активное содействие им оказывали авиация дальнего действия и партизаны Молдавии.

Противник занимал удобную для обороны местность, имел несколько прочных рубежей. Гитлеровцы создали глубокую оборону с хорошо развитыми инженерными сооружениями, сильно укрепили города. На этом направлении была сосредоточена весьма сильная вражеская группировка — Гитлер боялся потерять румынскую нефть.

2-й Украинский фронт должен был нанести удар силами трех общевойсковых и одной танковой армий из района северо-западнее Ясс в общем направлении Яссы, Васлуй, Фэлчиу, разгромить во взаимодействии с 3-м Украинским фронтом группировку противника в районе Ясс и Кишинева, не дав ей отойти к Фокшанам.

3-му Украинскому фронту было приказано нанести удар тремя общевойсковыми армиями с плацдарма южнее Тирасполя в общем направлении Опач, Селемет, Хуши, во взаимодействии со 2-м Украинским фронтом разбить кишиневскую группировку противника, овладеть рубежом Леово, Тарутино, Молдавка и затем, не допуская отхода врага за Прут и Дунай, развивать наступление на Рени и Измаил.

Черноморский флот и Дунайская военная флотилия получили задачу содействовать войскам 3-го Украинского фронта в освобождении Советской Молдавии и при наступлении в Румынии.

В составе 2-го и 3-го Украинских фронтов насчитывалось 930 тыс. человек, 16 тыс. орудий и минометов, около 1900 танков и самоходно-артиллерийских установок, 1760 боевых самолетов. Противник в группе армий «Южная Украина» имел 640 тыс. человек, 7600 орудий и минометов, 400 танков и штурмовых орудий и 810 боевых самолетов. Следует за-

метить, что положение группы «Южная Украина» к началу нашего наступления несколько ухудшилось. В июле — августе из состава этой группы на центральный участок советско-германского фронта были переброшены 12 дивизий, в том числе 6 танковых и моторизованная.

2-й и 3-й Украинские фронты, используя охватывающее положение по отношению к группировке противника «Южная Украина», нанесли два мощных удара в районах Ясс и южнее Кишинева в общем направлении на Васлуй, Хуши.

На направлении главного удара войска 2-го Украинского фронта в первый день прорвали оборону противника северо-западнее Ясс на большую глубину. В частности, 27-я армия генерала С.Г. Трофименко и 52-я армия генерала К.А. Коротеева, усиленные танками, используя результаты массированных ударов артиллерии и авиации, продвинулись на 16 км. 6-я танковая армия генерала А.Г. Кравченко, введенная в прорыв во второй половине первого дня наступления, завершила прорыв обороны противника совместно с общевойсковыми армиями, вышла на оперативный простор и немедленно приступила к преследованию разбитых вражеских войск.

18-й танковый корпус, которым командовал генерал В.И. Полозков, действуя в полосе 52-й армии, к 24 августа вышел к реке Прут.

Не менее успешным был прорыв тактической зоны врага и на 3-м Украинском фронте. На второй день наступления ударная группа фронта с вводом в прорыв 4-го гвардейского и 7-го механизированных корпусов продвинулась в оперативную глубину до 50 км. 23 августа 7-й механизированный корпус генерала Ф.Г. Каткова достиг Прута. Несколько позже к этой реке вышел и овладел переправами и 4-й гвардейский механизированный корпус генерала В.И. Жданова.

В результате смелых и решительных действий войск обоих фронтов и целеустремленного применения танковых войск в кольце окружения оказалось 18 вражеских дивизий. Все попытки противника вырваться из этого стального кольца были отражены силами обоих фронтов. К 4 сентября окруженная группировка была ликвидирована.

Несколько раньше войска левого крыла 3-го Украинского фронта во взаимодействии с Дунайской военной флотилией окружили в районе юго-западнее Белгорода-Днестровского главные силы 3-й румынской армии. Войска этой армии сложили оружие.

В дальнейшем, как известно, главные силы обоих фронтов за 11 дней продвинулись в оперативную глубину до 320—350 км. Корабли Дунайской военной флотилии контр-адмирала С.Г. Горшкова прорвались в устье Дуная. Морской десант этой флотилии овладел портами Вилков и Килия, а десант Черноморского флота — Констанцей. 31 августа в Бухарест вступили 6-я танковая армия и 53-я армия генерала И.М. Манагарова. Вместе с нашими войсками вступила в Бухарест и 1-я румынская добровольческая дивизия имени Тудора Владимиреску, которой командовал полковник Н.К. Камбря.

Танковые войска в этой наступательной операции, как и в предыдущих, сыграли решающую роль при окружении противника и особенно при его преследовании.

Танковые войска Красной армии, особенно танковые армии и отдельные танковые и механизированные корпуса, в 1944 году играли выдающуюся роль в большинстве проведенных операций. Их стремительные и энергичные действия чаще всего и определяли ход и исход боев на том или ином направлении. В ряде случаев танковые армии привлекались для преодоления тактической зоны обороны врага, а затем для развития тактического успеха в оперативный. Такое их использование объяснялось тем, что стрелковые дивизии не

имели возможности в наступлении создать плотность более 10—15 танков на 1 км фронта. Ввод в сражение танковых армий на решающих направлениях позволял наносить сокрушающие удары.

Говоря о роли танковых войск, хочется подчеркнуть, что распределению танковых армий, танковых и механизированных корпусов большое внимание уделял Верховный Главнокомандующий. И.В. Сталин хорошо знал всех командующих танковыми армиями, а также многих командиров танковых и механизированных корпусов.

Захваченные гитлеровские документы показывают, что немецко-фашистское командование на всех этапах войны стремилось раскрыть группировку и прежде всего вероятные варианты использования советских танковых войск. Когда Гитлеру докладывали о группировке советских соединений на тех или иных направлениях, «забывая» при этом показать положение танковых армий, он бывал очень недоволен. И все же в большинстве случаев гитлеровцы узнавали о группировке советских танковых войск только после перехода фронтов в наступление.

Теперь, много лет спустя, совершенно очевидно превосходство советского военного искусства над германским. Бесплодные перегруппировки крупных масс войск с одного направления на другое, смена мест сосредоточения вторых эшелонов и резервов и т.п. наглядно показывают беспомощность немецко-фашистского руководства, неспособность как-то парировать удары Красной армии, ее танковых войск.

Висло-Одерская операция.

Висло-Одерская наступательная операция относится к числу крупнейших в Великой Отечественной войне. В начале 1945 года одной из центральных задач советских войск являлся разгром группировки врага между Вислой и Одером, освобождение Польши и выход на подступы к Берлину.

Выполнение этой задачи Ставка Верховного Главнокомандования поручила войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Учитывая, что противник имел в Польше крупную группировку своих войск, создал глубоко эшелонированную оборону при наличии в узлах дорог сильных крепостей с крепостными гарнизонами, Ставка для проведения Висло-Одерской операции привлекла большое количество сил и средств.

1-й Белорусский фронт — командующий Маршал Советского Союза Г.К. Жуков — имел восемь общевойсковых армий, в том числе 1-ю армию Войска Польского, две танковые и воздушную армии, два танковых и два кавалерийских корпуса. 1-й Украинский фронт — командующий Маршал Советского Союза И.С. Конев — имел в своем составе восемь общевойсковых, две танковые и воздушную армии, три танковых, механизированный и кавалерийский корпуса.

Всего в этих фронтах насчитывалось 2 200 тыс. человек, 34,5 тыс. орудий и минометов, 6460 танков и самоходно-артиллерийских установок и 4772 самолета.

Таким образом, в Висло-Одерской наступательной операции в составе двух фронтов действовали четыре танковые армии, пять отдельных танковых корпусов, механизированный и три кавалерийских корпуса. Такое большое количество подвижных войск, и главным образом танковых, обеспечило указанным фронтам возможность развить наступление со средним темпом около 30 км в сутки, разгромить в короткий срок сильнейшую группировку врага и за 20 дней не только выйти к реке Одер, но и, более того, создать плацдармы на его противоположном берегу. Особенно стремительным и мощным был удар наших танковых армий в наступлении от Вислы к Одеру.

На правом крыле этой гигантской группировки наступал 2-й Белорусский фронт, в состав которого входила

5-я гвардейская танковая армия, на левом крыле действовал 4-й Украинский фронт.

Висло-Одерская операция, являясь одной из крупнейших в Великой Отечественной войне, успешно завершилась. Красная армия вступила на территорию фашистской Германии. 35 вражеских дивизий были уничтожены, а 25 потеряли от 50 до 70 процентов своего состава. Это вынудило гитлеровское командование бросить против советских войск, наступавших на берлинском направлении, дивизии, действовавшие на других направлениях. В результате проведенной операции 1-й Белорусский фронт оказался в 60 км от Берлина, создав плацдарм на левом берегу реки Одер в районе Кюстрина, а 1-й Украинский фронт вышел к Одеру в его верхнем и среднем течении, что в последующем способствовало развитию наступления на берлинском и дрезденском направлениях.

За высокое воинское мастерство, храбрость и героизм тысячи солдат, офицеров и генералов были награждены орденами и медалями. Многие получили звание Героя Советского Союза.

480 соединений и частей удостоились почетных наименований Варшавских, Лодзинских, Краковских и др. 4-я танковая армия за стойкость и отвагу, проявленные личным составом, и умелое выполнение боевых задач была преобразована в гвардейскую.

Штурм Берлина.

Война в Европе шла к концу. Но Гитлер и его приспешники, все еще надеясь на разногласия между участниками антифашистской коалиции, принимали всяческие меры, чтобы задержать наступление Красной армии на подступах к Берлину. Командование немецко-фашистских войск сосредоточило на берлинском направлении более 1 млн солдат и офицеров, свыше 10 тыс. орудий и минометов, 1500 танков

и штурмовых орудий, 3300 боевых самолетов. Вся местность между Одером и Берлином была покрыта многочисленными оборонительными сооружениями. Населенные пункты, наиболее прочные здания, подземные коммуникации гитлеровцы подготовили к долговременной обороне.

Но ни мощная оборона, ни сильная группировка вражеских войск не могли остановить наступления Красной армии, стремившейся как можно скорее разгромить противника, принудить фашистскую Германию к капитуляции и принести измученным народам Европы долгожданный мир.

Выполнение этой задачи, имевшей всемирно-историческое значение, было успешно завершено в Берлинской операции силами 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов. Вместе с советскими войсками действовали 1-я и 2-я армии Войска Польского. Ответственные боевые задачи решала авиация дальнего действия, а также Днепровская военная флотилия.

В противовес сильнейшей группировке врага советское командование сосредоточило на берлинском направлении 2 500 тыс. человек (вместе с тылами), более 42 тыс. орудий и минометов, свыше 6,2 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок, 7500 боевых самолетов. Одновременно на Берлин наступали четыре танковые армии: две (1-я и 2-я) в составе 1-го Белорусского фронта и две (3-я и 4-я) в составе 1-го Украинского фронта. Во 2-м Белорусском фронте из подвижных войск в наступлении участвовали три танковых, механизированный и кавалерийский корпуса.

Наступление советских войск началось перед рассветом 16 апреля. Земля задрожала от грохота 40 тыс. орудий и минометов. Взвились тысячи ракет. По единому сигналу вспыхнули мощные прожекторы — более 100 млрд свечей, освещая поле боя. Вражеские позиции атаковали сотни тысяч солдат и офицеров, свыше 6 тыс. танков.

Несмотря на ожесточенное сопротивление, советские войска прорвали оборону врага. Попытки гитлеровцев остановить Красную армию на Одере и Нейсе закончились провалом. Но фашисты продолжали цепляться за каждый рубеж, высоту, населенный пункт, бросая в бой все новые части. Особенно тяжелые бои развернулись в полосе 1-го Белорусского фронта, где противник имел наиболее сильную и глубоко эшелонированную оборону. В связи с этим Ставка потребовала от наступавших войск усилить удары по врагу и повысить темпы продвижения. Танковые войска 1-го Украинского фронта были повернуты для наступления на Берлин с юга. Во исполнение указаний Ставки маршал И.С. Конев приказал 3-й гвардейской танковой армии в ночь «на 18.4.45 г. форсировать р. Шпрее и развивать стремительное наступление в общем направлении Фетшау, Гольсен, Барут, Тельтов, южная окраина Берлина. Задача армии — в ночь с 20 на 21.4.45 г. ворваться в город Берлин с юга».

Этим же приказом 4-й гвардейской танковой армии была поставлена задача к исходу 20 апреля овладеть районом Белиц, Трёйенбрицен, Луккенвальде, а в ночь на 21 апреля — Потсдамом и юго-западной частью Берлина*.

18 апреля Шпрее была форсирована. Ломая сопротивление противника, советские войска 21 апреля вышли на северо-западные окраины Берлина.

Величайшее сражение Второй мировой войны, в котором принимало участие до 3,5 млн человек, вступило в свою завершающую стадию. Весь мир затаив дыхание следил за его ходом. Все понимали, что взятие Берлина означает конец войны.

В Берлинской операции самоотверженно сражались воины всех родов войск. Достойный вклад в разгром группиров-

---

* См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история. С. 498.

ки, окруженной в Берлине, внесли войска 1, 2, 3 и 4-й гвардейских танковых армий, а также танковые соединения и части, действовавшие в составе общевойсковых армий.

В предместьях Берлина и в самом городе танковые соединения наступали не сплошным фронтом, а по основным направлениям. Действия штурмовых отрядов и групп, как правило, обеспечивались массированными ударами артиллерии и авиации. Ликвидации очагов сопротивления во многом способствовали инженерные войска.

Конец апреля и начало мая 1945 года — дни решительного штурма Берлина. Положение противника стало безнадежным. К середине дня 2 мая все было кончено.

Боевой опыт Берлинской операции в области применения танков показывает, что они не только способствовали успешному наступлению стрелковых дивизий, действуя как танки непосредственной поддержки пехоты. Ввод в сражение отдельных танковых и механизированных корпусов и главным образом танковых армий помог общевойсковым армиям допрорвать тактическую зону обороны противника. Затем танковые войска обоих фронтов ударами по сходящимся направлениям завершили окружение берлинской группировки врага.

Следует заметить, что в этой завершающей операции танковым войскам в силу специфических условий, создавшихся под Берлином, даже в оперативной глубине приходилось многократно наступать во взаимодействии с общевойсковыми армиями. Берлинская операция еще раз показала гибкость советского военного искусства и зрелость наших военачальников.

После падения Берлина гитлеровцы прекратили сопротивление почти на всем театре военных действий в Европе. Только в Чехословакии крупная группировка немецко-фашистских войск отказалась капитулировать, намереваясь пробиться на запад и сдаться в плен американцам.

Пражская наступательная операция, имевшая целью добить врага на территории Чехословакии, носила стремительный характер, и в этом немалая заслуга танковых войск. Две танковые армии (3-я и 4-я), действуя в составе войск 1-го Украинского фронта, устремились через Судеты на Прагу. Осуществив беспримерный по своей стремительности марш-маневр, танковые армии в тесном взаимодействии с остальными силами 1-го Украинского фронта освободили Прагу.

Жители столицы Чехословакии радостно приветствовали своих освободителей.

9 мая стало Днем Победы, великим праздником советского народа, всего прогрессивного человечества.

Безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии резко ухудшила военно-политическое положение Японии: она оказалась полностью изолированной. Вступление СССР в войну против империалистической Японии было предрешено соглашением, заключенным на Крымской конференции глав правительств трех держав, по которому советское правительство взяло на себя обязательство через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе начать военные действия на Дальнем Востоке.

В разгроме японского агрессора огромную роль сыграли советские танковые войска, особенно 6-я гвардейская танковая армия. Уже к исходу первого дня операции ее части углубились в оборону японцев на 120—150 км. На следующий день танкисты генерала А.Г. Кравченко преодолели Большой Хинган и вышли на Центральную Маньчжурскую равнину и овладели городом Лубей. Участники боевых действий помнят, с какой радостью встречали жители сел и городов Маньчжурии танкистов 6-й гвардейской танковой армии, которые освободили их не только от японских захватчиков, но и от гнета помещиков и капиталистов.

В течение почти месяца военных действий Красная армия освободила Северо-Восточный Китай, Северную Корею, Южный Сахалин и Курильские острова. Это была поистине молниеносная кампания. Империалистическая Япония вынуждена была капитулировать.

Пройдут века, сменятся поколения, но благодарное человечество никогда не забудет великого подвига Советских Вооруженных Сил и их могучих танковых войск.

За мужество и героизм, проявленные в годы Великой Отечественной войны, 250 тыс. танкистов награждены Советским правительством орденами и медалями, 1142 из них удостоены высокого звания Героя Советского Союза, а 16 танкистам это звание было присвоено дважды. В памяти народа вечно будут жить имена воинов, отдавших свою жизнь в борьбе за свободу и независимость нашей Родины, вписавших замечательные страницы в историю наших побед.

В честь подвигов танкистов, многие из которых пали в жестоких боях, в нашей стране и за ее пределами воздвигнуты монументы и памятники. Наши славные тридцатьчетверки, тяжелые танки КВ и ИС и другие боевые машины будут всегда напоминать о мужестве танкистов. Почетные наименования танковых частей и соединений — Донские, Сталинградские, Кантемировские, Котельниковские, Минские, Варшавские, Пражские, Берлинские и многие другие отражают боевой путь, пройденный нашими танковыми войсками за 50 лет.

Славные победы Советских Вооруженных Сил еще раз подтвердили превосходство социалистической экономики над экономикой фашистской Германии. Замечательной техникой оснащала наша промышленность танковые соединения и части. И в этом большая заслуга танкостроителей — рабочих ленинградского Кировского завода, награжденного шестью орденами СССР, рабочих Свердловска, Челябинска и других городов.

Трудящиеся нашей страны в годы войны из своих личных сбережений внесли на строительство танков 6 млрд рублей. Всем памятно патриотическое начинание тружеников Урала, которые на свои средства и за счет сверхурочной работы сформировали и обеспечили всем необходимым Уральский добровольческий танковый корпус.

В течение двух недель жители только Тамбовской области внесли 40 млн рублей на строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник».

«Мы отдаем свои средства на строительство танков для того, чтобы очистить советскую землю от фашистской погани и освободить наших братьев и сестер от гитлеровской тирании», — писали в своем обращении колхозники Тамбовской области. Не только предприятия и колхозы, но и отдельные рабочие, колхозники, представители интеллигенции приобретали на свои сбережения танки и передавали их Красной армии. Так поступили супруги И.Ф. и А.Л. Бойко, работавшие до войны на Крайнем Севере. Так поступила жительница Омска Мария Октябрьская.

Благодаря героическим усилиям рабочего класса и колхозного крестьянства Красная армия бесперебойно снабжалась новейшей боевой техникой и оружием, боеприпасами, горючим, обмундированием, снаряжением и продовольствием. Достаточно отметить, что в годы Великой Отечественной войны наша промышленность дала 104 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок. А в 1943—1945 годах у нас выпускалось танков и самоходно-артиллерийских установок почти в два раза больше, чем производилось в это же время в фашистской Германии.

Родина высоко оценила самоотверженный труд танкостроителей. Более 9 тыс. работников танковой промышленности получили высокие правительственные награды, многим из них было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

С первого дня вторжения гитлеровских войск в пределы Советского Союза Коммунистическая партия подняла советский народ на священную войну, превратив страну в сплоченный боевой лагерь. Опираясь на политический и трудовой энтузиазм масс, непрерывно совершенствуя формы и методы руководства экономикой в соответствии с задачами каждого этапа войны, партия смогла создать слаженное, быстро растущее военное хозяйство — материальную основу нашей победы.

На фронте и в тылу верные сыны партии — коммунисты разъясняли трудящимся благородные цели войны, словом и делом воодушевляли их на подвиги во имя Родины. На фронте и в тылу коммунисты выполняли самые трудные и ответственные задания, служили образцом верности и преданности народу, делу коммунизма. Массовый героизм в суровые годы войны проявляли и комсомольцы. Пример коммунистов и комсомольцев, огромная воспитательная работа, проводившаяся в воинских частях партийными и комсомольскими организациями, сыграли большую роль в достижении победы над врагом.

Автор, как танкист, посвятивший всю свою жизнь военной службе, хотел бы своей книгой отдать должное мужеству, смелости, храбрости и стойкости танкистов, командиров и политработников танковых частей и соединений.

Некоторые вопросы танкотехнического обеспечения.

В годы Великой Отечественной войны глубина армейских и фронтовых наступательных операций зависела не только от сил и средств, задействованных армией или фронтом, но и от способности танков в короткий срок преодолевать большое пространство. Уже приводились примеры, когда хорошо налаженное танкотехническое обеспечение позволяло танковым войскам совершать без потерь по техническим причинам форсированные марши на глубину около 300 км. Более того,

если требовала обстановка, танковые соединения и части вступали в сражение с ходу. Ярким примером служит марш 3-й гвардейской танковой армии (своим ходом) из района Острогожска к Прохоровке в период Курской битвы. Армия своевременно, организованно и в полной боевой готовности прибыла в указанный район для нанесения удара по врагу с ходу.

На предложение перевезти танки в район Прохоровки по железной дороге командарм не согласился, зная подготовку механиков-водителей и возможности танкотехнической службы армии, а также подготовленность офицеров и штабов соединений и частей. На запрос И.В. Сталина командарм доложил, что 5-я гвардейская танковая армия способна совершить длительный и напряженный марш своим ходом, и подчеркнул, что в сложившихся условиях это наиболее выгодный способ переброски войск. Армия должна прибыть в район сосредоточения в такой группировке, чтобы в случае необходимости немедленно вступить в сражение. На второй вопрос И.В. Сталина — дойдут ли танки своим ходом без потерь — командующий 5-й гвардейской танковой армией ответил, что основания для беспокойства нет.

Конечно, вопрос был задан не случайно. В некоторых танковых корпусах даже при глубине марша около 50 км на маршрутах по техническим причинам останавливалось много боевых машин. Видимо, в этих корпусах была плохо поставлена танкотехническая служба, а может, не прислушивались к мнению ее начальников, не все было благополучно в эксплуатации танков и обучении механиков-водителей. При этом, конечно, не может быть уверенности, что части вовремя прибудут в назначенный район и в полной готовности вступят в бой.

По нашему мнению, при подготовке танковой техники к операции нужно прежде всего учитывать глубину марша

и возможные условия вступления в бой или сражение. Затем исходя из глубины операции следует определить протяженность пробега танков (она обычно значительно превышает глубину операции). Только после оценки этих показателей можно планировать использование бронетанковой техники в той или иной операции (учитывая, конечно, запас моторесурсов боевой техники и автомобилей), принимать решение по применению танков. В доказательство вышесказанного приведем некоторые примеры из опыта ряда фронтовых наступательных операций минувшей войны.

Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что соотношение между глубиной операции и фактическим средним пробегом танков, называемое обычно коэффициентом маневра, чаще всего находилось в пределах 1,8—2,6. Этот коэффициент убедительно показывает, во сколько раз средний пробег танков превышает глубину операции.

Показательны в этом отношении данные 4-й танковой армии в Висло-Одерской наступательной операции, определяющие зависимость коэффициента маневра от характера боевых действий. Если, например, в январе 1945 года при вводе армии в прорыв в этой операции при среднем темпе продвижения 20 км в сутки средний пробег танков составил только 35 км, то после встречного сражения с подвижной группой гитлеровцев и продвижения танковой армии на глубину 40 км боевая техника совершила пробег до 100 км. Таким образом, отношение среднего темпа продвижения к фактическому пробегу танков составляет 1: 2,5. В целом в этой интересной наступательной операции танки 4-й танковой армии при общей глубине продвижения 395 км совершили пробег около 700 км. Соотношение глубины продвижения и пробега составило 1: 1,8.

Поучительным в этой операции является и маневр 3-й гвардейской танковой армии из района Бунцлау с це-

лью содействия 6-й и 5-й гвардейским армиям в завершении окружения бреславской группировки противника. Совершив стремительный марш глубиной около 100 км, 3-я гвардейская танковая армия завершила окружение вражеских войск, а затем снова была перегруппирована в район Бунцлау для наступления во взаимодействии с 52-й армией на герлицком направлении.

Следовательно, как показывает опыт, в ходе наступления танковые соединения и объединения должны быть всегда готовы к перегруппировке на новое направление, совершению длительных и напряженных маршей на значительные расстояния.

Опыт Великой Отечественной войны позволяет сделать и еще один поучительный вывод: с увеличением глубины и темпа наступательной операции повышается среднесуточный расход моторесурсов танков. Например, в Висло-Одерской операции в 1-й и 2-й гвардейских танковых армиях и отдельных танковых корпусах среднесуточный расход моторесурсов танков составлял 7—8 моточасов, а для остальных танков фронта достигал 8—10, а иногда и 14—16 моточасов.

Однако со снижением темпа и глубины боевых действий резко сокращался и среднесуточный расход моторесурсов. Например, в Берлинской наступательной операции, когда темп продвижения войск 1-го Белорусского фронта не превышал 10 км в сутки, а его танковый парк в течение 23 суток отработал 60—70 моточасов, среднесуточный расход составлял всего лишь 2—3 моточаса.

При определении напряженности работы бронетанковой техники учитываются также и средние скорости движения танков, выражающие отношение величины общего пробега машин к суммарному среднему расходу мото-часов за операцию. Так, средние технические скорости танков 1-го Белорусского фронта за январь — март 1945 года составляли для

тяжелых танков 4,3—4,5 км/час — танки ИС, отработав за этот период 325 моточасов, прошли 1400 км. Танки Т-34 за 290 моточасов прошли 1800 км со средней технической скоростью 6,2 км/час.

Сказанное позволяет утверждать, что началу операции должна предшествовать тщательная подготовка всей материальной части. Успех, конечно, зависит также и от подготовленности экипажей боевых машин, личного состава частей обеспечения, планирования танкотехнического обеспечения, оперативности руководства и организации контроля за своевременным выполнением намеченных мероприятий.

При подготовке бронетанковой техники накануне наступательной операции необходимо особенно четко организовать ее техническое обслуживание, устранение неисправностей, доукомплектование машин положенным инструментом.

Как показывает опыт, танкотехническая служба, особенно в последний период войны, успешно решала поставленные перед ней задачи. Примером может служить организация танкотехнической службы в 1-м Белорусском фронте. Техника танковых частей и соединений фронта в последний период войны работала безотказно благодаря прежде всего хорошо поставленной танкотехнической службе и, конечно, отличной подготовке механиков-водителей.

О состоянии танкотехнической службы во фронте говорят следующие данные. В январе — феврале 1945 года было восстановлено и возвращено в строй 8243 танка и самоходно-артиллерийские установки. Причем многие машины выходили из строя в ходе боев 2—3 раза. Этот момент не следует забывать.

В результате длительных маршей и боевых действий в танковом парке фронта скапливается значительное количество боевых машин с ограниченным запасом моторесурсов,

требующих замены многих агрегатов, узлов, деталей, а нередко и двигателей.

Готовя операцию в сжатые сроки и при ограниченном количестве запасных частей и механизмов, основное внимание следует уделять введению в строй тех машин, техническое состояние которых позволяет быстро восстановить запас моторесурсов при незначительном расходе запасных частей и агрегатов.

Особое внимание хотелось бы обратить на роль механиков-водителей танков. Современный танк имеет мощную броню и мощное вооружение, но сила его не только в этом. Он способен преодолевать большие расстояния в условиях бездорожья, сочетать маневр с огнем и ударом. Вот тут-то в полной мере и проявляется особая роль механика-водителя. Не будет преувеличением сказать, что если мозгом танкового экипажа является его командир, то сердцем — механик-водитель. Боевой опыт показывает, что от подготовленности механиков-водителей во многом зависел выход в заданный район в назначенный срок и без потерь материальной части.

Успех в бою также сопутствует тому, кто умело сочетает маневр, огонь и удар. Можно отдавать любые распоряжения и приказы, требовать от танкистов проведения длительных маршей и высоких темпов наступления. Но если у механиков-водителей не будет достаточной подготовки, все эти требования окажутся невыполнимыми.

Установлено, например, что механик-водитель 3-го класса при равных условиях, как правило, ведет машину значительно медленнее, чем мастер вождения. Вот почему, несмотря на непрерывное совершенствование конструкции танков, мастерство вождения продолжает оставаться важнейшим фактором, обеспечивающим высокие скорости движения и необходимые темпы наступления танковых войск.

Большое влияние на состояние танкотехнической службы оказывает хорошо поставленная партийно-политическая работа. Политработники, партийные и комсомольские организации должны учитывать особенности условий, в которых приходится действовать солдатам, сержантам и офицерам подразделений и частей танкотехнической службы.

Постоянное общение с подчиненными, знание их политических и моральных качеств, запросов и нужд, разъяснение поставленных задач позволяет успешно мобилизовать личный состав ремонтных и эвакуационных частей, ремонтных заводов и складов на быстрейшее восстановление поврежденной и неисправной техники, поддержание высокой боеспособности танковых войск.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. ПО ЗОВУ ПАРТИИ 3
Глава вторая. СУРОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ 61
Глава третья. НА ПЕРЕЛОМЕ 140
Глава четвертая. ТАНКИ ПРОТИВ ТАНКОВ 206
Глава пятая. ЧЕРЕЗ ДНЕПР — НА КИРОВОГРАД 295
ПРИМЕЧАНИЯ 331
ПРИЛОЖЕНИЕ 334

Научно-популярное издание

Военные мемуары

Ротмистров Павел Алексеевич

СТАЛЬНАЯ ГВАРДИЯ

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*
Корректор *Б.С. Тумян*
Верстка *И.В. Левченко*
Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 13.02.2015. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «PetersburgC». Печать офсетная. Бумага газетная.
Печ. л. 12. Тираж 1500 экз. Заказ № 10179.

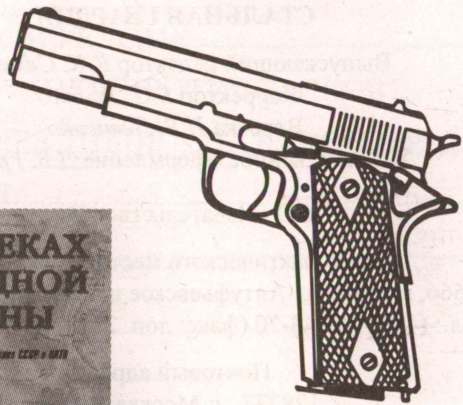
ООО «Имидж Принт»
300041, г. Тула, ул. Ф. Энгельса, д. 70, оф. 129.

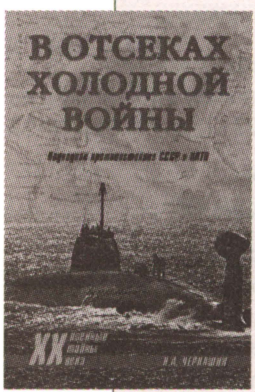
Отпечатано в ООО "Тульская типография"
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

УЖАСНЫЙ ВЕК, ОТВАЖНЫЕ СЕРДЦА

СЕРИЯ КНИГ

XX военные тайны века





- Военные конфликты XX века
- Неизвестные стороны войн
- Исследования на основе архивных документов
- Уникальные фотографии

В годы Великой Отечественной войны Павел Алексеевич Ротмистров проявил себя как талантливейший командир танковых соединений. За годы войны он прошел путь от полковника до маршала бронетанковых войск.

В воспоминаниях он рассказывает о боевом пути своих частей: 8-й танковой бригады и 5-й гвардейской танковой армии, много внимания уделяет ключевым операциям войны — Сталинградской битве, Курской дуге, Корсунь-Шевченковской операции.

ISBN 978-5-4444-3047-7

9 785444 430477

Вече